

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Летучий Александр Борисович

**Типология лабильных глаголов:
семантические и морфосинтаксические
аспекты**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
д.ф.н., проф. Плунгян В.А.

Москва 2006

Содержание

Введение.....	5
Благодарности.....	7
Глава 1. Лабильность и близкие явления.....	9
1.1. Состояние исследований по лабильности	9
1.1.1. Лабильность: деривация или полисемия	17
1.1.2. Лабильность как мена переходности	18
1.1.3. Узкое понимание лабильности	20
1.2. Определение канонической лабильности	22
1.3. Каноническая лабильность и А-лабильность	29
1.3.1. Соотношение лабильности и опущения в языковой системе	40
1.4. Лабильность и показатели актантной деривации	43
1.4.1. Продуктивность.....	43
1.4.2. Наличие более чем двух употреблений	44
1.4.3. Сочетаемость с показателями деривации	46
1.4.4. Нестандартное распределение лабильных и нелабильных глаголов	47
1.4.5. Нестандартные типы каузативов	48
1.4.6. Нестандартные синтаксические соотношения между употреблениями.....	49
1.4.7. Сочетаемость с производными глаголами (зависимость от формальных свойств).....	50
1.4.8. Выводы	51
1.5. Лабильность и непродуктивные способы маркировки деривации	52
1.6. Типы неканонической лабильности	56
1.6.1. Мена модели управления	56
1.6.2. Лабильность, затрагивающая не всю парадигму	59
1.6.2.1. Частичная лабильность.....	61
1.6.2.2. Лабильность объединяющего типа.....	67
1.6.2.3. Разделение моделей управления по подпарадигмам глагола	70
1.6.2.4. Распределённая лабильность	75
1.6.3. Актантная деривация без изменения переходности	81
1.6.3.1. Деривация при переходных глаголах.....	82
1.6.3.1.1. Деривации, затрагивающие периферийного участника	82
1.6.3.1.2. Деривации, затрагивающие прямой объект.....	84
1.6.3.2. Деривация без изменения переходности у непереходных глаголов	89
1.7. Заключение	94
Глава 2. Диатетические и семантические типы лабильных глаголов	97
2.1. Диатетические типы лабильных глаголов	97
2.1.1. Декаузативная лабильность	97
2.1.1.1. Свойства каузатива и декаузатива.....	98
2.1.1.2. Распределение каузатива и декаузатива	105
2.1.1.3. Предсказательная сила шкалы самопроизвольности.....	110
2.1.1.4. Языки, отвечающие шкале самопроизвольности.....	112
2.1.1.5. Языки, не отвечающие шкале	115
2.1.1.5.1. Прототипичность пациенса	115
2.1.1.5.2. Тип агенса: агенс-инициатор vs. агенс-исполнитель.....	120
2.1.1.6. Лабильность и одушевлённость пациенса.....	124
2.1.1.7. Способ каузации.....	128
2.1.1.8. Лабильность и аспектуальный класс глагола.....	132
2.1.1.8. Выводы.....	139
2.1.2. Рефлексивная лабильность.....	141
2.1.2.1. Распределение рефлексивно-лабильных глаголов.....	143

2.1.2.2. Рефлексивная лабильность как основной тип лабильности	145
2.1.2.3. Промежуточные типы (рефлексивная vs. декаузативная лабильность)	147
2.1.2.4. Заключение	148
2.1.3. Конверсивная лабильность.....	149
2.1.4. Потенциально-пассивная лабильность	158
2.1.5. Взаимная лабильность	167
2.1.6. Варьирование личной и безличной диатез	170
2.1.7. Заключение. Распределение диатетических типов лабильности	172
2.2. Семантические типы лабильных глаголов	178
2.2.1. Лабильность глаголов движения	179
2.2.2. Лабильность фазовых глаголов	191
2.2.2.1. Диатетический тип лабильности у фазовых глаголов	203
2.2.2.2. Асимметрия инхоативных и цессативных глаголов	206
2.2.2.3. Объяснение лабильности фазовых глаголов	210
2.2.3. Выводы	212
 <i>Глава 3. Лабильность в системе языка</i>	215
3.1. Лабильность и показатели деривации	215
3.1.1. Маркировка деривации запрещена	216
3.1.2. Формы с показателем и без показателя имеют разные значения	219
3.2. Типология систем лабильных глаголов	227
3.2.1. Параметры систем лабильных глаголов	228
3.2.1.1. Количество лабильных глаголов	228
3.2.1.2. Диатетические типы лабильных глаголов	230
3.2.1.2. Гомогенные и гетерогенные системы	234
3.2.1.3. Продуктивность лабильности	237
3.2.1.4. Сочетаемость лабильных лексем с показателями	237
3.2.1.5. Лабильность производных глаголов	237
3.2.2. Лабильность и грамматика языка	238
3.2.2.1. Система показателей деривации	239
3.2.2.2. Природа морфологических показателей	241
3.2.2.3. Степень распространённости продропа	244
3.2.2.4. Маркирование переходности	247
3.2.2.5. Строй языка	249
3.2.2.6. Развитость словообразования	251
3.2.3. Ареальное распространение лабильности	252
3.2.4. Производность глагола	255
Заключение	263
 <i>Глава 4. Лабильность в диахронической перспективе</i>	265
4.1. Изменение свойств класса лабильных глаголов в языковой системе	265
4.2. Пути возникновения у лексемы лабильности	270
4.3. Направление лабильности	276
4.4. Заключение	286
 <i>Глава 5. Лабильные глаголы в арабском языке</i>	288
5.1. Арабская грамматическая система	288
5.2. Лабильность глаголов первой породы	292
5.3. Лабильность глаголов симметричного действия в третьей породе	297
5.3.1. Переходные каузативное и некаузативное употребления	298
5.3.2. Непереходные каузативное и некаузативное употребления	300
5.3.3. Переходное некаузативное и непереходное каузативное употребления	303

5.3.4. Семантические и аспектуальные свойства глаголов третьей породы	305
5.4. Лабильность глаголов пятой породы	309
5.5. Лабильность глаголов четвёртой породы	313
5.6. Взаимная лабильность	316
5.7. Лабильность глаголов шестой породы.....	317
5.8. Заключение	319
 Заключение	 324
Приложения	331
Приложение 1. Используемые языки	331
Приложение 2. Классификация лабильных глаголов	332
Сокращения.....	333
 Источники арабских примеров	 336
Библиография	333

Введение

Противопоставление глаголов по переходности – один из самых обсуждаемых в современной лингвистике вопросов. Игнорировать его невозможно: в огромном числе языков мира переходные и непереходные глаголы различаются по своим свойствам, причём не только синтаксическим, но и семантическим и часто морфологическим.

Изначально, в традиционных описаниях отдельных языков, под переходностью рассматривался бинарный признак, который очень упрощённо можно определить как способность глагола управлять привилегированным дополнением. Например, дополнение таких глаголов часто способно продвигаться в позицию субъекта пассивной конструкции. В языках типа абхазо-адыгских эти глаголы имеют особую схему согласования с актантами, отличающую их от всех остальных глагольных лексем.

Однако очень во многих

Задачи исследования

Цель настоящей работы – описание лабильности, основных факторов её возникновения и групп глаголов, которые она затрагивает. Под лабильностью понимается способность глагола выступать и в переходной, и в непереходной конструкции без изменения внешней формы. Ставятся следующие исследовательские задачи:

1. выделить основные классы лабильных глаголов по соотношению между двумя употреблениями;
2. выявить основные семантические группы глаголов, для которых характерна лабильность;
3. рассмотреть связь класса лабильных глаголов со свойствами грамматики языка (предлагается несколько параметров для описания классов лабильных глаголов);
4. определить соотношение лабильности с близкими феноменами: варьированием актантной структуры без изменения переходности; показателями переходности, а также залога и актантной деривации; опущением актантов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые лабильность систематически исследуется как особое явление, независимо от показателей актантной деривации. Строится типология лабильности – как на уровне отдельных глаголов, так и на уровне их групп в конкретных языках. При этом учитываются не только прототипические представители класса переходных глаголов, но и глаголы с меньшей семантической переходностью. В исследовании разрабатываются параметры

типологической классификации глаголов и выявляются основные факторы появления лабильности. Ранее лабильность и причины её появления не подвергались системному изучению. Кроме того, изучается связь лабильности с особенностями грамматики языка, которая ранее исследовалась только фрагментарно и преимущественно на уровне отдельных языков. Наконец, в рассмотрение вводится материал языков с неразвитой лабильностью (арабского, русского, болгарского).

Актуальность работы состоит, прежде всего, в том, что она заполняет некоторый пробел в типологии переходности, залогов и актантных дериваций – как было показано выше, типология лабильности не разработана, в отличие от типологии переходности в целом, каузатива и декаузатива. Ясно, что без исследования лабильности и типология переходности является неполной: способы маркирования переходности, залога и актантной деривации взаимодействуют между собой и дополняют друг друга – а следовательно, изучение лабильности даст материал для понимания переходности в целом, того, как она проявляется в системе того или иного языка.

С другой стороны, тема актуальна также исследований, посвящённых семантике ситуаций, семантическим свойствам актантов и связи этих характеристик с синтаксическими свойствами. Лабильность не в меньшей мере, чем переходность как таковая (см. [Hopper, Thompson 1980], [Tsunoda 1985], а также работы сборника [Comrie, Polinsky 1993] и др.) связана с семантическими характеристиками участников. В частности, сравнение систем лабильных глаголов в различных языках, возможно, даст новый материал для понимания того, какие свойства участников ситуации релевантны для данной грамматической системы (см. работу [Malchukov 2005], где показано, что для синтаксической переходности в одних языках наиболее релевантны свойства агенса, а в других – свойства пациенса).

Теоретическая значимость. Исследование лабильных глаголов на широкой выборке языков показывает, что традиционное представление о лабильности, основанное на материале кавказских языков, неполно. В более широкой перспективе выводы работы показывают, что представление о самопроизвольности действия как единственном факторе выбора способа формального соотношения переходного глаголов не позволяет объяснить наблюдаемые явления. Кроме того, мы показываем, что варьирование переходности, с одной стороны, и немаркированная актантная деривация, с другой – не обязательно связанные между собой явления.

Материал исследования

Материал исследования включает около 70 языков различного строя и генетической

принадлежности. Наиболее полно исследовался материал индоевропейских, семитских, тюркских языков, также привлекались другие языки Евразии, Африки, Америки и Океании (их перечень приведён в приложении 1).

Одним из основных (но не единственным) источников исследования служили словари и грамматики. Также важными источниками стали данные, полученные в ходе полевой работы с носителями языков (экспедиции РГГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИЛИ РАН и др.), в том числе словарные экспедиционные материалы¹.

Наконец, в качестве источников привлекались электронные корпуса текстов, доступные в сети Интернет (Национальный корпус русского языка, а также корпуса материалов арабских газет).

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений. Первая глава посвящена соотношению лабильности с близкими явлениями, вторая – типам лабильных глаголов, третья – функционированию лабильности в системе языка, четвертая – диахроническому развитию лабильности, а в пятой подробно описываются арабские лабильные глаголы. В заключении обобщаются результаты работы – в частности, кратко перечисляются факторы возникновения лабильности, её роль в языковой системе и типы лабильных глаголов. В качестве приложений к диссертации приводятся списки семантических и синтаксических типов лабильных глаголов и список языков, данные которых использовались.

Благодарности

Прежде всего, мне бы хотелось поблагодарить моего научного руководителя Владимира Александровича Плунгяна и Нину Романовну Сумбатову – руководителя моей дипломной работы – без ценных советов и помощи которых данная работа не могла быть написана. Также я хочу выразить благодарность всем, кто читал или слушал те или иные части данной работы и комментировал её положения: Эдварду Вайде, Бернару Комри, Якову Георгиевичу Тестельцу, Светлане Юрьевне Толдовой, Мартину Хаспельмату, Петру Аркадьеву, Анне Беляевой, Петру Зубкову, Наталье Коротковой, участников конференции «Syntax of the world's languages» (Ланкастер, 2006), а также Второй и Третьей конференций по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2005-2006гг.).

¹ В частности, использовались материалы полевой работы автора диссертации с носителями хакасского и адыгейского языков (экспедиции РГГУ 2002-2006гг.). Также источником послужили данные, собранные в ходе полевой работы экспедиций ИЛИ РАН с носителями языков манде (за предоставление этих материалов мы благодарны В.Ф. Выдрину) и в ходе полевой работы экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ с носителями мордовского языка (за их предоставление мы благодарим В.А. Иванова).

Я благодарю всех моих информантов – Яна Вольгемута (немецкий язык), Ивана Держанского (болгарский язык), Александру Костакову (новогреческий язык), Амайю Эгилегор (баскский язык), а также всех информантов, работавших со мной в хакасских и адыгейских экспедициях РГГУ, в особенности Зарему Меретукову и Риту Тлевцежеву (адыгейский язык), а также Эмилию Митрофановну и Марину Митрофановну Майнагашевых (хакасский язык).

Наконец, я очень благодарен Владимиру Иванову за комментарии относительно мордовского языка, Елене Никишиной за французские примеры и комментарии к ним, Денису Паперно за материалы языка бен, Амайе Эгилегор за объяснения по баскскому материалу.

Глава 1. Лабильность и близкие явления

1.1. Состояние исследований по лабильности

Противопоставление по переходности и преобразования, связанные с переходностью, находятся в центре лингвистических исследований уже долгие годы. В частности, предметом изучения в грамматиках отдельных языков становится и лабильность (одними из первых грамматик, где она рассматривается, являются [Яковлев, Ашхамаф 1941] и [Яковлев, Ашхамаф 1948], хотя соответствующий термин в них не используется). Также переходность привлекает внимание типологов (см. [Shibatani 1976], [Shibatani 2002], [Kittilä 2002], [Галямина 2006], [Wright 2001], [Wright 2002]). Наконец, очень богато она представлена в современной формальной традиции – в формальной семантике ([Partee 1976]) и хомскианской лингвистике ([Hale, Keyser 2002], [Grimshaw 1990]).

Под переходностью долгое время понималось чисто синтаксическое свойство – способность или неспособность глагола управлять прямым дополнением. Тем не менее, довольно рано было замечено, что синтаксическая переходность коррелирует с семантическими свойствами глагола – в частности, в работе [Hopper, Thompson 1980] было предложено девять семантических параметров ситуации и её участников, коррелирующих с семантической переходностью. Позднее в работах [Tsunoda 1985] и [Malchukov 2005] эти параметры уточнялись: так, автор последней работы классифицирует языки в зависимости от того, свойства какого актанта – агенса или пациенса – более релевантны для противопоставления переходных и непереходных глаголов. В работе [Lazard 2001] было предложено различать семантическую и синтаксическую переходность: корреляции между ними, отмеченные в [Hopper, Thompson 1980], не являются универсальными – факторы переходности могут вступать в конфликт между собой, кроме того, на синтаксическую переходность могут влиять свойства грамматики конкретного языка.

Тем не менее, лабильность (способность глагола быть и переходным, и непереходным без изменения внешней формы) – тема, без которой невозможно полное изучение проблематики переходности – не столь полно представлена в лингвистических работах. Именно этому явлению и посвящена данная работа.

В исследованиях по отдельным языкам лабильным глаголом уделяется место, только если они особенно характерны для данного языка (см., например, [Яковлев, Ашхамаф 1941], [Бокарев 1949]) – прежде всего, в описаниях эргативных языков. Монографических описаний лабильных глаголов в языках мира почти нет. Можно

отметить только работу М. Полинской «Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков» [Полинская 1986], где подробно анализируются группы лабильных и диффузных глаголов в эргативных языках различной генетической принадлежности – впрочем, эта работа в основном посвящена антипассиву.

В типологических исследованиях лабильность или варьирование переходности рассматривается только в едином блоке с другими способами изменения переходности: см., например, [Haspelmath 1993]. Однако при таком подходе остаётся неясным, почему одни глаголы становятся лабильными, а другие нет. Этот недостаток усиливается потому, что сегментным показателям переходности или её изменения обычно уделяется значительно больше внимания, чем лабильности, когда переходность никак не маркируется. В то же время, в исследованиях [Недялков 1969], [Haspelmath 1993], [Лютикова 2002а], [Kulikov 1998] получены важные результаты, касающиеся сочетаемости и распределения между собой показателей декаузатива и каузатива: оказывается, что для обоих показателей существуют ограничения, связанные с самопроизвольностью ситуации (см. ниже часть 2.1.1.1). Естественно, это существенно и для лабильности: так, одной из проблем, рассматриваемых в нашей работе, является распределение лабильности и показателей деривации – в частности, нас будет интересовать вопрос, различаются ли классы лабильных глаголов в языках с продуктивными показателями каузатива (например, кавказских), декаузатива (индоевропейских) и имеющих оба показателя (тюркских).

Из отдельных типов соотношения между переходным и непереходным глаголом, помимо показателей декаузатива и каузатива, объектом пристального изучения становился супплетивизм – правда, как правило, на уровне системы языка в целом, а не только соотношения глаголов. В частности, было замечено, что супплетивные соотношения характерны для высокочастотных лексем (ср. *человек* – *люди*, *умирать* – *убивать*), а редко используемые лексемы, как правило, изменяются по регулярным типам.

Лабильность находится на пересечении трёх групп явлений: переходности, актантных преобразований (залога и актантной деривации) и лексических явлений. С одной стороны, лабильные глаголы (например, англ. *break* ‘ломать(ся)’) кодируют пары ситуаций, различающиеся актантной структурой. Прототипически переход от одной ситуации к другой маркируется с помощью грамматического показателя актантной деривации (например, каузативного, рефлексивного, реципрокального и т.д.). Именно поэтому возможно сопоставление лабильных глаголов и пар глаголов, в которых один из членов имеет такой показатель. Другие немаркированные переходы не имеют таких близких коррелятов среди сегментных показателей. Тем самым, можно говорить, что

лабильность – своего рода немаркированная актантная деривация.

С другой стороны, лабильность связана с переходностью глагола вне связи с его актантной структурой. В частности, интересной проблемой является соотношение лабильности с прототипически переходными глаголами (например, глаголами деструкции). Если связь между данными явлениями есть, это означает, что лабильность в некоторых языках может служить своего рода тестом на прототипическую переходность. С этой точки зрения особенно ценны выводы работы [Testelec 1998], где ситуации упорядочены в соответствии с тем, насколько часто они кодируются переходными глаголами.

Наконец, в сфере лексики лабильность близка к семантической деривации в определении Ю.Д. Апресяна [Апресян 1969] и Е.В. Падучевой [Падучева 2004а]: регулярному немаркированному образованию одних значений из других (к таковым, например, причисляются переходы «помещение» - «люди, заполняющие помещение» (*школа построена из камня – вся школа вскочила на ноги*)). В особенности лабильность сближается с семантической деривацией в языках, где она характерна только для узкой семантической группы глаголов (ниже, в части 2.2.1, мы рассмотрим такую группу лабильных глаголов в русском языке). Лабильность, можно сказать, является минимальной семантической деривацией: семантические сдвиги имеются, но они незначительны.

Впервые лабильные глаголы были упомянуты, видимо, в работах [Чикобава 1942] и [Яковлев, Ашхамаф 1941] (в последней работе термин «лабильные глаголы» не употребляется, но вариативная переходность описывается). В данных исследованиях лабильность понимается как способность глагола выступать и как переходный, и как непереходный. Заметим, что проблемы разграничения непереходного употребления и переходного употребления с опущенным объектом в данных работах не ставилась: в эргативных языках переходные и непереходные глаголы различаются хотя бы падежом субъекта (подробнее см. [Dixon 1979]). Такое же понимание принято в большинстве современных грамматик эргативных языков (см. [Рогава, Керашева 1966], [Бокарев 1949], [Имнайшвили 1963], [Махмудова 2002], [Kibrik (ed.) 1996]) и др. **НОВЫЕ ГРАММАТИКИ**

С другой стороны, на материале английского, а позднее и других аккумулятивных языков выяснилось, что лабильность стоит в одном ряду с другими типами немаркированных изменений актантной структуры. В этой связи естественно появление более широкого понимания лабильности, сформулированного в работе [Полинская 1986]: «...На уровне морфологии, то есть на уровне собственно глагольного словоизменения,

предлагается говорить о лабильности —способности глагола выступать в нескольких конструкциях предложения без специальной маркировки мены диатезы в данном глаголе» [Полинская 1986: 44]. Лабильность предлагается отличать от диффузности: «Диффузность ... — способность одного лексического глагола образовывать несколько конструкций предложения, то есть иметь вариативную модель управления». Иными словами, лабильность предполагает наличие нескольких моделей управления у глагола в одной и той же форме, а под диффузностью понимается возможность изменить модель управления глагола с помощью каких бы то ни было средств (в частности, показателей деривации). Более осторожно о своего рода лабильности без изменения переходности говорится в [Махмудова 2001: 101]: о глаголах непроизвольного действия и состояния говорится, что они «обладают своеобразной “лабильностью”»: они могут образовывать две синтаксические конструкции в зависимости от семантики» (речь идёт об одновалентной конструкции со значением ‘ружьё выстрелило’ и двухвалентной конструкции, означающей ‘мальчик случайно выстрелил из ружья’).

В нашей работе мы покажем, что часто широкое определение лабильности более адекватно, чем узкое. Мы включаем варьирование переходности в число важнейших характеристик лабильного глагола, но считаем необходимым рассмотреть и похожие на лабильность соотношения, не предполагающие мены переходности.

С другой стороны, появляются и попытки сформулировать определение лабильности более узко, чем в традиционных грамматических описаниях. М. Хаспельмат в работе [Haspelmath 1993] и Е. А. Лютикова в докладе [Лютикова 2002a] анализируют только лабильность в парах, где одно из употреблений семантически является каузативом от другого. В частности, Е.А. Лютикова разделяет семантическую и синтаксическую лабильность: синтаксической лабильностью называется явление, когда «один и тот же глагол используется как (формально) одноместный непереходный и как двухместный переходный». При этом автор разрабатывает типологию синтаксической лабильности — близкая классификация используется и в настоящей работе. Семантической лабильностью называется «немаркированная в глаголе актантная деривация», но таковой считается фактически только лабильность в парах типа «декаузатив/каузатив» (*boil* ‘кипеть/кипятить’, *mix* ‘смешивать/смешиваться’), но не в парах «Р/рефлексив (Р)» (*wash* ‘мыть/мыться, умывать/умываться’, *shave* ‘брить/бриться’) — последние относятся к группе, названной «немаркированная диатеза». Третьей группой глаголов, имеющих несколько диатез, но не включающихся в число семантически лабильных являются глаголы, допускающие опущение объекта (*петь песню/петь*) (в своей работе я буду рассматривать рефлексив и реципрок, но не буду анализировать опущение объекта). Семантически

лабильные глаголы называются также «глаголами с внешним агенсом», поскольку ситуации, обозначенные ими, могут происходить как с участием агенса, так и самопроизвольно. Фактически определение семантической лабильности можно переформулировать: «Семантически лабильными считаются глаголы, выступающие и в непереходной конструкции со значением ‘с X-ом происходит Р’ (без участия агенса), и в переходной со значением ‘Y (агенса) совершает Р над X-ом’».

Можно заметить, что узкое понимание лабильности, прежде всего, принимается в типологических исследованиях. Это вполне естественно: чисто синтаксическое определение было бы неудобным, поскольку само определение синтаксической переходности для некоторых языков проблематично.

Из тех же проблем вытекает и ещё одна особенность данных работ — отправной точкой в них является не способ выражения отношений между диатезами, а сами семантические отношения: анализируются все способы выражения данного семантического отношения. Е.А. Лютикова и М. Хаспельмат рассматривают только пары «инхоатив (декаузатив)/каузатив»². Задача, поставленная в работе Дж. Николз и её соавторов ([Nichols et al. 2004]), несколько шире: предполагается изучить способы изменения переходности в языках различных типов и семей, однако полигоном для исследования всё равно служит именно каузативация. Ниже мы покажем, что такое ограничение понятия лабильности не вполне обоснованно, однако статистически естественно: наиболее распространённым типом лабильности является именно каузативный.

В действительности анализируемый в упомянутых выше работах класс глаголов даже уже, чем те, для которых характерна каузативная лабильность: в поле зрения исследователей попадают только прототипически переходные глаголы (см. о прототипе переходности в [Hopper, Thompson 1980], [Lazard 2001], [Testelec 1998] и др.), что вполне обоснованно в контексте изучения способов маркирования каузатива, но менее приемлемо при изучении лабильности.

Возможно, наиболее обосновано решение, принимаемое в [Dixon 1980] для ряда эргативных языков, а также в [Кибрик, Кодзасов, Муравьёва 2001] для алуторского языка. Лабильность понимается как любой тип варьирования переходности (это облегчается морфологическими различиями между переходными и непереходными глаголами), но подразделяется на типы. А-лабильностью называется лабильность, при которой в обоих употреблениях имеется агентивный актанта, а Р-лабильностью —

² В русской традиции нет устоявшегося термина для некаузативного члена пары, поэтому далее мы

варьирование, сохраняющее пациентивный актант.

Не слишком многочисленны работы, где лабильность исследуется как механизм, конкурирующий с показателями деривации. Так, в работах [Cornips, Hulk 1996] и [Schäfer 2003] лабильность исследуется как явление, конкурирующее с маркировкой декаузатива в индоевропейских языках — в данных работах выбору лабильности, маркировке декаузатива или сосуществованию этих двух возможностей даётся объяснение, связанное с аспектуальными классами глаголов — в предыдущих двух работах лабильность и каузативный показатель скорее рассматриваются как исключаящие друг друга. Мы покажем, что соотношение лабильности с показателями действительно далеко от дополнительной дистрибуции и не всегда поддаётся формализации.

Особый тип немаркированной актантной деривации обсуждается в работах Е.В. Падучевой ([Падучева 1998]) и Р.И. Розиной ([Розина 2005]): русские глаголы типа *греметь*, *звенеть*, *стучать*, как замечает автор, могут употребляться не только в прямом значении: *Тарелки гремят*, — но и в каузативном: *На кухне хозяйка гремит тарелками* ‘делает с тарелками нечто, в результате чего они гремят’. Е.В. Падучева рассматривает такого рода семантико-синтаксические сдвиги в более широком контексте мены диатезы русских глаголов и изменения коммуникативных рангов актантов: один из актантов становится более важным для говорящего, а другой отходит на второй план. Различаются три коммуникативных ранга (в порядке убывания): «Центр», когда актант является ключевым для говорящего (и часто реализуется как субъект/прямой объект), «Периферия», когда актант концептуализуется как присутствующий в ситуации, но не слишком важный (такие актанты часто реализуются как периферийные, косвенные объекты) и «Ноль», когда актант как бы исчезает из ситуации. Другими типами таких изменений считаются пары типа *Я наполняю ванну водой/Вода наполняет ванну*, где в первом случае агенс имеет коммуникативный ранг «Центр», а во втором — «Ноль». При этом Е.В. Падучева [Падучева 1998] замечает, что, в зависимости от важности для говорящего того или иного актанта, оба типа диатезы могут использоваться для описания одной и той же ситуации: например, *Вода наполняет ванну* может быть сказано и о ситуации, когда имеется агенс, каузирующий наполнение ванны.

Теоретические и типологические исследования, рассматривающие лабильность как немаркированную актантную деривацию, делали упор именно на немаркированный каузатив или декаузатив; немаркированные рефлексив, реципрок и другие деривации практически не исследовались, однако они подробно изучались в работах, посвящённых

английскому языку, где встречаются самые разные типы лабильности. В частности, авторы работ [Stroik 1999], [Goldberg 1995] и [Rapoport 1999] рассматривают семантику и синтаксис английской «медальной конструкции» типа *This car drives easily* ‘Эту машину легко водить’. Сравнение английской медальной конструкции с похожими конструкциями в других языках было предпринято только в работе [Guerssel и др. 1985] — как было показано авторами, похожий тип лабильности имеется в берберском языке.

В русле формальной традиции применительно к лабильности ставился, прежде всего, вопрос о том, чем вызвана её сочетаемость или несочетаемость с определёнными классами глаголов. В [Hale, Keyser 2002] авторы объясняют отсутствие варьирования у глаголов типа английского *bone* ‘очищать от костей’ и других отсубстантивных глаголов тем, что синтаксическая структура у них устроена иначе, чем у отадъективных глаголов. Корневой компонент отадъективных глаголов и другие близкие к ним лексемы (например, *break*) требуют наличия спецификатора — внутреннего аргумента (т.е. пациенса) и допускают в связи с этим добавление «внешнего глагола». Напротив, при глаголах типа *cough* добавление такого глагола невозможно в связи с отсутствием внутреннего аргумента. Транзитивация непереходного глагола считается «автоматической, с помощью отношения комплементации» ([Hale, Keyser 2002: 2]).

Данный подход ценен тем, что связывает лабильность со свойствами корня, глагольной основы (типологическую значимость таких свойств я проиллюстрирую в главе 3). Однако он не объясняет, почему большинство языков устроены иначе, чем английский: отнюдь не все глаголы, аналогичные ‘break’, в них лабильны (к примеру, в адыгейском языке лабильны глаголы *zeʔetχən* ‘порвать(ся)’, *zepəɟʔən* ‘сломать(ся)’, но не лабилен *ʔk_wən* ‘таять’, лабильный в английском). Кроме того, и глаголы, образованные от существительных, в принципе могут становиться лабильными (ср. русский глагол *тормозить* ‘останавливаться/останавливать’, образованный от существительного *тормоз*). Это заставляет предположить, что для разных языков наличие или отсутствие у глагола лабильности может и должно получать различную мотивацию.

Работа [Grimshaw 1990] рассматривает связь лабильности и других синтаксических свойств с аргументной структурой глагола: в ней, в частности, отмечается, что не могут быть лабильными глаголы, не имеющие внешнего аргумента (агенса). Эта тенденция соблюдается во всех языках, включённых в нашу выборку.

Лабильность изучалась также в рамках формальной семантики. Значительное место лабильным глаголам уделено в диссертации Б. Х. Парти «Subject and object in modern English» [Partee 1976]. В частности, специально анализируются английские

немаркированные каузативы, являющиеся семантически производными от непереходных глаголов (как в предложении *I was walking the dog* 'Я выгуливал собаку' [Partee 1976]), класс «The car drives easily» ('Эту машину легко водить'), инструментальная диатеза (*The hammer broke the window* 'Молоток разбил окно') и др. В данной работе лабильность рассматривается, прежде всего как деривация, заменяющая глубинного субъекта переходного глагола на другой актанта. Хотя понятие «глубинный субъект» относится к синтаксической модели, а не к семантике, по семантическим свойствам глубинный субъект близок к агенсу (ср., например: «...Почти все глубинные субъекты переходных глаголов одушевлены» [Partee 1976: 36]). К сожалению, в работе не рассматриваются подробно семантика преобразований и особенности подвергающихся им классов глаголов. Как и в работе Е.А. Лютиковой, в сферу внимания не попадают реципрокальная и рефлексивная лабильность: меняя семантику ситуации, они воздействуют на неё в меньшей степени, чем каузативы и декаузативы, поскольку не меняют количества актантов.

Ещё одна работа, в большой степени посвящённая английским лабильным глаголам, — книга Бет Левин «English verb classes and alternations» ([Levin 1993]). Автор анализирует преобразования диатезы, имеющие место в английском языке (большинство из них выражается без специальных показателей) с точки зрения синтаксических особенностей и семантики. Затем на основе возможности подвергаться тому или иному набору преобразований формируются классы глаголов. Конечно, такое разбиение на основе лабильности возможно далеко не во всех языках — особенность английского языка состоит именно в том, что в его грамматической системе почти нет маркированных дериваций. Как будет показано, во многих других языках проблемой является конкуренция лабильности с показателями актантных дериваций. Достоинство работы состоит в том, что автор объясняет возможность или невозможность применения дериваций в тех или иных случаях.

Существуют и другие исследования лабильных глаголов одного языка, например, французского [Lafjavaaga 2000], лезгинского [Шейхов 1987], аварского [Tchekhoff 1980], [Магомедова 2006] адыгейского и кабардинского [Кумахов 1990], [Гишев 1968], [Гишев 1989] и др. Как правило, в этих исследованиях семантика лабильных глаголов исследуется достаточно подробно — в работе [Кумахов 1990] привлекаются также диахронические данные. Впрочем, лабильности той или иной группы глаголов достаточно редко даются объяснения, которые было бы легче дать при наличии типологических данных.

1.1.1. Лабильность: деривация или полисемия

Поскольку при лабильности ни одно из употреблений глагола не является маркированным, важно понять, как рассматривать это явление – просто как полисемию или же как немаркированное преобразование. В литературе принимаются различные решения.

В частности, в формальной лингвистике, как правило, явно или имплицитно постулируется определённое направление деривации, в том числе и немаркированной. В [Hale, Keyser 2002], например, принят подход, при котором более сложная аргументная структура возникает при комбинировании простых – и, следовательно, исходными считаются непереходные употребления (объяснить исчезновение того или иного аргумента в формальных терминах сложнее). Так же лабильность рассматривается в работе [Partee 1976].

Из работ, не принадлежащих формальной традиции, деривационный подход к лабильности принят в [Мельчук 1998]. В этой работе, во многом структуралистской, для симметричности описания постулируется большое количество нулевых знаков – предельным случаем этого подхода можно считать постулирование нулевого чередования, обозначающего единственное число в английском языке (для таких слов, как *mouse* или *goose*) на том основании, что множественное число у таких слов образуется именно с помощью апофонии [Мельчук 1998: 345]. Естественно, для слов, у которых множественное число образуется с помощью аффикса *-s*, постулируется нулевой аффикс.

Для лабильных глаголов принято другое решение: постулируется конверсия из класса непереходных глаголов в класс переходных, «меняющая управления глагола, но не изменяющая его парадигму» [Мельчук 1998: 358]. Фактически конверсия и нулевой аффикс довольно близки между собой (автор принимает то или другое решение, не формулируя общего принципа). Если с точки зрения естественности решение о конверсии выглядит не так странно, как нулевое чередование, то возникает вопрос о том, как автор определяет направление деривации. Как будет показано ниже (глава 4), вопрос о «направлении лабильности» вообще является одним из самых трудных. Хотя встречаются случаи, когда направление определяется достаточно ясно, большинство глаголов требует дополнительного анализа.

Необходимо выяснить, как соотносятся свойства лабильности и близких к ней явлений: опущения актантов и маркированной актантной деривации. Как видно из определения, первое также никак не маркируется, но отличается от лабильности по семантике, второе близко к ней по значению, но маркируется специальными средствами.

Как было показано выше, в литературе, посвящённой лабильности, чаще всего

принималось одно из двух крайних решений. Одна из возможностей — рассматривать как «настоящую», каноническую лабильность только один из видов лабильности, как в работах [Haspelmath 1993], [Лютикова 2002a], [Daniel и др. в печати]

Другое решение — считать лабильностью вообще все случаи, когда глагол имеет и переходные, и непереходные употребления. Так, в [Рогава, Керашева 1966] используется один термин «лабильность», который применяется ко всем случаям, когда глагол имеет и переходное, и непереходное употребления.

Как мне кажется, и узкое, и широкое определения имеют определённые недостатки. Сначала проанализируем широкое понимание термина «лабильность».

1.1.2. Лабильность как мена переходности

Наиболее существенным недостатком этого понимания является расплывчатость самого термина «переходное употребление». Наиболее очевидным решением является просто понимать под переходным употреблением такое, при котором при глаголе выражен прямой объект. В таком случае непереходным является не только употребление типа (1), но и типа (2) и даже типа (3) — последнее употребление интуитивно скорее кажется переходным:

Английский:

- (1) *The door opened* ‘Дверь открылась’.
- (2) *Вася поел* ‘Вася поел чего-то, неважно или неизвестно, чего именно’.
- (3) *Осторожнее с ним, он и убить может* ‘Может убить того, кто будет с ним общаться’.

Если же строго рассматривать переходное употребление как такое, когда прямой объект выражен при глаголе (подобного подхода придерживаются авторы работы [Norreg, Thompson 1980]), то трудности возникнут и с анализом кореферентного опущения и других видов эллипсиса: так, непереходным будет считаться глагол *прочесть* во фразе *Он купил книгу и за два дня прочёл*.

Ясно, что, поскольку в языках мира встречается огромное количество видов эллипсиса (большое количество разновидностей имеет даже одно кореферентное опущение), понятие переходности, трактуемое таким образом, просто теряет свой смысл.

Можно уточнить понятие переходности следующим образом: непереходной считается конструкция, в которой при глаголе не выражен прямой объект, и ближайший контекст не даёт возможности восстановить его. При таком определении кореферентное опущение и эллипсис не попадут в число разновидностей мены переходности. Однако глагол *ударить* в предложении *Он иногда и ударить может* будет, тем не менее, считаться непереходным: очевидно, что такое предложение может быть произнесено в контексте типа (4):

(4) — *Что ты можешь сказать о Васе? — Вася — человек вспыльчивый, иногда и ударить может.*

Очевидно, что ближайший контекст не даёт информации об объекте действия *ударить*, также этим объектом не является говорящий. Тем не менее отнесение данной конструкции к непереходным противоречит интуиции. С другой стороны, отнесение глагола *поест* в конструкции *Я поел* к непереходным вряд ли встретило бы существенные возражения.

Соответственно, и понимание лабильности как «мены переходности» не является удовлетворительным, поскольку предполагает определённым понятие «непереходного употребления». Ниже я сравню свойства лабильности и других видов опущения, чтобы понять, какие группы можно выделить внутри группы опущений актантов.

Требуется сделать одну оговорку: в одном случае широкое, «синтаксическое» понимание лабильности, приведённое выше, является вполне удовлетворительным. Это происходит, когда классы переходных и непереходных глаголов в описываемом языке не только различаются по маркированию выраженных поверхностно актантов, но также проявляют различные свойства в других случаях. Наиболее очевидны два подтипа данной ситуации — первый из них формируют случаи, когда переходные и непереходные глаголы различаются морфологически, второй — случаи, когда эти группы глаголов по-разному формируют те или иные производные конструкции.

В первый подтип попадают многие кавказские эргативные языки: к примеру, в адыгейском языке все переходные глаголы согласуются по числу и лицу с субъектом, выраженным эргативом, и абсолютным объектом. При этом префикс согласования с объектом находится на первом месте в словоформе, а префикс согласования с эргативом может быть отделён от основы только префиксом каузатива:

(5) a-š' se s-jə-wəč'ə-в
OH-ERG я 1SG.S-3SG.A-БИТЬ-PAST
‘Он меня побил’.

Напротив, непереходные одновалентные глаголы не присоединяют префикса согласования с эргативным актантом, а непереходные глаголы с несколькими актантами согласуются с эргативным актантом, но это согласование происходит не так, как согласование с эргативным субъектом переходных глаголов. В данном случае отнесение глагола к переходным или непереходным не составляет труда. Аналогичным образом устроено согласование, например, в алюторском языке, где переходный глагол также согласуется и с эргативным, и с абсолютным актантом.

Второй случай имеет место, например, во многих тюркских языках (см. [Comrie 1976], [Kulikov 1998]). При каузативизации исходный субъект становится объектом, прямым,

если исходный глагол был непереходным, и непрямым, если конструкция образована от переходного глагола (данная модель каузативации отвечает иерархии, сформулированной в [Кинэн, Комри 1982]). Так, в хакасском языке при каузативации глагола *is-* ‘пить’, в случае, если в исходной конструкции был опущен пациент, исходный субъект становится непрямым объектом:

- (6) *iže-zī* *a-γa:* *iz-irt-ken*
 МАТЬ-3SG ОН-DAT ПИТЬ-CAUS-PAST
 ‘Мать напоила его’.

Напротив, при каузативации глагола *sarna-* ‘петь’, в случае, если у исходного глагола опускается прямой объект, исходный субъект становится прямым объектом:

- (7) *ol* *palE-nY* *klas-tE* *sarna-tr-Ce*
 ОН РЕБЁНОК-ACC КЛАСС-LOC ПЕТЬ-CAUS-PRS
 ‘Он заставляет ребёнка петь в классе’.

Следовательно, первый глагол является переходным, а второй (в данном употреблении) – непереходным. Таким образом, каузативация является тестом на переходность глагола. Впрочем, нужно отметить, что в самих тюркских языках лабильность практически не встречается — за некоторыми исключениями, к которым мы перейдём ниже.

В действительности очень во многих языках есть конструкции, которые различают переходные и непереходные конструкции. Тем не менее, тюркская каузативация особенно последовательно разбивает глаголы на два класса.

В случаях, когда производных конструкций такого рода нет вообще или они немногочисленны, широкое понимание термина «лабильность» неудовлетворительно. Прежде всего, это вызвано зависимостью опущения объекта от контекста — к этому важному свойству опущения мы перейдём ниже.

1.1.3. Узкое понимание лабильности

При узком понимании лабильности в число лабильных включаются только глаголы, у которых одно из употреблений является переходным и семантически представляет собой каузатив от другого, непереходного. В этом случае, к примеру, лабильным считается английский глагол *break* ‘ломать(ся)’, но не считается *wash* ‘мыть(ся)’ или *kiss* ‘целоваться’.

Как уже говорилось выше, данный подход принят в работах Е.А. Лютиковой [Лютикова 2002а, б] и М. Хаспельмата [Haspelmath 1993] и Дж. Николз [Nichols et al. 2004]. Е.А. Лютикова выделяет и широкий (см. выше), и узкий классы лабильных глаголов. Первый из них она называет «синтаксически лабильными», а второй — «семантически лабильными» и в дальнейшем рассматривает второй. М. Хаспельмат и Дж. Николз не отделяют глаголы типа *break* от глаголов типа *wash*, но в силу особенностей их

подхода в поле зрения попадают только первые.

В действительности такое узкое понимание лабильности сталкивается с проблемой выделения пар «каузатив/декаузатив» из числа остальных пар. Правда, в языках с продуктивными показателями каузатива такое выделение отчасти облегчается наличием показателей (так, значимым может являться то, что одни глаголы образуют непереходное употребление с помощью показателей декаузатива, а другие — с помощью рефлексивных показателей). Однако в случаях, когда оба значения выражаются одним лабильным глаголом, говорить с уверенностью о том, какие отношения существуют между двумя его употреблениями, часто проблематично.

Для примера приведём группу глаголов движения, непереходные употребления которых (например, *move* ‘двигаться’, *поворачивать*) занимают промежуточное положение между рефлексивами и антикаузативами (в работах Э. Генюшене такое значение именуется автокаузативным). Эти глаголы будут подробно рассмотрены ниже, но важно, что однозначное отнесение их к определённой группе проблематично. В частности, в исследовании Дж. Николз в число пар «декаузатив/каузатив» включена пара ‘прятать’/‘прятаться’, непереходный член которой находится скорее ближе к рефлексиву, чем к декаузативу.

В этой связи можно сказать, что лабильность не всегда допускает однозначное деление на типы по соотношению между употреблениями. В частности, важно, что в исследованиях по грамматикализации показателей и развитию их значений даже не ставится вопрос о возможности включения лабильности в тот же круг вопросов — неясно, каким образом возникают новые группы лабильных глаголов. Нет оснований полагать, что лабильность всегда имеет чётко выделяемые исходное и производные значения (впрочем, в главе 3 мы рассмотрим случаи, когда выделить исходное значение можно). Следовательно, нельзя заранее предсказать, что лабильность будет наблюдаться, например, только у прототипически переходных глаголов. Исследование какого-либо семантического типа пар вполне может не исчерпать лабильные глаголы.

Именно поэтому мне кажется полезным подход, исходящий от способа выражения соотношения между двумя актантными структурами: полезно вначале выделить анализируемый формальный механизм (в нашей работе это лабильность), а затем рассматривать все типы семантических соотношений, которые он может кодировать. Если выделить в каждом из исследуемых языков группу лабильных глаголов, то далее можно говорить о её особенностях, в частности, о месте в ней пар «декаузатив/каузатив».

Ещё один аргумент в пользу такого подхода состоит в том, что он помогает сформулировать функциональное объяснение лабильности. Вполне вероятно, что

возможность выразить то или иное отношение без помощи специальных показателей не случайна (ниже будут предложены соображения относительно причин явлений такого рода). Таким образом, рассматривая только лабильные пары определённого семантического типа, мы упускаем из виду общие черты типов лабильности.

Возможно, построение исследования «от типа лабильности» полезно для языков с очень большим количеством лабильных глаголов различных типов, например, для английского. Большинство дериваций в английском выражаются без специальных показателей (см. новейшую работу [McMillion 2006] о лабильных глаголах английского языка, а также более старое исследование [Keyser, Roeper 1984]). Следовательно, можно говорить о распределении типов лабильности по группам глаголов, об условиях их возникновения и др. Однако для других языков такой метод не всегда оптимален.

Следовательно, узкое понимание лабильности не позволяет с достаточной полнотой охватить особенности лабильных глаголов. Необходим промежуточный подход, позволяющий, с одной стороны, исключить из числа лабильных глаголов некоторые лексемы, допускающие при определённых условиях опущение одного из актантов, а с другой — рассматривать и сравнивать разные диатетические типы лабильности (то есть типы, выделяемые по соотношению актантной структуры двух употреблений глагола).

Ниже предлагается одно из возможных определений лабильности. Первые его две части отвечают за две важных характеристики лабильного глагола: наличие синтаксического противопоставления между двумя диатезами и наличие смыслового (деривативного) соотношения между ними.

1.2. Определение канонической лабильности

Канонически лабильным называется глагол, отвечающий нескольким требованиям:

- (1) Он имеет и переходную, и непереходную модели управления.
- (2) Свойства субъекта или другие семантические свойства ситуации при этих моделях управления различаются.
- (3) Свойствами (1) и (2) обладают все формы глагола.
- (4) Все противопоставленные диатезы не связаны как «полная» диатеза и диатеза с опущением референтного актанта, ясного из контекста, либо обобщённого актанта
- (5) Два употребления глагола нельзя считать омонимичными лексемами (т.е. обозначаемые ими ситуации во многом сходны по семантике)

Важно заметить, что таким образом определяется именно **каноническая лабильность** — канонически лабильные глаголы составляют как бы ядро лабильных

лексем. Мы считаем, что лабильность задаёт не бинарное противопоставление «лабильный/не лабильный», а шкалу, на одном полюсе которой находятся канонически лабильные глаголы, а на другой — глаголы с одной моделью управления (например, русские *умереть*, *побить* и др.).

Такой подход кажется обоснованным в связи с типологической направленностью нашего исследования. Хотелось бы дать определение лабильности, максимально независимое от структуры конкретного языка. Степень жёсткости противопоставления переходных и непереходных глаголов различается от языка к языку.

В качестве примера языка с жёстким противопоставлением можно привести, например, адыгейский. В данном языке переходные и непереходные глаголы, как говорилось выше, различаются по морфологической структуре. С другой стороны, во многих языках так называемого средневропейского стандарта подобное жёсткое противопоставление отсутствует. Если для адыгейского языка легко выделить класс глаголов, способных попадать и в число переходных, и в число непереходных, то в европейских языках сделать это гораздо труднее.

Кроме того, различается и поведение конкретных лексем. Например, русский глагол *учить* имеет значения ‘изучать’ и ‘обучать’, но остаётся переходным в обоих употреблениях. Напротив, болгарский глагол *уча* может употребляться и как переходный, и как непереходный (в этом случае он значит ‘учиться где-л.’).

Однако существенно, что набор лексем, способных варьировать своё значение и актантную структуру, во многом совпадает в разных языках. Например, глаголы со значением ‘учить’ лабильны (со значениями ‘учиться’ и ‘обучать’) во многих европейских языках, а также в чеченском, хотя и имеют различные модели управления. В турецком, арабском, английском, адыгейском и многих других языках лабильны глаголы ‘начинать/начинаться’, весьма разнообразные по своим синтаксическим свойствам. Таким образом, необходимо отметить общность поведения этих глаголов при различии в синтаксических свойствах.

Остановимся на свойстве (2) — употребления глагола должны различаться по свойствам субъекта или семантике ситуации. Ясно, что это определение охватывает широкий класс ситуаций. Наиболее существенными типами пар диатез, подпадающих под определение (2), являются пары, в которых субъекты различаются своими семантическими свойствами и наличием/отсутствием референциальной связанности с другим актантом.

В частности, лабильность типа *break* ‘ломать(ся)’, адыгейского *wəɟʔən* ‘убивать,

утомлять; уставать', французского *blanchir* 'становиться белым; белить' относится к первому типу: субъекты при ней различаются своей семантической ролью.

Впрочем, точнее будет сказать, что различным является то, какой из участников ситуации обозначается именем, занимающим позицию субъекта. Так, возьмём русский глагол *сгонять* 'заставить сбегать; сбегать', проявляющий лабильность в разговорной речи. Если ориентироваться на семантические роли, нужно признать, что субъект в обоих употреблениях является агенсом. Более пригодным оказывается подход, предложенный в [Grimshaw 1990], при котором учитываются не только и не столько сами семантические роли участников, сколько их соотношение между собой: при глаголе *сгонять* в переходном употреблении субъектом является каузатор, а в непереходном – сам субъект движения.

В отличие от случаев, рассматриваемых Гримшоу, при которых важной является актантная структура исходной формы глагола, для нас будет важна актантная структура обоих употреблений. В данном случае свойства субъекта различаются, поскольку при переходном употреблении он является не только агенсом, но и каузатором, то есть не выполняет действие напрямую — имеется стоящий ниже в актантой структуре агенс, выполняющий действие.

С другой стороны, в поле нашего внимания попадают рефлексивная и реципрокальная лабильность (соответственно, *wash* 'мыть(ся)' и *kiss* 'целовать(ся)'). Субъекты этих глаголов в разных употреблениях различаются тем, что в переходных употреблениях не имеют дополнительных свойств, а в непереходных имеют также объектные свойства. При рефлексиве и реципроке субъект является в то же время объектом, на который направлено действие.

Подход, отстаиваемый в нашей работе, не согласуется с мнением теоретиков порождающей грамматики, считающих, что рефлексив отличается от нерефлексива не семантическими свойствами участников, а структурными свойствами предложения (на месте объектного референциального выражения выступает анафор, связываемый субъектной группой). Однако несколько причин заставляют считать, что свойства субъекта при рефлексиве и реципроке отличны от свойств субъекта конструкции с различными актантами. Назовём, прежде всего:

- (1) **свойства класса возвратных глаголов,**
- (2) **семантику рефлексива и связь с похожими конструкциями и**
- (3) **отсутствие дискурсивной мотивации**

Как было замечено в работе [Nedjalkov 2004] и др., свойства «возвратных глаголов»

в европейских языках (то есть глаголов, присоединяющих взаимное или возвратное местоимение) разнятся от языка к языку — в некоторых случаях они «рассматриваются» как переходные (поскольку имеют субъект и прямой объект), в некоторых — как непереходные (поскольку не имеют двух референциально различных актантов). К первым относится немецкий, где возвратные глаголы образуют перфект со вспомогательным глаголом *haben*, ко вторым — французский, где они образуют *passé composé* с помощью вспомогательного глагола *être*. Даже в языках типа немецкого возвратное местоимение нередко не обладает всеми свойствами прямого объекта³.

С другой стороны, существенно, что само рефлексивное значение часто выражается теми же показателями, что и другие актантные деривации — как правило, понижающие: декаузатив, антипассив, объектный и субъектный имперсонал. При этом отличить значения типа автокаузатива (*повернуть*, *двинуться*) от декаузатива не всегда представляется возможным (ср. примеры из [Долинина 1989] с глаголом *move*). Декаузатив же уже требует неагентивного субъекта, соответствующего пациенсу каузативного переходного употребления. В частности, глаголы движения типа *катить* ‘приводить в движение некоторого типа; ехать’ не поддаются такому разграничению, однако очевидно, что в непереходном употреблении они одновалентны. Как и у лабильных глаголов типа *break*, их непереходное употребление не имеет прототипически агентивного актанта.

Наконец, как и у декаузативно-лабильных глаголов, употребления лексем типа *wash* не связаны как «полная» диатеза и её реализация с опущением актанта, понятного из контекста. В отличие от случаев типа *есть* или *читать*, в континууме «лабильность — контекстное опущение» они располагаются на полюсе лабильности - хотя исходно, возможно, их рефлексивная или взаимная интерпретация была контекстной. Именно по этим причинам, как кажется, целесообразно рассматривать глаголы типа *wash* как канонически лабильные.

В то же время в данной работе, как следует из определения, не будут рассматриваться мены диатезы типа *пермутатива* [Мельчук 1998] — ср. *намазать хлеб маслом* и *намазать масло на хлеб*. При таких преобразованиях меняется относительный статус объектов. Как замечалось в работах [Падучева 1998], [Partee 1976] и др., это ведёт к различным семантическим сдвигам. В частности, участник, занимающий позицию прямого объекта, понимается как инкрементальный, исчерпывающийся в результате действия, а кроме того, он более прагматически значим.

³ В частности, в немецком языке возвратное местоимение *sich* не поддаётся вынесению в начальную

Пермутатив находится ближе к канонической лабильности, нежели опущение типа *Вася курит* или *Он сейчас ест*. В отличие от опущения, он подразумевает смену статуса актантов — а следовательно, требует больших синтаксических преобразований. В частности, это означает, что пермутативная деривация не может быть обусловлена только контекстом: в контексте могут опускаться актанты, но не может свободно меняться модель управления глагола. Аналогичным образом, употребления английского глагола *break* — ‘ломать’ и ‘ломаться’ — различаются семантикой ситуации (наличием/отсутствием в ней агенса), а не только существенностью или несущественностью того или иного участника.

С другой стороны, не меняя субъекта действия, пермутатив не меняет и другие важные характеристики ситуации. В частности, пара употреблений глагола *break* обозначает, соответственно, изменение состояния и результирующее состояние — в частности, есть контексты, где непереходное употребление кодирует только конечную фазу ситуации (ср. *He threw the plate and it broke* ‘Он бросил тарелку, и она разбилась’). Напротив, при пермутативе кодируемые фазы ситуации при двух употреблениях не различаются. Наконец, немаркированный пермутатив обычно не противостоит в системе языках маркированному: регулярные и продуктивные показатели этого преобразования не встречаются.

Также из актантных дериваций не будут рассматриваться объектный и субъектный имперсоналы — как я покажу ниже, они относятся к коммуникативным опущениям и не должны считаться настоящей лабильностью. Однако, что важно, будут рассматриваться немаркированные залоговые противопоставления «актив/пассив». Традиционно пассив считается залогом, а значит, воздействует на семантику глагола меньше, чем актантная деривация. С другой стороны, свойство (2) из определения канонической лабильности — изменение субъекта — имеется у пассива, но не у объектного имперсонала. Помимо этого, аргументом за включение в рассмотрение немаркированных пассивов служит их положение в системе: в аккузативных языках пассивы обычно маркируются. Отдельная проблема — определение этого типа лабильности в эргативных языках.

Таким образом, мы руководствуемся в большей мере не семантикой самой деривации, а тем, считают ли языки её достаточно значительной, чтобы использовать показатель. Это требование выполняется для пассива, но не для имперсонала.

Проблема связана с тем, что субъектами по некоторым свойствам могут быть группы, маркирующиеся не так, как прототипические субъекты. Так, в работе [Andrews

2001] субъектом глагола *hvolft*- 'перевернуть' считается аккузативный пациент, а сам глагол - непереходным: таким образом, синтаксически и семантически он является канонически лабильным, хотя по морфологическим критериям стоит ближе к опущению агенса типа *Его убили*. С другой стороны, существуют пары типа *Нога саднит* - *Ногу саднит*, где в одном случае единственный актант получает субъектное, а во втором - объектное морфологическое оформление.

Свойство (1) молчаливо подразумевалось или предлагалось в явном виде в типологических работах [Полинская 1986] и описаниях эргативных языков. Однако в действительности далеко не бесспорно, что в качестве лабильных глаголов нельзя рассматривать глаголы, употребления которых не различаются по переходности.

Действительно, как будет показано ниже, существуют глаголы, имеющие несколько непереходных или несколько переходных диатез. Более того, соотношения между этими диатезами могут быть такими же, как между переходной и непереходной диатезами канонически лабильного глагола. Судя по всему, ограничение лабильности именно переходно-непереходными глаголами связано со следующими причинами:

- (1) в работах по лабильности преимущественно рассматривались языки, где классы переходных и непереходных глаголов чётко разграничены;
- (2) как правило, прямой объект переходного глагола является в большей мере синтаксически обязательным и вообще в большей мере соответствует всем критериям выделения актантов, нежели не прямые объекты;
- (3) как правило, варьирование диатез изучалось на материале прототипических переходных глаголов (ср. 'рвать(ся)', 'жарить(ся)', 'ломать(ся)') — большинство из них в большей части языков мира переходны в одном из употреблений и непереходны в другом.

Рассмотрим, однако, русский глагол *капнуть*, который в разговорном языке допускает одновалентное, двухвалентное непереходное и двухвалентное переходное употребления:

- (8) а. *Масло капнуло мне на штаны;*
б. *Папа капнул мне маслом на штаны;*
в. *Папа капнул мне на штаны немного масла.*

По большинству определений, мы должны были бы усматривать лабильность в том и только в том, что глагол *капнуть* имеет первое и третье употребления — они различаются переходностью. Если бы третьего употребления вообще не было, то о лабильности речи бы не шло — скорее можно было бы говорить о *мене коммуникативного ранга* — ср., в частности, работы Е.В. Падучевой, где

рассматриваются пары типа *Кастрюли гремят - Хозяйка гремит кастрюлями*.

Тем не менее, такое решение представляется не вполне приемлемым. Как и при канонической лабильности, употребления (8a) и (8b) различаются свойствами субъекта — в первом случае он агентивен — по крайней мере, одушевлён, а во втором — пациентивен. Кроме того, семантическое соотношение между диатезами весьма близко к инхоативно-каузативному: *капнуть маслом* = ‘каузировать масло капнуть’. Таким образом, соотношение между первыми двумя употреблениями близко к соотношению между употреблениями лабильного глагола.

Это сходство усугубляется ещё и тем, что инструменталь в русском языке часто выступает в контекстах, типичных для аккумулятива: например, маркирует пациенс ситуации, ср. *двинуть рукой* и *двинуть пешку*, *качнуть головой* и *качнуть качели* — таким образом, второе употребление не так уж далеко отстоит от третьего.

Напротив, глагол, имеющий употребления второго и третьего типа, причислялся бы к лабильным: одно из употреблений — переходное, а второе нет. Тем не менее семантически они очень близки и в большинстве случаев взаимозаменяемы — и в том, что касается свойств субъекта, и по семантике ситуации в целом. Даже в работах, использующих достаточно широкое понимание лабильности, варьирование модели управления отделяется от лабильности (ср. ниже о соотношении лабильности и варьирования модели управления).

Выделение лабильных глаголов именно по признаку мены синтаксической переходности основано на во многом верном, но не абсолютно точном утверждении: именно мены диатезы, изменяющие переходность глагола, наиболее важны, с одной стороны, и, как правило, наиболее затруднены, с другой. Из-за этого изменения семантической переходности — в частности, агентивности субъекта — оказываются в стороне от исследований по лабильности. В действительности эти процессы связаны с лабильностью не в меньшей мере, чем опущение объекта.

Таким образом, связь переходности и способности глагола иметь разносубъектные и семантически различные модели управления должна доказываться дополнительно: необходимо объяснить, почему, если глагол имеет несколько моделей управления, среди них обычно есть диатезы, различающиеся по переходности. Для этого нужно рассмотреть классы переходных глаголов в различных языках.

Заметим, что в определении лабильности нет ещё одного синтаксического признака, о котором часто говорится в работах по актантной деривации - не требуется, чтобы употребления лабильного глагола различались количеством актантов. Действительно, в классическом случае переходное употребление глагола имеет агентивный и

пациентивный актант, а непереходное - только пациентивный, но существуют случаи типа немецкого *erschrecken* 'пугать/бояться' или английского *worry* 'беспокоить(ся)', показывающие, что количество актантов может быть одинаковым. Такие случаи опровергают мнение, согласно которому непереходное, неаккузативное употребление глагола вкладывается в переходное - ниже мы рассмотрим и другие случаи, показывающие, что это не так.

Свойство (3) отличает каноническую лабильность от частичной лабильности и явления, названного в работе [Kulikov 1999a] *split causativity*, когда часть форм глагола переходны, а часть непереходны. К их рассмотрению мы перейдём ниже. Здесь важно сказать только, что лабильность, не распространяющаяся на всю парадигму глагола, очень широко представлена в языках мира. В частности, в этот класс явлений попадают многие лабильные глаголы в языках с несколькими типами перфекта — ср. французский и немецкий: часто непереходное употребление образует перфект по другому типу, нежели переходное.

Наконец, последнее свойство противопоставляет лабильность контекстным опущениям, о которых отчасти шла речь выше. Ниже мы сравним свойства канонической лабильности и явлений, традиционно именуемых А-лабильностью и покажем, что рефлексивная и реципрокальная лабильность во многом находятся ближе к Р-лабильности чем к собственно А-лабильности типа 'читать что-л./читать'. Ниже мы будем называть А-лабильность **опущением**.

1.3. Каноническая лабильность и А-лабильность

(1) Опущение в большей мере выражает коммуникативные характеристики участников ситуации и модальные характеристики ситуации.

Как ясно из сказанного выше, чётко противопоставить опущение и лабильность не всегда возможно. В частности, это происходит из-за того, что опущение может зависеть от разных факторов: от семантических и референциальных свойств объекта, от модальной рамки предложения, от коммуникативной значимости участников ситуации и т.д.

Лабильность также может зависеть от подобных факторов. Рассмотрим, например, два употребления болгарского глагола *харесвам* 'любить; нравиться' и агульского *ruXas* 'родить, родиться'

- (9) а. *He go харесвам* 'Я его не люблю', 'Он мне не нравится';
 б. *Той не ми харесва* 'Он мне не нравится'.
 (10) а. *zun gada ruXune*
 I.ERG son.NOM bear.PAST
 'Я родила сына'.
 б. *za-s gada ruXune*
 I-DAT son.NOM bear.PAST

‘У меня родился сын’ [Даниэль и др. 2004].

У обоих глаголов имеется по два актанта. В непереходном употреблении один из актантов (обладающий некоторыми свойствами агенса) отступает на второй план, а субъектом становится пациенс. Непереходное употребление глагола *ruXas*, правда, имеет более широкую дистрибуцию, чем переходное (дативным актантом может становиться имя мужчины, а не женщины), однако употребление адыгейского глагола *stən* ‘гореть/жечь’ подобных ограничений не имеет: понятно, что в ситуации горения присутствует огонь.

В то же время ясно, что коммуникативные характеристики участников более значимы для опущения, нежели для лабильности. В частности, лабильность в адыгейском языке возможна в большой мере по семантическим причинам: важно, что ситуация может иметь место как при участии внешней силы, так и самопроизвольно. Напротив, опущение (лабильность типа *есть мясо — есть*) не требует двух этих возможностей: ситуация ‘есть’ не может возникнуть без участия пациенса.

Сложнее дело обстоит с модальностью: как опущение, так и лабильность тесно связаны с ирреальной модальностью: ср. английскую «среднюю конструкцию», например, *This book reads well* ‘Эта книга легко читается’ (т.е. ‘её можно читать’), с одной стороны, и конструкции типа *Он и ударить (обругать, оскорбить) может*, с другой. Однако модальный компонент играет разную роль в данных типах вариативности: в первом случае он меняет семантику ситуации, обозначая свойство пациенса, а во втором только добавляет нечто к семантике, при этом субъектом по-прежнему является агенс, осуществляющий действие, выраженное глаголом.

Как я покажу ниже, в пользу большей существенности коммуникативных характеристик для опущения свидетельствует почти полное отсутствие в языках мира **пассивной лабильности**. Как правило, смыслы ‘Человек построил дом’ и ‘Дом был построен человеком’ не выражаются одной формой глагола. Именно для пассива, а не для актантных дериваций, коммуникативная структура важна в наибольшей мере.

Модальные и коммуникативные признаки, делающие опущение возможным, - тема отдельного исследования. Во всяком случае, очевидно, что склонность глагола к опущению или лабильности — скалярный признак: так, глагол *есть* в русском языке допускает опущение пациенса и в актуально-длительном контексте, *убивать* — в специфическом контексте выделения действия (*Убивать — грех*), наконец, *ударить* — в специфическом контексте возможности.

(2) Направление деривации.

Важным является вопрос о наличии у лабильности направления, в котором

происходит немаркированная деривация (см. выше о рассмотрении лабильности как деривации и как полисемии). С одной стороны, в некоторых случаях говорить о направлении лабильности сложно, более того, это может быть просто ненужно: ср., например, лабильные глаголы, образованные от прилагательных — франц. *noircir* ‘чернеть, чернить’, *bleuir* ‘синеть, синить’ и др. — вполне возможно, что оба употребления глагола производны непосредственно от прилагательного.

В других случаях направление деривации проследить можно: в частности, немаркированные окказиональные каузативы типа *его ушли с работы*, несомненно, производны от непереходных глаголов. И напротив, для русского глагола движения *повернуть* первичным следует считать переходное употребление (ср. только переходные однокоренные глаголы *вернуть*, *привернуть* и др.). Во всяком случае, производными при лабильности могут быть и переходные, и непереходные употребления.

Напротив, при А-лабильности (опущении) производны, как правило, именно непереходные употребления — деривация, «достраивающая» к ситуации пациенса, в языках не встречается. Исключениями можно считать глаголы со встроенными объектами типа багвалинского ‘чихнуть’⁴ или русского ‘петь’: в данном случае сам глагол содержит указание на наличие объекта. Во всяком случае, продуктивным является только опущение пациенса.

Это различие связано с различием между актантами, затрагиваемыми Р- и А-лабильностью (опущением актантов). Добавить нового агенса можно практически к любой ситуации, не имеющей агентивного актанта (чаще всего это каузатор исходной ситуации). С другой стороны, очень многие ситуации, имеющие агенса, могут возникать и без него.

Напротив, пациент в большей мере связан с семантикой ситуации — она часто и заключается в том, что меняются или сохраняются свойства пациентивного актанта (внутреннего аргумента). Достроить пациенса к ситуации типа ‘идти’, отсутствующего при одновалентной диатезе, практически невозможно. С другой стороны, исключить пациенса из ситуации типа ‘разбить’ также невозможно.

В действительности А-лабильность и не исключает пациенса, а квантифицирует его — например, *Он сейчас ест* означает ‘есть некоторый предмет’ или ‘ест предмет, уже известный говорящему и слушающему’.

Исключения представляют глаголы движения, часто являющиеся А-лабильными, но более сложные в смысле направления производности. Как правило, они имеют большое

⁴ В [Лютикова 2002a] отмечается, что соответствующий багвалинский глагол может принимать

количество актантов: путь, конечная точка, начальная точка, траектория и т.д., каждый из которых может занимать позицию прямого объекта. В этом случае, наоборот, исходной стоит считать непереходную диатезу: семантически местные и подобные им участники обычно кодируются как сирконстанты. Напротив, случаи типа *Вася ест* естественно считать производными от переходной диатезы, поскольку актант-пациент редко реализуется иначе, чем как прямой объект.

Теоретически можно вообразить А-лабильный глагол с исходной непереходной и производной переходной диатезой: деривация, заключающаяся в добавлении к глаголу прямого объекта, называется аппликативом (ср., например, аппликатив в языке чичева семьи банту):

- (11) a. mbidzi zi-na-perek-a msampha kwa nkhandwe
 зебры(10) SUBJ-PAST-дать-ASP силки для лиса
 ‘Зебры отдали лисе силки’;
- b. mbidzi zi-na-perek-er-a nkhandwe msampha
 зебры(10) SUBJ-PAST-дать-APPL-ASP лиса силки
 ‘Зебры отдали лисе силки’.

Можно предположить, что данная деривация может также быть немакрированной.

В действительности в языках мира практически не встречается немаркированных аппликативов: продвижение периферийного участника в позицию прямого объекта обязательно маркируется некоторым показателем (к набору дериваций, обслуживаемых лабильностью, мы ещё вернёмся ниже).

Возможно, не совсем ясно направление лабильности в случаях типа ‘петь’ или ‘говорить’, имеющих весьма ограниченный набор объектов и часто употребляющихся без них. Эти глаголы близки к глаголам движения: семантически актант со значением звука всегда присутствует, но не является прототипическим пациенсом. Однако для большинства А-лабильных глаголов направление деривации всё же ясно: первичным является переходное употребление с выраженным пациенсом.

Таким образом, А-лабильность находится гораздо дальше от канонической лабильности. В действительности типом опущения, на самом деле симметричным А-лабильности, можно считать опущение агенса, характерное для эргативных языков (например, для адыгейского, лезгинского и др.):

- (12) a. a-š’ četəw-ər je-ke-če
 ОН-ERG КОШКА-ABS 3SG.A-CAUS-БЕЖАТЬ
 ‘Он заставляет кошку бежать’;
- b. četəw-ər je-ke-če
 КОШКА-ABS 3SG.A-CAUS-БЕЖАТЬ
 ‘Кто-то заставляет кошку бежать’.

прямые объекты типа ‘сопля’.

Наличие во втором случае каузативного префикса показывает, что исходно агенс присутствует (каузативация в адыгейском языке обязательно добавляет к модели управления глагола агенс), тем не менее на поверхности он не выражается⁵.

Можно ли говорить о направленной деривации в случае рефлексивной и взаимной лабильности? Казалось бы, эти глаголы ведут себя похоже на нормальные А-лабильные: непереходное употребление добавляет определённые семантические компоненты к значению переходного. Однако, с другой стороны, более прототипичны в некоторых случаях именно рефлексивные и взаимные ситуации. Помимо этого, при взаимной лабильности непереходное употребление представляет ситуацию в каком-то смысле проще, чем переходное: ср. ингерентные реципроки типа арабского *iltaqa*: ‘встретиться с кем-л./встретиться’ или *taʔam* ‘сражаться’ из языка сонгай. Можно сказать, что переходное употребление проще по **структуре действия** (обозначается состояние действие/только одного участника, а не два), а непереходное — по близости к **семантическому представлению** (в действительности два участника ситуации симметричны, что соответствует диатезе глагола в непереходном употреблении). Ниже мы подробнее рассмотрим вопрос о производности одного из употреблений лабильного глагола.

(3) Ограничения на актант/на ситуацию

Среди А-лабильных глаголов многие допускают опущение объекта со строго определёнными характеристиками. В частности, это может быть просто раз и навсегда заданный объект (например, глагол *пить* в непереходном употреблении подразумевает ‘пить спиртные напитки’), несущественный в ситуации объект (см. выше) и т.д.

Напротив, среди Р-лабильных глаголов такого рода ограничения распространены в меньшей степени. Из характеристик актантов существенны, прежде всего, их семантические роли. Однако ещё в большей мере значимы свойства ситуации в целом — в частности, степень её самопроизвольности. Например, как мы покажем ниже, лабильность часто проявляют глаголы с агенсом-инициатором (‘жарить’, ‘жечь’, ‘варить’) — подобные свойства агенса **всегда** свойственны данной ситуации, в отличие от свойств актантов при опущении, не являющимися обязательными для данной ситуации.

Например, в русском языке лабилен глагол *лить*, употребляющийся в значении ‘проливать’ или ‘проливаться’. Его непереходное употребление сильно ограничено лексически, но не исчерпывается субъектом-дождём, ср. предложение, оцениваемое

⁵ Особую проблему составляет различие опущения и лабильности в языках, где глагольной морфологии для этого недостаточно: ср., например, [Kibrik 1996] о годоберинском языке, [Mel'chuk 1988], [Haspelmath 1993] о лезгинском языке.

информантами как приемлемое:

(13) *Из труб лила вода,*

где важны, прежде всего, свойства ситуации, а именно её интенсивность и самопроизвольность.

(4) Степень изменения семантики

Опущение объекта, как правило, не подразумевает существенных изменений семантики ситуации: скорее происходит квантификация ситуаций. Например, в предложении *Он читает* изменяется референтный статус объекта, но не семантика ситуации. Рассмотренная выше лабильность глагола *читать* в обоих употреблениях подразумевает одно и то же действие — лексическая семантика глагола не меняется. Напротив, в паре ‘разбиться’/‘разбить’ семантика существенно изменяется: только в одном из употреблений подразумевается, что в ситуации имеется агенс.

Такое различие вполне объяснимо. Если возможно опущение объекта, это, как правило, не значит, что в непереходном употреблении объект вообще исчезает из семантики глагола (сильно затронутый объект слишком прочно встроен в семантику) — напротив, преобразование может затрагивать коммуникативный статус объекта, делая его более или менее существенным.

В работе [Galiamina 2006] указывается, что в языке сонгай часто А-лабильны глаголы со слабо затронутым объектом (‘петь’ и др.). Тем не менее, отметим, что при обоих употреблениях глагола *петь* объект присутствует в ситуации — тем самым, хотя затронутость пациенса невелика, он вовлечён в ситуацию, по крайней мере, не меньше, чем агенс.

Рефлексивная и реципрокальная лабильность и по данному параметру находятся ближе к Р-, нежели к А-лабильности. Ясно, что при рефлексивном употреблении в семантику глагола добавляется очень существенный компонент — участники ситуации кореферентны. При этом ситуации ‘мыться’ или ‘целоваться’ -- соответственно, рефлексивная и реципрокальная - не тождественны ‘мыть себя’ или ‘целовать друг друга’ - даже во взаимной ситуации не всегда можно выделить невзаимные компоненты.

Различие между Р- и А-лабильностью можно сравнить с различием между повышающей и понижающей актантной деривацией. Повышающие актантные деривации (например, каузатив в языках, где он продуктивен) могут применяться практически к любому глаголу именно потому, что не перестраивают лексическую семантику ситуации полностью, а достраивают её: ср., например, ‘красить стену’ — ‘заставить покрасить стену’. Напротив, понижающие деривации (декаузатив) воздействуют собственно на лексическую семантику, понижая статус одного из участников. Возникает естественный

вопрос: считаем ли мы лабильностью случаи, когда первично непереходное употребление, а переходное образовано позже как немаркированный каузатив (например, *Walk the dog* 'гулять с собакой'). Хотя здесь мы имеем дело с повышающей актантной деривацией, её стоит считать случаем лабильности: семантика ситуации меняется всё же в большей мере, чем при А-лабильности.

Косвенным подтверждением различию (4) служит наличие Р-лабильных глаголов, употребления которых различаются ещё более существенно, чем 'разбить' и 'разбиться': ср., например, русский глагол *лить*, предполагающий в непереходном употреблении большую самостоятельность пациенса. С другой стороны, в пользу того, что опущение не слишком сильно меняет смысл конструкции, свидетельствуют пары типа (14):

- (14) а. *Он умеет петь.*
б. *Он умеет петь песни.*

Второй член пары практически синонимичен первому. Хотя опущение и привносит определённые модальные и коммуникативные значения (нереферентность и несущественность объекта, возможность), те же значения иногда могут быть выражены и без опущения, с помощью нереферентного объекта. Впрочем, встречаются и пары типа *Он любит поест* $\neq$ *Он любит поест супа*, где выразить нужный смысл можно только с помощью опущением.

(5) Логическое следствие

А-лабильность, как правило, подразумевает двустороннюю логическую связь вида $X V_{\text{intr}} - (\exists Y) X V_{\text{tr}} Y$, что следует из самого её определения. Как правило, наличие ситуации, обозначенной непереходным употреблением, означает, что имеет место и ситуация, выражаемая переходным употреблением, и наоборот: например, если X ест, то существует нечто, что X ест, а если X ест некоторый Y , то можно сказать, что X ест. Это подтверждает гипотезу о том, что опущение в меньшей мере затрагивает семантику глагола, чем лабильность.

Ни один из видов лабильности не подразумевает такого двустороннего следствия. Так, рефлексивная лабильность подразумевает только, что $X V_{\text{intr}} > \exists Y X V_{\text{tr}} Y$, но не наоборот (если X бреет нечто, с высокой степенью вероятности, но не обязательно верно, что X бреет себя). То же самое верно практически для всех видов взаимной лабильности. Декаузативная лабильность подразумевает следствие $X V_{\text{tr}} Y > Y V_{\text{intr}}$, но не наоборот (каузация агенсом состояния пациенса подразумевает наступление этого состояния, но само наличие агенса не обязательно).

Лабильность аппликативного типа и в этом случае находится ближе к Р-

лабильности: ср., например, непереходное употребление глагола *работать* и специальное переходное (*Я буду вас работать* - 'стричь, брить' (о парикмахере)): работа вовсе не обязательно предполагает наличие обрабатываемого предмета.

Итак, можно сказать, что А-лабильность, Р-лабильность и опущение представляют собой континуум Р-лабильность > рефлексивная и реципрокальная лабильность > А-лабильность > опущение. В действительности к А-лабильности надо было бы добавить другие типы опущения нереферентных элементов. Мы будем рассматривать только первые два типа лабильности – Р-лабильность и рефлексивную и реципрокальную (взаимную) лабильность.

(6) Состав класса лабильных глаголов

Как правило, при опущении два употребления глаголов соотносятся одним и тем же образом (как было сказано выше, их семантические различия очень невелики). При первом употреблении пациенс важен, при втором несуществен или (реже) вообще отсутствует.

Напротив, состав класса лабильных глаголов существенно разнообразней. В частности, среди них встречаются немаркированные рефлексивы, декаузативы, реципроки, пассивы состояния и др. Все эти виды лабильности ограничены определёнными видами глаголов, тогда как опущение не закреплено ни за одним определённым типом. Можно сказать, что наблюдается обратная зависимость между разнообразием классов глаголов (и существенностью отличий между употреблениями глаголов) и продуктивностью данного вида опущения.

Даже в английском языке, где лабильность весьма распространена, классы немаркированных рефлексивов и реципроков весьма невелики: к первым относятся глаголы «ухода за телом» (*wash* 'мыть(ся), умываться', *shave* 'брить(ся)', *comb* 'причёсывать(ся)' и др.), ко вторым — глаголы взаимодействия (*kiss* 'целовать(ся)', *meet* 'встречать(ся)', *embrace* 'обнимать(ся)'), часто, как в случае глагола *meet*, обозначающие взаимное действие и в невзаимном употреблении. Ограничения на класс декаузативно-лабильных глаголов обычно несколько менее строги. Их природе посвящены работы [Haspelmath 1993] и [Kulikov 1998], подробнее о них см. главу 2.

(7) Соотношения с показателями деривации.

А- и Р-лабильность по-разному соотносятся с показателями актантной деривации, что напрямую связано с их различной продуктивностью. Как правило, в любом языке есть

средства выражения рефлексива⁶, будь то морфологические аффиксы или местоимения. Это означает, что появление лабильности рефлексивного типа должно получить более сильную мотивацию, нежели отсутствие в языке определённого рода показателей. В частности, в английском языке все рефлексивно-лабильные глаголы (*dress, shave, wash*) сочетаются с рефлексивным местоимением *oneself*. Аналогичным образом почти во всех языках маркируется реципрок.

Показатели каузатива или декаузатива не столь распространены. Так, в английском и во многих дагестанских языках есть показатели каузатива, но не декаузатива. Каузатив, как правило, может маркироваться глаголами типа ‘заставлять’, но эти лексемы обычно высокоспециализированны (ср. русские *заставлять, вынуждать*, имеющие существенные ограничения на употребление). Грамматических показателей каузатива в языке может и не быть⁷. Тем не менее, и каузативное/декаузативное опущение обычно можно передать хотя бы лексически.

Совсем другая ситуация складывается с деривациями и залогами, понижающими пациенса — объектным имперсоналом и антипассивом. Во многих языках специфицированных показателей для этих преобразований нет. Так, дагестанские языки вообще нечасто маркируют понижающие деривации и залоговые преобразования. В индоевропейских языках антипассив может маркироваться показателем возвратности, но обычно это употребление не является основным. В языке тариана, по свидетельству [Aikhenvald 2000], без дополнительного маркирования опущение пациенса допускают все глаголы.

Более того, даже в случаях, когда в языке есть показатель антипассива или объектного имперсонала, это не означает, что появление А-лабильности исключено: А-лабильность может просто охватывать другой диапазон коммуникативных функций.

Различные взаимоотношения между показателями актантной деривации и лабильностью подрывают представление об А- и Р-лабильности как одном явлении. Лабильность в узком смысле целесообразно рассматривать как **непрототипическое** соотношение между значением и формой — а в случае, если другого (продуктивного) способа обозначить объектный имперсонал или антипассив в языке нет, сложно говорить о непрототипическом соотношении.

(8) Соотношение с формальными особенностями

Как будет показано ниже, для лабильности часто существенны формальные

⁶ Данное замечание, конечно, не означает, что во всех языках существуют **специализированные** показатели рефлексива – в частности, рефлексивные местоимения могут совпадать с личными.

свойства глагола – в частности, его производность. Напротив, для опущения эти свойства нерелевантны – оно не требует никакой дополнительной поддержки, поскольку в меньшей мере модифицирует семантику глагола.

Итак, как мы выяснили, классические случаи А-лабильности и Р-лабильности не являются симметричными, как это подразумевалось, например, в работе [Drossard 1998]. Автор этой работы сравнивает продуктивность полисемии типа ‘есть X/есть’ и типа ‘разбить/разбиться’ в языках эргативного и аккузативного строя (ниже мы ещё вернёмся к зависимости свойств лабильности от свойств системы языка в целом). В действительности сравнение задействует два несимметричных процесса. Более обосновано сопоставлять опущения модального, обобщённого или нереферентного агенса и пациенса: например, *Вася ест* и *Эту рыбу едят вилкой*. В обоих случаях опускаемые актанты присутствуют в семантике ситуации, но по некоторым причинам (несущественность для говорящего, отсутствие конкретной референции) не выражаются.

Ближе к нашей позиция [Лютикова 2002a], где проводится различие между актантной деривацией с выведением актанта из ситуации vs. понижением ранга актанта. Однако, как было показано выше, рефлексивная и реципрокальная лабильность по некоторым свойствам находятся ближе к Р-лабильности (например, она не зависит от коммуникативных и референциальных свойств ситуации).

Мы считаем целесообразным разграничить коммуникативные опущения и собственно лабильность (в понятие лабильности, как уже говорилось, мы включаем случаи, когда, помимо интерпретирующей актантной деривации, имеется изменение семантики ситуации — в частности, переход от процесса или события к состоянию). Именно поэтому часто оказываются важны изменения свойств субъекта: наличие агентивного или пациентивного субъекта в очень большой мере влияет на семантику ситуации (это заметно и в случаях, не относящихся к канонической лабильности: например, глагол *вести* при субъекте-дороге обозначает ингерентное свойство субъекта, а при одушевлённом агентивном субъекте — контролируемый процесс).

Аналогом А-лабильности, подпадающим под это определение, как уже говорилось, является аппликативная лабильность. Не исключено, что в дальнейшем можно будет говорить об аппликативной лабильности подробнее, чем сейчас. На сегодняшний день в нашей выборке нет прототипически аппликативных примеров (как правило, встречаются примеры типа *пожертвовать деньги – пожертвовать жизнью* или *громко кричать – кричать какие-то глупости*, где и в непереходном употреблении присутствует второй

⁷ Само по себе то, что декаузатив маркируется в меньшем количестве языков, чем каузатив, также

актант). Исключениями являются такие случаи, как ‘кричать’/‘звать’ (нем. *rufen*), ‘работать/обрабатывать’ (англ. *work*, исп. *trabajar*), ‘светить/освещать’ (авар. *гвангъизе*). Теоретически они подразумевают изменение семантических свойства ситуации: объект в непереходном употреблении не восстанавливается из контекста: работа вовсе не обязательно подразумевает наличие обрабатываемого предмета, а крик – наличие адресата. Тем не менее в работах по деривации такие примеры практически игнорируются (см. [Лютикова 2002a], где автор говорит исключительно о выносе за кадр агенса, но не пациенса). Вероятно, это связано с большим семантическим различием переходных и непереходных употреблений. Как уже говорилось, пациенс в большей степени связан с семантикой ситуации и не может быть полностью устранён из неё. Однако модель управления может изменяться и в обратном направлении: пациенс (или адресат) может добавляться к актантной структуре. Заметим, что аппликативов типа ‘идти для X’ или ‘помогать X-у читать’ в любом случае не возникает – создаваемый объект непосредственно участвует в ситуации. Как выясняется, и добавление пациенса не может сохранить исходную ситуацию (в отличие от «обычной» версии или аппликатива, создающего второстепенного участника). В работе [Лютикова 2002a] аппликативный тип игнорируется потому, что изучается, прежде всего, устранение актантов или, во всяком случае, явления, где можно его усмотреть. Кроме того, во многих случаях, помимо переходной, существует и непереходная диатеза, более близкая по значению к одновалентной: ср. *rufen nach* ‘кричать кому-л., звать кого-л.’.

Неудивительно, что аппликативная лабильность в языках мира довольно редка. Единственным языком, где она продуктивна, является чукотский, имеющие отыменные глаголы с лабильностью типа ‘забивать телят’/‘забивать кому-л. телят’:

- (15) а. *Клявыл кааёнратыркын [ытлыг-эты]* ‘Мужчина отбивает оленей’
 б. *Клявыл-я кааёнратыркын-эн ытлыг-ын* ‘Мужчина отбивает оленей для отца’.

Поскольку аппликативная лабильность создаёт ситуацию, близкую к данной, а естественных пар типа ‘разбить(ся)’ не существует, пар типа ‘звать/кричать’ оказывается немного: гораздо больше случаев, более близких к классическому аппликативу, которые маркируются: ср. *есть – объедать*, *носить – обносить* и т.д.

Таким образом, нельзя считать, что немаркированного добавления пациенса не существует. Скорее стоит говорить о «сдвиге типа опущения»:

Опущение агенса

существенно для лабильности – см. об этом ниже.

По месту в системе лабильности соответствует коммуникативное опущение, но для некоторых глаголов возможно и изменение, напоминающее лабильность. Если учесть, что изменения диатезы типа *кричать/звать* находятся к лабильности ближе, чем опущения типа *читать что-л/читать*, становится понятно, почему ограничения для возникновения немаркированных аппликативов гораздо строже, чем на коммуникативные опущения: немаркированные аппликативы тесно связаны с ролью добавляемого объекта в семантике ситуации и с семантикой конкретной лексики, а не только с его существенностью или несущественностью для говорящего.

1.3.1. Соотношение лабильности и опущения в языковой системе

Как было показано, лабильность отличается от опущения по целому ряду параметров. Теперь рассмотрим типы соотношения между опущением и лабильностью в отдельном языке. Ясно, что теоретически возможных комбинаций очень много: и опущение, и А- и Р- лабильность могут быть продуктивны или непродуктивны.

Прежде всего, оговоримся, что для каждого языка мы будем рассматривать не два, а три явления: синтаксически мотивированное опущение (корреферентное опущение и др.), семантически мотивированное опущение (А-лабильность) и Р-лабильность.

Наибольшее количество А- и Р- лабильных глаголов выделяется в английском языке: подробное исследование [Levin 1993] посвящено почти исключительно немаркированным изменениям актантной структуры. Объем классов А- и Р-лабильных лексем существенно не различается: ср. такие А-лабильные глаголы, как *read, see, cook* и Р-лабильные *break, begin, walk*:

- (16) *I read a book — I read quickly;*
- (17) *I saw a cat — Most people can see;*
- (18) *The lesson began — The teacher began the lesson;*
- (19) *I broke a cup — The cup broke.*

Напротив, корреферентное опущение в английском сильно ограничено, в частности, невозможны примеры типа (20):

- (20) *I bought some bread and ate* (в значении 'съел хлеб').

Таким образом, можно сказать, что большое количество лабильных глаголов и возникающая в связи с этим многозначность компенсируется в английском обязательностью выражения актантов [Летучий 2004]. Схожая точка зрения выражена в работе [Vajda 2005]: автор считает, что продроп (опущение референтных местоимений)

возникает в случаях, когда язык не обладает богатой системой лабильных глаголов.

Несколько более сложная ситуация возникает в адыгейском полисинтетическом языке. Как отмечалось в работах [Гишев 1968] и [Кумахов 1964], в нём имеется большое количество лабильных глаголов. Распространены и Р-, и А-лабильность, хотя А-лабильных глаголов несколько меньше (см. о них ниже и в [Аркадьев, Летучий 2005]). С другой стороны, говорить об опущении актанта в данном языке оказывается некорректным из-за полисинтетического устройства словоформы. Неясно, можно ли считать опущением невыраженность именной группы (судя по работе [Baker 1996], свойствами актантов обладают скорее «согласовательные» аффиксы). С другой стороны, в отличие от актантов, данные аффиксы не могут «опускаться» по дискурсивным причинам⁸. Следовательно, опущение действительно невозможно, тогда как лабильность распространена, но происходит это не по тем причинам, что в английском.

С другой стороны, оказывается, что в языках с меньшим количеством лабильных глаголов ситуация становится сложнее: для примера возьмём русский язык. Известно, что PRO-drop и другие виды синтаксически мотивированного опущения в русском языке весьма распространены:

- (21) *Ну что, разбудил?*
- (22) *Ты уже прочёл?*
- (23) *Сегодня куплю две буханки хлеба.*
- (24) *Я купил буханку хлеба и тут же съел.*

Напротив, Р-лабильных глаголов в русском языке почти нет (они принадлежат к очень ограниченному лексическому классу, которые мы обсудим ниже), среди редких примеров — глагол *сгонять*:

- (25) *Мы сгоняли за пивом — Мы сгоняли его за пивом.*

Однако совсем иная ситуация в русском языке с А-лабильными глаголами. Очень многие переходные глаголы допускают опущение объекта:

- (26) *Моя мама весь день готовит.*
- (27) *Хватит рисовать, пора собираться.*

Более того, не всегда ясно, стоит ли отнести определённый пример к лабильности или к синтаксическому опущению:

- (28) *Он и убить может;*
- (29) *Умеешь ты обидеть.*

Судя по данным работы [McShane 2005], именно такие промежуточные случаи более

распространены в русском языке, чем в английском.

Таким образом, гипотеза об обратной зависимости продропа и лабильности не подтверждается: русский язык не допускает только Р-лабильности, но допускает А-лабильность (которую как раз легче всего можно спутать с другими видами опущения пациенса, например, с продропом, поскольку она также во многом обусловлена коммуникативными факторами). С другой стороны, в болгарском языке очень часто опускается субъект, но и лабильных глаголов не меньше, чем в русском.

В арабском языке опущение крайне редко: как правило, используются так называемые «слитные местоимения», близкие к согласовательным объектным аффиксам. Однако если А-лабильность распространена, то Р-лабильность в целом очень редка по сравнению, например, с немецким языком (см. главу 5 об арабских лабильных глаголах).

Можно сказать, что А-лабильность, занимающая промежуточное положение между Р-лабильностью и опущениями типа продропа, может в конкретном языке сближаться как с тем, так и с другим. Так, в английском языке оба типа лабильности противопоставлены опущению: количество актантов может изменяться только по семантическим или прагматическим причинам, но не вследствие кореферентности с другим актантом: сближение происходит по **уровню**, затронутому опущением. Напротив, в русском языке сближаются А-лабильность и синтаксическое опущение. Р-лабильность, связанная с изменением статуса субъекта, в русском языке очень редка.

Позиция, выраженная в работе [Vajda 2005], требует более подробного анализа того, каким образом грамматические процессы могут конкурировать между собой и вести к ошибкам в интерпретации предложения. Как правило, в работах по грамматике рассматривается конкуренция **квазисинонимичных** процессов: например, морфологического и местоименного рефлексивов, распределяющих между собой сферы влияния. В некотором смысле распределение лабильности и опущение противоположно таким случаям: один и тот же механизм, не имеющий специального маркирования, может служить для выражения смыслов двух типов. С другой стороны, ясно, что, например, наличие у рефлексива в некотором языке декаузативного употребления не блокирует возникновение, кроме того, реципрокального.

Различие заключается в том, что опущение и лабильность не различаются по смыслу так же, как реципрок и декаузатив. По сути, и тот и другой механизм понижают синтаксический ранг и, следовательно, значимость актанта. Различаются **причины** такого понижения. Следовательно, для понимания этих процессов необходимо произвести

⁸ Единственным исключением можно считать так называемый объектный результатив [Николаева

разные операции. Подробнее соотношение продропа и лабильности будут рассмотрены в главе 3.

1.4. Лабильность и показатели актантной деривации

Выше мы показали, что лабильность можно по ряду семантических и системных свойств отграничить от других видов опущения - в частности, эллипсиса и коммуникативного опущения. С другой стороны, как было замечено, лабильность почти всегда сосуществует с показателями залога и актантной деривации - каузатива, рефлексива, реципрока, декаузатива, пассива и т.д.

В этой связи интересен вопрос о статусе самой лабильности: правомерно ли считать, что при рассмотрении лабильных глаголов мы имеем дело со своего рода нулевым показателем изменения переходности глагола или актантной деривации, функционирующим таким же образом, как ненулевые (данное представление можно назвать **гипотезой нулевого показателя**). Ниже мы проанализируем морфологические, синтаксические и семантические свойства лабильности, объединяющие или отличающие её от маркированных показателей и не позволяющие принять такое понимание лабильности.

Различия между лабильностью и актантной деривацией

Во многих исследованиях, имплицитно или явно, одно из употреблений лабильного глагола считается первичным по сравнению с другим. Ср., прежде всего, упомянутую выше работу [Hale, Keyser 2002], где переходное употребление глагола, по сути, считается производным от непереходного.

Тем самым, можно сформулировать гипотезу: **при лабильности один из глаголов содержит нулевой показатель актантной деривации**. Однако в действительности эта гипотеза неверна: лабильность существенно отличается от известных нам ненулевых показателей деривации. Ниже мы рассмотрим эти различия.

1.4.1. Продуктивность

Как известно, показатели залога и актантной деривации в языках мира могут обладать различной продуктивностью. В особенности хорошо это изучено для показателей каузатива. Так, в тюркских языках часто имеется по несколько каузативных показателей, один из которых (например, хакасский *-tʏr*) продуктивен, а другие (хакасский *-Gʏs*) применяются к ограниченному классу глаголов⁹. Несколько иная ситуация в арабском языке: каузативность там могут передавать вторая, четвёртая и (реже) десятая деривационные формы, но ни одна из них не обладает абсолютной

2003], [Ландер 2005].

продуктивностью: в частности, переходные глаголы чаще всего образуют аналитические каузативы.

Декаузативные показатели в целом более ограничены по сочетаемости, чем каузативные, но и они различаются между собой: в частности, внутри индоевропейской языковой семьи декаузативное употребление показателя *-ся* более продуктивно в славянских, нежели в германских языках. Максимально лексически ограниченный показатель декаузатива имеет адыгейский язык - показатель *ze-* в данном употреблении сочетается только с глаголами 'открывать' и 'закрывать'.

Для рефлексивных показателей характерна очень большая продуктивность - по меньшей мере, в случаях, когда это местоимения. Рефлексивные аффиксы уже более ограничены, но и между ними существуют различия: адыгейский префикс *ze-* образует рефлексивы от всех глаголов, для которых это допустимо семантически, арабская четвёртая форма сочетается не со всеми классами. Аналогично ведут себя показатели реципрока.

В общем и целом для грамматических показателей характерна высокая продуктивность: в работах [Lehmann 1995] [Мельчук 1998] и др. это считается одним из критериев грамматикализации показателя. Не так обстоит дело с лабильностью. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим свойства лабильности в языковой системе, здесь скажем только, что при сосуществовании лабильности и показателей деривации вторые обычно бывают более продуктивны. В нашей выборке встречаются языки с каузативом, сочетающимся почти со всеми группами глаголов, но не встречается языков с абсолютно продуктивной лабильностью.

Ещё чаще лабильность возникает у строго определённых групп глаголов - этим она напоминает различные типы семантических переходов (например, метафорические переносы). Впрочем, имеются и исключения типа английского, где лабильность по своему распределению практически совпадает с каузативом и декаузативом.

1.4.2. Наличие более чем двух употреблений

Как правило, у грамматического показателя в каждом контексте усматривается строго определённое значение: контексты, где показатель деривации обозначает, например, и декаузатив, и потенциальный пассив, встречаются (ср. болгарский *не ми се смее* - букв. 'мне не смеётся'), но считаются маргинальными. Напротив, лабильность, при которой одна и та же форма глагола имеет более двух моделей управления, не редка: выше уже приводился пример с русским глаголом *капать*, приведём ещё несколько

⁹ См. о каузативных аффиксах [Баскаков 1975].

примеров:

Болгарский:

- (30) а. *Приближи сградата* 'Он приблизился к зданию';
 б. *Той приближи до мене* 'Он приблизился ко мне';
 с. *Аз го приближих към бъдещето* 'Я приблизил его к будущему'.
- (31) а. *Кравата пасе тревата* 'Корова щиплет траву';
 б. *Кравата пасе* 'корова пасётся';
 с. *Той пасе кравата* 'Он пасёт корову'.

Аналогичные глаголы встречаются во французском языке.

Теоретически было бы возможно рассматривать наличие трёх употреблений как результат сочетания двух различных феноменов. Один из них - собственно лабильность, а другой - варьирование переходности у одного из употреблений (например, у инхоативного употребления глагола *приближа* в (30)). В этом случае для лабильности было бы неважно, что глагол имеет ещё и третье употребление (30с)).

Однако этот подход кажется неверным: в действительности непереходные модели управления каузативных глаголов и переходные управления инхоативных (31а) не независимы от лабильности типа (31b)/(31с), а могут облегчать её возникновение. Они служат своеобразными "мостиками" между каноническими переходным каузативным и непереходным инхоативным (не случайно в болгарском языке немало глаголов имеют тройки употреблений типа (30) и (31). Такие случаи, кстати, опровергают мнение, что лабильность непременно предполагает мену переходности: напротив, возникновение лабильности облегчается наличием промежуточного употребления типа (31а). Лабильность при этом возникает при взаимодействии двух процессов: с исходным, видимо, является переходное употребление вида (30а), затем возникает, с одной стороны, возможность его переходного употребления. С другой стороны, появляется каузативное употребление типа (30с). Ни один из этих процессов не предполагает одновременно смены переходности и введения каузатора – каждый из них для данной системы языка является более «лёгким», чем собственно лабильность.

Напротив, для показателей залога и актантной деривации часто характерны максимальные различия между исходной и производной формой: см. работу [Shibatani 1998], показывающую, что для пассива характерна сочетаемость именно с максимально агентивными глаголами; аналогично, по данным работы [Kulikov 1998], ведут себя показатели декаузатива.

Тройки указанного вида характерны именно для декаузативного типа лабильности.

Рефлексивные и реципрокальные лабильные глаголы имеют по два употребления, но отличаются от показателей деривации по другим признакам.

1.4.3. Сочетаемость с показателями деривации

Как было сказано выше, многие языки имеют по несколько показателей для одной и той же деривации. Однако гораздо более распространён случай, когда такой показатель один (или один из показателей значительно продуктивнее других). И даже если показателей несколько, они нередко распределяются по лексемам и не сочетаются с одной и той же лексемой¹⁰. Это происходит потому, что каждый показатель имеет свою функцию, которая расподобляется с функциями других показателей.

Напротив, для лабильных глаголов чрезвычайно характерна сочетаемость с показателями деривации. В особенности нужно отметить рефлексивные и реципрокальные глаголы: английские глаголы *dress*, *wash* или *kiss*, *hug*, имеющие непереходные употребления, также сочетаются с возвратным местоимением *oneself* и взаимными *each other* и *one another*.

Декаузативно-лабильные глаголы менее регулярно сочетаются с показателями деривации: примером может служить специально рассматриваемый ниже адыгейский язык. Для одной группы адыгейских глаголов (не предполагающих значительных изменений пациенса) характерно сочетаться с каузативным показателем:

- (32) a. se š_we-š'əwə-r zəbχəɾə-s-teq_wə-ɸ
я СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS LOC-1SG.A-СЫПАТЬ-PAST
'Я рассыпал сахар';
- b. se š_we-š'əwə-r zəbχəɾə-z-ke-teq_wə-ɸ
я СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS LOC-1SG.A-CAUS-СЫПАТЬ-PAST
'Я рассыпал сахар'.

Глаголы сильного воздействия на пациенс, напротив, с префиксом каузатива обычно не сочетаются: например, глагол *q_wəten* 'разбить' с префиксом каузатива может значить только 'заставить разбить', но не 'разбить' – таким образом, непереходное употребление с префиксом каузатива не сочетается:

- (33) a. čaške-r q_wəta-ke
ЧАШКА-ABS РАЗБИТЬСЯ-PAST
'Чашка разбилась';
- b. čaške-r se-q_wəte
ЧАШКА-ABS РАЗБИТЬ-PRS
'Я разбиваю чашку';
- c. saša č'ale-m čaške-r r-jə-ke-q_wəta-ɸ
САША ПАРЕНЬ-ERG ЧАШКА-ABS 3SG-3SG-CAUS-РАЗБИТЬ-PAST
'Саша сделал так, что парень разбил чашку (например, толкнул его)'.

¹⁰ Исключение составляют случаи, когда один из показателей начинает захватывать область действия других - в этом случае могут возникать синонимичные формы.

Способность лабильных глаголов сочетаться с деривативными показателями показывает, что сама лабильность не может считаться «показателем» деривации – это несколько иной механизм, не мешающий каузативации.

Классы глаголов, сочетающихся и не сочетающихся с показателями, определяются индивидуально для каждого языка. В частности, они зависят от первичности маркированной или немаркированной формы и от смысла лабильного глагола (русский лабильный глагол *повернуть* сочетается с показателем деривации, но обозначает не то же, что в немаркированном непереходном употреблении).

1.4.4. Нестандартное распределение лабильных и нелабильных глаголов

Как правило, считается, что прототипические каузативы распределяются довольно предсказуемым способом: в частности, в [Недялков, Сильницкий 1969] указывается, что если в данном языке каузатив образуется от переходных глаголов, он также образуется от непереходных; декаузативы, как будет показано ниже, часто образуются от прототипически переходных глаголов. Распределение лабильности по группам глаголов также подчинено определённым правилам, но другим, нежели у аффиксов каузатива.

В частности, среди языков мы обнаруживаем системы, где к лабильности склонны:

- фазовые глаголы (болгарский).

Започна ‘начать(ся)’, *продължава* ‘продолжать(ся)’, *свърша* ‘закончить(ся)’.

- глаголы с агенсом-инициатором (литовский, французский).

Литовский: *degti* ‘гореть/жечь’, *virti* ‘варить(ся)’, *kepti* ‘печь(ся)’.

- глаголы движения (греческий, польский, русский);

Древнегреческий: *ballo* ‘бросать(ся)’, *baino* ‘идти/вести’, *ekregnumi* ‘вырывать/устремляться’¹¹.

- глаголы с прототипическим/непрототипическим пациенсом.

Лезгинский: лабильность глаголов с сильно затронутым пациенсом.

Судя по тому, что известно о распределении каузативных показателей, было бы неожиданно обнаружить язык, где тот или иной каузативный показатель сочетался бы только с глаголами движения (что более вероятно) или с фазовыми глаголами (что менее вероятно): это мог бы быть только периферийный показатель деривации, существующий наряду с какими-то ещё. В работах по декаузативу и каузативу изучается, прежде всего, их сочетаемость с прототипически переходными глаголами – именно потому, что, как правило, остальные глаголы ведут себя почти так же.

Нестандартные распределения подсказывают, что лабильность отличается от

¹¹ Древнегреческие примеры даются по словарю [Вейсман 1889]

маркированных дериваций, прежде всего, тем, что учитывает больший набор факторов исходного глагола. В частности, релевантны те факторы, которые объединяют два употребления глагола: эти признаки могут быть очень многообразны. Фазовые глаголы и глаголы движения, безусловно, составляют отдельную семантическую группу, но при образовании каузативов их особенности неважны. Существенно, прежде всего, насколько агентивен или пациентивен субъект каузируемой ситуации и насколько легко её каузировать. К факторам, релевантным для возникновения лабильности, мы перейдём ниже. Впрочем, нестандартное распределение характерно, прежде всего, для декаузативной лабильности, но не для взаимной или рефлексивной.

Впрочем, встречаются и исключения. Так, в нашей выборке есть языки типа адыгейского или немецкого, где лабильность по распределению практически совпадает со стандартными декаузативными показателями. Однако сформулировать единого правила, напоминающего правила для показателей дериваций, явно не получается.

Отчасти объяснением такому распределению мог бы служить тот факт, что прототипические группы глаголов уже «заняты» каузативными и декаузативными показателями (в особенности в языках, где они продуктивны). Но и это объяснение неудовлетворительно.

Во-первых, как было показано выше, лабильные глаголы сочетаются с показателями деривации – нельзя считать, что они находятся в строгом распределении. Во-вторых, в нашей выборке встречаются и языки, где нет показателей декаузатива или каузатива (например, русский), но лабильными становятся глаголы некоторых ограниченных групп. Ниже мы покажем, что отсутствие или наличие в языке каузативного показателя не так значимо для лабильности, как могло бы показаться.

1.4.5. Нестандартные типы каузативов

Как показано в работах [Недялков, Сильницкий 1969] и [Shibatani, Pardeshi 2002], типы каузативов очень многообразны: в частности, они различаются по типу каузатора, степени контактности и фактитивности каузации и т.д. Однако по частотности в языках мира первое место занимают фактитивные контактные каузативы¹². Крайне редка ситуация, когда морфологический показатель обозначает только пермиссивную или только дистантную каузацию.

Тем неожиданнее тот факт, что в некоторых языках лабильность (в особенности окказиональная) может выражать редкие типы каузации, в частности, наблюдение

¹² Речь идёт, конечно, о случаях, когда каузация обозначается морфологическими каузативными показателями. Во многих работах по каузативам отмечается иконичность каузативных конструкций: наиболее близкие к лексическим каузативы являются наиболее контактными и фактитивными, по мере

(*supervision*) и социативную каузацию:

(35) *Его ушли с работы.*

(36) *Она хочет уснуть ребёнка.*

(37) *Have you yet walked a dog* ‘Ты уже погулял с собакой?’.

См. подробнее о русской окказиональной лабильности [Сай 2004].

В русском языке глагол *уйти* употребляется как переходный в строго определённой ситуации, в частности, он не может означать ‘выгнать’, ‘уволить’ или ‘увести’:

(38) **Родители ушли сына из дома.*

Нестандартный тип каузативного значения, возникающий у лабильных глаголов, связан с их сочетаемостью. Если каузативные показатели сочетаются, прежде всего, с прототипически агентивными или пациентивными глаголами и выбирается дефолтный фактитивный тип каузации, то лабильность учитывает широкий набор свойств исходного глагола. Некоторые из этих свойств задают и тип каузации, применимый к ситуации.

Окказиональная лабильность – особое явление. Хотя в нашей работе оно рассматривается, нужно оговориться, что его механизм может быть несколько иным, нежели у обычной лабильности.

В частности, многие употребления глаголов, образованные таким способом, остаются вне языковой нормы и используются как игра: именно так ведёт себя глагол *уйти*: хотя его переходное употребление очень частотно, вряд ли носители считают его нормативным. Однако исключить их из рассмотрения нельзя: по семантическим и синтаксическим критериям они полностью удовлетворяют определению лабильности (более того, многие лабильные глаголы в действительности имеют такие неравноценные употребления). Кроме того, даже если считать такие употребления игрой, нужно объяснить, почему предложение (35) означает именно ‘заставить своими действиями уйти’, а не, например, ‘выгнать силой’.

О нестандартных типах рефлексива и реципрока в случае лабильности говорить сложнее. В отличие от каузативов или декаузативов, эти деривации не имеют такого количества вариантов, хотя реципрокальная и взаимная лабильность также отличаются от маркированных дериваций.

1.4.6. Нестандартные синтаксические соотношения между употреблениями

Для самых разных маркированных актантных дериваций и залогов в языках мира в целом характерно изменять переходность глагола. Так, продуктивные каузативы не всегда применяются к переходным глаголам. Декаузативы всегда производят из

возрастания аналитизма растёт дистантность и пермиссивность.

переходных глаголов непереходные, пассивы также делают глагол непереходным и редко сочетаются с непереходными глаголами (хотя встречаются исключения). Даже в языках, где переходность мало мотивирована семантически, наблюдается изоморфизм между семантикой актантной деривации и переходностью.

Напротив, лабильность часто не изменяет переходности глагола. Уже тройки типа болгарских и русских показывают, что нередко употребления лабильного глагола не различаются переходностью. Ср. также такие пары, как русский *учить*:

- (39) а. *Я учу английский;*
 б. *Он учит меня английскому.*

Некоторые глаголы, как, например, 'учить', часто имеют именно такие пары употреблений, ср., например, болгарский или французский. По-видимому, для глагола постоянной является характеристика по переходности, изменить которую без дополнительного маркирования нельзя, но не семантическая роль прямого объекта.

В арабском языке наблюдается ещё более необычный случай: каузативный глагол может быть непереходным, управляя предлогом *bayna* 'между', а инхоативный – непереходным (см. ниже подробно о типах соотношения между диатезами без изменения переходности).

Таким образом, лабильность часто объединяет две диатезы со сходными синтаксическими характеристиками (см. также часть 1.5.3 о немаркированной актантной деривации без изменения переходности). Изоморфизма синтаксических и семантических характеристик, казалось бы, не наблюдается, но семантические особенности лабильности показывают, что и по семантике она отличается от актантных дериваций.

1.4.7. Сочетаемость с производными глаголами (зависимость от формальных свойств)

Выше мы показали, что лабильные глаголы часто сочетаются с показателями актантных дериваций, синонимичных немаркированной деривации. Но ещё лучше лабильность сочетается с производными глаголами. Показатели актантной деривации в данном случае не показывают никаких предпочтений, за исключением редких случаев, когда они конкурируют со словообразовательными показателями.

Например, в адыгейском языке, по замечанию в [Кумахов 1964], многие лабильные глаголы образованы с помощью взаимного преверба *ze-* и т.д. (ср., например, *zebɣərətɛq_wən* 'рассыпать(ся)' при нелабильном *tɛq_wən* 'рассыпать'). Во французском языке лабильны большое количество отадъективных глаголов.

Таким образом, производность глагола облегчает лабильность, но не имеет отношения к актантной деривации. Это показывает, что лабильность учитывает более

широкий спектр факторов, чем актантная деривация: необходимо учитывать морфологическую структуру глагола. То, какие компоненты семантики присущи основам, а какие – производным суффиксам, влияет на их иерархическую структуру – а лабильность возникает именно в случаях, если общие компоненты «важнее», чем различные.

Общие свойства лабильности и маркированных дериваций

С другой стороны, некоторые свойства роднят лабильность с маркированными деривациями. Прежде всего, к ним относятся следующие две особенности.

1. Семантические различия

Выше говорилось, что, в отличие от опущения, лабильность существенно меняет семантику глагола.

2. Невосстановимость из контекста

Как было показано выше, лабильность, в отличие от опущения, изменяет семантику ситуации. Из этого следует второе отличие: при лабильности опущенные актанты не восстанавливаются из контекста. Оба этих признака роднят лабильность с показателями актантных дериваций.

Впрочем, в ряде случаев лабильность меняет семантику ситуации в ещё большей мере, чем показатели. Ср., например, случаи типа *повернуть*, где в переходном употреблении ограничения меньше, чем в непереходном, подразумевающим поступательное движение, или английское *issue* ‘выпускать (книгу), выливаться’ (но обычно не ‘выливать’). Не обозначаются показателями деривации и отношения типа ‘пахнуть’ ~ ‘нюхать’. Как будет показано ниже, соотношения между употреблениями лабильного глагола бывают очень сложными.

1.4.8. Выводы

Как мы видели, декаузативная лабильность очень сильно отличается от показателей деривации: она связана гораздо с большим спектром явлений и в меньшей степени различает два употребления глагола. Следовательно, неверно считать, что лабильность – своего рода нулевой показатель деривации.

Это означает, что лабильность существенно отличается от грамматических явлений: в ней выделяется менее чёткая ядерная зона – как в смысле класса глаголов, так и в смысле основного семантического соотношения. Следует предположить, что и её функции отличны от функций дериваций: либо стоит считать, что это несколько явлений (но в этом случае следует дробить её на несколько механизмов, и это дробление будет слишком мелким), либо нужно сместить центр лабильности с грамматического механизма типа каузации. Дополнительная проблема в том, что различия в основном классе глаголов

между маркированными и немаркированными реципроками и рефлексивами не так велики. Различия между разными типами лабильности мы обсудим ниже.

Таким образом, лабильность нельзя считать способом маркирования деривации. Малая распространённость этого явления роднит его с такими типами соотношения, как супплетивизм или эквиполентные оппозиции.

Ниже мы покажем, что в действительности ситуация несколько сложнее. В языках типа адыгейского лабильность весьма близка к показателям актантной деривации. В частности, в таких языках редко встречаются тройки употреблений

1.5. Лабильность и непродуктивные способы маркировки деривации

В работе [Haspelmath 1993] рассматриваются следующие способы маркировки деривации: маркированные каузативы и декаузативы, лабильность, супплетивизм и эквиполентные оппозиции (члены пары имеют общую основу и оба являются производными от неё)¹³. Конечно, наиболее распространены первые два способа. Только они бывают абсолютно продуктивны в отдельном языке (из других способов лабильность очень продуктивна только в английском). Тем не менее, и другие способы весьма значимы.¹⁴

Три непродуктивных способа имеют одну общую черту: они подразумевают симметрию непереходной и переходной диатез. Поскольку наиболее продуктивны способы, где они несимметричны, следует считать, что язык обычно концептуализует одну из диатез как первичную. Отметим, что обозначение отношений между диатезами с помощью классификаторов или эквиполентных оппозиций (ср. атабаскские языки, [Кибрик 2005]) значительно менее распространено. Объяснения этому не даётся в работе [Лютикова 2002а]: зона, где находятся прототипически переходные и непереходные глаголы, называется зоной семантической лабильности, но неясно, почему обычно одно из употреблений явно первично. Так, неверно, что в случаях, когда каузативная и инхоативная ситуации одинаково прототипичны, будет использоваться один из симметричных способов маркирования, наиболее точно отражающий семантическое соотношение: как правило, и на такие ситуации обобщается либо каузатив, либо декаузатив.

Супплетивизм и эквиполентные оппозиции, как и лабильность (даже в меньшей мере) не могут считаться средством маркирования каузатива или инхоатива. В случае

¹³ См. также обзор литературы о способах маркирования каузативного отношения в [Kulikov 2001].

¹⁴ В некоторых языках продуктивны также эквиполентные оппозиции, но это исключительно случаи, когда оба члена пары присоединяют вспомогательные глаголы: ср. иранские языки, имеющие мало синтетических глаголов. Для некоторых языков, как, например, для баскского, вопрос о статусе вспомогательного элемента проблематичен.

супплетивизма две основы изначально не имеют отношения друг к другу, а при эквиолентности образуются от основы, не дифференцированной по переходности. Таким образом, объяснимо, почему применение этих механизмов так ограничено. При достаточной близости значений (исключая, пожалуй, супплетивизм), требуемой, чтобы они обозначались одной лексемой или однокоренными лексемами, они должны также быть концептуализованы как отдельные ситуации. Большинство ситуаций из зоны семантической лабильности различаются только каузативностью и обозначаются показателем перехода от одной диатезы к другой, но некоторые значения выделяются из этого ряда.

В частности, как показывают выборки в [Haspelmath 1993] и [Лютикова 2002a], к супплетивизму и эквиолентности тяготеют пары ‘умереть’/‘убить’ и ‘учиться/учить’. Эти пары имеют некоторые общие черты: в частности, они подразумевают воздействие на одушевлённый пациент. Однако лабильность часто демонстрирует только вторая пара – первая лабильна только в некоторых эргативных языках.

Параллель между эквиолентными оппозициями и лабильностью можно видеть, прежде всего, на примере отадъективных глаголов типа ‘уменьшаться’, ‘наполняться’ или ‘чернеть’. Конечно, и эти предикаты могут присоединять каузативные и декаузативные показатели: ср., например, нем. *röten* ‘делать красным’ ~ *sich röten* ‘краснеть’, *verengern* ‘сужать’ ~ *sich verengern* ‘сужаться’. Однако очень во многих языках они либо лабильны (французский), либо составляют эквиолентную пару (адыг. *jəzə ʃ_Wen* ‘наполнять, делать полным’ ~ *jəzə HWE_n* ‘наполняться, становиться полным’). С другой стороны, пары типа ‘разбить/разбиться’ могут обозначаться лабильными глаголами, но обычно не кодируются эквиолентными оппозициями.

По-видимому, все три непродуктивных способа подразумевают, что одну из диатез нельзя считать семантически производной от другой: например, как в случае с отадъективными глаголами, исходным является прилагательное, и именно от него образуются оба члена пары.

Как для лабильности, так и супплетивизма (но не для эквиолентных пар) релевантны дополнительные признаки, не имеющие значения для продуктивных каузативных показателей. В частности, это прототипичность для данной культуры и переходного, и непереходного действия: в противном случае непрототипичное действие было бы обозначено производным глаголом.

Как следствие из этого, часто один из членов пары не является в чистом виде каузативом или декаузативом от другого. В частности, много было написано об отличие

‘убивать’ от каузатива от ‘умирать’ в чистом виде. То же самое можно сказать об обозначаемых непродуктивными способами парах ‘учить/учиться’ и ‘прятать/прятаться’. Ниже мы разберём применение лабильных глаголов в таких промежуточных случаях. Собственно, отчасти понятно, почему эквиполентные пары и супплетивизм непродуктивны: если язык обобщает каузативное отношение и маркирует его каким-то способом, то для восприятия легче, если маркируется только один член отношения: в частности, это облегчает запоминание лексем. При эквиполентных оппозициях два члена пары вообще не являются производными друг от друга – такое может происходить только в языке, где данная область недостаточно концептуализована. С другой стороны, неясно, почему непродуктивна лабильность.

Часто лабильность сложно отличить от эквиполентных оппозиций. Говоря о неканонической лабильности, мы рассмотрим случаи типа атабаскских классификаторов при переходных и непереходных глаголах: их можно рассматривать и как лабильность, и как эквиполентные оппозиции.

С другой стороны, лабильность существенно отличается от двух других непродуктивных способов тем, что может возникать именно как результат немаркированной деривации: ясно, что у глаголов типа английского *walk* переходное употребление вторично и прямо производно от непереходного. При супплетивизме сближаются формы, изначально не имеющие отношения друг к другу. Эквиполентные оппозиции часто возникают при деривации от позднее утраченной основы: ср., например, хакасские *ügre-n-* ‘учиться’ ~ *ügre-t-* ‘обучать’, производные от незасвидетельствованной основы *ügre-*. В противоположность этому типу, оппозиции типа атабаскских классификаторов возникают не таким образом: всякий глагол должен быть дифференцирован по переходности.

Лабильность и эквиполентные оппозиции близки и ещё в одном: при оппозициях саму основу можно считать лабильной (так, собственно, и делается в некоторых работах по тюркологии). И наоборот, при лабильности часто возникают эквиполентные оппозиции «переходных» и «непереходных» словоизменительных показателей: ср., например, показатели переходного и непереходного согласования в чукотско-камчатских языках, переходный и непереходный перфект, реже – претерит в немецком языке. Такого рода промежуточные случаи будут рассматриваться в части о неканонической лабильности.

Соотношение между лабильностью, супплетивизмом и эквиполентными оппозициями также показывает, что способы деривации связаны с общими

грамматическими свойствами языка: например, с количеством в нём аналитических и синтетических глаголов, а не только с системой актантных дериваций. Так, в персидском языке практически нет лабильных глаголов, но это нельзя связать напрямую со способом маркирования в нём переходности – более важно, что практически все персидские глаголы – аналитические, образованы с помощью вспомогательного элемента типа ‘быть’, ‘делать’ и т.д., которые, в свою очередь, различаются по переходности.

Итак, лабильность близка, с одной стороны, к продуктивным деривациям (в том, что и при лабильности часто можно считать одно употребление первичным, а второе образованным от него), а с другой стороны, к непродуктивным способам маркирования деривации – эквиолентным оппозициям и супплетивизму. В действительности лабильность приближается к тому или другому, в зависимости от языка и типа лабильности.

Во-первых, если лабильность в языке – «молодая», как во многих случаях в русском, то есть можно усмотреть первичность одной из диатез (ср. *Он провонял всю комнату маслом*), то можно говорить о направлении деривации. Позднее, если употребления становятся равноценными, происходит сближение с эквиолентными оппозициями. Во-вторых, если лабильность затрагивает производные глаголы (напр. франц. *blanchir* ‘белеть/белить’) велика вероятность, что два употребления лабильного глагола не являются дериватами друг от друга – каждое из них производно от прилагательного.

В таблице рассматриваются свойства лабильности и других способов маркирования переходности. Рассматривается наличие у них **маркирующей функции** (только показатели и отчасти вспомогательные глаголы, классифицирующие глаголы по переходности, обладают ей, в остальных случаях собственно о механизме, используемом для маркирования, говорить нельзя), **наличие прямой производности одного употребления от другого**, часто присутствующее у лабильности, и **симметричность употреблений**.

Табл. 1. Свойства лабильности и других типов маркирования переходности

Свойство	Каузатив	Декаузатив	лабильность	ЭО (класс.)	ЭО (дер.)	С
Продуктивность	+	+	+/-	+/-	-	-
Наличие маркирующей функции	+	+	+/-	-/+	-	-

Отношение производности между употреблениям и	+	+	+/-	-	-	-
Симметрия	-	-	+	+	+	+

ЭО (класс.) – классификаторы переходности и семантического класса (например, вспомогательные глаголы в баскском или персидском. ЭО (дер.) – эквиполентные пары, где каждое из употреблений образовано с помощью показателя деривации.

Сравнение лабильности с деривациями позволяет понять, с чем лабильность конкурирует в языковой системе – спектр этих явлений шире, чем только показатели актантной деривации. К примеру, в паре ‘пахнуть/нюхать’ лабильность конкурирует почти исключительно с симметричными способами, а не с показателями деривации.

В отличие от декаузативно-лабильных глаголов, рефлексивно- и реципрокально-лабильные не конкурируют с супплетивизмом и эквиполентными оппозициями: противопоставления типа ‘мыть/мыться’ не выражаются такими способами. С другой стороны, для данных противопоставлений более характерно выражение с помощью отдельных лексем, как и для каузатива.

1.6. Типы неканонической лабильности

Выше мы ввели многофакторное определение лабильности, учитывающее как синтаксические, так и семантические характеристики глаголов. С другой стороны, существует много случаев, не удовлетворяющих одному из требований определение – их мы будем называть **неканонической** лабильностью. Случаи, не удовлетворяющие свойству (4), уже были рассмотрены выше: это коммуникативные опущения и синтаксический эллипсис.

1.6.1. Мена модели управления

Свойству (2) не удовлетворяют случаи, при которых изменяется семантика ситуации, но не меняются свойства субъекта. Ср., например, модели управления глагола *жертвовать*:

- (40) а. *Он готов пожертвовать двадцать долларов.*
 б. *Он готов пожертвовать своей жизнью.*

Переходное употребление глагола обозначает осознанную передачу физического объекта на некоторые благотворительные нужды, а непереходное – неконтролируемую утрату некоторого (не обязательно физического) предмета. Таким образом, смена падежа

объекта меняет семантику ситуации, но субъект при этом не задействуется.

Заметим, что даже в таких случаях, где смена значения значительна, состав участников не меняется – изменяется семантическая переходность глагола (волитивность субъекта, физический/нефизический объект), но характеризуется один и тот же субъект.

Причина отделения таких случаев от прототипической лабильности в их разнородности: сюда попадают очень многие глаголы с варьированием модели управления. В отличие от коммуникативных опущений, эти изменения не регулируются коммуникативными и прагматическими факторами: не для любого глагола можно подобрать фактор изменения модели управления. Однако семантические характеристики объекта, задействуемые при опущении и при варьировании управления объектом, достаточно близки: в частности, оба механизма могут менять затронутость объекта и его референцию (ср. оппозицию партитива и аккумулятива во многих языках).

Мена модели управления, в отличие от лабильности, бывает очень продуктивной. Хотя в разных традициях принято по-разному описывать её (например, в финском говорят о вариативности управления, а в тюркских языках – часто об оформленности одного и того же падежа), ясно, что такие случаи очень продуктивны¹⁵. В то же время типологически её продуктивность ниже, чем у коммуникативных опущений.

Так, в русском языке небольшая группа переходных глаголов может управлять инструментом при объекте-части тела:

(41) *Вода вращает колесо – Он вращал глазами.*

(42) *Крутит педали – Крутит пальцем у виска.*

(43) *Водит туриста по городу – Водит глазами.*

Заметим, что, как и коммуникативное опущение, варьирование переходности в данном случае зависит от типа объекта, а не от семантики действия (как уже говорилось, лабильность возникает скорее у строго определённых групп глаголов). Малая продуктивность роднит мену переходности с лабильностью, отличая от маркированных дериваций и коммуникативных опущений.

Особо следует отметить, что более продуктивно, казалось бы, более радикальное изменение – полное удаление объекта из ситуации, а менее продуктивно изменение его маркирования. В действительности вопрос о радикальности изменений не так очевиден: по-видимому, опущение является более простой операцией, чем изменение маркирования (в частности, оно универсально, а изменение требует наличие пригодной для каждого

¹⁵ Особый вопрос встаёт в связи с вариативностью в строго определённом синтаксическом контексте – ср., например, русский генитив при отрицании.

случая формы существительного)¹⁶.

Как и коммуникативное опущение, изменение модели управления обычно не маркируется. Исключением является, в частности, антипассив с понижением статуса объекта, весьма близкий к объектному имперсоналу, ср. адыгейский:

- (44)a. se txələ-r s-ʒə-ke
 я КНИГА-ABS (3SG.P)1SG.A-ЧИТАТЬ-PAST
 ‘Я прочёл книгу’.
- b. se txələ-m s-je-ʒa-ʔ
 я КНИГА-ERG 1SG.S-3SG.IO-ЧИТАТЬ.AP-PAST
 ‘Я почитал книгу’.

В некоторых случаях изменение модели управления и лабильность сосуществуют у одного и того же глагола: ср. болгарские и французские тройки употреблений, русский глагол *капать*, фазовые глаголы во многих языках. Два явления здесь выступают как две стороны одной медали, правда, возможны разные подслучаи:

- ❖ изменение модели управления – один из этапов возникновения лабильности (сначала образуется лабильность без изменения переходности, например, *капать вином* от *вино капает*, а затем модель управления каузативного глагола меняется);
- ❖ вариативность управления – одно из проявлений неполной переходности: например, фазовые глаголы в некоторых языках могут управлять и прямым, и предложным объектом. Возможно, в таких случаях изменение модели управления происходит независимо от возникновения лабильности.

Ещё одна характерная черта мены модели управления – класс глаголов, к которым оно применяется: если лабильность и (в некоторых случаях) опущение применяются к прототипически переходным глаголам, то мена модели управления так или иначе связана с возможностью разного осмысления переходного действия. Следовательно, она должна применяться к глаголам, допускающим «непрототипически переходное» (неволитивное, с неполной затронутостью объекта) осмысление. Часто у этих глаголов допускается и опущение. Однако обратное неверно: образующий немаркированный объектный имперсонал адыгейский глагол *wəpʃʔən* ‘пахать’ является сильно переходным и не допускает мены управления.

Мена управления в отдельном языке коррелирует с типологическими тенденциями данного глагола (о них см. в [Testelec 1998]): так, глаголы каузации движения типологически могут демонстрировать ту же вариативность, что и в русском языке (см. немецкий *rollen mit dem Kopf* ‘вертеть головой’). По-видимому, группы глаголов,

¹⁶ Кроме того, данные адыгейского языка свидетельствуют, что изменение модели управления может

допускающих опущение объекта, меньше коррелируют друг с другом типологически, хотя существуют ядерные группы. Если опущение вызывается очень многими возмущающими факторами (например, модальными контекстами, референцией объекта), это скорее грамматическое явление то изменение модели управления – явление более глубокого уровня, связанное с ингерентными свойствами глагола. К моменту действия возмущающих факторов изменение модели уже должно произойти.

Помимо изменений, связанных с малой переходностью глагола, существуют изменения другого толка: это перестановки объектов (ср., например, *Намазать хлеб маслом – Намазать масло на хлеб*). Однако, как правило, они изменяют не самые главные характеристики действия (например, полноту воздействия), не меняя собственно его семантики.

1.6.2. Лабильность, затрагивающая не всю парадигму

Гораздо больше напоминает каноническую лабильность явление **частичной лабильности**, когда лабильны не все формы глагола: ср., например, немецкие глаголы типа *erschrecken* ‘пугать, бояться’, образующие в переходном употреблении претерит слабого типа, а в непереходном – сильного.

Прежде чем разобрать эти случаи, отметим, что определение, предложенное выше, требует уточнений — прежде всего, нужно определить, на каких единицах мы постулируем свойство лабильности: на лексемах или на словоформах. Традиционно в лингвистической литературе рассматривались глаголы, являющиеся лабильными во всех формах: например, английские глаголы типа *break, move* и др. во всех видовременных формах могут употребляться и как переходные, и как непереходные (хотя, как показано в работах [Kitazume 1996] и [Wright 2001] частотность переходного и непереходного употреблений может быть различной для разных глаголов). Естественно, исключением является пассив — как и в большинстве индоевропейских языков, он образуется только от переходных глаголов, а значит, лабильные глаголы могут образовывать пассив только в переходном употреблении. С другой стороны, нельзя игнорировать случаи, когда глагол имеет более одной диатезы (то есть может без специальных показателей изменения диатезы выступать в разных конструкциях), но в части форм может использоваться только одна из них.

В целом в языках мира переходность основы обычно не является её постоянной характеристикой. Так, глагольные локативные приставки в индоевропейских языках могут образовывать переходные глаголы от непереходных (ср. *идти, войти – обойти*,

быть результатом взаимодействия двух процессов – опущения и восстановления участника с другой ролью.

перейти). Также переходность часто меняется при присоединении показателей интенсивности действия и т.д. Именно поэтому лабильность чаще всего постулируется на глагольных лексемах. Лексемы обычно присоединяют словоизменительные показатели, не слишком часто воздействующие на переходность. Напротив, основы обычно сочетаются со словообразовательными показателями, изменяющими более широкий диапазон ситуаций.

Тем не менее, очевидно, что можно говорить о некоторых характеристиках актантной структуры основ. Так, в русском языке основы глаголов сравнительно редко понижают свою переходность и количество актантов: например, у производных от глагола *дать* всегда имеется не прямой объект. Часто сохраняется и переходность (*вести*, *пить* и т.д.). Следовательно, важен вопрос, может ли ингерентной для основы (или хотя бы для некоторых производных от неё) быть лабильность. Это не только вопрос о месте лабильности среди языковых единиц – важно определить, что является основным определяющим фактором для лабильности: свойства основы (независимо от семантики производных) или дериватов от неё.

Анализ показывает, что и лабильность часто ингерентна для основы. К примеру, в немецком языке дериваты от глагола *brechen* ‘ломать(ся)’ также обычно лабильны: ср. *ausbrechen* ‘выламывать(ся)’, *aufbrechen* ‘взламывать, вскрываться’, *zerbrechen* ‘разломить(ся)’. Исключение, возможно, составляет глагол *zusammenbrechen*, употребляющийся только как непереходный. Глагол *anbrechen* также лабилен, но совмещает значения ‘вскрывать, починать, открываться’ и ‘начинаться’. Впрочем, многие подобные случаи не показательны, так как неясно, чем вызвана лабильность: производностью глаголов от лабильной основы или его семантикой, характерной для лабильных глаголов.

Интересен случай глаголов с общим значением типа *schlagen* ‘бить’. В исходной форме они имеют большой спектр значений типа ‘ударять’, ‘ударяться’, ‘биться (о сердце)’ и т.д. Производные глаголы также лабильны, ср. *zuschlagen* ‘захлопывать(ся)’, *aufschlagen* ‘дорожать’, ‘повышать цены’, ‘ударяться’, *verschlagen* ‘забрасывать’, ‘оказываться’ и т.д.

В русском языке распространена лабильность глаголов движения. В частности, это касается производных глаголов от основы *-верну-*: ср. *отвернуть*, *завернуть*, *свернуть*, *повернуть*. Интересно, что исходный глагол *вернуть* не лабилен. При этом говорить о семантической мотивации лабильности здесь невозможно: лабильны совсем не все глаголы движения. По-видимому, непереходные употребления для данных дериватов вторичны, а их возможность обусловлена именно характеристиками основы: заметим, что

исходные глаголы имеют совершенно разную семантику.

В эргативных языках гнезда такого рода также встречаются: как указывается в [Махмудова 2001: 102], в рутульском языке имеются и основы, не все дериваты от которых лабильны (например, *-amIyc*: *гь-amIyc* ‘порезать(ся)’, *ъ-amIyc* ‘исполниться’, только переходный), и такие, где лабильны все глаголы: ср. *ыхIyc* – *ъыхIyc* ‘воткнуть(ся)’, *гыхIyc* ‘спрятать(ся), подставить’, *гъыхIyc* ‘бросить вниз, упасть’, *кыхIyc* ‘покрасить, спрятаться’. Заметим, что глаголы, образованные от последней основы, принадлежат к разным семантическим группам – то есть говорить о семантической мотивации нельзя.

В санскрите лабильность или ориентированность на переходность/непереходность характерна именно для основы: («Синтаксический класс глагола связан с противопоставлением корней на *-a* и на сонант» [Куликов 1993]). Как показано в той же работе, семантическая мотивация не срабатывает: пары синонимичных глаголов типа ‘сидеть, усаживать’ ~ ‘сидеть’ различаются по поведению: одни из них проявляют варьирование по переходности, а другие могут быть только переходными или непереходными. Поскольку речь идёт именно об элементах основы, стоит говорить не о характеристиках отдельных глаголов, а именно об их классах. С другой стороны, в данном случае мы имеем дело не с ингерентными характеристиками основы, а с тематическими классами.

С другой стороны, как будет показано ниже, часто лабильность проявляют производные глаголы при отсутствии лабильности у исходных (ср. адыг. *teq_wən* ‘сыпать’ – *zebɣərətəq_wən* ‘рассыпать(ся)’) - в этом случае свойства основ слабее, чем другие факторы.

С другой стороны, можно рассматривать вопрос и о лабильности словоформ. Интересен вопрос о взаимодействии лабильности с грамматическими значениями: если оно тесное, то естественно ожидать, что разные словоформы будут проявлять лабильность в разной мере (аналогично рассматриваемой в [Norreg, Thompson 1980] зависимости переходности от грамматических характеристик). В частности, во многих индоевропейских языках существуют разные типы претерита для переходных и непереходных употреблений.

1.6.2.1. Частичная лабильность

Будем называть *частичной лабильностью* случаи, когда некоторые из форм глагола проявляют каноническую лабильность, а другие – нет. В языках мира существует довольно много случаев, когда глагол лабилен не во всех своих формах. Это явление

часто встречается в эргативных дагестанских языках: так, в рутульском [Махмудова 2001] у части глаголов, как, например, *гъаархЪыри* ‘пошёл, повёл’ лабильность не проявляется в инфинитиве. В даргинском языке [Sumbatova, Mutalov 2003] многие лабильные глаголы также проявляют лабильность только в части форм. Как уже говорилось, в эргативных языках довольно частотна ситуация, когда одна и та же форма по-разному образуется от непереходных и от переходных глаголов.

В европейских языках также существуют примеры частичной лабильности. Расподобляются, в частности, перфект (в немецком и французском языках, в том числе различаются образования перфектного причастия и вспомогательные глаголы), претерит (в немецком и болгарском языках, аорист в древнегреческом языке), будущее время в древнегреческом языке и т.д. Приведём некоторые примеры:

Болгарский: *изгоря* ‘сжечь, сгореть’, *изгоря* ‘он сгорел’, *изгори* ‘он сжѣг’:

- (45) а. *Турците изгориха църквата* ‘Турки сожгли церковь’;
б. *И много забележителни градове изгоряха* ‘Сгорело много заметных городов’.

Немецкий: *erschrecken* ‘бояться, пугать’, *erschrak* ‘он испугался’, *erschreckte* ‘он испугал’.

Данные два случая показывают, что частичная лабильность распадается на несколько подтипов. В болгарском языке тип образования аориста является **классифицирующим** для глаголов спряжения на *-и* с ударением на окончании. Язык требует, чтобы переходный глагол имел аорист на *-и*, а непереходный – на *-я* (*изличи* ‘он стѣр’ — *изкипя* ‘он выкипел’). Таким образом, расподобление форм глагола *изгоря* не свидетельствует об особенностях данной конкретной лексемы. Как мне кажется, решение о том, являются ли такие глаголы лабильными, должно приниматься прежде всего исходя из места форм, расподобляющих две диатезы лабильных глаголов, в грамматической системе данного языка. В болгарском такими свойствами обладает только аорист от глаголов одного спряжения, а значит, лабильные глаголы, образующие два разных аориста, можно считать близкими к прототипической лабильности (более того, в некоторых случаях, о которых речь пойдёт ниже, расподобления не происходит: *зачестя* ‘участить, зачастить, участиться’ — *зачести* ‘он участил, зачастил, участился’)

Напротив, в немецком языке не все непереходные глаголы имеют претерит по сильному типу: среди них есть большое количество правильных (ср. *segeln* ‘плавать’). Слабый и сильный типы никак не могут считаться **механизмом, классифицирующим глаголы по переходности** – и значит, расподобление форм глагола *erschrecken* говорит о

его индивидуальных особенностях. Вероятно, исходно это были две разные лексемы, которые в настоящее время имеют различные формы претерита. В современном языке их скорее следует считать одной лексемой – в частности, об этом свидетельствует различное соотношение слабых и сильных вариантов у разных приставочных глаголов (оно становится чертой отдельной лексемы) и вариативность, особенно при возвратном местоимении:

(46) a. *Ich erschreckte/erschrak mich* ‘Я испугался’ (1230/696 результатов по системе Google);

b. *Er erschreckte/erschrak sich* ‘Он испугался’ (643/930 результатов).

c. *Er² erschreckte/erschrak von diesen Worten* ‘Он испугался этих слов’.

d. *Er erschreckte/*erschrak mich* ‘Он испугал меня’.

Таким образом, частичную лабильность следует считать скалярным явлением: в разных случаях мы считаем глагол более или менее близким к прототипу лабильности. В частности, это явление не всегда просто отличить от двух других:

- полной лабильности
- различных лексем

Пример неразличимости частичной лабильности и различных лексем мы уже видели в немецком языке. Выше говорилось, что в лингвистической литературе нет полного единства по поводу рассмотрения употреблений лабильного глагола как разных или одной лексемы. Наличие у лексем различных форм делает ещё более логичным первое решение – в особенности если в языке есть и полностью лабильные глаголы (ср. немецкие *erschrecken*, *schmelzen* ‘таять’ и канонически лабильные *fahren* ‘ехать, везти’, *brechen* ‘разбить(ся)’). Напротив, если все глаголы (данного класса) в данном языке неканонически лабильны, как в болгарском, разбиение их на две лексемы менее адекватно отражает ситуацию: стоит считать их лабильными глаголами.

В частности, внутри немецкой системы глаголов сосуществуют два типа частичной лабильности, в разной мере близкие к прототипу. Один из них – вариативность слабого и сильного типов, другой – различия во вспомогательном глаголе в перфекте: второй тип, конечно, очень близок к прототипической лабильности. Выбор глагола *haben* или *sein* диктуется не только актантной структурой или переходностью глагола, но и некоторыми семантическими характеристиками, а значит, не может считаться способом классификации по переходности.

Выбор вспомогательного глагола в немецком и французском перфекте устроен по-разному: в немецком языке перфект с глаголом *sein* ‘быть’ образуют очень многие пассивные непереходные глаголы (например, *brechen* ‘ломать(ся)’, *reißen* ‘рвать(ся)’

и т.д.). Напротив во французском языке с глаголом *être* ‘быть’ употребляются немногочисленные лексемы – глаголы движения типа *sortir* ‘выходить, вынимать’ или *descendre* ‘спускать(ся)’. Интересно, что это коррелирует с преобладающим типом лабильности: в немецком языке часто лабильны именно пациентивные глаголы, тогда как для французского это нехарактерно. В обоих языках действует тенденция различать два употребления лабильного глагола, хотя в немецком она сильнее (французский глагол *casser* ‘ломать(ся)’, имеющий непереходные употребления, всегда употребляется с *avoir* ‘иметь’. Лабильные глаголы также ведут себя по-разному, в зависимости от свойств единственного актанта при непереходном употреблении. Так, у глаголов *brennen* ‘гореть/жечь, обжигаться’ и *kochen* ‘варить/вариться’ в переходном и непереходном употреблениях образуется перфект на *haben* — таким образом, формы с каузативной и с декаузативной диатезой совпадают. При этом в переходном употреблении глагол используется чаще всего в значении ‘обжигать’ (фарфор). Глагол *brechen* ‘ломать(ся)’ в переходном употреблении образует перфект на *haben*, а в непереходном — на *sein*, таким образом, во всех временах системы перфекта переходные и непереходные формы не совпадают (в большинстве случаев немецкие лабильные глаголы ведут себя именно так). В немецком распределение типов перфекта устроено сложнее, чем в болгарском, но, в любом случае, оба типа лабильных глаголов следует считать достаточно близкими к прототипу. Сохранение или изменение типа спряжения маркирует не различие по переходности, а большую или меньшую пациентивность непереходного употребления.

Таким образом, чем более широкое множество лексем разбивают свои формы на переходные и непереходные, тем ближе ситуация к лабильности. Ситуацию, когда это множество очень широко, можно назвать **распределением типов словоизменения** (ср. болгарский аорист). Если множества узки и это мотивировано тем, что ранее лексемы различались, можно говорить о **совмещении двух глаголов** (немецкий претерит). Наконец, если распределение возникает в узком семантическом классе случаев, будем называть это **семантическим расподоблением** (французский перфект).

Пример, промежуточный между частичной и полной лабильностью, мы находим в болгарском языке. Глаголы несовершенного вида *намалявам* ‘уменьшать(ся)’, *надебелявам* ‘увеличивать(ся)’ и т.д. лабильны:

(47) *Той намалява количеството на учениците* ‘Он уменьшает количество учеников’ – *количеството на учениците намалява* ‘количества учеников уменьшается’.

В совершенном виде переходный и непереходный глаголы различаются: ср. *намалея* ‘уменьшиться’ – *намаля* ‘уменьшить’. Анализ этого случая зависит от того,

рассматривается категория вида как словоизменительная или как словообразовательная.

В разных славянских языках вид имеет разные свойства. Известно, что в старославянском языке глаголы не имели фиксированной видовой характеристики и, следовательно, видовые формы исходно принадлежали не к словоизменению, а к словообразованию. Это проявляется в том, что и в современных славянских языках способы образования видовых форм очень многообразны: ср. *сделать*, *порезать* и др. В русском языке многие глаголы не имеют видовых пар. Кроме того, неясно, как рассматривать тройки типа *резать* – *нарезать* – *нарезать*, содержащие два имперфектива.

В болгарском языке категория вида также не удовлетворяет всем критериям грамматической категории: способы образования видовых форм гораздо многообразнее, чем, например, способы образования формы аориста. Большинство форм: будущее время, аорист, имперфект — можно построить как от глаголов совершенного, так и от несовершенного вида (как и в русском языке, настоящее время строится только от несовершенного вида). Следовательно, видовые формы во многом ведут себя как отдельные лексемы.

В частности, многие глаголы образуют и непреходный, и непреходный имперфектив. Тем не менее, другие характеристики вида удовлетворяют критериям грамматической категории: например, образование вторичных имперфективов гораздо более продуктивно, чем в русском. Это отчасти объясняет тенденцию рассматриваемых глаголов к лабильности: как будет показано ниже, производные лексемы вообще часто становятся лабильны в силу особенностей своего образования. Например, для них характерно сокращение вариантов спряжения по сравнению с исходными.

В частности, для рассматриваемого типа существует регулярное соотношение форм совершенного и несовершенного вида: ср. *намалявам* — *намалея*, *намаля*, *надебелявам* — *надебелея*, *надебеля*, *отънявам* ‘худеть, делать тоньше’ — *отънея*, *отъня*. У всех данных глаголах существуют «переходная» и «непереходная» формы совершенного вида, а форма несовершенного вида лабильна. Тем не менее, глаголы на *-явам* не всегда имеют и переходное, и непереходное употребления: ср., например: *повеселям/повеселя* ‘повеселить’ и непереходный *повеселявам/повеселея* ‘повеселиться’ (у глагола *намалявам* варианта на *-ям* нет).

Судя по всему, обычно лабильность проявляют отадъективные глаголы, обозначающие изменения свойств неодушевлённого объекта. Их класс довольно невелик — следовательно, нельзя считать лабильность обусловленной видом глагола. Обычно

глаголы совершенного вида имеют ту же характеристику по переходности, что и несовершенного. Кроме того, глаголы данного семантического класса вообще часто проявляют лабильность – например, в румынском и французском языках.

Против отнесения болгарского случая к лабильности говорит возможная морфонологическая мотивация лабильности. Хотя грамматической категории вида, возможно, не существует, имперфективы типа *намалявам* явно производны. В таком случае болгарский случай аналогичен немецкому претериту: две разных лексемы образуют омонимичные формы по формальным причинам. Нужно, кстати, сказать, что лабильность вообще тесно связана с формальной производностью глагола: ср., например, арабские глаголы третьей породы со значением симметричного действия. Ниже мы проанализируем этот класс лабильных глаголов и покажем, что она обусловлена и формальными, и семантическими свойствами глаголов.

В болгарском языке есть, по крайней мере, один случай, когда два глагола совершенного вида имеют один несовершенный вне связи с морфонологическими правилами: *прилевам* ‘прилеплять(ся)’ – *прилепя* ‘прилепить’, *прилепна* ‘прилипнуть’: *Не прилепва главата към тялото* ‘он не прислоняет голову к телу’ – *Книгата прилепва към стола* ‘Книга прилипает к столу’. Переходное употребление у глагола *прилевам* встречается реже, чем непереходное – существует переходный глагол несовершенного вида *прилепам*. Никакие морфонологические правила не требуют совпадения глаголов типа на *-на* и на *-я*.

Напротив, глаголы на *-ея* и *-я* типа *намаля* — *намаля*, помимо несовершенного вида, совпадают также в аористе на *-я*-(в данном случае этого не происходит, так как глагол *намаля* — переходный и образует и-аорист). Таким образом, лабильность глагола *намалявам* в большей степени случайна, чем у глагола *прилевам*.

Можно сформулировать общее правило: объединяющую частичную лабильность стоит усматривать в случаях, когда некоторая форма лабильна или нелабильна у очень большого класса глаголов. Напротив, если класс глаголов невелик и мотивирован семантически, стоит говорить о канонической лабильности и считать, что нелабильные формы представляют собой другую подпарадигму (как в болгарском языке), либо о разделяющей лабильности.

В расподобляющей функции часто выступает императив. Так, в нахско-дагестанских языках, например, в багвалинском, существуют переходный и непереходный императивы (см. [Лютикова 2002a], где это явление называется расщеплением парадигмы):

- (48) a. hunč'a,b=isi!
 солома N=сжиматься.IMV.INTR
 ‘Солома, спрессуйся!’;
 b. ila-ko, hunč'a b=is-a
 мать-VOC солома N=сжимать-IMV.TR
 ‘Мать, солему спрессуй!’.

С другой стороны, иногда расподобляют диатезы согласовательные аффиксы, закреплённые за переходными глаголами. В адыгейском языке имеются согласовательные аффиксы, различающиеся для переходных и непереходных глаголов, в основном, местом и количеством. Однако в настоящем времени одновалентные непереходные глаголы присоединяют префикс *те-*: *тақ_ие* ‘он идёт’, не имеющий «переходного» аналога.

1.6.2.2.1. Лабильность объединяющего типа

Как мы уже видели, лабильность может проявляться в большем или меньшем множестве форм глагола. Если обычно глагол не лабилен, а проявляет лабильность только в небольшом подмножестве форм, будем говорить о лабильности объединяющего типа: форма требует совпадения глаголов.

Очень часто лабильность такого рода возникает у нефинитных форм – причастий и деепричастий. Ср., например, отсутствие залоговой ориентации у тюркских причастий ([Haspelmath 2001]), у некоторых аккадских (*sabit*- ‘взятый; взявший’ – [Дьяконов 1967]). Для русских диалектов отмечается отпадение *-ся* в деепричастиях (например, *помывиши* означает ‘помывшись’), выполняющих функцию сказуемого при перфекте. Свойство причастий не маркироваться по переходности проявляется и в их чисто формальных особенностях – выпадении возвратного суффикса. В русском языке также наблюдаются случаи типа *рифмующие строки*, когда активное причастие, образованное от переходного глагола, по семантике относится скорее к декаузативу от него – ‘рифмующиеся строки’ (ср. аналогичные случаи в болгарском – глагол *тренирам* чаще всего выступает как непереходный именно в причастной форме: *трениращи спортисти* ‘тренирующиеся спортсмены’).

Эта особенность нефинитных форм связана и с синтаксическими факторами – с частым опущением их актантов – и с семантическими: причастие может иметь значение свойства (*интригующий* ‘тот, который интригует всех или прототипических людей’), в этом случае объект опускается. Заметим, что такая же «лабильность», хотя без мены переходности, обычна для прилагательных: ср. *терпимый* ‘тот, который возможно терпеть/тот, который может терпеть некоторые ситуации’. Вообще, современном русском языке пассивное причастие настоящего времени с суффиксом *-ом/-ем* (*побуждаемый*) часто обозначает возможность/невозможность совершения действия. Пассивность формы

при этом отходит на второй план: в отличие от пассива, м-причастие может образовываться и от непереходных глаголов (ср. *управляемый, руководимый*¹⁷), а в некоторых случаях может относиться к субъекту действия (ср. *несгораемый шкаф*, разговорное сочетание *неувядаемый актёр*) Причастие от глагола *терпеть* реализует сразу две возможности: причастие употребляется и «пассивно» (ср. *терпимые условия* — ‘такие, которые можно терпеть’) и «активно» (*терпимый человек* — ‘умеющий терпеть, принимать чужие взгляды’).

Поскольку значение свойства не требует определённости актантов, нерелевантными становятся они оба: конструкция означает нечто вроде ‘свойство ситуации состоит в том, что Р’. Кроме того, «непереходность» причастий от переходных глаголов может быть связана с меньшей семантической переходностью нефинитных форм: свойство определяется обычно относительно неагентивного актанта. С другой стороны, переходный глагол и возвратная форма от него прототипически обозначает не состояние, а процесс или вхождение в состояние.

Регулярно лабильны причастия в дагестанских и некоторых тюркских языках (см. работу [Haspelmath 2001]). По-видимому, стоит говорить не о переходности/непереходности причастий, а об их ориентированности на агенса или на пациенса. Тюркские и дагестанские причастия могут быть ориентированы и на один, и на другой актант – например, караимское *bergen* означает и ‘отдавший’, и ‘отданный’. Это свойство хорошо согласуется с другим: причастия, деепричастия и финитные формы в тюркских языках не всегда чётко различаются: таким образом, несущественно, определяет форма какой-либо актант или ситуацию.

В некоторых случаях (при распределяющей лабильности) объединяющую функцию выполняют и другие формы, например, инфинитив или масдар: так, в грузинском языке объединение доходит до того, что в инфинитиве глагол не имеет характерной гласной (словообразовательного показателя) и переходные и непереходные глаголы не различаются. Естественно, стоит упомянуть лабильность отглагольных имён в русском языке, подробно рассмотренную в [Пазельская 2006]. Хотя образование этих имён нерегулярно, важно, что при многих способах образования различие по переходности стирается. По большому счёту, эта лабильность объясняется тем же, что и лабильность причастий. Важно, что, помимо опускаемости объекта, данные имена вообще не могут иметь прямой объект. При этом наиболее важен для них пациенс (он выражается более ядерным падежом) – отсюда и возникает Р-, а не А-лабильность.

¹⁷ Возможно, данные причастия образованы от глаголов, ранее бывших переходными.

Лабильность имён действия хорошо согласуется с эргативным принципом выражения их актантов: генитивом выражается субъект непереходного или объект переходного глагола (*вращение Земли вокруг своей оси, убийство Фердинанда Гаврилой Принципом*), а агенс переходного глагола маркируется инструментом, то есть более перифериен, чем пациенс. Заметим, что прототипически переходные глаголы чаще лабильны в эргативных, чем в аккумулятивных языках – возможно, это также связано с большей релевантностью пациенса.

Другие формы несут объединяющую функцию реже. В немецком языке её можно усмотреть у форм презентной основы типа *erschrecken*, поскольку две остальных основы не лабильны. Аналогичным образом ведут себя презентные формы в большинстве случаев, где формы прошедшего времени расподобляются. Это связано, с одной стороны, с тем, что формы прошедшего (совершенного) обозначают более переходные действия, чем формы настоящего. С другой стороны, аналитические прошедшие времена восходят к результатам, для которых также весьма важны свойства глагола. В части случаев, например, в баскском языке, лабилен императив. В данном случае причина объединения диатез заключается не в семантике формы, а в способе её образования: она не требует вспомогательного глагола.

Следовательно, можно выделить два подтипа частичной лабильности объединяющего типа: в одном из них лабильность формы обусловлена её морфологией (ср. императив в баскском языке), а в другом – скорее семантикой и синтаксическими особенностями (ср. причастия и отглагольные имена). Помимо этого, важно, какая из форм является исходной: так, в русском языке причастия и отглагольные имена производны по отношению к глаголам. Формы презенса и претерита в германских языках не связаны друг с другом таким образом.

Лабильность объединяющего типа отличается от прочих классов тем, что вытекает из недифференцированности формы – фактически можно говорить о «лабильности» показателя. Тем самым этот класс форм очень близок к лабильности производных глаголов: ср., например, рефлексив в хакасском языке:

(49a) adEj хуži-n-č'e
 собака чесать-REFL-PRS
 ‘Собака чешется’;

(49b) vas'a хол-y-n хуži-n-č'e
 Вася рука-3SG-ACC чесать-REFL-PRS
 ‘Вася чешет руку’ (возможен также вариант без рефлексивного аффикса).

При полисемии типа (49ab) варьирование возникает также в силу особенностей показателя: компоненты, привносимые им, оказываются важнее, чем различия по

переходности.

Таким образом, можно различать «лексическую» и «грамматическую» лабильность (или составляющие лабильности). Первая возникает из-за особенностей лексемы или глагольной основы (если лабильна основа, это ещё в большей мере значит, что грамматические особенности не влияют на лабильность). Вторая связана с особенностями форм и грамматических показателей. Естественно, чаще всего в лабильности принимают участие и грамматические, и лексические свойства глагола.

Частичная лабильность демонстрирует две особенности лабильности. Во-первых, о ней можно говорить на разных уровнях – от глагольной основы до отдельных словоформ. Лабильность тесно связана с семантической переходностью, агентивностью и пациентивностью, а эти характеристики в большой степени зависят от аспектуальных и модальных характеристик ситуации. Следовательно, воспринимать лабильность как словарную характеристику, ингерентно присущую лексеме, нельзя: нужно говорить о признаках, объединяющих две ситуации в рамках одной лексемы. Эти признаки могут быть или не быть связанными с грамматическими категориями.

Во-вторых, если лабильность связана с формами глагола, их характеристики сильнее, чем переходность лексемы. Нами практически не обнаружено случаев, когда лабильные глаголы вели бы себя в «расподобляющих» формах иначе, чем любой переходный и любой непереходный глагол. Исключением является болгарский глагол *зачестя*, образующий даже в непереходном употреблении аорист по «переходному» типу *зачестих*. Вообще категория лабильных глаголов выделяется в языке по формальным основаниям не слишком часто – исключение составляет сочетаемость с показателями дериваций. Это означает, что лабильность отлична от грамматических явлений: иначе сложно было бы объяснить её подчинённую позицию. При образовании форм, различающих переходные и непереходные глаголы, переходное употребление лабильного глагола ведёт себя как стандартный переходный глагол, а непереходное – как непереходный.

1.6.2.3. Разделение моделей управления по подпарадигмам глагола

Несколько менее частой, чем частичная лабильность, является случай, когда не лабильна ни одна из форм глагола: одна подпарадигма только непереходна, а другая только переходна (в [Kulikov 1999a] это явление называется *split causativity*).

Казалось бы, такое разделение не относится к лабильности: скорее нужно было бы считать, что непереходная подпарадигма является подпарадигмой пассивных форм, которые маркируют именно изменение статуса и количества актантов – данная ситуация близка к противопоставлению залогов, где активные формы переходны, а пассивные

непереходны. В действительности его трактовка зависит от конкретного деления на подпарадигмы. Главный вопрос состоит в том, можно ли считать показатель, образующий форму, в которой глагол употребляется как переходный, показателем конверсии от непереходного к переходному глаголу (то же касается форм, в которых глагол употребляется как непереходный). Если считать, что показатель деривации или залога, например, пассива, одновременно маркирует изменение переходности, то ясно, что лабильностью данный случай считаться не может. Напротив, если считать, что переходность или непереходность той или иной формы вытекает из семантики показателя, но не является её частью, то данный случай надо считать лабильностью, поскольку изменение переходности не маркировано. Ясно, что нельзя однозначно решить, входит ли в семантику того или иного показателя изменение переходности: разные деривации в языках мира в разной мере связаны с переходностью глагола — в значительной мере это зависит от сочетаемости конкретного показателя.

Если в языке есть показатель, основная функция которого – маркировать актантную деривацию или залог, мы не говорим о распределении относительно него. Но часто связь с переходностью не столь очевидна. Прежде всего, речь идёт об особых диатезах результата: в адыгейском языке он всегда одновалентен, тогда как исходные глаголы могут быть переходными:

- (50) a. pšaše-m qabasqe-r ə-ke-ž_wa-к
 ДЕВУШКА-ERG КАПУСТА-ABS 3SG.A-CAUS-ВАРИТЬ-PAST
 ‘Девушка сварила капусту’;
 b. qabasqe-r ke-ž_wa-ke
 КАПУСТА-ABS CAUS-ВАРИТЬ-PAST
 ‘Капуста отварена’ [Николаева 2003].

Мена переходности проявляется и в утрате словоизменительного показателя агенса ə-, но не маркируется показателем деривации. Известно, что результатив в языках мира связан со свойствами актантов: в целом объектный результатив встречается чаще, чем субъектный. Тем не менее, никаких показателей, кроме показателя прошедшего времени, в глаголе нет. Данный случай отстоит от лабильности довольно далеко: результатив образуется от переходных глаголов без ограничений и не связан с их семантикой.

Аналогичным образом, в аварском языке антипассивные формы на -ar непереходны. Исторически они происходят от аспектуальных показателей и удовлетворяют нашему критерию, поскольку не маркируют актантную деривацию. Однако на современном уровне объяснить такой сильный изоморфизм между аспектуальным значением и переходностью трудно – логичнее считать этот показатель показателем антипассива, как и делается в работе [Беляева, Короткова 2005].

Однако есть случаи, когда распределение переходной и непереходной диатез по формам глагола на синхронном уровне уже нельзя объяснить связью семантики этих форм с переходностью. Так обстоит дело, к примеру, с распределением диатез по формам перфекта и презенса в ведийском санскрите (см. работу Kulikov 1999a, где это явление называется «split causativity»). В санскрите ряд глаголов употребляются как переходные в презенсе и как непереходные в перфекте. Л.И. Куликов (Kulikov 1999a) объясняет эту связью перфекта со значением результирующего состояния и, возможно, происхождения перфекта от результата — как показано в работе [Hopper, Thompson 1980], конструкции, обозначающие действие, обычно являются более переходными, чем обозначающие состояние. Тем не менее в период, исследуемый в работах Куликова, эта связь уже в значительной мере стёрлась, и нельзя было говорить о перфекте как о форме со значением состояния объекта.

Как и при частичной лабильности, особым образом могут вести себя формы неиндикативных наклонений и причастия. Поскольку у причастий актанты часто не выражены, частичная лабильность при них плохо отличима от распределения: конструкции с выраженными актантами могут менять свои свойства. Кроме того, часто система причастий в целом меняет свою ориентированность: ср., например, переходные случаи в русском языке, где «пассивные» причастия типа *зависимый* могут образовываться от непереходных глаголов. Причастия отчасти автономны от глаголов и не настолько вовлечены в противопоставление по переходности.

Примером нестандартного поведения причастий может служить арабский глагол *afa:da:.* Он образуется от основы со значением ‘быть полезным/извлекать пользу’ по форме четвёртой, каузативной породы. В современном арабском он употребляется как переходный в значении ‘сообщать’, а в исходном — только как непереходный со значением ‘извлекать пользу’. Тем не менее, активное причастие от него *mufi:dun* означает только ‘полезный, приносящий пользу’, но не ‘извлекающий пользу’.

Довольно часто необычную диатезу демонстрирует императив. В частности, древнегреческий глагол *paio* в большинстве форм употребляется в значении ‘заставить прекратить, удержать от чего-либо’:

(51)	pau-s-ai	Нектор-а	mahe-s
	удержать-AOR-INF	Гектор-ACC	битва-GEN
	‘Заставить Гектора прекратить битву, удержать Гектора от битвы’.		

В этом случае аккузативом маркируется каузируемый, а генитивом — процесс, который нужно прекратить. Встречаются также употребления только с аккузативом в значении ‘прекратить’.

Однако форма императива *Paue!* означает ‘Перестань’, то есть употребляется в декаузативном значении, при этом глагол становится непереходным и управляет не аккузативом, а генитивом:

(52)	rau-e	mahe-s
	прекратить-IMV.2SG	битва-GEN
	‘Прекрати битву!’	

Напомним, что и при частичной лабильности императив может вести себя особым образом, причём может быть и формой, где диатезы расподобляются (багвалинский язык), и такой, где они совпадают (баскский). В целом данные явления свидетельствуют о том, что императив занимает особое положение среди членов глагольной парадигмы (см. другие аргументы в пользу его особого положения в [Гусев 2005]).

Распределение диатез по формам глагола может находиться ближе или дальше от лабильности, и зависит это от двух параметров: от значения подпарадигм (т.е. от его близости к значениям актантной деривации или переходности) и от регулярности данного различия: если все или почти все глаголы данного класса расщепляют свою парадигму одинаковым образом, стоит усматривать в этом не лабильность, а наличие у подпарадигм значений, связанных с переходностью.

Нужно сказать, что распределение и частичная лабильность часто сосуществуют в одном языке и одинаково распределены по парадигмам. Так, в [Иосад, Пазельская, Цюрупа 2005] показано, что имперфективирующие деривации в ненецком языке могут изменять (как правило, понижать) переходность глагола. При этом фреквентатив, например, производит от переходных глаголов в одних случаях переходные, а в других – лабильные (мы имеем дело, соответственно, с распределением и с частичной лабильностью). И это вполне естественно. Оба явления отражают связь переходности глагола с семантической переходностью той или иной формы (например, с полной или неполной затронутостью объекта). Различие состоит в том, что в одних языках это связь вообще не даёт лабильности проявиться, и возникает распределение (каждая из форм имеет только одну характеристику по переходности). В других языках часть форм всё-таки лабильна, а в части (например, в претерите, обозначающим завершённое действие, или в перфекте, связанном с результативностью) эти противопоставления релевантны. В первом случае лабильность явно связана с маркированием результата от нерезультативных переходных форм, а во втором речь идёт об исходно различных конструкциях – статальной и переходной динамической.

С другой стороны, имеются и случаи, когда частичная лабильность и распределение занимают разные места в глагольной системе. Частичная лабильность часто связана с

регулярным неразличением моделей управления в одной и той же форме: например, императив различает или не различает переходные и непереходные глаголы.

Распределение по подпарадигмам часто связано с канонической лабильностью. Греческий глагол *paio* исходно был лабилен, но постепенно в одной из форм чаще стала употребляться одна из моделей управления, а в другой – другая. С другой стороны, примеры типа санскритского диахронически связаны с противоположным явлением: изначально глагол не был лабилен: одна из форм была объектным результативом или стативом от другой, позднее различие между формами утратило свою связь с актантной структурой. С другой стороны, может оказаться, что исходно формы, по которым распределены модели управления глагола, имели отношение к залоговому

Распределение по формам отличается от прочих случаев, рассмотренных в этой главе, ещё и своей узкой сочетаемостью (как было сказано выше, мы не считаем распределением случаи, когда различаются формы у всех глаголов). Этим она похожа на прототипическую лабильность. Действительно, если мы говорим о лабильности объединяющего типа, обычно речь идёт о том, что типы сливаются у всех глаголов, в том числе и у имеющих одну модель управления. Рассматриваемая ниже распределённая лабильность также обычно проходит по всей системе языка (крайне редко бывает, что только небольшая часть глаголов различают переходные и непереходные согласователи). Распределение по формам часто не бывает слишком широко распределённым, поскольку тесно связано не только с семантикой форм, но и с семантикой лексем.

В этой связи нельзя не упомянуть работу [Hopper, Thompson 1980], где переходность связывается с семантикой ситуации. Таким образом, даже если формы не выражают переходности прямо, они могут выражать характеристику, связывающуюся с переходной моделью (предельную ситуацию) или с непереходной (состояние). Конечно, такая связь прослеживается и для опущения объекта – например, в случае аварского языка оно связано с тяготением неопределённых, в частности, хабитуальных глаголов к непереходным моделям. В данном случае эти два явления не противопоставлены.

Поскольку распределение по подпарадигмам может быть весьма причудливым, в некоторых случаях нечто подобное можно усматривать и на уровне словообразования: ср., например, префиксацию в славянских языках (*помнить*, *вспомнить*, но *напомнить* ‘каузировать вспомнить’). Конечно, о лабильности глаголов речь здесь идти не может, но можно говорить о лабильности основ. Поскольку в формах типа *напомнить* нет никакого показателя переходности или каузатива в строгом смысле, можно считать, что основа *помнить* не маркирована по каузативности и «лабильна» (впрочем, в данном случае оба употребления переходны).

Следовательно, распределение по формам связывает лабильность с большой группой явлений, которые можно назвать «побочным противопоставлением по переходности». Многие словообразовательные показатели, в частности, локативные префиксы, вместе с чисто семантическими преобразованиями маркируют мену переходности. В частности, оказывается, что префиксальные и непроизводные глаголы в разной мере склонны к лабильности (об этом речь пойдёт ниже): фактически префиксы косвенным образом влияют на лабильность. Многие локативные префиксы делают глагол переходным за счёт введения прямого объекта-ориентира или конечной точки (ср., например, альтернативные модели глаголов на *пере-*: *перейти дорогу* и *перейти через реку*).

1.6.2.4. Распределённая лабильность

Распределённой лабильностью, в отличие от частичной, мы будем называть случаи, когда глагол не лабилен ни в одной из своих форм, но лексему в целом можно считать лабильной. Это бывает, когда в глаголе присутствует некоторая морфема или комплекс морфем, классифицирующий все глаголы на переходные и непереходные – за вычетом её глагол лабилен, то есть не имеет показателей актантной деривации. Ср., например, верхне-кускоквимский атабаскский язык (атабаскская семья):

- (53) a. *duł* *di-gwnh*
 дерево Pref-сушиться
 ‘Дерево сушится’
 b. *duł* *di-l-gwnh*
 дерево Pref- TI↑-сушиться
 ‘Он сушит дерево’;
 c. *duł* *di-l-gwnh*
 дерево Pref- TI↑↓-сушиться
 ‘Он сушит дерево для себя’

Показатели *l* и *l*, по данным работы [Кибрик 2005], не выражают конкретной деривации, а показывают, насколько изменилась переходность в результате деривации. Саму деривацию маркируют обычно особые показатели, но в примере (53) они отсутствуют. Как можно увидеть, такие случаи находятся между лабильностью и маркированием деривации. Отметим, что к распределённой лабильности мы, конечно, не относим противопоставление каузатива и немаркированного глагола – речь идёт именно о случаях, когда собственно показателя актантной деривации в словоформе нет.

Ниже мы попытаемся показать, что распределённая лабильность распадается на подтипы – в зависимости от способа маркировки различия между переходным и непереходным употреблением, она может находиться ближе или дальше от канонической лабильности.

1. *Характер показателей.* Прежде всего, существенно, какие именно показатели различают словоформы переходного и непереходного употреблений лабильного глагола: словоизменительные (как в грузинском, чукотско-камчатских или абхазо-адыгских языках) или словообразовательные (как опять же в грузинском или в атабаскских). В первом случае показатели не имеют собственно различительной функции – они используются для выражения словоизменительных категорий – было бы нелогично думать, что они также выражают переходность глагола. Можно сказать, что этот случай практически совпадает с канонической лабильностью, но отличается в силу особенностей системы маркирования словоизменительных категорий данного языка. Напротив, второй случай уже не столь однозначен: известно, что в парах типа *белеть – белить* именно тип склонения выражает переходность глагола.

Так, в алюторском языке [Кибрик, Кодзасов, Муравьёва 2000] существуют субъектный и субъектно-объектный (агентивно-пациентивный) типы спряжения. В первом из них и префиксальные, и суффиксальные показатели маркируют согласование с субъектом, во втором префиксы маркируют согласование по агенсу, а суффиксы — по пациенсу. В субъектно-объектном типе спряжения существуют также *опосредованные согласователи*, которые «одновременно учитывают лично-числовые значения А- и Р-актанта переходного глагола» [Кибрик, Кодзасов, Муравьёва 2000]: так, показатель *-ni* обозначает 3 лицо единственного числа агенса при третьем лице пациенса. С другой стороны, дополнительных словообразовательных показателей переходности нет.

В дагестанских языках многие переходные глаголы могут согласовываться по классу с пациенсом: если это происходит, формы переходного и непереходного глагола различаются. В адыгейском языке в большинстве видовременных форм глагол согласуется со всеми эргативными и абсолютивными актантами — у производных глаголов число согласовательных аффиксов может достигать до 5-6 [Рогава, Керашева 1966].

В особенности похож на прототипическую лабильность случай, когда различие заключается только в количестве согласовательных показателей, а не в их облике. Ни один показатель не дифференцирован по переходности, просто одни из них выражают согласование с объектом, а другие – с субъектом. Именно так устроена адыгейская система согласования.

Напротив, в грузинской системе показатель третьего лица субъекта дифференцирован по переходности: переходные глаголы присоединяют показатель *-s*, а непереходные – *-a*. Следовательно, маркируется не только каждый актант, но и переходность глагола, что отдаляет этот случай от лабильности. Заметим, что и по другим

признакам грузинская система дальше от лабильности, чем адыгейская.

Важно, как соотносятся показатели агенса и пациенса при двухвалентном и субъекта при одновалентном употреблении глагола. Так, в аллоторском языке префиксальные показатели субъекта и агенса совпадают, а суффиксальные показатели субъекта и пациенса для части лиц различаются, а для других — нет. В общем и целом можно сказать, что изменение диатезы лабильных глаголов маркируется сильнее, чем при обычном изменении числа согласовательных показателей: меняется сам способ заполнения одного из слотов словоформы. Этот случай ближе к маркировке актантной деривации.

Также существенно, изменяются ли показатели при переходе от одной видовременной подпарадигмы к другой и от одного глагола к другому. Как правило, в языках мира показатели актантной деривации постоянны для одного глагола, а, напротив, показатели согласования могут меняться (ср., например, перфектные и презентные личносчисловые показатели в латыни). Наиболее далёк от канонической лабильности случай, когда для разных глаголов переходное употребление разными способами отличается от непереходного. Это означает, что показатели не просто маркируют переходность, но и учитывают семантику глагола. Разбиение глаголов на классы по способу маркирования уже означает, что существенно соотношение переходной и непереходной диатез по семантике, что близко к актантной деривации. С другой стороны, если различие переходной и непереходной форм меняется в связи с видом и временем, можно считать, что мы имеем дело с классификатором.

Наконец, существенно, насколько автономны показатели. Баскские вспомогательные глаголы автономны от основного, а адыгейские показатели согласования входят в глагольную словоформу. Тем самым, в баскском языке легче говорить о маркировании переходности.

2. *Место показателей в системе глаголов.* Как уже говорилось выше, для лабильности характерна небольшая частота относительно общего количество глаголов. Напротив, классифицирующие показатели должны быть очень частотны — даже более, чем показатели дериваций. Это происходит потому, что и действуют они по-разному. Показатели дериваций производят один глагол от другого — в случае, если лексема является исходной, показатель отсутствует. Классификаторы же «накладываются» на глагол уже после присваивания ему актантной структуры и относят его к одному из больших классов — лексем, не попадающих в классы, быть не должно.

Следовательно, классифицирующая лабильность усматривается в случаях, когда различие в показателях постоянно и не ограничено узкой группой глаголов. То же, как

говорилось выше, верно и для частичной лабильности типа болгарской. Если показатели различают переходные и непереходные глаголы только в части случаев, следует считать, что в языке существует «переходный» и «непереходный» словообразовательные классы (не типы спряжения!) и отличать их от лабильных глаголов. Именно поэтому невозможно отнести к лабильным пары типа *белеть/белить*: в русском языке совсем не все глаголы на *-ить* переходны, а значит, здесь мы имеем место с противопоставлением.

В чукотском языке имеется показатель *ры-* с широкой семантикой, делающий глагол переходным (в работе [Инэнликэй, Недялков 1967] он называется каузативным, но также обслуживает случаи типа *вэтгавык* ‘говорить’ – *рывэтгаватык* ‘говорить с кем-л.’). Считать его классификатором не позволяет то, что переходные глаголы могут быть и производными (тогда как баскские переходные глаголы не могут иметь вспомогательный глагол *da*).

Отдельный вопрос – существует ли в языке каноническая лабильность, может ли язык не делать различия между переходным и непереходным глаголом. Если канонически лабильного глагола быть не может, стоит считать, что требование различения переходной и непереходной диатез слишком сильно и сразу блокирует появление канонической лабильности. В этом случае можно считать, что пара, различающаяся только классификатором, лабильна. Напротив, если такие глаголы есть, это означает, что классификатор накладывается не на все пары и считать пару эквиолентной.

Так, в чукотском языке существуют канонически лабильные глаголы, где переходное употребление не маркируется *ры-* (из статьи [Инэнликэй, Недялков 1967] неясно, как численно соотносятся маркированные и немаркированные пары), следовательно, *ры-* - показатель актантной деривации, хотя и с очень широкой сочетаемостью. В языке боумаа фиджи [Dixon 1988] показатели переходности имеются практически у всех переходных глаголов, за исключением узкой группы глаголов движения. В этом случае стоит считать, что показатели переходности – классификаторы, а значит, пары глаголов с и без классификатора близки к лабильным.

Отсюда ясно, что лабильность – скалярный феномен: это не абсолютная немаркированность двух употреблений, а ненормально малое маркирование, по сравнению с наиболее продуктивным типом. В дальнейшем мы увидим и другие доказательства скалярности.

3. *Сосуществование с показателями актантных дериваций.* Как правило, классифицирующая лабильность сосуществует с показателями актантных дериваций, более продуктивными, чем лабильность, но меньше, чем классификаторы. Например, в абхазо-адыгских языках имеются продуктивные каузатив, рефлексив, реципрок и т.д. –

мена типа согласования с субъектного на субъектно-объектный сама по себе не маркирует изменение актантной структуры.

В грузинском языке система показателей устроена ещё сложнее: во-первых, переходные и непереходные глаголы имеют разные словоизменительные показатели, причём различаются как тип согласования (субъектный vs. субъектно-объектный), так и сам субъектный суффикс в третьем лице. Во-вторых, различаются так называемые тематические элементы (*-eb*, *-in* и т.д.). Наконец, имеются собственно показатели залога и актантной деривации – например, показатель пассива *-d*. В грузинском языке мы считаем нецелесообразным усматривать лабильность именно из-за наличия показателей разных типов. Нет словоформ, различающихся только словоизменительными показателями, а значит, классифицирующую роль им приписать нельзя. В то же время такую роль не играют и характерные гласные или тематические элементы. Например, как следует из работ [Гецадзе и др. 1969] и [Harris 1981], каузатив маркируется сочетанием *a-* *-eb-*. Хотя оба префикса используются не только для каузатива, каузатив от глагола любого типа обозначается именно с помощью этого сочетания, при этом для переходных глаголов это неверно (ср. глагол без тематического элемента *cer-s* ‘он пишет’).

В баскском языке переходные и непереходные глаголы часто различаются только с помощью вспомогательных глаголов: ср., например, *šartu da* ‘входить’ – *šartu du* ‘вносить’ (см. [Saltarelli 1998]). Можно было бы рассматривать это как различие в словоизменительных показателях (вспомогательные глаголы при таком подходе – показатели лица в чистом виде). Тем не менее это не вполне удовлетворительно: во-первых, по критерию 2 – практически все баскские глаголы могут принимать оба показателя¹⁸, во-вторых, по 3 – баскский язык не имеет более продуктивного показателя деривации, нормально для инхоативно-каузативных пар используется именно мена вспомогательного глагола.

4. *Диапазон значений классификаторов.* Как следует из сказанного выше, классификаторы выражают не тип деривации, а собственно свойства производного глагола – а именно синтаксическую переходность и количество актантов. Парадоксальным образом, системы с маркированием переходности ближе к лабильности, чем системы с маркированием деривации. Если в первых маркируется **переход** от модели к модели, то во вторых – **результат** перехода. Классификаторы используются скорее для того, чтобы различить два употребления, не маркированные другими средствами.

Часто в этом случае различные диатезы маркируются одинаково: в частности, в

¹⁸ Тем не менее, мена показателя выражает разные значения, в зависимости от семантики глагола:

баскском языке мена вспомогательного глагола может выражать декаузатив, потенциальный пассив, неумышленное действие и пр. Это также свидетельствует о том, что классификаторы – не механизм маркирования дериваций, иначе это маркирование было бы слишком грубым. Весь набор баскских дериваций в принципе может обслуживаться лабильностью, хотя чаще всего не маркируется только одна из них. Но набор декаузативов, обслуживаемых меной показателя, сильно шире обычного: ср. *hil da/du* ‘умирать/убивать’, *sartu da/du* ‘входить/вносить’ – глаголы, обычно различающие переходную и непереходную диатезы. Следовательно, вспомогательный глагол в баскском обладает некоторой различительной силой и может действовать как показатель деривации.

5. *Эквиполентность*. Ближе всего к прототипической лабильности находятся эквиполентные показатели. Как говорилось выше, деривации обычно маркируются асимметричными показателями – если это не так, мы имеем дело с распределённой лабильностью. Даже если бы чукотский показатель *ры-* распространился на все пары ситуаций, он с трудом мог бы считаться классификатором. В частности, аналогичный показатель существует в сванском языке: все переходные глаголы там маркируются показателем *a-*. Тем не менее, этот случай отстоит от лабильности дальше, чем эквиполентный.

Итак распределённая лабильность – промежуточный случай между лабильностью и маркированием деривации: в этом случае проблемы совпадения форм не возникает, но формы маркируются, так сказать, косвенным образом. Ясно, что в этом случае лабильны только лексемы в целом – каждая словоформа маркирована по переходности. Дополнительным свидетельством в пользу близости к лабильности служит тот факт, что классификаторы используются не только у лабильных глаголов, а разбивают всё множество лексем языка. При типах распределённой лабильности, наиболее близких к канонической, можно рассматривать отклонение от прототипа как следствие грамматических особенностей языка. Впрочем, отметим, что, судя по данным работы [Полинская 1986], именно в таких языках часто бывает много лабильных глаголов. Проблема в том, что обратное неверно: лабильность может быть распространена и в языках без различия типов словоизменения. Более того, если в адыгейском языке лабильность очень распространена, то для алуторского это, видимо, неверно, и наоборот, германские языки, даже помимо английского, имеют много лабильных глаголов. Наконец, неверно, что при наличии типов показателей лабильность охватывает всю

например, глагол *irudi* ‘показывать’ не может означать ‘видеть’ при изменении вспомогательного глагола.

глагольную систему, как в баскском языке. В части о типологии систем лабильных глаголов мы попытаемся объяснить эти закономерности.

Выводы

Итак, лабильность отнюдь не всегда характеризует всю парадигму глагола. Отклонения от этого идеального случая связаны со спецификой глагольных форм, которые могут по-разному взаимодействовать с переходностью глагола: либо **расподоблять** употребления, либо (например, в силу наличия компонента результативности в семантике) **изменять** переходность.

Можно построить следующую иерархию неканонических типов лабильности:

каноническая лабильность > распределение словоизменительных показателей > частичная объединяющая лабильность > частичная расподобляющая лабильность > распределение словообразовательных показателей > распределение по подпарадигмам.

Распределение по подпарадигмам стоит ниже остальных типов, поскольку близко к грамматическим залоговым противопоставлениям. Распределение словоизменительных показателей в определённых случаях, напротив, вообще не связано собственно с переходностью, а связано только с конкретными актантами глагола.

В качестве вывода также можно предложить своеобразную фреквенталию:

чем больше различаются переходное и непереходное употребление, тем вероятнее возникновение продуктивной лабильности.

Это утверждение обобщает вывод М.С. Полинской о том, что лабильность часто характеризует полисинтетические языки: в действительности не только в полисинтетических языках, но и в других языках с различающимися переходные и непереходные употребления типами спряжения (например, в мордовском) лабильность часто бывает продуктивной.

1.6.3. Актантная деривация без изменения переходности

Как говорилось выше, изменение переходности мы считаем важным, но не необходимым свойством лабильного глагола – при надлежащем семантическом и синтаксическом соотношении лабильность может усматриваться и без этого. В этой части мы рассмотрим типы вариативности, не задействующей переходность, но приводящей к мене субъекта. Она делится на два естественных класса – при переходных и при непереходных глаголах.

Как уже говорилось, в лингвистических работах подробно анализируется связь актантной деривации с переходностью – как синтаксической, так и семантической, в духе [Nopper, Thompson 1980]. Понижение количества актантов часто сопутствует понижению

переходности и наоборот. Однако для немаркированной вариативности, как уже было сказано, это неверно. Более того, в выборке [Haspelmath 1993] есть глаголы, переходные в некаузативном употреблении. В данной части мы рассмотрим варьирование без понижения переходности.

1.6.3.1. Деривация при переходных глаголах

Начнём с деривации при переходных глаголах, поскольку этот тип был подробно рассмотрен и в русистике, и в типологии. Такие деривации можно разделить на два типа: затрагивающие прямой объект и изменяющие только субъект и периферийного участника ситуации.

1.6.3.1.1. Деривации, затрагивающие периферийного участника

К первому типу принадлежит вариативность при глаголах *залить*, *засыпать* и др. В работах [Падучева 2004а], [Падучева 2004б], [Апресян 1967/1995], [Розина 2005] отмечалось, что при них субъектом может быть и агенс, и вещество:

- (54) а. *Мы залили пол водой.*
б. *Вода залила пол.*

Соотношение между этими моделями очень похоже на инхоативно-каузативное: первое предложение является каузативом от второго (*залить пол водой* = ‘лить воду и покрыть ей пол’, *вода залила пол* = ‘лилась и покрыла пол’). При некоторых глаголах это преобразование невозможно:

- (55) а. *Мы забросали яму землёй;*
б. **Земля забросала яму.*

В [Розина 2005] подробно анализируется класс глаголов, допускающих модель деривации (54): это глаголы полного охвата объекта. Более того, оказывается, что он подчиняется ограничениям, сформулированным в [Haspelmath 1993]: не образуют таких пар глаголы, содержащие агентивные компоненты (к ним, например, относятся *бросать*, *обивать* - **Войлок обил дверь* – и другие). Смена субъекта и данные ограничения свидетельствуют о близости к лабильности.

Особым случаем является немаркированная деривация, затрагивающая настоящий инструментальный актант:

(56) *John opened the door with the key — This key opens each door;*

(57) *Я пишу письмо ручкой — Моя ручка хорошо пишет.*

При этом переходность может и меняться – но зависит это не от типа преобразования, а от статуса актанта (например, тип объекта, который может открыть ключ, более определён, чем объекты, создаваемые при письме).

Пара значений ‘учить’/‘учиться, заучивать’ во французском языке выражается

одним и тем же глаголом *apprendre* – но объектом в обоих употреблении является изучаемый предмет, а обучаемый в каузативном употреблении становится косвенным дополнением:

- (58) а. *J'appris a Jean tous ces details* 'Я сообщил Жану все эти детали';
б. *Nous apprenons le poème par coeur* 'Мы учим поэму наизусть'.

Заметим, что деривации такого рода практически никогда не маркируются регулярными показателями – как уже говорилось, для показателей более характерно синкретично маркировать повышение или понижение переходности.

Казалось бы, преобразования при типе *залить* минимальны и не затрагивают прямой объект. Однако для многих языков и лексем они нехарактерны – как правило, это так называемые *role-oriented languages* по [Haspelmath 2001] – в частности, многие кавказские. В адыгейском языке значения 'заполнить (собой)' и 'заполнить (чем-л.)' выражаются разными глаголами, один из которых имеет агентивный, а другой – пациентивный субъект.

Естественно, направление данной деривации понятно – задействованные в нём глаголы, как правило, переходны и имеют агентивный субъект (ср. *лить*, *сыпать*, *наполнить* и т.д.). Это вполне естественно: прототипичны переходные агентивные употребления, а неагентивные являются результатом немаркированной деривации. Интересно, что преобразование субъекта явно менее существенно, преобразование объекта: класс субъекта в языках типа русского может быть практически не ограничен.

Интересно, что многие глаголы, вступающие в данное отношение, без значения полного охвата проявляют каноническую лабильность (ср. англ. *fill*, способный образовывать и переходные, и непереходные некаузативные диатезы). Однако эти факты не всегда связаны: в частности, варьирование при глаголе *лить* или *сыпать*: *Весь день льёт дождь – Я лью молоко в чай, С неба сылет снег – Я сыплю сахар в чай* – по семантике сильно непрототипичны и более маргинальны, чем неканоническая лабильность полного охвата. Кроме того, варьирование затрагивает и нелабильные глаголы типа *покрыть*.

Как кажется, случаи типа *залить* и *открыть* различаются семантической ролью субъекта некаузативного употребления: во втором случае это инструмент, для которого естественно осмысляться как агенс. Можно сказать, что происходит не синтаксическое преобразование, а метонимия и исключение из ситуации агенса: если толковать глагол 'открывать' как 'каузировать находиться в определённом состоянии', то некаузативная диатеза не сильно отходит от этого значения. В первом случае вода является пациенсом – в частности, не случайно то же значение может выражаться диатезой с объектом –

жидкостью. Следовательно, варьирование значительно менее тривиально: сама основа *лить*, *сыпать* выражает именно воздействие на объект, а значит, преобразование ближе к лабильности (такими же свойствами обладает варьирование при глаголе ‘учить’). Не случайно часто варьирование проявляют глаголы полного охвата на *за-*: чтобы отодвинуть на периферию перемещаемую жидкость, требуется увеличить пациентивность места.

1.6.3.1.2. Деривации, затрагивающие прямой объект

Более значительны преобразования при деривациях, изменяющих прямой объект, но не устраняющих его:

- (59) а. *Я учу болгарский язык;*
 б. *Василий Петрович учит сына математике.*
- (60) а. *Студент завалил экзамен;*
 б. *Профессор завалил студента.*

В (60) соотношение практически точно соответствует каузативному (‘завалить студента’ = ‘каузировать студента не сдать экзамен’). Прямым объектом становится субъект некаузативного употребления, как и при канонической лабильности.

Исходный прямой объект может получать ранг Ноль (59) или Периферия (60) по классификации [Падучева 1998].

В частности, во многих языках такую вариативность проявляют глаголы движения: ср. болгарский *приближавам* ‘приближать(ся)’ (‘к X-у’, DO/X-а к Y-у), французский *passer* ‘переходить/переводить’:

- (61) а. *Видя да го приближава същото момиче* ‘Он видит, что к нему приближается та же девушка’;
 б. *Тази идея го приближава към мистиците и магиците* ‘Эта идея приближает его к мистикам и магистам’.

Конечная точка движения – не прототипический прямой объект: она не пациентивна, не меняется в ходе ситуации. Кроме того, почти все языки имеют особые периферийные средства для её выражения. Это приводит к её вытеснению на периферию в каузативных употреблениях (ср. также такие русские пары, как *перейти реку* – *перевести детей через реку*, где в каузативном употреблении синтаксический статус группы со значением пути движения также понижается).

Ещё одна важная группа – глаголы обучения. Их вариативность связана с тем, что семантически они имеют два сильно затронутых актанта – одушевлённый, состояние которого меняется, и передаваемые знания. Как показано в [Крысько 2006], [Гранде 1998] и др., во многих языках для них характерен двойной винительный. Собственно,

варьирование часто связано с потерей возможности присоединять два прямых объекта:

- (62) а. *Той учи български език* ‘Он учит болгарский язык’;
б. *Уча сина на български език* ‘Я учу сына болгарскому языку’.

Впрочем, глаголы типа *убеждать*, также имеющие два таких актанта, лабильными не бывает – видимо, это связано с тем, что ситуация обучения включает две равноправных подситуации – влияние на ученика и изучение им самим материала.

Вообще, объяснить отсутствие вариативности у какой-либо группы очень сложно – например, на лабильность могли бы претендовать глаголы с семантикой ‘есть/кормить’ или ‘пить/поить’, оба актанта которых пациентивны. В частности, в языках мира они встречаются с двойным прямым объектом (ср. араб. *’aT’ama* ‘кормить’), с винительным одушевлённого (*Я кормлю ребёнка мясом*) или неодушевлённого (ср. хакас. *istir-* ‘поить’) пациенса. Вероятно, ещё одним важным фактором является близость к прототипически каузативному значению: ‘кормить’ представляет чистый каузатив от ‘есть’ (см. [Shibatani, Pardeshi 2002], [Masica 1976] о каузативах от «ингестивных» глаголов), а ‘учить’, как будет показано дальше, нет.

В данном случае преобразования очень существенны и, по сути, отличаются от канонической лабильности только переходностью обоих употреблений. Это говорит о важности переходности как самостоятельной характеристики глагола, вне связи с каузацией и другими семантическими особенностями. Например, глагол *учить* не допускает опущения объекта, хотя семантически оно было бы нормально (ср., например, болгарский глагол *уча*). Такого рода деривация ближе к лабильности, чем рассмотренная выше, поскольку затрагивает актант с высоким коммуникативным рангом – прямой объект. Казалось бы, наиболее важен для лабильности субъект (не случайно выше изменение его свойств было выбрано в качестве основного критерия лабильности, отличающего её от опущения), кроме того, в аккузативных языках он и синтаксически важнее прямого объекта. Однако, с другой стороны, прямой объект является внутренним аргументом глагола в терминах [Grimshaw 1990], [Hale, Keyser 2002] и др. – следовательно, он ингерентно присущ ситуации и плохо отделим от неё. Отсюда следует, что деривацию, рассматриваемую здесь, следует считать более существенным преобразованием, чем опущение прямого объекта типа *Вася читает*: в последнем случае класс объекта остаётся прежним, хотя и не выражается, а здесь меняется, причём семантика также преобразуется существенно.

Выше говорилось, что из диатетических типов данные преобразования ближе всего к каузативным. Тем не менее, в случаях типа ‘обучать/изучать’ или ‘залить’ налицо отличия от прототипа. В частности, при глаголах обучения каузативный и некаузативный

глаголы могут иметь различную сочетаемость: ср. возможное (63а), (64а) и невозможное (63b), (64b):

- (63) а. *Папа учит меня правилам поведения;*
б. *Я учу правила поведения* (только в значении ‘заучиваю’).
- (64) а. *Папа учит меня водить машину.*
б. *Я учу водить машину.*

Последний пример, видимо, неграмматичен из-за требования переходности обоих употреблений – впрочем, многие глаголы могут управлять и прямым именным, и сентенциальным объектом (*хотеть яблоко/водить машину*).

Ниже будет показано, что глаголы обучения и при прототипической лабильности выбиваются из классификации. Точно так же глагол *завалить* в каузативном употреблении не означает просто ‘каузировать не сдать’, его объект менее агентивен, чем субъект непереходного употребления.

Несколько необычный пример соотношения, близкого к каузативному, возникшего из-за смены посессора, можно увидеть в русском сочетании *обратить (своё) внимание* — *обратить чьё-л. внимание*:

(65) *Студенты обратили внимание на ошибку на доске* — *Преподаватель обратил внимание студентов на ошибку на доске*.

Синтаксически эта пара употреблений похожа на нелабильные: например, *Парень сломал ногу* – *Я сломал парню ногу*, *Саша порвал пальто* – *Я порвал Сашино пальто*: различается только посессор пациенса. Однако из-за идиоматизации словосочетания *обратить внимание* и из-за того, что внимание — не физический объект, на который можно оказать реальное воздействие, соотношение смещается. Во втором примере преподаватель влияет не на внимание студентов, а на них самих, и образуется пара ‘заметить’ — ‘заставить заметить’.

Вариативность данного типа связана с наличием в ситуации более чем двух участников – как правило, в работах по лабильности анализировались именно двухместные ситуации. В первом случае фокус находится на пациенсе, сохраняющем роль прямого объекта, во втором фокус перемещается – семантического компонента типа полного охвата, увеличивающего значимость пациенса, в этом случае нет, можно сказать, что имеет место конкуренция между более затронутым и более пациентивным участником ситуации.

Считается, что в некоторых случаях, когда на современном этапе мы видим прототипическую лабильность, деривация происходила между двумя переходными (или похожими на переходные) употреблениями глагола. Именно такой анализ предлагается в

[Kulikov 1999b] для лабильности глагола санскритского глагола *púṣyati* ‘процветать; делать процветающим’:

Непереходный ‘процветать’ → переходный со «внутренним объектом» ‘процветать процветание’ → переходный с другим объектом ‘процветать здоровье’ → каузатив ‘делать здоровье процветающим’.

Первоначально непереходный глагол употреблялся с «аккузативом внутреннего объекта» (или «этимологическим прямым объектом») от имени ‘процветание’, который мог присоединяться к более широкому классу глаголов, чем другие имена в аккумулятиве¹⁹. Затем класс имён, которые мог присоединять глагол, расширился, а после этого изменилась принадлежность имени — вместо ‘делать своё здоровье процветающим’ — ‘делать чужое здоровье процветающим’ — и в результате появилось чисто каузативное значение ‘делать процветающим’.

Как кажется, аналогичные механизмы могут лежать в основе лабильности арабского глагола *za:da* ‘увеличиваться’, ‘увеличивать’. Достаточно часто он употребляется с аккумулятивом параметра:

- (66) а. *za:da-t* *al-ḥa:lat-u* *su:’-an*
 возрастать-3F.PAST DEF-ситуация-NOM плохое-ACC
 ‘Положение ухудшилось’.

В арабском языке, как и в санскрите, есть конструкция с аккумулятивом внутреннего объекта (ср. *kha:fa kha:wfan kabi:ran* ‘сильно испугаться’, букв. ‘испугаться великим страхом’). В переходном употреблении параметрический аккумулятив также может сохраняться:

- б. *za:d-a-hu* *ḍalika* *ta‘alluq-an* *bi-ha:*
 увеличивать-3SG.M тот.M связь-ACC с-3SG.F
 ‘Это усилило его связь с ней’.

Хотя наименование параметра не является прямым объектом (об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что оно не может продвигаться в позицию подлежащего при пассиве) — возможно, оно облегчает немаркированную деривацию, так как уже в некаузативном употреблении глагол имеет некоторые свойства переходного. Впрочем, гипотеза Куликова требует объяснить, почему параметрические аккумулятивные именные группы могут присоединять очень многие глаголы, а лабильным становится только ограниченный класс. Возможно, группы со значением параметра имеют разный статус при глаголах типа *kha:fa* и типа *za:da*: при первых они не являются актантными и могут обозначать только

¹⁹ Этимологический прямой объект был широко распространён в древних индоевропейских языках: санскрите, греческом, латыни. В некоторых случаях (латынь) он обладал свойствами прямого объекта, допуская продвижение в позицию подлежащего при пассиве: *Pugna pugnata est* ‘сражение сражаемо’ (от *pugnare* ‘биться, сражаться’). Также аккумулятив внутреннего объекта распространён в арабском языке.

степень интенсивности, а при вторых входят в число актантов. С другой стороны, данные преобразования на каком-то этапе предполагают объект, являющийся собственностью субъекта, как в русских предложениях типа *замедлить шаг*. Как будет показано ниже, для некоторых канонически лабильных глаголов это требование также существенно, ср. английские глаголы, анализирующиеся в работе [Wright 2001].

Данный тип мены диатезы у переходных глаголов трудно поддаётся ареальной характеристике: она продуктивна в небольшом количестве языков (меньше, чем тип без смены прямого объекта). В известных нам эргативных языках этот тип менее продуктивен, чем в аккумулятивных. С другой стороны, возможность переходных некаузативных и вдвойне переходных каузативных употреблений часто характеризуют систему в целом. Так, в работе [Крысько 2006] показано, что двойной винительный падеж был характерен для древних индоевропейских языков, но в современных языках индоевропейского стандарта практически исчез, причём среди древних для древнегреческого языка вполне характерен и аккумулятив пути или конечной точки.

Соотношение между употреблениями по переходности может быть и более сложным. В частности, интересный подтип немаркированной деривации наблюдается у арабских глаголов третьей породы: как будет показано ниже, оба употребления у глагола могут быть как переходными, так и непереходными, и каждый глагол выбирает одно сочетание – в частности, встречается ситуация, когда переходен только некаузативный глагол. В целом это отражает неустойчивую тенденцию третьей породы к переходности и особенности глагольного управления при симметричных предикатах: существенна не собственно переходность, а семантика взаимодействия между актантами, привносимая третьей породой.

Три рассмотренных типа преобразований близки, прежде всего, к декаузативному типу лабильности. Глаголы обучения находятся между декаузативами и рефлексивами, но всё же ближе к первым. Отчасти близки к стативам глаголы типа ‘залить’ – непереходное употребление может обозначать результирующее состояние (*Вода заливает пол*). Теоретически можно себе представить подобные рефлексивы (например, ‘X требует от Y-а P’/‘X требует от себя P’), но в действительности они не встречаются. Можно считать, что есть примеры таких реципроков (например, *Я говорил ему о тебе – Мы говорили о тебе*), хотя во втором употреблении происходит сдвиг значения: оно означает не ‘Мы говорили друг другу о тебе’, а ‘Мы разговаривали о тебе’, то есть не подразумевает последовательности противонаправленных коммуникативных актов, как при каноническом реципроке. Асимметрия реципрока и рефлексива может быть случайна, но может и объясняться их спецификой: реципрок не подразумевает ни одной

непрототипической ситуации, а только увеличивает их количество, а рефлексив требует кореферентности актантов. Кроме того, возможно, что сами многоместные предикаты лучше совместимы со взаимным значением, чем с возвратным. С другой стороны, интересно, что при прототипической лабильности возникает обратная асимметрия.

1.6.3.2. Деривация без изменения переходности у непереходных глаголов

При непереходных глаголах также может происходить немаркированная деривация без изменения переходности. Она, конечно, носит другой характер, чем рассмотренные выше, поскольку у непереходных глаголов не возникает конкуренции двух участников: аргумент глагола не заменяется, а добавляется. Это, кстати, означает, что преобразования менее существенны, чем при транзитивах: из ядерных актантов затрагиваться может только субъект.

Своеобразным аналогом инструментальных преобразований типа *открыть* или *залить* являются рассмотренные в работах Е.В. Падучевой преобразования при глаголах звука:

(67) *Посуда гремит – Хозяйка гремит тарелками;*

(68) *Мел скрипит – Учитель скрипит мелом.*

Как отмечено в [Падучева 2004а], по семантике они близки к каузативным. Ближе всего они находятся к классу *залить*, поскольку в каузативных употреблениях мел и тарелки – не прототипические инструменты: они не используются специально для того, чтобы производить звуки. Подобно глаголам типа *залить*, непереходные глаголы этого класса могут быть очень многочисленны. С другой стороны, в отличие от типа *залить*, они не являются и прототипическими пациенсами.

По-видимому, первично у данных глаголов некаузативное употребление со значением ‘издавать звук’. С другой стороны, некоторая слабость рассмотрения вторичных употреблений как каузативных заключается в том, что их семантика также может описываться как ‘издавать звук’. Соответственно, можно считать, что оба употребления обозначают непосредственно звук, а инструментальная группа присоединяется потому, что люди прототипически не издаются подобных звуков. Правда, отчасти это опровергается невозможностью опущения данной группы: предложение (69) может давать странное прочтение ‘хозяйка гремит сама по себе, без посредства предметов’: таким образом, каузативная конструкция отличается от некаузативной количеством обязательных актантов.

(69) #*На кухне гремела хозяйка* (при нормальном *На кухне гремела кастрюлями хозяйка*).

Это (а также вообще частое выражение инструмента) также подтверждает первичность

одноместного употребления и не позволяет рассматривать инструментальную группу как периферийную. Заметим, что при переходных глаголах опущение таких групп возможно (ср. *Он залил весь пол*) и не приводит к интерпретации субъекта как жидкости. Возможно, это связано с наличием фокуса на прямом объекте, который отсутствует у интранзитивов. Заметим, что при глаголах с прототипическим инструментом этого не происходит.

Более однозначен пример глагола *попасть* (*Зидан попал (мячом) в ворота с центра поля – Мяч попал в ворота*), где первое употребление явно нужно считать каузативным. Впрочем, две модели здесь явно расходятся по сочетаемости – ср. возможное *Мясо наконец попало на стол* и невозможное *Хозяйка попала мясом на стол*. Одно употребление означает ‘оказаться в месте X’, а другое – ‘каузировать оказаться в месте X (определённым способом)’, и общего компонента типа извлечения звука они не имеют. При этом здесь опущение объекта как раз допускается.

Выбор в качестве падежа дополнения инструменталь не случаен. Инструменталь в русском языке и во многих других языках имеет целую группу вторичных употреблений, промежуточных между инструментальными и пассивными. В частности, при описываемых глаголах звука отличие от инструмента состоит только в том, что звук производится несознательно. При глаголах типа *попасть* и *греметь* субъект не является прототипическим агенсом, поскольку сознательно он совершает другое действие. С другой стороны, при глаголах типа *двигать* он маркирует пациенс. Как видно, и при немаркированной деривации употребления в разной степени близки к инструментальному – как и в конструкциях типа *двигать руками*, объект находится в сфере влияния субъекта и управляется им, но не подвергается существенным изменениям.

В турецком языке вариативность данного типа проявляет глагол *başlamak* ‘начать(ся)’ – в каузативном употреблении он управляет дативом:

- (70)a. ders başl-ıyor
урок начинать-PRAES
‘Урок начинается’;
b. öğretmen ders-e başl-ıyor
учитель урок-DAT начинать-PRS
‘Учитель начинает урок’ [Щека 1999].

Этот случай свидетельствует о скалярности понятия лабильности: турецкий язык, как и большинство тюркских, не имеет лабильных глаголов, да и вообще, варьирование диатезы для него нехарактерно. В этом смысле два употребления глагола ‘начать’ выделяют его из ряда других лексем и объединяют с канонически лабильными фазовыми глаголами в других языках (ср. также ниже о смешанной лабильности). Непереходность каузативного употребления может быть связана с семантикой второго актанта – ситуации,

в которой участвует агенс. Отличия от канонической лабильности могут быть продиктованы двумя типами причин – невозможностью мены переходности и свойствами объекта – в последнем случае можно говорить о колебаниях модели управления каузативного глагола – в частности, в русском она наблюдается у глагола *канать/каннуть*. Таким образом, немаркированная деривация и здесь связана с непрототипическими свойствами актантов (в отличие от собственно лабильных глаголов, часто входящих в класс прототипически переходных). Ещё более заметна эта тенденция у глаголов, которые в каузативном употреблении имеют предложное управление. Примером могут служить арабские глаголы *intaha*: ‘закончиться/закончить’ и *istamarra* ‘продолжаться/продолжать’:

(71)a. 'intaha: al-'i:d-u bi l-al'a:b-i n-nariyy-at-i
 кончаться DEF-праздник-NOM с DEF-игры-GEN DEF-огненный-F-GEN
 ‘Праздник кончился фейерверком’;

b. wa ba'da an intaha: min tana:wul-i al-fuṭu:r-i
 и после что кончаться от принятие-GEN DEF-завтрак-GEN
 вставать
 ‘А после того, как он закончил завтракать, он встал’.

(72)a. istamarra-t al-mufa:wada:t-u t-tuna:'iyy-at-u fi:
 mu:sku:
 продолжаться-F DEF-переговоры-NOM DEF-двусторонний-F-NOM в
 Москва
 ‘Продолжились двусторонние переговоры в Москве’;

b. istamarra fi: aD-DaghT-i al-azra:r-i
 продолжаться в DEF-давление-GEN DEF-кнопка-GEN
 ‘Он продолжал нажимать на кнопки’.

Предложные группы при таких глаголах обладают примерно тем же статусом, что и периферийные аргументы глаголов звука: в частности, они должны присутствовать для каузативного понимания. Вообще говоря, предлоги в арабской системе играют особую роль из-за отсутствия падежей отглагольного зависимого, помимо аккузатива. Выбор предлога зависит от семантики глагола: при глаголе *istamarra* выбирается предлог *fi*: ‘в’, обозначающий в данном случае нахождение «внутри», в процессе деятельности, а при *intaha*: - *min* ‘в’ со значением выхода из ситуации.

Именно эта семантическая обусловленность требует, чтобы мы считали такие случаи неканонической лабильностью. Вообще говоря, предлоги в языках мира могут становиться показателями деривации – например, в [Храковский 1969] и [Храковский 1973] показано, что для арабского такой статус нужно постулировать для предлога *bi* ‘в, с’. Он регулярно образует каузативы типа ‘приносить’ от ‘приходить’ или ‘поднимать’ от ‘подниматься’. Однако названные два предлога не используются регулярно в качестве показателей деривации. С другой стороны, в отличие от тюркских языков, в арабском

В связи с данным типом деривации интересно рассмотреть глаголы, у которых в двухвалентном употреблении дополнение может быть только сентенциальным: сентенциальные актанты в языках мира могут вести себя в большей или меньшей степени похоже на именные. Данный тип тоже представлен фазовыми глаголами. Так, арабский глагол *bada'a* может употребляться и с прямым объектом, и с сентенциальным актантом. Как и при классической лабильности, направление деривации не вполне ясно. Однако оказывается, что не все глаголы, способные управлять инфинитивным оборотом, прототипически лабильны: так, глагол классического арабского языка *qa:ta* в фазовом значении мог быть одновалентным, означая 'появиться', либо управлять инфинитивом, означая 'начать':

- Точно так же может употребляться и глагол *istamarra*:

- В арабском языке, с его склонностью к кодированию синтаксических зависимых финитными формами, они, видимо, не похожи на прототипические прямые объекты. Хотя синтаксически они близки (синтаксические косвенные объекты присоединяются с помощью предлога), синтаксический акт не требует от глагола синтаксической переходности – видимо, данный тип связи близок к соположению.

Как видно, все типы немаркированной деривации имеют аналоги среди прототипической лабильности – ср. итал. *suonare* ‘звучать/вызывать звук’. При переходных глаголах дело обстоит немного по-другому: тип *залить* не имеет такой

параллели, так как требует сильно затронутого объекта, а тип *учить* имеет, но часто соответствующие значения выражаются возвратными формами.

Итак, как было показано, лабильность связана, с одной стороны, с другими менами переходности (коммуникативно и синтаксически мотивированным опущением прямого объекта или субъекта), а с другой стороны, с другими семантически мотивированными соотношениями без изменения переходности. Первые свидетельствуют о многообразии факторов, способствующих изменению количества выраженных актантов, а вторые – о сочетаемости семантической лабильности с разными типами ситуаций, в том числе с очень сложной актантной структурой. При этом ситуации с большим числом участников менее многочисленны, чем двухвалентные (прототипически в число ядерных аргументов входит только пациенс, а реципиент факультативен).

Взаимоотношения между близкими к лабильности явлениями показаны на схеме.

	Субъект	Субъект и DO	Субъект и Obl	DO и Obl
Есть мена перех.	реф.лабильность	лабильность	_____	_____
Нет мены перех.	люди, стихии	немаркированная АД: <i>завалить</i> , <i>учить</i>	немаркированная АД: <i>залить</i>	пермутатив

Может создаться впечатление, что три данных явления распространены относительно множества глаголов, но на самом деле лабильность вполне сочетается с актантной деривацией без изменения переходности в пределах одной лексемы (см. выше о тройках употреблений) – назовём такие случаи **смешанной лабильностью**:

- (75) а. *Друг ми ме учи на френски език* ‘мой друг учит меня французскому’;
 б. *Уча френски език в Университета* ‘я изучаю французский язык в Университете’;
 с. *Той учи във Университета* ‘он учится в Университете’.

С одной стороны, соотношение (75b) и (75a) напоминает соотношение употреблений русского глагола *учить*, с другой, между (75a) и (75c) имеет место лабильность. Выше уже говорилось, что исходен именно первый тип варьирования. Следовательно, и в данном случае характеризующим для класса глаголов является немаркированная АД, а не лабильность.

Часто смешанная лабильность характеризует глаголы движения – конечная точка и при некаузативном употреблении может кодироваться как периферийный участник (ср. болгарский глагол *приближавам* (се)). Ясно, что в случае ‘учить’ и глаголов движения это

мотивировано несколько разными причинами: в первом случае – пациентивностью двух участников ситуации, а во втором – напротив, периферийной семантической ролью одного из участников.

Ещё одна важная группа – фазовые глаголы: ниже будет показано, что они и вообще склонны к лабильности. Но помимо этого, они часто имеют каузативные непереходные употребления – ср. арабские глаголы *bada'a* и *ibtada'a*, немецкий *beginnen*, русский закончить (*Давайте уже закончим с этим делом*), способные управлять предложными группами, помимо прямых объектов и сентенциальных актантов. Второй актант при них также не является прототипическим пациенсом.

Предсказать появление смешанной лабильности или варьирования без мены переходности сложно – выбор связан с особенностями системы данного языка, с тем, насколько свободно он допускает опущение актантов и варьирование их падежного оформления. Однако можно заметить, что для эргативных языков немаркированная актантная деривация без изменения переходности существенно менее обычна, чем для аккумулятивных. Именно для аккумулятивных языков характерна синтаксически переходная модель у глаголов со слабой семантической переходностью типа ‘приближать(ся)’.

Немаркированная актантная деривация без изменения переходности свидетельствует о том, что варьирование числа актантов глагола и их ролей, с одной стороны, и варьирование морфосинтаксической переходности, с другой, – различные явления. Их комбинации встречаются очень часто, но они вовсе не обязательно сопровождают друг друга.

Забегая вперёд, заметим, что группы канонически и неканонически лабильных глаголов часто совпадают – правда, происходит это именно в случаях, когда глаголы непрототипически переходны. С одной стороны, это ведёт к сходству между актантами и к тому, что в аккумулятивных языках они склонны к лабильности. С другой стороны, язык может по-разному кодировать непрототипические актанты в каузативном и некаузативном употреблениях – в частности, при глаголах с агентивным каузируемым (глаголы движения) часто переходны некаузативные употребления, а при глаголах с неагентивным каузатором (фазовые глаголы) непереходны каузативные. Возможно, именно поэтому в эргативных языках неразвита как лабильность таких глаголов, так и актантная деривация без изменения переходности.

1.7. Заключение

В данной главе были рассмотрены явления, близкие к лабильности – парадигматически ущербная лабильность, деривация без изменения переходности, опущение актантов и непродуктивные способы деривации – супплетивизм и

эквивалентные оппозиции. Как мы поняли, лабильность – не изолированное явление, аномальное для систем – встречается много близких к ней явлений. Одни из них либо захватывают не все парадигму, либо распределяют употребления по формам – назовём её парадигматически ущербной, – другая является ущербной синтаксически и семантически.

В частности, лабильность и близкие к ней явления непродуктивны (за исключением некоторых эквивалентных оппозиций). Это отличает их от грамматических показателей. Как было показано на примере глаголов обучения и движения, объяснить вариативность можно, но для этого нужно учитывать характеристики актантов глагола.

Существенно, что лабильность, таким образом, не может считаться полным аналогом показателей актантной деривации: для лабильности существенно во многом **сходство** обозначаемых ситуаций, показатели деривации скорее **противопоставляют** их.

И парадигматически, и синтаксически ущербная лабильность свидетельствуют о подчинённой роли лабильности по отношению к грамматическим показателям: с одной стороны, при определённых условиях лабильность может нейтрализоваться, с другой, она значительно более ограничена в системе. Первый тип лабильности возникает из-за наличия в системе языка более «сильных» механизмов, разграничивающих переходные и непереходные употребления – по крайней мере, таких, для которых характерна та или иная модель управления. Вторая разновидность в меньшей степени связана с характеристиками словоформ – более важна для неё семантика и актантная структура глагола, возможность опущения объекта и свойства системы языка объединять переходные употребления. Оказывается, что лабильность сильнее связана с семантикой глагола, чем показатели деривации (ниже мы покажем, что это верно и для канонической лабильности).

В частности, если для глаголов с некоторой семантикой характерно варьирование (см. ниже о фазовых глаголах), то язык может реализовать его в разной мере (см. турецкий глагол *başlamak* и арабский *bada'a* ‘начинать’, русские и древнегреческие глаголы движения) – здесь полезно представление об **областях варьирования** – классах, где оно часто имеет место, хотя язык может по-разному выбирать из инвентаря варьирований.

Два подтипа лабильности редко сосуществуют в одной лексеме. При отсутствии варьирования по переходности глагол должен в обоих употреблениях образовывать одни и те же формы. Таким образом, если считать, что наличие двух рядов форм – тест на лабильность, то такое варьирование язык лабильностью не считает – по-видимому, нет ни одного языка, где значения глагола ‘учить’ разграничивались бы так же, как ‘сломать’ и

‘сломаться’.

Поскольку для деривации характерна связь с переходностью, нет оснований считать, что при переходе, к примеру, глагола *учить* от значения ‘обучать’ к ‘учиться’ имеет место собственно декаузативация или рефлексивизация (хотя по семантике соотношение очень близко) – в этом случае пришлось бы считать, что декаузативация добавляет другой прямой объект. Можно было бы говорить о каузативации, но в русском языке этот процесс непродуктивен – более того, судя по [Крысько 2006], иногда каузативное значение не является более поздним, ср., например, возможность декаузативов типа *учиться*. Скорее нужно считать, что выделяются разные компоненты семантики ситуаций – в отличие от собственно лабильности, которая может быть связана с опущением актантов.

Заметим, что синтаксически ущербная лабильность характерна только для индоевропейского ареала, где лабильность характеризует не только ядро класса переходных глаголов, но и более периферийные группы, и где она требует поддержки в виде промежуточных (переходного некаузативного и непереходного каузативного) употреблений. Для кавказского ареала и чукотско-камчатских языков лабильность такого типа нехарактерна – в частности, потому, что в эргативных языках (в особенности кавказских) переходность сильнее мотивирована семантическими свойствами глагола – в частности, для глаголов типа ‘приближаться’ переходные модели нехарактерны.

Глава 2. Диатетические и семантические типы лабильных глаголов

2.1. Диатетические типы лабильных глаголов

Перейдём к классификации лабильных глаголов. Несмотря на то, что лабильные глаголы не задействуют специальных показателей деривации, требуется различать случаи типа *wash* 'мыть(ся)' и *break* 'ломать(ся)'. Наиболее естественным кажется разбиение по диатетическим типам, изоморфное классификации самих дериваций (см. [Плунгян 2000]).

Как правило, в работах, связанных с лабильными глаголами, основное внимание уделялось таким случаям, когда употребления лабильного глагола соотносятся как Р и каузатив от Р (например, 'ломать(ся)'). В частности, в работе [Лютикова 2002а] именно этот тип определяется как семантическая лабильность. Прочие типы подробно не классифицируются (хотя рефлексивная и взаимная лабильность выделяются) и считаются только синтаксической лабильностью.

Тем не менее, нам кажется, что классифицировать лабильность, не считая только один тип прототипическим, вполне обоснованно. Во-первых, выше уже было показано, что различные типы лабильности имеют общие черты, отличающие их от опущения. Во-вторых, из-за отсутствия показателей деривации реальная классификация глаголов сталкивается с проблемами: ср., например, случаи типа русского *гнать* 'гнать/бежать' или эстонского *heidma* 'бросать/бросаться': с одной стороны, по семантическому соотношению они очень близки к каузативам, с другой стороны, с рефлексивами их роднит одушевлённость и агентивность субъекта (в работе [Geniušienė 1987] такое соотношение называется автокаузативным).

Среди типов лабильных глаголов выделяется каузативный/декаузативный, рефлексивный, реципрокальный, пассивный, потенциально-пассивный и конверсивный. Помимо этого, есть отдельные спорные случаи.

2.1.1. Декаузативная лабильность

В языках мира в наибольшей мере представлена декаузативная лабильность. При этом типе лабильности переходное употребление семантически представляет собой каузатив от непереходного:

(76) *I broke a cup - The cup broke;*

(77) *С крыши капнула капелька воды - Я капнул немного лекарства в стакан.*

- (78) a. se q_wecə-r zebkərə-s-teq_wə-к
я зерно-ABS LOC-1SGA-бросать-PAST
'Я рассыпал зерно';
b. q_wecə-r zebkərə-teq_wə-к
зерно-ABS LOC-бросать-PAST
'Зерно рассыпалось'.

В частности, во многих языках представлена исключительно декаузативная лабильность: к ним относятся адыгейский, французский, немецкий, аварский, лезгинский и многие другие языки (см. [Магомедова 2006], где указывается, что лабильные глаголы весьма многообразны по семантике, но приводятся исключительно примеры на декаузативную лабильность). С другой стороны, данный тип лабильности не распространён среди чукотско-камчатских языков, где представлены другие типы. В дальнейшем мы постараемся объяснить преобладание именно данного типа.

2.1.1.1. Свойства каузатива и декаузатива

Хотя рассматриваемый тип лабильности очень распространён в языках мира, он захватывает отнюдь не все теоретически возможные пары "Р - каузатив от Р". В связи с этим встаёт сразу два вопроса: какие ограничения на лабильность можно предположить и насколько они объясняются природой декаузативного и каузативного значений, а насколько - свойствами самой лабильности.

Ограничения на образования декаузативов становились предметом рассмотрения - достаточно хотя бы вспомнить работы [Haspelmath 1993] и [Kulikov 1998]. Автор первой работы считает фактором, блокирующим образование декаузативов, наличие агентивно-ориентированных компонентов в значении глагола: так, ситуация 'мыть' требует определённых движений руками со стороны субъекта ситуации, в то время как ситуация 'открывать' таких ограничений не налагает.

Л.И. Куликов в своей работе отмечает размытость понятия "агентивно-ориентированный компонент" и предлагает более конкретное ограничение: по его мнению, классом, для которого наиболее характерно образование декаузатива, является класс глаголов деструкции (в частности, и в работе М. Хаспельмата отмечалось, что глаголы со значением 'завязывать' образуют декаузативы реже, чем глаголы 'развязывать', обозначающие деструктивное воздействие).

Рассмотрим данные два подхода. Понятие "агентивно-ориентированный компонент", охватывающее большой класс случаев, действительно достаточно размыто. Так, действие 'жарить', несомненно, предполагает некоторые агентивные компоненты: агент (агенса-инициатора, в терминах работы [Гаврилова 2000]) инициирует действие - в частности, в русском языке невозможны предложения типа **Сковорода жарит картошку* или **Плита варит суп*. С другой стороны, для данных глаголов весьма характерно образование декаузативов (ср. русский) и лабильность (английский, французский, литовский).

Более того, наличие в ситуации, обозначаемой глаголом, агентивно-ориентированных компонентов, как кажется, сложно определить прямо из знания о

ситуации. Прежде чем утверждать, что ситуация 'мыть' задействует агентивно-ориентированные компоненты, требуется уточнить, с какими субъектами может сочетаться **данный глагол со значением 'мыть'**. В частности, для русского языка утверждение Хаспельмата оказывается не вполне верным, ср., например, *Река моет берега* или *Машина моет посуду*. С другой стороны, говоря об отсутствии в ситуации 'открывать' данных компонентов, нужно сравнить глаголы с этим значением в разных языках: вряд ли можно гарантировать, что ни в одном языке не найдётся глагол, выступающий в предложениях типа *Папа открыл дверь*, но не **Ветер открыл дверь* (ср. русский глагол *отворить*, употребляющийся обычно именно с одушевлёнными субъектами). Тем не менее, тот же глагол *отворить* образует декаузативы: *Дверь отворилась*. Точно так же ведёт себя и глагол *завязать*: ср. *На нитке узелок завязался*.

Если представить себе такого рода глаголы с нестандартной сочетаемостью, несложно понять, что они могут нестандартно вести себя и по отношению к противопоставлению инхоатива и каузатива. Так, глаголы со значением 'бросить' обычно не бывают лабильными²⁰ и не образуют декаузативов, поскольку, согласно [Haspelmath 1993], эта ситуация содержит агентивно-ориентированные компоненты. Напротив, глаголы 'катить' обычно образуют декаузативы и проявляют лабильность (в частности, во французском, английском и других языках). Глагол 'бросить', грубо говоря, означает 'держа предмет в руке, движением этой руки каузировать его двигаться', а 'катить' - 'касаясь предмета, каузировать его действовать определённым образом'. При этом компонент 'держат в руке' вряд ли является существенным, поскольку глагол 'толкать', также не образующий декаузативов, не несёт данного компонента, а означает примерно 'резко и сильно ударив по задней части предмета, каузировать его двигаться вперёд'. В то же время теоретически можно представить язык, в котором глагол 'бросать' лабилен и в непереходном употреблении означает примерно 'сильно лететь вперёд' (ср. значение 'катиться') - в данном случае ключевым был бы способ движения, а не способ его каузации.

В частности, неясно, почему глаголы со значением 'бросать' не могут быть каузативами от глаголов 'лететь'. Действительно, понятно, почему агентивно-ориентированные компоненты мешают декаузативизации: они не могут быть удалены из семантики глагола. Однако не столь очевидно, что они не могут **вводиться** деривациями.

Более того, в некоторых случаях агентивно-ориентированные компоненты могут исчезать из семантики глагола — это происходит, например, при префиксации: ср. *мыть* —

²⁰ Исключением является арчинский глагол *сáχas* 'кидать, падать споткнувшись'.

смыть. При этом оказывается, что отсылка к этим компонентам недостаточно, требуется узнать, почему они возникают.

Тем не менее, если глаголы со значением 'бросать' лабильны, как, например, в древнегреческом, их непереходное употребление означает 'бросаться' (об агентивном субъекте), то есть не является декаузативом.

Ясно, что и ситуация 'катить', и ситуации 'толкать' или 'бросать' подразумевают воздействие внешнего агенса, каузирующего движение. Тем не менее, оказывается, что по отношению к декаузативам и лабильности они ведут себя по-разному. По всей вероятности, это связано с особенностями лексикализации ситуаций 'бросать'/'лететь' и 'катить(ся)': в первом случае более простым считается непереходное действие, во втором оба действия достаточно сложны, чтобы быть производными.

И ситуация 'катить', и ситуация 'катиться' содержат указание на нетривиальное свойство движения – его особый способ. Следовательно, и если исходным глаголом является переходный, и в противоположном случае производность некоторого глагола мотивируется его семантической сложностью. При этом компонент способа движения может быть важнее, чем отсутствие/наличие агенса (см. об этом ниже). Следовательно, переходный и непереходный глаголы имеют существенный общий компонент, а это необходимо для образования декаузатива.

Напротив, глаголы 'бросать/лететь' указания на способ движения не содержат. Наиболее важным является отсутствие/наличие агенса. А именно по этому параметру ситуации сильно различаются: глагол 'бросать' обозначает начальную фазу движения, а 'лететь' – движение в целом. Можно сказать, что обычно эти ситуации не обслуживаются одной лексемой в силу различия в аспектуальных характеристиках (заметим, что ситуации 'катить' и 'катиться' по этому параметру не различаются). Естественно, это различие связано с агентивными компонентами (аспектуальные характеристики глагола 'бросать' вытекают из них), но также и со способом каузации – как будет показано ниже, он тесно связан с лабильностью. При 'бросать' задействуется фактитивная каузация, инициирующая начало действия, но не сопровождающая предмет на протяжении всей ситуации. 'Катить' подразумевает социативную каузацию, при которой агент сопровождает каузируемого.

Следовательно, сама важность агентивно-ориентированных компонентов или способа движения, их лексикализация, связана с акциональным классом глагола. Если глагол принадлежит к классу вхождений в процесс или состояние ('бросать', 'толкать'), на первое место выступает агентивный компонент – именно он обычно начинает ситуацию. Напротив, у процессов (ср. 'катить' и особенно 'тянуть', также образующий

каузативы и проявляющий лабильность) важны, прежде всего, характеристики процесса, связанные с пациенсом (известно, что именно пациенс в первую очередь связан со свойствами ситуации). Такая зависимость постулировалась уже в работе [Kazenin 1994].

В работах Б. Левин и М. Раппапорт-Ховав [Levin 1993], [Levin, Rappaport Hovav 1994] предлагается деление глаголов на глаголы способа (например, 'катить') и глаголы результата ('разбить'). Считается, что принадлежность глагола к одному из данных классов отчасти определяет его участие в деривациях. Тем не менее, ясно, что и это не до конца объясняет некоторые различия. Можно заметить, что глаголы результата действительно в большей степени обозначают сильное изменение объекта, нежели глаголы способа (в частности, они имеют большую тенденцию к предельности) и для них в большей степени характерно образование декаузативов. Некоторые проблемы, рассматриваемые в работе Хаспельмата, возможно, лучше решаются с помощью этого подхода, ср., например:

мыть – глагол способа, декаузативов не образует;

очищать – глагол результата, образует декаузативы.

Заметим, что в переходном употреблении глагол *очищать* и глаголы *чистить* и *мыть* различаются не так уж сильно (хотя *очищать* допускает субъекты типа ветра).

Но и это решение не объясняет, почему декаузативы регулярно образуются от глаголов движения, причём как предельных, так и непредельных, глаголов приготовления пищи и т.д. Например, инхоативно-каузативные пары типа 'катить(ся)' образуются гораздо чаще, чем типа 'идти/вести'. Судя по всему, осложняющие семантику глагола компоненты делают отнесение к тому или иному классу не столь очевидным, а для лабильности они очень важны: они объединяют два употребления глагола. Многие глаголы могут быть отнесены и к той, и к другой группе – например, *толкать* можно посчитать не только глаголом способа, но и глаголом результата – каузации движения. Тем более это указание включают глаголы типа 'бросать' – если действие не привело к результату 'предмет передвигается по воздуху', данный глагол употребить нельзя. Во всяком случае, этот глагол не вполне чётко определяет способ воздействия на объект. Глаголы 'полировать', 'асфальтировать' и т.д. также, несомненно, включают и указание на способ, и указание на результат.

Наконец, и это решение не учитывало бы, что каузативы могут образовываться от очень многих глаголов, в том числе типичных глаголов способа типа 'бежать' – сами авторы признают, что каузация не сводится ни к каким аспектуальным классам.

Можно сказать, что часто важно не отсутствие агентивно-ориентированных компонентов (по всей вероятности, в какой-то мере они присутствуют в любом

переходном глаголе), а важность других компонентов. Это объясняет лабильность глаголов типа 'тянуть' – они агентивно-ориентированы, но способ движения важнее, чем агентивно-ориентированные компоненты. В частности, если агент является одушевлённым и всё время участвует в ситуации, он важен для неё, и элиминировать его сложнее (ср. 'асфальтировать'). Аналогичным образом, если глагол акцентирует внимание на результате, агентивный компонент становится менее важным – именно поэтому для глагола *смыть*, в отличие от *мыть*, в меньшей мере обязателен агент. Агентивно-ориентированные компоненты редко строго обязательны для ситуации – важна относительная важность компонентов, и в особенности она важна для лабильности. В частности, можно сослаться на работу [Kazenin 1994], где такая зависимость фиксируется. Тем не менее, и ограничиться подходом этой работы не получается.

Во-первых, при данном подходе «важность» или «неважность» агента не поддаётся точной оценке: почему, например, глаголы *бросать* и *throw* даже при указании цели (*забросить*) не допускают опущения агента, а глаголы *мыть* и *wash* допускают (*грязь смылась*)? По всей видимости, необходимо более подробно классифицировать активность агента и различить **обязательность** агента и его **коммуникативную значимость**.

Глаголы *асфальтировать*, *шить* или *мыть* не могут образовать декаузатива не потому, что специфицирует действия агента, а потому, что без агента данное действие осознаётся как невозможное в силу устройства мира (исключая окказионализмы типа *дорога заасфальтировалась*) – ткань не может сама стать рубашкой. Напротив, действия типа *затолкать* (что-л. куда-л.), фиксирующие состояние пациента которые, казалось бы, могли бы в силу добавления приставки допускать выведение агента из ситуации (гипотетический декаузатив *затолкаться* мог бы означать 'оказаться внутри помещения'), но компонент участия агента (например, в случае *затолкать* – специфического воздействия на пациента) из-за своей специфичности слишком значим, чтобы исключить его из ситуации. В то же время изменение состояния пациента менее значимо, чем при глаголе *смыть*, при котором пациент существенно более значим, нежели агент.

Чем менее существенно для глагола **само наличие агента**, тем больше способность глагола формировать окказиональные декаузативы (в особенности в современных ситуациях, когда многие действия выполняются механизмами: ср. *посуда уже моется*), напротив, глаголы типа *бросить* этого не допускают, даже если бросок выполняет машина (**камень уже бросается*). Во многом это противопоставление связано с **типом агента**: ср. введённое в [Гаврилова 2001] и других работах того же автора разграничение

агенса-исполнителя и агенса-инициатора: первый воздействует на ситуацию на всём её протяжении, второй только каузирует её начало: именно поэтому глаголы приготовления пищи типа *варить*, обязательно требующие участия агенса, допускают декаузативацию.

Тем самым, необходима дробная классификация участников ситуаций, причём неочевидно, какой из них находится ближе к агенсу. Хороший пример представляют глаголы *втыкать* и *протыкать*: оба они не подразумевают агенса и оба требуют участия двух актантов, однако декаузатив образует только первый из них (ср. невозможное **проткнуться*). Вероятно, это означает, что требуется учитывать не только наличие собственно **агенса**, но и степень близости актантов к агенсу: неграмматичный декаузатив *проткнуться* исключается из ситуации участника, воздействующего на другого участия и потому близкого к агенсу.

Решение, принятое в [Kulikov 1998] можно считать статистически верным - действительно, глаголы возрастания энтропии часто бывают лабильными. Тем не менее, и это верно не для всех языков: если немецкий или адыгейский языки следуют этому правилу, то для французского, русского, алюторского или болгарского это уже неверно. Глаголы приготовления пищи, лабильные во многих языках, подразумевают именно убывание энтропии и требуют сознательных усилий агенса.

В любом случае, кажется, что объяснение, задействующее изменение энтропии, недостаточно: требуется объяснить, какие именно глаголы связаны с энтропией. Например, ясно, что усилия агенса концептуализируются как приводящие к убыванию, а не к возрастанию энтропии. Для некоторых глаголов, в особенности глаголов движения, говорить о направлении изменения энтропии вообще сложно – положение предмета меняется, но его важные характеристики в основном остаются прежними. Возможно, точнее говорить не о возрастании энтропии, а о **соответствии природе** предмета: к примеру, глаголы приготовления пищи, при котором энтропия убывает, тем не менее изменяют предмет больше, чем это предусмотрено его свойствами.

Таким образом, при образовании декаузативов существенны несколько параметров: может ли ситуация в принципе быть автономной (что объясняет отсутствие декаузативов типа *заасфальтироваться*), насколько схожи по семантике переходный и непереходный член пары (отсутствие декаузативов типа *броситься*) и какой способ каузации задействуется. Агентивно-ориентированные компоненты в значительной мере являются лингвоспецифичными и не всегда объясняют сочетаемость глагола. Существенно, что переходный и непереходный член пары должны быть сходны по семантике – хотя, в принципе, агентивно-ориентированный компонент может уничтожаться, он не должен

быть основным и единственным компонентом значения глагола.

Существуют случаи, когда образование декаузативов ограничено ещё сильнее, причём ограничения могут быть разными. Так, в адыгейском языке рефлексивный префикс *ze-* имеет сильно ограниченное декаузативное употребление: оно сочетается с глаголами ‘открывать’, *feṣež’ən* ‘закрывать’, *wəfən* ‘сгибать’, то есть с глаголами изменения конфигурации объекта. Напротив, каузатив и лабильность весьма продуктивны.

Ограничения на образование каузатива носят несколько другой характер, нежели на декаузатив. Как было показано выше, декаузативы ограничены действиями, которые могут происходить без участия агенса хотя бы в каком-то смысле (полностью, в какой-то фазе, не требовать контактного участия агенса). Каузатив, напротив, вводит в ситуацию участника – и теоретически это введение возможно практически всегда: если имеет место ситуация Р, то можно каузировать её с помощью внешнего воздействия. Можно сказать, что семантика **исходной** ситуации меняется при декаузативации сильнее, чем при каузативации: последняя только добавляет некоторый компонент, сохраняя структуру ситуации. С другой стороны, состав участников в целом сильнее меняется при каузативации, но она не требует доступа к внутренней структуре действия.

В некоторых языках (абхазо-адыгские) каузативный аффикс действительно может присоединяться практически ко всем глаголам. Тем не менее ещё в работе [Недялков, Сильницкий 1969] указывается, что во многих языках применение каузативов ограничено: так, если в языке есть каузатив, применяющийся не ко всем глаголом, он с большой вероятностью будет применяться к непереходным предикатам. Кроме того, каузативы с ограниченной применимостью, как правило, обозначают контактное воздействие на предмет. Наконец, обычно речь идёт о высокочастотных ситуациях, а не о непрототипических типа ‘заставлять красить’.

Часто ограничения на каузатив касаются типа каузации: контактности/дистантности, фактитивности/пермиссивности, случаев, когда каузирующая и каузируемая ситуация составляют одну vs. несколько ситуаций. Существуют и более тонкие ограничения: в частности, как показано в работах [Pardeshi 2000] и [Shibatani, Pardeshi 2002] на примере языка маратхи, особым образом может оформляться ассоциативный каузатив (каузатор совершает действие вместе с каузируемым, например, ‘вести’) или каузатив от глаголов ‘есть’ и ‘пить’ (т.н. ингестивных переходных глаголов, при которых, однако, свойства субъекта меняются в ходе ситуации). Во многих языках распределены относительно видов каузации морфологические и неморфологические

каузативы: как правило, первые обозначают более контактную и более фактитивную каузацию, причём оба события составляют единую ситуацию.

Таким образом, ограничения на декаузатив касаются исходной ситуации. Ограничения на каузатив связаны не только с исходной ситуацией, но и со свойствами добавляемого каузативного компонента: каузативный показатель может модифицировать практически все глаголы, но в зависимости от свойств исходного глагола, различным будет тип каузации.. Нашей целью в дальнейшем будет проверить, можно ли считать, что декаузативная/каузативная лабильность обладает некоторыми свойствами нулевого показателя деривации и если да, то можно ли определить, имеем мы дело с каузативом или с декаузативом.

В языке могут быть и маркированный каузатив, и маркированный декаузатив, причём существуют определённые тенденции распределения каузатива и декаузатива по типам глаголов. Эти тенденции были обобщены в работах [Недялков 1969], [Haspelmath 1999] и [Лютикова 2002a].

2.1.1.2. Распределение каузатива и декаузатива

В работе В.П. Недялкова было замечено, что хотя каузатив и декаузатив являются как бы зеркальными отражениями друг друга, употребляются они по-разному. В частности, глагол со значением ‘разбиться’ морфологически часто является декаузативом от ‘разбить’, но не встречается языков, где глагол ‘смеяться’ был бы декаузативом от ‘смешить’.

В работе В.П. Недялкова предлагается так называемая шкала самопроизвольности:

wash < close < melt < laugh [Недялков 1969].

Одновалентная ситуация, обозначенная глаголом *wash* (‘быть помытым’) не может возникать спонтанно.

Более подробную шкалу самостоятельности приводят М. Хаспельмат (1993) и Е.А. Лютикова (2002: 4). Определив семантическую лабильность (см. выше), они определяют зону семантической лабильности, в которую объединяются действия, способные происходить как самопроизвольно, так и с участием агенса. При обозначении таких ситуаций язык может выбирать все возможные стратегии: маркирование каузатива и декаузатива, лабильность, эквиполентную оппозицию и супплетивизм. Слева на шкале находятся ситуации, которые в прототипическом случае возникают самопроизвольно, а справа — такие, которые прототипически возникают под влиянием агенса или внешней силы:

замерзать-сохнуть-таять-гореть-наполняться-качаться-собираться-открываться-ломаться-сыпаться
Предполагается, что в левой части шкалы маркироваться будут каузативы, а в правой —

декаузативы. Ни в одной из работ не говорится о тенденциях возникновения у ситуаций на шкале лабильности, супплетивизма или эквиполентных оппозиций.

Как уже говорилось ранее, Хаспельмат ([Haspelmath 1993]) выдвигает предположение, что особая группа переходных глаголов (глаголы с «агентивно-ориентированными компонентами»), так же, как и непереходные глаголы несамостоятельного действия, никогда не образует инхоативно-каузативных пар. Таким образом, глаголы с агентивными компонентами, которые формально должны были бы находиться на правом конце шкалы, вообще выходят за её пределы: можно считать, что пассив в данном случае как бы обозначает то же, что и декаузатив, заменяя его, когда без участия агенса ситуация возникнуть не может. Несколько больше вероятность спонтанного возникновения у ситуации 'закрываться', но чаще эта ситуация возникает под влиянием внешнего агенса, поэтому маркирован чаще бывает декаузатив. Ситуация 'таять', напротив, чаще возникает самостоятельно, поэтому производным чаще будет каузатив. Наконец, ситуация 'смеяться' всегда самостоятельна, и декаузатив никогда не бывает маркирован.

Нужно сказать, что шкала самопроизвольности имеет свои недостатки: о некоторых из них будет сказано ниже в разделе о лабильности. Более общим недостатком является неясность точной мотивации шкалы за пределами достаточно ясных случаев типа *laugh* или *wash*. Если мы считаем, что частота производных каузативов/декаузативов связана со свойствами ситуации, возможны, по меньшей мере, две интерпретации положения глагола на шкале.

(а) частота переходного и непереходного употреблений;

(б) способность ситуации обходиться вообще без агенса (например, даже если употребляется непереходный глагол *сломаться*, изменения в пациентивном субъекте не происходят сами по себе). К подходу (б) можно отнести и степень участия агенса в ситуации.

При подходе (б) шкала явно недостаточна для анализа декаузативной лабильности. Так, во многих случаях в ситуации вообще нет агенса: ср., например, употребления болгарского глагола *изгоря* 'сгореть/сжечь', ни в первом из которых, ни во втором агенс не выражен в предложении и не обязан присутствовать в ситуации:

- (79) а. Огънят изгори къщата 'Огонь сжёг дом'.
б. Къщата изгори 'Дом сгорел'.

С другой стороны, есть случаи типа 'жарить(ся)', в которых агенс присутствует в том или ином виде в обоих употреблениях.

Само понятие «самопроизвольности» неоднозначно: многие действия не требуют

агенса, но обязаны иметь двух партиципантов. В частности, это зависит от свойств пациенса: при глаголах типа ‘разбиться’ он несамостоятелен и подвергается существенным воздействиям – поэтому считается, что данная ситуация имеет место при участии агенса, хотя это не всегда действительно так.

Подход (а) избавлен от таких противоречий, но непонятно, насколько он соответствует шкале. Шкала требует, чтобы расположение глаголов было постоянным для всех языков. Однако употребление непереходных и переходных вариантов явно разнится между языками, в зависимости от семантики конкретных глаголов:

Русский:

(80) *В результате бедствия погибли/*умерли/*были убиты двадцать человек.*

Английский:

(81) *As a result of this disaster, twenty people died/were killed.*

Глагол *die* обозначает более широкий класс ситуаций, чем *умереть*: первый захватывает ситуации, не имеющие агенса, но имеющие неодушевлённую причину, второй – только ситуации, где нет ни того, ни другого (хотя встречаются результативные контексты типа *он умер от удара камня*). С другой стороны, в аналогичных контекстах не употребляется и русский глагол *убить*: он подразумевает, что имело место воздействие со стороны агенса²¹. Соотношение между *умереть* и *убить*, с одной стороны, и *kill* и *die*, с другой, различается, но шкала не позволяет это показать. Кроме того, глаголы типа *погибнуть*, непереходные, но обозначающие смерть в результате некоторого воздействия, вообще не попадают на шкалу, так как не являются ни прототипическими инхоативами, ни каузативами.

Аналогичным образом могут вести себя глаголы физического воздействия: например, в одном языке будет скорее использоваться конструкция типа ‘Ветер гнёт дерево’, в другом – ‘дерево гнётся от ветра’. Эти различия не выражают различия в ситуациях, обозначаемых глаголами – скорее важно, какой класс ситуаций концептуализуется как безагентивный. Следовательно, различается и частота переходного и непереходного употреблений.

В работе [Wright 2001] несамостоятельная ситуация понимается широко: например, под это определение попадают такие предложения, как *Extremely hot sun wilted the roses* ‘Очень жаркое солнце заставило розы увянуть’. Таким образом, существенным считается не только то, насколько вероятно спонтанное возникновение ситуации, но и тип агенса, принимающий участие в ситуации. Кроме того, автор

²¹ Случаи типа *Он был убит камнем, упавшим с крыши собора* всё же более маркированы и реже

показывает, что самопроизвольность сама по себе является шкалой: состояния типа ‘увянуть’ или ‘расцвести’ в значительной мере обусловлены внутренними свойствами предмета и не могут полностью зависеть от внешних обстоятельств.

Тем не менее, и этого объяснения недостаточно. К примеру, пары ‘кипеть/кипятить’ и ‘варить/вариться’ очень часто проявляют лабильность, хотя кипение и варка во многом зависят от внутренних свойств предмета. С другой стороны, пара ‘сушить/сохнуть’ бывает лабильна несколько реже.

Возможно, именно здесь проявляется двоякая природа самопроизвольности. С одной стороны, роль играет тип воздействия внешних сил на предмет (в случае ‘вянуть’ и ‘кипеть’ он практически одинаков). С другой стороны, важно, насколько часто у ситуации появляется прототипический агенс. Как будет показано ниже, для ситуаций ‘жарить/жариться’ играет роль второе.

Судя по всему, шкалу следует сделать многофакторной: важным может быть и то, насколько часто ситуация обходится без агенса, и то, каким образом пациент связан с другим участником (см. ниже об агенсе-инициаторе и агенсе-исполнителе), и то, какого рода воздействия на него оказываются. Отметим, впрочем, что для других способов маркирования деривации, помимо лабильности, шкала часто оказывается достаточной. Точно так же положение глагола на шкале связано с тем, рассматриваем ли мы собственно агентивных или любых участников: к примеру, ситуация ‘наполняться’ самопроизвольна и часто возникает как с участием агенса (*Я наполнил бассейн водой*), так и без него (*Бассейн наполнился водой*). С другой стороны, она не может не содержать второй актанта (хотя и неагентивный) – заполняющую массу. Это приводит к возможности переходных употреблений типа *Вода наполняет бассейн*, которые при таком подходе должны оказаться на правом конце шкалы. По-видимому, для данной ситуации играют роль оба участника: отсутствие агенса делает возможными декаузативные конструкции типа *Бассейн наполнился водой*, а обязательное наличие содержимого не позволяет возникнуть лабильности (см. об этом ниже).

В работе [Daniel и др. в печати] указывается на необычность пар типа ‘умереть/убить’ и ‘разбить/разбиться’. Но в действительности употребление непереходного глагола очень часто означает, что агенс просто не слишком важен для говорящего – важно изменение состояния пациента: ср., например, *Я уронил чашку на пол, и она разбилась* – в данном случае возвратная форма не фиксирует отсутствие агенса, но несколько смещает акценты.

Наконец, ещё одна проблема, связанная со шкалой – её ориентированность на чистые инхоативно-каузативные пары. В частности, во многих языках класс ситуаций, к которым применяется переходный глагол, отличен от области применения переходного: двухвалентного аналога ситуации ‘волны разбиваются о берег’ не существует. С другой стороны, для употреблений типа *начать пирог* не существует непереходных пар.

Даже если пары существуют, нередко они отличаются от чистых каузативно-инхоативных соответствий: так, переходный аналог ситуации *начинается новый год* – *мы начали год* – имеет нетривиальную семантику. Русский глагол *лить* может употребляться непереходно только по отношению к погодным явлениям и, шире, к автономным ситуациям высокой интенсивности (например, как показывает опрос носителей, предложение *из трубы лила вода* выглядит лучше, чем *из крана льёт вода*). Глагол *сыпать* ограничен только погодными явлениями. Литовский глагол *kepti* ‘печь(ся)’ может образовывать каузатив со значением ‘жарить’, а адыгейский *žwep* ‘варить(ся)’ может употребляться как переходный только в значении ‘варить’, но не ‘кипятить’.

Особенно интересны различия между переходными и непереходными употреблениями адыгейского глагола *zeɬʁəteq_wən*. В прямом значении ‘рассыпать (сыпучий материал)’ он лабилен и не присоединяет показателя деривации. В значении ‘разрушиться’ он употребляется только как непереходный, а для каузативизации обычно используется специальный показатель:

- (82) a. derqə-r $\text{zebχərə-teq}_w\text{ə-}\mathbf{\text{χ}}$
 СТЕНА-ABS LOC-БРОСИТЬ-PAST
 ‘Стена развалилась’;
- b. č'ale-m derqə-r $^+\text{zebχər-jə-}\mathbf{\text{χe-teq}}_w\text{ə-}\mathbf{\text{χ}}/\text{zebχər-jə-teq}_w\text{ə-}\mathbf{\text{χ}}$
 ПАРЕНЬ-ERG СТЕНА-ABS LOC-3SG.A-CAUS-БРОСИТЬ/LOC-3SG.A-БРОСИТЬ
 ‘Парень разрушил стену’.

Во французском и итальянском языках непереходное употребление глаголов ‘открыть’ и ‘закрыть’ обычно маркируется, кроме случаев типа ‘Магазин открывается в шесть’. Эти конструкции занимают промежуточное положение между А- и Р-лабильностью.

Такие же различия имеются и между употреблением глаголов за пределами шкалы: например, русский глагол *катить* в непереходном употреблении может обозначать только движение транспортного средства: *По улице катит машина*, - но не круглого предмета: **По дорожке катит мяч*. При переходном употреблении глагол сочетается с такого рода контекстами: *Мальчик катит по дорожке мяч*.

Ясно, что эти глаголы отличаются от лабильных глаголов типа *break* ‘ломать(ся)’. Существенно, что два употребления могут занимать разные позиции на шкале самопроизвольности: ср., например, глаголы *сыпать*’ и *лить*. Ситуации *Вода льёт* и *Снег*

сыплет более автономны, чем *Из чашки льётся вода* или *Из банки сыплется сахар*, а следовательно, не могут быть объединены на шкале с каузативными коррелятами *Я лью воду* или *Я сыплю сахар в банку*.

Следовательно, при рассмотрении свойств лабильных глаголов не всегда можно говорить о лабильности пар, обозначающих определённого типа ситуацию – часто стоит считать, что при лабильности объединяются две различных ситуации, каждая из которых обладает своими свойствами – и в том числе различной степенью самопроизвольностью. Лабильность не всегда объединяет, как можно было бы ожидать, **два обозначения одной ситуации** (например, ‘лить’ и ‘литься’) – ниже мы попытаемся выяснить, по какому признаку в таком случае объединяются два употребления глагола.

2.1.1.3. Предсказательная сила шкалы самопроизвольности

Помимо неоднозначности самого параметра самопроизвольности, оказывается, что для лабильности шкала не обладает предсказательной силой. Как можно заметить по данным [Лютикова 2002a], для немецкого, аварского, лезгинского языков лабильные участки шкалы прерывны (это же показывают данные работы [Abraham 1997]): например, не лабилен глагол *öffnen* ‘открывать’, но лабильны находящийся слева от него *brennen* ‘гореть/жечь’ и справа от него *brechen* ‘ломать(ся)’. В то же время каузативные и декаузативные участки гораздо более велики и чаще непрерывны.

В работе [Лютикова 2002б] градация «каузативности»/«декаузативности» выстраивается уже по данным 19 дагестанских языков. Но градация лабильности не всегда совпадает с ней. Ситуации ‘жечь’ и ‘рваться’ делят в ней третье место (в 12 из 19 языков они кодируются лабильными глаголами) и сильно обгоняют как ситуации ‘качаться’ и ‘убивать’ с низким индексом каузативности, так и ‘собираться’ и ‘таять’, у которых этот индекс высок. Следовательно, даже в масштабе целой языковой группы данные по каузативам и по лабильности не дают достаточно точных предсказаний. Повидимому, это связано с тем, что степень самопроизвольности для лабильности не столь значима.

Впрочем, даже если не учитывать прерывность участков шкалы, заметно, что она не охватывает всего спектра ситуаций. Во-первых, в шкалу входят только глаголы, имеющие прототипические агенс и (обычно) пациенс. Лабильность типа русской *играть* (*играет музыка – сосед играет гаммы*) в неё не входит. Оказывается, что сам параметр самопроизвольности значительно легче определяется именно на прототипически переходных глаголах.

Действительно, такие глаголы предполагают, по крайней мере, что предмет

существовал до начала ситуации – следовательно, можно говорить о самопроизвольном или несамопроизвольном изменении его состояния. Если же объект не существует до действия и вообще не является предметом (как звуки при глаголе *играть*), говорить о самопроизвольности изменений может быть сложно: как было показано выше, самопроизвольность тесно связана с воздействием на объект, а музыка не подвергается никакому воздействию – сложно говорить о том, что ситуация более или менее самопроизвольна. Например, в предложении *Я играю гамму* говорящий воздействует на инструмент, а не на гамму, которая возникает именно в связи с конкретным инструментом. Аналогично, в предложении *учитель начал урок* речь не идёт о воздействии на урок – однако до момента действия учителя урока в каком-то смысле не существовало. При этом способы выражения соотношения между ситуациями с абстрактными пациенсами недостаточно изучены и даже формально их место на шкале не слишком понятно.

С другой стороны, шкала самопроизвольности не охватывает наиболее самопроизвольных действий – таких, для которых вообще не используется декаузатив. Такое ограничение во многом обусловлено задачами исследований: если исследуются способы выражения каузативного значения, то целесообразно анализировать именно зоны максимальной конкуренции – «семантической лабильности». Тем не менее, возможен и другой подход к проблеме. Кажется естественным, прежде чем сравнивать способы между собой, выяснить область действия каждого из них. Если сделать это, мы получим по крайней мере четыре противопоставления:

неэргативные (агентивные) vs. неаккузативные (пациентные) одновалентные ситуации (противопоставления агентивных (неэргативных) и пациентивных (неаккузативных) глаголов обсуждалось начиная с [Perlmutter 1978], [Rosen 1984], а наиболее подробно понятие неаккузативности было разработано в [Levin, Rappaport Hovav 1995]);

(внутри неаккузативных) контролируемые изнутри vs. извне;

(внутри контролируемых извне) левая vs. правая часть шкалы самопроизвольности;

(внутри левой части шкалы) возникающие vs. не возникающие спонтанно.

Даже неэргативные глаголы могут проявлять лабильность. Например, в эргативных языках Кавказа встречается лабильность типа ‘идти/вести’ (см. годоберинский глагол *una*), ср. также немецкий глагол *fahren* ‘ехать/везти’, где оба употребления активны, албанский и испанский *pasear* ‘гулять/водить гулять’ и т.д. В особенности распространены такие случаи среди окказионально лабильных глаголов: ср. *его ушли с работы*, *его уехали за границу*, *кто девушку ужинает, тот её и танцует* и др. Во

французском языке лабильность этого типа не менее распространена, чем «неаккузативная»: ср. *sortir* ‘выходить, вынимать’, *descendre* ‘спускаться’. Как мы увидим ниже, такая лабильность занимает промежуточное положение между декаузативным и другим типами.

При этом неаккузативные глаголы, обозначающие неконтролируемые извне ситуации, обычно не бывают лабильными: именно об этом свидетельствует материал диссертации [Wright 2001]. Это свидетельствует о том, что неэргативность, степень агентивности субъекта не всегда позволяет верно предсказать лабильность глагола – решающим фактором может являться возможность каузировать ситуацию. Хотя в ситуации *цветок расцвёл* субъект неагентивен, повлиять на него извне невозможно.

При переходе к наименее контролируемым внешним агентам ситуациям возникают новые типы каузации – ассоциативный (субъект каузирует объект, сам выполняя каузируемое действие, ср. ‘вести’, ‘выгуливать’) и различные виды дистантной каузации (ср., например, *его ушли с работы*). Именно поэтому требуется учесть вклад в лабильность фактора «тип каузации». Как уже говорилось, лабильность зависит от гораздо большего числа факторов, чем выбор каузатива или декаузатива.

2.1.1.4. Языки, отвечающие шкале самопроизвольности

Для лабильности в ряде языков шкала самопроизвольности даёт хорошие результаты. Естественно, имеется в виду, что сосредоточенные на шкале глаголы сильного воздействия объединяются в непрерывные участки – но не исключается наличие глаголов за пределами шкалы.

Компактной системой лабильных глаголов обладает адыгейский язык: почти все его лабильные глаголы (около 80) принадлежат к правой части шкалы: ср. *zebɣərətəq_wən* ‘сыпать’, *q_wəten* ‘разбивать’, *qəḵ_wətən* ‘разливать’, *ʔontʔən* ‘сгибаться’, *zeʔetɣən* ‘рвать(ся)’ и др. или подобны им: ср. *wəṣ_wejən* ‘пачкать(ся)’, *zepjəḵʔən* ‘сломать(ся)’ и др. Напротив, в левой части шкалы лабильность редка: ср. непереходные глаголы *ḵ_wəwen* ‘сохнуть’, *k_wesen* ‘гаснуть’, *wəḵʔəwən* ‘остывать’, *tḵ_wən* ‘таять’ и т.д., хотя глагол с агентами-инициатором *ḵ_wən* ‘варить(ся)’ лабилен. Глагол *stən* ‘гореть/жечь (об огне)’ обычно считается лабильным, но не проявляет одного из свойств переходных глаголов – не образует потенциалиса:

- (83) *ṣəxə-rmaṣ_we-m f-jə-stə-šʔt-ep
 ДЕРЕВО-ABS ОГОНЬ-ERG BEN-3SG.A-ЖЕЧЬ-FUT-NEG
 ‘Огонь не сможет сжечь дерево’.

Заметим, что и в адыгейском языке неочевидно, что шкала непрерывна (это зависит от расположения глагола ‘варить(ся)’). Однако её действие проявляется в частотности

лабильных глаголов в правой части. Кроме того, лабильных глаголов вообще за пределами шкалы в адыгейском практически нет. Существенно, что лабильность той или иной части шкалы – факт всё же статистический. Стоит скорее говорить об **области концентрации лабильности** (такой, где лабильность продуктивна), чем о строго лабильных и нелабильных участках, что особенно важно из-за неполноты шкалы.

В работе [Wright 2001] анализируется деление глаголов в английском и некоторых других языках на глаголы изменения состояния, каузируемого извне (*external change of state verbs*) и каузируемого свойствами самого объекта. В частности, замечено, что в языке каннада лабильность проявляют, прежде всего глаголы, обозначающие несамопроизвольно возникающие ситуации (например, *tere* ‘открывать(ся)’, *tuchu* ‘закрывать(ся)’, *wadu* ‘ломать(ся)’). С другой стороны, глаголы самопроизвольно возникающих ситуаций (*tukku* ‘ржаветь’, *kargu* ‘таять’, *kudu* ‘кипеть’) для переходного употребления требуют добавления каузативного показателя:

- (84) a. vataga wad-i-tu
 glass break-PST-3SN
 ‘Стакан разбился.’
- b. naan-u vatag-annu wad-d-e
 I- NOM glass-ACC break-PST-1S
 ‘Я разбил стакан’
- c. *naan-u vatag-annu wad-is-id-e
 I- NOM glass-ACC break- CAUS-PST-1S
 ‘Я разбил стакан.’ ([LIDZ 2000])

Это может являться подтверждением точки зрения автора, что для глаголов несамопроизвольных ситуаций базовым является переходное употребление, а для самопроизвольных — непереходное. При этом в работе не делается вывода о том, каким образом распределяются маркированные и немаркированные деривации, но можно сделать вывод, что в каннада лабильность и каузатив распределены по глаголам: лабильные глаголы располагаются только в правой части шкалы, а маркированные каузативы – в левой. Следовательно, каннада также отвечает шкале самопроизвольности. Впрочем, автор не принимает во внимание **объём** класса лабильных глаголов и сопоставляет с каннада (и французским, о котором речь пойдёт ниже) английский язык. В действительности в английском шкала действует по-другому. Все глаголы в её пределах лабильны, в то время как в других зонах это не всегда так.

Таким образом, в английском важно не конкретное положение глагола на шкале, а то, что в работе [Лютикова 2002a] называется семантической лабильностью: повышенная склонность к лабильности глаголов на шкале. Вероятно, значимо в этой связи предположение [Goldberg 1995] о важности конвенционализации ситуации. Можно

говорить о **барьере самопроизвольности**: для английского он очень высок, а для каннада и французского низок (хотя и действует в разные стороны). Неучёт этого может привести к неверным выводам: например, французский показатель *se* нельзя считать функционально похожим на английскую лабильность: хотя он применяется к относительно менее самопроизвольным событиям, область английской лабильности существенно шире.

Во французском языке областью концентрации лабильности является левая часть шкалы: ср. *geler* 'мёрзнуть/замораживать', *brûler* 'гореть/жечь', *fondre* 'таять/растопливать', *sécher* 'сохнуть/сушить' – хотя и в правой части она не исключена: ср. *casser* 'разбивать, (реже) разбиваться', *ouvrir* 'открывать(ся)'. В данном случае важен ещё один параметр, позволяющий считать ту или иную область более или менее лабильной: сочетаемость глаголов с показателями деривации. Естественнее считать, что лабильность развита больше, если она не конкурирует при данной лексеме ни с одним средством выражения деривации: в этом случае она как бы занимает место грамматического показателя (см. об этом ниже). Во французском языке глаголы левой части реже сочетаются с показателями, чем глаголы правой.

По-видимому, самопроизвольность в данном случае связана также с другим параметром – наличием у субъекта «агентивных» свойств и неполнотой пациентивных свойств – при самопроизвольных действиях он осознаётся как актанта, не подвергающийся влиянию другого актанта. Возможно, с этим связано то, что во французском языке, помимо глаголов на шкале, лабильны такие глаголы, как *sortir* 'выходить/вынимать', *monter* 'поднимать(ся)', *descendre* 'спускаться', у которых субъект действительно агентивен, а также то, что самопроизвольная часть шкалы чаще лабильна в аккумулятивных языках, где роль пациенса важна в меньшей степени, чем агентивные свойства субъекта. В частности, из этого следует, что скоррелирована лабильность глаголов вне шкалы и на левой части шкалы.

Наличие языков, отвечающих шкале «в обе стороны» усложняет задачу: требуется найти мотивацию для лабильности диаметрально противоположных групп глаголов. Тем не менее, в отличие от каузатива и декаузатива, такое поведение лабильности вполне естественно: как будет показано ниже, оно связано (1) со взаимоотношениями между лабильностью и показателями актантных дериваций и (2) со свойствами конкретных языков. Лабильность занимает разные позиции, поскольку действует различным образом: в одном случае она производит переходные употребления от непереходных, а в других – наоборот. В левой части шкалы переход облегчается незначительностью воздействия

агенса (см. ниже об агенте-инициаторе) и значимостью процессной составляющей, в правой – значимостью пациенса.

2.1.1.5. Языки, не отвечающие шкале

Языки, для которых шкала самопроизвольности не даёт точных предсказаний, можно разделить на два типа. Для первых шкала в целом является областью лабильности, но лабильные участки шкалы не непрерывны. Для вторых шкала вообще нерелевантна, так как лабильные глаголы сосредоточены в других областях.

К первым языкам относятся дагестанские языки, а также немецкий и, возможно, некоторые другие германские. Распределение глаголов внутри шкалы по лабильности в этих языках регулируется не самопроизвольностью, а прототипичностью пациенса и типом агенса.

2.1.1.5.1. Прототипичность пациенса

Для многих языков существенна семантическая переходность глагола. Это понятие было предложено в работе [Nopper, Thompson 1980] и обозначает кластер свойств, связанных с синтаксической переходностью: агентивность субъекта, степень затронутости действием объекта, аспектуальный класс глагола. В работе [Testelec 1998] была предложена классификация глаголов по степени вероятности синтаксически переходной модели: например, для глаголов со значением ‘убить’ она выше, чем для ‘ударить’ – последние непереходны, например, в картвельских, абхазо-адыгских и дагестанских языках. Для наших целей необходимо различать следующие классы:

- уничтожение пациенса (‘ломать’)
- изменение местоположения пациенса, не согласованное с его природой (‘рассыпать’)
- изменение местоположения пациенса (‘катить’)
- отсутствие пациенса.

Как уже говорилось выше, лабильность обычно рассматривалась как способность глагола менять свою переходность. В качестве примеров лабильных глаголов брались именно сильно переходные глаголы (‘разбить’, ‘порвать’ и т.д.), сильно варьирующие семантическую переходность от одновалентной модели к двухвалентной: при переходном употреблении пациенс не просто подвергается воздействию агенса, но даже разрушается в результате этого воздействия. Можно показать, что этот класс нельзя считать бесспорным ядром лабильных глаголов, однако в некоторых языках он наиболее лабилен.

Наиболее показателен пример лезгинского языка: в нём, судя по работе [Haspelmath 1993] лабильны глаголы *xin* ‘ломать, раскалывать’, *kin* ‘гореть/жечь’. *q'in* ‘умереть/убить’, *q0azunin* ‘порвать(ся)’, *aTun* ‘оборвать(ся)’ и некоторые другие: ‘гореть’

расположен ближе к левому краю шкалы, ‘умереть/убить’ на неё не попадает, прочие находятся ближе к правому краю. Хотя область лабильности прерывна, можно заметить, что все эти глаголы обозначают сильное изменение пациенса, фактически прекращение его существования в прежнем виде. При этом пациенс не во всём соответствует прототипу, предложенному в работе [Dowty 1990]: в частности, при глаголе ‘убить’ он одушевлён. Существенно именно его результирующее состояние. Также нерелевантно то, насколько прототипично для данной ситуации участие агенса (для глагола ‘умереть’ оно нехарактерно): даже без заметных внешних факторов может наступить сильное изменение состояние пациенса. Лабильность могут проявлять некоторые другие глаголы: например, *qurun* ‘сохнуть’ (данный глагол не обозначает уничтожения пациенса, но фиксирует его изменение по определённому признаку). При этом данный глагол фиксируется как лабильный не во всех работах по лезгинскому языку.

Похожие свойства проявляет немецкий язык, хотя, заметим, лабильных глаголов в нём существенно больше, чем в лезгинском и среди них есть такие, как *fahren* ‘ехать, везти’. Среди глаголов шкалы в нём лабильны (*zer*)*brechen* ‘ломать(ся)’ (и аналогичный *reißen* ‘рвать(ся)), (*ver*)*brennen* ‘гореть, жечь’, *kochen* ‘варить(ся), кипеть, кипятить’, *frieren* ‘заморозить’, *schmelzen* ‘растопить, расплавить’, но не лабильны *füllen* ‘наполнять’, *ausschütten* ‘рассыпать’, *öffnen* ‘открывать’, *schliessen* ‘закрывать’ (последние два глагола могут употребляться как непереходные в особых случаях), о которых мы скажем ниже. Как и в лезгинском языке, лабильны глаголы, подразумевающие существенные изменения пациенса. В частности, в результате заморозки предмет становится более твёрдым, в результате ломания утрачивает свою целостность. Не столь значительны изменения при сушке, но в любом случае поверхность предмета меняет свои свойства – отличие в том, что все прочие изменения невозобновимы, а сушка считается возобновимой. При этом, как и в лезгинском, шкала самопроизвольности не имеет предсказательной силы: глагол ‘сушить’ находится на самостоятельном полюсе шкалы, а ‘ломать’ – на несамостоятельном.

Нелабильные глаголы обозначают не такие существенные воздействия. Точнее, это смена местоположения предмета – хотя глаголы типа ‘рассыпать’, ‘наполнять’ и т.д. не причисляются к глаголам движения (так как фокусируют внимания на результате действия), реально они обозначают значимую смену местоположения – например, ‘наполнить’ означает ‘переместить X в Y, так что X полностью занимает Y’.

В то же время, эти закономерности носят характер тенденций, а не жёстких правил: к примеру, глаголы *sich auflösen* ‘растворяться’ или *sich spalten* ‘раскалываться’ не лабильны. Скорее важно, что в той или иной зоне регулярно появляются лабильные

глаголы: например, кроме ‘ломаться’, лабилен также *(zer)reissen* ‘рваться’.

В отличие от лезгинского, в немецком языке глагол ‘умереть/убить’ не лабилен – по-видимому, лабильность этой пары вообще характерна только для эргативных языков (она будет отдельно прокомментирована ниже). По сути, немецкий язык также требует прототипичности пациенса, но в другом аспекте: для него важно не сильное воздействие на пациенс, а его неодушевлённость. С другой стороны, в лезгинском эта пара лабильна, поскольку подразумевает уничтожение пациенса в результате действия.

Напротив, в новогреческом языке глаголы такого типа не являются центром группы лабильных лексем:

‘гореть/жечь’: *kéome/kéo* (маркирование декаузатива);

‘умереть/убить’: *pethéno/skotóno* (супплетивизм);

‘ломаться/ломать’: *spázo* (лабильность), *tsakízome/tsakízo* (маркирование декаузатива), хотя глаголы *xaridzo* ‘расколоть(ся)’ и *xalno* ‘разрушить(ся)’ лабильны. Однако в любом случае показательна лабильность глаголов, не обозначающих сильного воздействия на пациенс — *kaliterevo* ‘улучшить(ся)’ (возможен также вариант с антикаузативом), *ksipno* ‘проснуться/разбудить’, *alazo* ‘изменить(ся)’, *anigho* ‘открыть(ся)’, *klino* ‘закрыть(ся)’ и даже *paeo* ‘идти/вести’. В новогреческом языке число лабильных глаголов очень велико, и показательно, что часть из них имеют два одушевлённых актанта (‘учить’, ‘просыпаться/будить’). Таким образом, хотя среди греческих лабильных глаголов есть глаголы сильного воздействия на объект, характеризующим классом является класс, не обозначающий сильное воздействие (например, в немецком языке, также имеющем много лабильных глаголов, лабильны глаголы сильного воздействия, но не лабильны ‘учить’, ‘будить’, ‘открывать’ или ‘закрывать’).

Если говорить о распространённости прототипически переходных глаголов, то видно, что они гораздо чаще лабильны в эргативных языках Кавказа, чем в других ареалах. В частности, об этом свидетельствует адыгейский и нахско-дагестанский материал. Из языков Европы часто встречаются они только в германских и (в меньшей степени) во французском языке.

В англоязычной лингвистике глаголы движения и смены состояния часто рассматриваются вместе (в частности, и те и другие часто попадают в класс неаккузативных предикатов). Однако данные лабильности показывают, что эти классы всё же сильно различны между собой – в рассматриваемых языках глаголы движения не лабильны, поскольку свойства пациенса при движении существенно не меняются.

Итак, мы видели, что для лабильности может быть существенна прототипичность пациенса, вне зависимости от того, насколько самопроизвольна ситуация. При этом

наиболее существенным считается необратимое воздействие, сильно меняющее свойства пациенса ('ломаться') – такие ситуации регулярно лабильны и в немецком, и в лезгинском языках. Менее существенны обратимые и не деструктивные воздействия, в результате которых свойства пациенса всё равно меняются ('сохнуть'). Наконец, наименее существенны воздействия, не меняющие внутренние свойства пациенса, а изменяющие, так сказать, его соотношение с окружающим миром (например, положение в пространстве или количество содержимого).

В данной части мы не говорили о языках, где вообще не лабильны глаголы с прототипическим пациенсом (греческий язык всё же имеет такие лабильные глаголы). В действительности такие языки существуют (ср., например, болгарский, русский и арабский). Эти системы обладают и ещё одним свойством – лабильных глаголов в них обычно немного. Не существует языка, где лабильность была бы сильно продуктивна, но затрагивала бы только глаголы типа 'улучшать', 'начинать' и др. Эту особенность мы обсудим ниже, когда будем говорить о типологии систем лабильных глаголов. Пока же скажем, что лабильность сильно переходных глаголов отнюдь не универсальна. Так, критерием сильной переходности считается уничтожение пациенса в результате действия – с этой точки зрения глагол 'убить' обладает максимальной переходностью. Однако лабильность 'умереть/убить' встречается в языках мира реже, чем 'открыть/открыться'.

Отчасти большое количество таких глаголов в системах с продуктивной лабильностью можно объяснить разнообразием сильных воздействий на пациенс. Действительно, поскольку неодушевлённые пациенсы очень многообразны, воздействия на них в языках мира также классифицируются языком дробно: ср. *порвать, сломать, разбить, расколоть, раздробить* и др. Эта дробность во многом связана с тем, что разные типы объектов по-разному изменяются при сильных воздействиях. Аналогичным образом, дробно классифицируются воздействия на одушевлённых пациенсов: *убить, задушить, ранить, избить* и др. – в частности, релевантен тип изменения тела человека. Важно и то, что такие глаголы объединяются в однородные классы, включающие лексемы с похожими свойствами. Если в языковой системе появляются лабильные прототипически переходные глаголы, часто вариативность распространяется на все лексемы такого рода. Примером может служить агульский язык (см. [Daniel и др. в печати]), где из двадцати восьми лабильных глаголов восемь (наибольшее количество) составляют именно деструктивные глаголы. Агульский язык не попадает в число языков с прототипически-пациентной лабильностью – предикаты 'открыть', 'родить', 'убить' также лабильны. Но, возможно, ключевой является сказывается именно большая разработанность в языке зоны деструкции.

Нужно сказать, что различить противопоставление по степени воздействия на объект и по самопроизвольности действия не всегда легко. По-видимому, они связаны: ситуации, сильно изменяющие объект, осознаются как внешние воздействия, поскольку вообще сильное воздействие прототипически требует агенса. Например, в немецком языке декаузативное употребление местоимения *sich* развилось из рефлексивного и нехарактерно для ситуаций, которые нельзя представить как отчасти самопроизвольные. Глаголы слабых воздействий объединяются с рефлексивами. Сильные воздействия попадают именно в класс лабильных глаголов и не обслуживаются возвратным местоимением. По-видимому, при разграничении сфер действия каузатива и декаузатива срабатывает собственно противопоставление между прототипически самопроизвольными и несамопроизвольными воздействиями, но лабильность связана также с тем, **насколько существен** при этом пациенс и насколько ситуация, содержащая агенса и не содержащая его, различаются между собой. Если он прототипичен, то естественно, что ситуация может возникать под действием агенса уже потому, что изменение противоречит природе пациенса — однако парадоксальным образом это воздействие не столь важно, как результирующее состояние. С одной стороны, прототипичность пациенса заставляет воспринимать его как «объект», а с другой стороны, сила воздействия, в отличие от самопроизвольности, зависит от природы ситуации и её пациенса, а не от наличия внешнего агенса. Сильное изменение состояния перетягивает на себя фокус и делает глагол лабильным (ниже мы объясним, почему данное явление характерно, прежде всего, для эргативных языков). Зависимость лабильности от данного параметра подтверждает сказанное выше: если показатели деривации связаны с прототипической актантной структурой ситуации, то лабильность, кроме того, учитывает её семантические особенности и собственно степень её переходности.

Как кажется, можно сказать, что при лабильности глаголов с прототипическим пациенсом этот актант сильно выделен. Фокус ставится на изменении его состояния, а то, в результате чего оно происходит, отходит на задний план. С другой стороны, распределение сфер применения каузатива и декаузатива фокусирует не изменения в состоянии пациенса, а свойства самой ситуации — наличие или отсутствие у неё агенса. Следовательно, лабильность часто связана именно со свойствами участников. Это неудивительно — как было показано выше, наиболее часто не маркируется коммуникативное опущение, обусловленное нерелевантностью объекта, а не определённой характеристикой ситуации. Вероятно, и лабильность имеет то же свойство, но в более слабой форме. При этом, как и опущение, лабильность связана со структурой

ситуации, только неважен здесь становится агенс. Следующий признак, релевантный для лабильности, также показывает, что для лабильности важны свойства участников.

2.1.1.5.2. Тип агенса: агенс-инициатор vs. агенс-исполнитель

С другой стороны, для лабильности существенны свойства агенса. Естественно, они связаны со свойствами пациенса, но только опосредованно. Согласно работе [Dowty 1990], прототипическому агенсу присущи следующие свойства: волитивность, отсутствие изменений, контроль над ситуацией.

В работе [Гаврилова 2000], [Гаврилова 2003] и [Гаврилова 2005] были выделены два типа агентивного участника ситуации: агенс-инициатор (начинающий ситуацию, но в дальнейшем в ней не участвующий) и агенс-исполнитель (контролирующий ситуацию целиком). Автор отмечает, что декаузативация в русском и лабильность в английском языке характерна для глаголов с агенсом-инициатором. При этом к глаголам с агенсом-исполнителем причисляются такие разные глаголы, как ‘разбить’ и ‘варить’. По-видимому, это требует комментария.

Во втором случае агенс действительно прямо контролирует только начальную фазу ситуации: ставит на плиту еду, которая в дальнейшем готовится сама. Однако первый случай устроен не так. Различить фазы «каузации разбивания» и «разбивания» можно в случаях типа *Он разбил часы* (‘Уронил на пол, и они разбились’), но практически невозможно в примерах вида *Он так сильно ударил чашкой об стол, что разбил её*. Тем более сложно выделить фазы в ситуациях ‘закрыть’ или ‘открыть’.

По-видимому, роль здесь играют несколько другие параметры, чем агенс-инициатор/агенс-исполнитель. В частности, важна умышленность действия, хотя и она не объясняет отсутствие лабильности у глагола *destroy* ‘разрушить’ (ср. *The banks of a river are destroyed by a sudden flood* ‘Берега реки разрушены внезапным наводнением’). В данной части мы будем рассматривать только глаголы с явным агенсом-инициатором типа ‘варить’, ‘жарить’, ‘жечь’ или ‘сушить’.

Сразу же подчеркнём, что «тип агенса» и «самопроизвольность ситуации» - два различных параметра. Действительно, агенс-инициатор может быть обязательным (например, в ситуации ‘печься’ обязательно присутствует инициатор) или факультативным (‘сохнуть’ предмет может и сам по себе). Следовательно, шкала самопроизвольности и в данном случае недостаточна.

Лабильность типологически часто проявляют глаголы, у которых агенс, с одной стороны, является инициатором, а с другой – обязателен в данной ситуации. В выборке М. Хаспельмата (1993: 104) глаголы ‘кипеть/кипятить’ и ‘гореть/жечь’ являются лабильными, соответственно, в 6 и в 5 из 21 рассматриваемого языка (чаще лабильность

проявляют только глаголы со значением ‘начинать’). Таким образом, процессы с агенсом-инициатором во многих языках склонны к лабильности в большей степени, чем ситуации с агенсом-исполнителем.

В английском языке к таким лабильным глаголам относятся *cook* ‘готовить’, *boil* ‘варить’, *bake* ‘печь’.

(85) *I must cook a dinner* ‘Мне нужно приготовить обед’ – *The vegetables must cook for ten minutes* ‘Овощи должны готовиться (вариться) десять минут’.

Впрочем, в английском лабилен и глагол *dry* ‘сохнуть/сушить’, где агенс-инициатор не обязателен.

Аналогичная группа глаголов проявляет лабильность в немецком языке: ср. *backen* ‘печь’, *braten* ‘жарить’, *kochen* ‘готовить, варить’. Глагол *trocknen* также лабилен. Заметим, что в немецком языке среди глаголов на шкале самопроизвольности лабильны, как правило, глаголы с прототипическим пациенсом (см. о них выше). Оказывается, что непрототипичность агенса и прототипичность пациенса сочетаются между собой, и это вполне объяснимо.

Глаголы сильного воздействия на пациенса фиксируют внимание именно на происходящих в нём изменениях, а не на действиях агенса. Следовательно, понятно, что агенс может и не участвовать в срединной фазе действия – важно, что в этот момент происходит изменение пациенса. В этом смысле глаголы типа ‘разбиться’ и типа ‘жарить’ действительно похожи между собой. Однако именно характеристики агенса у них не совпадают: первый класс глаголов всё же подразумевает сильное контактное воздействие, а не только инициацию действия.

Различие между двумя классами глаголов проявляется, с одной стороны, во французском и литовском языках, а с другой стороны, в адыгейском и лезгинском. В литовском языке лабильны только глаголы с обязательным агенсом-инициатором: *degti* ‘гореть/жечь’, *virti* ‘варить(ся)’ и *kepti* ‘печь’. Остальные пары ситуаций обслуживаются продуктивным возвратным показателем *-s* или словообразовательными суффиксами (исключениями не являются и пары с необязательным агенсом-инициатором типа ‘сохнуть/сушить’). Следовательно, даже говорить о лабильности всей левой части шкалы в литовском нельзя.

Во французском также лабильны многие глаголы с агенсом-инициатором, как обязательным, так и необязательным: ср. *sécher* ‘сушить(ся)’, *cuir* ‘варить(ся)’, *griller* ‘жарить(ся)’, *frire* ‘жарить(ся)’ – исключение составляет *dauber* ‘тушить’, имеющий только переходную модель:

(86) а. *Il cuit la viande* ‘Он варит мясо’;

b. *La viande cuit* ‘Мясо варится’.

Правда, как было сказано, вся левая часть шкалы во французском лабильна, следовательно, встаёт вопрос о том, какой параметр является ключевым – свойства агенса или степень самопроизвольности. При этом для французского не слишком характерна лабильность глаголов сильного воздействия типа ‘разбить(ся)’. Следовательно, в литовском и французском языках они отделяются от глаголов с агенсом-инициатором.

С другой стороны, различие между классами глаголов проявляется во многих кавказских языках: ср., например, адыгейский язык. Он не может быть отнесён к языкам с пациентивной лабильностью – в нём лабильны глаголы типа ‘открыть’, ‘сыпать’ или ‘вести’. Однако среди лабильных глаголов практически нет предикатов с агенсом-инициатором: исключение составляет глагол *ž_wen* ‘варить(ся)’, для которого переходное употребление скорее периферийно:

(87)	psə-r	ma-ž _w e	
	ВОДА-ABS	DYN-ВАРИТЬСЯ	
	‘Вода кипит’.		
(88)	se	čet-ər	se-ž _w e
	Я	КУРИЦА-ABS	1SG.A-ВАРИТЬСЯ
	‘Я варю курицу’.		
(89)	se	čet	se-ka-ž _w e
	Я	КУРИЦА	1SG.A-CAUS-ВАРИТЬСЯ
	‘Я варю курицу’.		

Таким образом, для адыгейского языка важны свойства агенса: он должен быть исполнителем.

По-видимому, лабильность глаголов с агенсом-инициатором во многих языках можно объяснить очень слабым различием между переходным и непереходным употреблением. Это видно, в частности, по тому, что выражения *У меня варится суп* и *Я варю суп* практически синонимичны (ср., например, предложения *У меня разбилась чашка* и *Я разбил чашку*, обозначающие разные ситуации). Фактически различие между переходной и переходной моделью управления сводится к перспективе, к тому, какой из актантов в большей мере важен для говорящего. Основная часть ситуации, в которой развитие происходит самопроизвольно, совпадает. Таким образом, варьированию переходности способствует как раз **непрототипическая** переходность глагола. Это требует комментария, поскольку отличается от общепринятого представления о лабильности.

Как обычно считается, лабильность представляет собой варьирование и семантической, и семантической переходности: семантически субъект переходного употребления – прототипический агенс, а непереходного – прототипический пациенс.

Синтаксически одно употребление переходно, а другое непереходно. Выше уже было показано, что представление о прочной связи лабильности с синтаксической переходностью неверно: эта связь опосредована, варьирование может иметь место и без различия по переходности. В данном случае мы видим обратное соотношение – синтаксическая переходность меняется, а семантическая варьирует не настолько, как при противопоставлениях типа ‘разбить’ ~ ‘разбиться’. Такие случаи делает возможными сама природа лабильности.

Лабильность – это не немаркированная деривация (выше мы говорили об отличиях лабильности от деривации), а способность глагола объединять два употребления. Неудивительно, что для такого объединения должны быть основания – а именно, некоторая семантическая общность. Ниже мы подробнее обсудим типы этой общности, а здесь скажем только, что глаголы с агенсом-инициатором представляют один из возможных случаев: если агенс не отличает непереходное употребление от переходного, то понятно, что маркировать переходное употребление не всегда является «целесообразным».

Правда, противопоставление ситуаций ‘вариться’ и ‘варить’ соответствует соотношению между прототипическими инхоативами и каузативами – не случайно во многих языках они обслуживаются каузативными аффиксами. По всей вероятности, в таких случаях мы имеем дело с системами, для которых тип воздействия на пациенс нерелевантен – важно соотношение между ситуациями. С другой стороны, лабильность глаголов с агенсом-инициатором показывает, что деривативный тип не всегда наиболее важен для лабильности: в данном случае близость ситуаций «побеждает» каузативное соотношение между ними, которое должно было бы способствовать маркированию противопоставления.

При нашем объяснении понятен и ответ на вопрос, почему лабильность редко проявляют глаголы типа ‘сохнуть’ или ‘наполняться’, при которых инициатор не обязателен. Варианты ситуации в данном случае расходятся сильнее, чем в случаях типа ‘варить’: непереходный действительно включает один аргумент, а переходный – два. Конечно, агенс **может** присутствовать (в русском языке для выражения такой семантики используется глагол *сушиться*, в отличие от *сохнуть*), но его присутствие не требуется. Кроме того, при глаголах типа ‘варить’ лабильности способствует также то, что процессный компонент сильно специфицирован: пациенс подвергается строго определённым изменениям.

Особый случай представляет собой пара ситуаций ‘гореть’/‘жечь’, рассматриваемая

в работах Хаспельмата и Лютиковой как обычная пара «инхоатив/каузатив». Поскольку в ситуации 'гореть', помимо субъекта, есть ещё один, фиксированный участник — огонь, — возможно четыре варианта диатез:

- 1) Непереходный глагол, субъект — огонь: *Огонь горит.*
- 2) Переходный глагол, субъект — огонь: *Огонь сжигает дерево.*
- 3) Непереходный глагол, субъект — пациенс: *В печи горят дрова.*
- 4) Переходный глагол, субъект — агенс: *Мы жжём дрова.*

Агентивный субъект является инициатором: он воздействует на пациенс через посредство другого актанта. Как правило, при лабильном глаголе все эти диатезы могут обозначаться одной формой, но встречаются и исключения: например, модель (2) может вообще не кодироваться переходной конструкцией, как это происходит в адыгейском, где глагол *stEn* 'жечь' (об огне), видимо, не лабилен.

Итак, мы показали, что к лабильности склонны, с одной стороны, глаголы с агенсом-инициатором, а с другой – с прототипическим пациенсом. В этих случаях лабильность вызвана различными факторами. При прототипическом пациенсе ситуации, обозначаемые переходным и непереходным употреблением, сближаются между собой, поскольку фокус внимания находится на состоянии пациенса, которое сильно изменяется в ходе ситуации (не случайно лабильность таких глаголов характерна для эргативных языков, для которых переходность вообще тесно связана со степенью воздействия на пациенса, см., в частности [Testelec 1998]). При агенсе-инициаторе сближение ситуаций вызвано тем, что агенс при переходном употреблении играет в ситуации очень несущественную роль.

Ниже мы рассмотрим ещё три признака ситуации и её актанта, которые влияют на ситуацию менее существенно, чем самопроизвольность, тип агенса и свойства пациенса: это одушевлённость пациенса, способ каузации и аспектуальный класс глагола.

2.1.1.6. Лабильность и одушевлённость пациенса

Как можно заметить, выше мы приводили почти исключительно примеры, где пациенс неодушевлён. В действительности в языках мира лабильны не только глаголы с неодушевлённым пациенсом, хотя именно они являются наиболее прототипическим классом. Следовательно, нам нужно объяснить, почему обычно предикаты с одушевлённым пациенсом не попадают в число лабильных и почему они всё же могут туда попадать.

В работе [Nichols et al. 2004] отмечается, что в языках мира, как правило, лексикализуются ситуации, включающие одушевлённый актанта. Поэтому, как правило, для одушевлённых субъектов исходным является непереходный глагол, а для

неодушевлённых – переходный (при котором субъект обычно одушевлён). Тем не менее, это не объясняет, почему с неодушевлёнными субъектами лучше сочетается лабильность. Впрочем, автор замечает, что понижающие деривации по своему соотношению с другими типами похожи на лабильность.

Как кажется, чтобы объяснить данный факт, надо рассмотреть соотношения между непереходными и переходными глаголами с одушевлёнными актантами. Действительно ли они близки к прототипически каузативным? По-видимому, ответ должен быть отрицательным.

К примеру, глаголы движения и положения в пространстве с одушевлёнными и неодушевлёнными субъектами различаются: вторые близки к прототипическим декаузативам, а первые представляют собой нечто среднее между декаузативом и рефлексивом (автокаузатив в терминологии [Geniušienė 1987]). Хотя субъект не совершает действия над собой, он с помощью своих сил каузирует себя изменить местоположение. Нагляднее всего это видно на примере языков типа хакасского, где ситуации ‘Облака поднялись над домом’ и ‘Мальчик поднялся на крыльцо’ кодируются с помощью разных деривативных суффиксов – первая с помощью показателя декаузатива, а вторая – рефлексива. Впрочем, конечно, существуют и глаголы типа ‘упасть’, обозначающие непроизвольное действие при любом субъекте, но они не так уже многочисленны. В некоторых случаях движение одушевлённых и неодушевлённых субъектов обозначаются разными глаголами (ср. *спуститься* vs. *опуститься*).

Аналогичным образом, не совсем соответствуют прототипу декаузатива противопоставления между переходными и непереходными глаголами эмоций (‘испугаться’ – ‘испугать’ и др.). В частности, их непереходные употребления не обозначают самопроизвольные ситуации: ситуации типа ‘рассердиться’ требуют для своего возникновения стимула (см. об их лабильности ниже). С этим связано обозначение некоторых ситуаций такого рода стативными пассивами в английском языке (*be frightened* ‘пугаться’, *be surprised* ‘удивляться’).

С другой стороны, возможно, эти глаголы также близки к стативам. Ср. английские сочетания *be angry* ‘сердиться’, *be sad* ‘грустить’ и др. Заметим, что прототипические декаузативы типа ‘разбиться’ не акцентируют внимание на состоянии, возникающее после действия: хотя понятно, что новое состояние возникает, предложения типа *Эта ваза разбита* не слишком прототипичны. Заметим, что, согласно [Levin 1993], глаголы эмоций – одна из немногих групп предикатов, практически не проявляющая лабильности в английском языке – соотношения между переходными и непереходными употреблениями обслуживаются почти исключительно пассивами и стативами. Вообще

говоря, английский язык имеет один из самых больших классов лабильных глаголов, и для большинства семантических групп легче указать её нелабильные лексемы, чем лабильные.

По-видимому, отличия этих глаголов от прототипа декаузативно-каузативного соотношения связаны с особой важностью в ситуации одушевлённых участников. Об этом, собственно, говорит и закономерность, отмеченная в [Nichols et al. 2004]: одушевлённые участники не только присутствуют в ситуации, но и играют очень важную роль – являются агенсами. Как же это связано с лабильностью?

По-видимому, значимость для ситуации одушевлённых участников, их активная роль в ситуации способствуют отдельной лексикализации каждой ситуации с одушевлённым субъектом. Ср., например, пары ‘обучать/изучать’, ‘просыпаться/будить’ или ‘умереть/убить’. Помимо того, что они менее склонны к лабильности, чем, например, ‘рвать/рваться’, часто они обслуживаются непродуктивными моделями деривации: ср., например, *learn/teach*, *die/kill* (английский), *умереть/убить*, *обучать*, *преподавать/изучать* (наряду с лабильным *учить*), *erwecken/erwachen*, *lehren/lernen*, *sterben/totschlagen* (немецкий) и т.д. В частности, в выборке работы [Лютикова 2002a] наибольшую тенденцию к супплетивизму обнаруживают глаголы ‘убить’ (8 языков), ‘качать’ (5) и ‘прятать’ (4), из которых два имеют одушевлённый субъект непереходного употребления. Естественно, используются и продуктивные показатели деривации, но частый супплетивизм (особенно в случае ‘умереть/убить’) требует объяснения.

Как мы видели, лабильность в некотором смысле близка к непродуктивным симметричным способам деривации: она также не предполагает первичности одного из употреблений (по крайней мере, на синхронном уровне). Однако близость ситуаций при лабильности явно больше, чем при супплетивизме. При одушевлённом пациенте такой близости быть явно не может: одушевлённые участники привилегированы, и смена их синтаксического статуса должна быть маркирована. Кроме того, играет роль и то, что при смене переходной модели на непереходную и обратно семантика ситуации меняется: часто появляется значение воздействия одушевлённого актанта на себя самого.

При этом менее существенна другая тенденция: в целом, особенно в эргативных языках, лабильны бывают глаголы, для которых существенно изменение состояния пациента. Поскольку одушевлённый пациент обладает высокой значимостью, для него это должно быть верно – однако соотношение между употреблениями, отличное от прототипического декаузатива мешает лабильности. Кроме того, в ситуациях типа ‘убить’, в отличие от ‘разбить’ или ‘варить’, агенс важен наравне с пациентом: воздействие на одушевлённый пациент может совершить только прототипический агенс.

Отсутствие лабильности связано с ещё одной особенностью одушевлённых пациенсов: их состояние труднее изменить, чем состояние неодушевлённых предметов. Например, для того, чтобы чашка разбилась, достаточно бросить её на пол, но для того, чтобы человек разозлился, мало каких-то действий со стороны агенса – необходимы изменения в пациенте, которые могут и не произойти. Следовательно, в таких случаях каузирующая и каузируемая ситуации отделены друг от друга, что неверно в случаях типа *Мальчик разбил чашку*. Это также затрудняет лексикализацию двух ситуаций в рамках одной лексемы. Прототипически ситуации с одушевлёнными актантами самопроизвольны. Их смещение в сторону несамопроизвольности требует особого маркирования.

В частности, на шкале самопроизвольности ситуации с одушевлёнными пациенсами обычно располагаются на левом краю – все они легко могут возникать без участия агенса. Например, ситуация ‘идти’ вовсе не требует участия внешнего актанта. По-видимому, это связано отчасти с тем, что внешний актанта замещается энергией самого одушевлённого участника. Тем не менее, ясно, что их самопроизвольность различна. Ср., например, глаголы *умереть* или *проснуться*, допускающий выражение причины (*умереть от истощения*, *to die of starvation* ‘умереть от голода’) – по-видимому, смерть осознаётся как имеющая некоторую причину. С другой стороны, менее обычно присоединение такой же группы к глаголу *идти* (**Он идёт домой от скуки*).

Возможно, отсутствию лабильности можно предположить и другое, синтаксическое объяснение. При неодушевлённых пациенсах субъекты двух употреблений явно различаются, а значит, легко различить и два употребления. Напротив, при одушевлённом пациенте синтаксическими субъектами являются близкие по свойствам актанта. Следовательно, лабильность могла бы вести к неоднозначности.

Итак, лабильности глаголов с одушевлённым пациентом мешает во многом непрототипичность этого пациента: его способность воздействовать на ситуацию, выделенность для говорящего и т.д. С другой стороны, существуют определённые исключения.

В частности, в лезгинском, агульском, ниуэ и хуа (то есть в эргативных языках) лабилен глагол ‘умереть/убить’. Считать это ареальным признаком явно нельзя, следовательно, возможно, это связано с эргативным строем языка. В этом, видимо, играет роль уже прототипичность пациента. Важно, что в эргативных языках, как показано в работах А.Е. Кибрика, более важны не синтаксические отношения, а семантические роли. Смещение употреблений, о котором говорилось выше, в эргативных языках явно менее заметно: хотя можно говорить о субъекте и в эргативных языках, субъекты переходного и

непереходного употреблений кодируются по-разному.

При этом глагол ‘убить’ может, будучи лабильным, иметь в качестве непереходного значения не только значение умереть: в адыгейском языке глагол *wəɟʼən* имеет значения ‘убить’ и ‘устать’:

- (90) а. *ʃʼaɣ_wə-m* *məʃe-r* *je-wəɟʼə*
 ОХОТНИК-ERG МЕДВЕДЬ-Abs 3SG.A-УБИВАТЬ
 ‘Охотник убивает медведя’;
- б. *ɕəfə-r* *me-wəɟʼə*
 ЧЕЛОВЕК-Abs 3SG.S.1TR-УБИВАТЬ
 ‘Человек утомляется’.

Значение ‘умирать’ в адыгейском языке выражается другим глаголом.

Ясно, что уже внутри класса глаголов с одушевлённым пациенсом снова могут играть роль те же признаки, что и в остальных классах. Например, выше говорилось, что в указанных языках лабильность учитывает прототипичность пациенса. Из всех глаголов с одушевлённым пациенсом именно у ‘убить’ он наиболее прототипичен.

Часто (например, в ингушском, болгарском, французском языках) лабилен глагол ‘учить(ся)’ (выше говорилось о его непрототипической лабильности в русском языке). Соотношение между его переходным и непереходным употреблениями является промежуточным между каузативным и рефлексивным: с одной стороны, ‘учиться’ не означает ‘учить себя’, с другой стороны, эта ситуация предполагает некоторые усилия субъекта по отношению к себе. Не случайно в некоторых языках (ср. адыгейский) ‘учиться’ является морфологическим рефлексивом от ‘учить’. Возможно, эта лабильность связана с наличием третьего актанта – изучаемого предмета – а также с близостью субъектов двух употреблений (оба они агентивны).

На уровне типологии языковых систем в целом лабильность глаголов с одушевлённым пациенсом в целом значительно менее предсказуема, чем при неодушевлённом пациенсе. Так, в немецком языке лабильны глаголы *erschrecken* ‘пугать(ся)’ и *ermüden* ‘уставать/утомлять’, во французском – только ‘уставать/утомлять’, а в английском и в латыни – ни один из них. В отличие от фазовых глаголов, глаголов движения или глаголов разрушения, данные глаголы не составляют класса, позволяющего выделить типы систем – часто лабилен один из них или, во всяком случае, меньшинство.

Ниже будет обсуждаться ещё два случая лабильности глаголов с одушевлённым пациенсом – глаголов движения и глаголов эмоций. Они составляют отдельные группы и не являются в полной мере представителями декаузативного типа.

2.1.1.7. Способ каузации

Со свойствами актантов тесно связан способ взаимодействия между ними, то есть

каузации. Классификация способов, предлагаемая в работах [Недялков, Сильницкий 1969], [Shibatani, Pardeshi 2002] и др., обсуждалась выше.

Как правило, прототипическим типом каузации считается прямая контактная каузация: например, ‘поставить ведро’, ‘закрыть дверь’ (см. обсуждение прототипа каузации в [Lakoff 1987]). Большинство лабильных глаголов на шкале принадлежат именно к этому типу (даже агенс-инициатор производит вначале прямое воздействие на пациенс). Например, действие *open* означает именно ‘открыть дверь’, а не ‘дистантным способом заставить дверь открыться’. Впрочем, для глаголов на шкале наиболее естественна именно прямая контактная каузация: это действия, которые достаточно легко каузировать контактно.

Одним из отклонений является склонность к лабильности глаголов с агенсом-инициатором. По классификации работы [Shibatani, Pardeshi 2002], в ситуации ‘варить’ агенс в срединной фазе ситуации осуществляет не контактную манипулятивную каузацию, а так называемое «supervision» (в русской традиции соответствующего термина не существует, можно предложить термин *контроль за действием* или *наблюдение*). Как было показано выше, этот тип хорошо отвечает природе лабильности, так как сближает переходное и непереходное употребление.

Показателен случай адыгейского языка. Подробно он будет рассмотрен ниже, здесь же заметим, что многие адыгейские глаголы в непереходном употреблении также сочетаются с показателями каузатива. Маркированный и немаркированный каузативы не всегда чётко семантически противопоставлены. Однако часто оказывается, что лабильный глагол не выражает некоторых компонентов, выражаемых каузативом: например, умышленности действия:

- (91) a. se wəne-m sə-qe-na-ɤ
я дом-ERG 1SG.S-INV-ОСТАВИТЬ-PAST
‘Я остался дома’.
- b. sabəj-əm žegwəke-xe-r wəne-m qə-r-jə-na-ɤ
РЕБЁНОК-ERG ИГРУШКА-PL-ABS дом-ERG INV-LOC-3SG.A-ОСТАВИТЬ-PAST
‘Ребёнок оставил игрушки дома’ (нечаянно);
- c. sabəj-əm žegwəke-xe-r wəne-m qə-rjə-ke-na-ɤ
РЕБЁНОК-ERG ИГРУШКА-PL-ABS дом-ERG INV-LOC-3SG.A-CAUS-ОСТАВИТЬ-PAST
‘Ребёнок оставил игрушки дома (нарочно)’.

Не сочетаются с каузативом такие лабильные глаголы, как *q_wəten* ‘разбить(ся)’ или *zeʔetxən* ‘порвать(ся)’. Как правило, их субъект действует неумышленно, а в фокусе находится изменение состояния объекта: ‘Я разбил чашку’ означает примерно то же, что ‘У меня разбилась чашка’.

Как соотносится это противопоставление с идеей прототипической каузации? По

большому счёту, прототип не обязательно подразумевает волитивность каузатора. Однако в случае ‘Я разбил чашку’ субъект даже не оказывает сильного воздействия на объект: ясно, что если субъект намеренно ударил чашкой об стену, чтобы разбить её, воздействие значительно сильнее, чем если он нечаянно смахнул её со стола. В последнем случае субъект может на самом деле воздействовать даже на другой предмет (например, ставя сумку на стол, разбить чашку, находящуюся в ней). Фактически мы имеем дело с противоречивым типом каузации – с одной стороны, он близок к контактному, с другой стороны, каузатор в данном случае неагентивен (хотя прототипически считается, что в каузативной ситуации каузатор – это наиболее агентивный участник).

Возможно, именно поэтому для деструктивных ситуаций характерно выражение декаузатива, а не каузатива (см. [Kulikov 1998]). Лабильность в данном случае сближается с декаузативом: главная её функция – не добавление участника, а изменение внутренней структуры ситуации. Следовательно, для лабильности важна не конкретно контактная каузация, а, так сказать, **унификация** двух ситуаций – каузативной и некаузативной, стирание различий между ними. В частности, добавление каузативного аффикса типологически вводит новую подситуацию и нового участника-каузатора (в работах [Shibatani 1976], [Dixon 2002] ключевым считается добавление участника, а в [Ramchand 2002], [Pylkkänen 2002] – добавление подситуации). Однако в случае лабильных глаголов говорить о добавлении подситуации сложно. Случаи типа адыгейского показывают, что ситуация в обоих употреблениях практически одна и та же.

Ещё одним похожим случаем являются одна из групп русских лабильных глаголов – «окказиональные каузативы» типа *уйти*, *оттаивать* и т.д. (см. [Сай 2004], [Летучий 2006]):

- (92) *Мясо не надо оттаивать в микроволновке?*
- (93) *Как ты умудрился заплесневеть сыр?*
- (94) *Его «ушли» с работы.*
- (95) *Мама старается уснуть ребёнка²².*

Процесс окказиональной каузативации весьма продуктивен не только в русском языке: ср. переходные употребления лексемы *умря* ‘умереть’ в македонском языке (впрочем, подробное исследование таких процессов во многих языках затруднено из-за недостатка примеров – такие окказионализмы обычно не фиксируются в словарях) или английский пример:

²² Статус этих употреблений в системе языка различен. Скажем хотя бы, что переходное употребление *оттаивать* часто включается в словари, *уйти* употребляется как языковая игра, а *уснуть* представляет собой чистый окказионализм.

(96) - *They are going to disappear him.* (J. Heller, Catch-22).

При всей разнородности исходных глаголов, каузативные употребления имеют общую черту – они обозначают особый тип каузации, а именно, упомянутую выше *supervision*. К примеру, *оттаять мясо* означает ‘положить мясо на тёплое место, где оно будет оттаивать’, глагол *уйти* не может использоваться в значении ‘вытолкать’ или ‘выгнать’, *его уехали за рубеж* означает, видимо, ‘каузировали уехать’, а не ‘вывезли силой’ и т.д. Возможно, это связано с тем, что *supervision* лексикализуется несколько реже, чем контактная каузация: обычно лексикализации поддаются конкретные действия агенса, а при *supervision* они почти неощутимы.

В то же время такие каузативы сравнительно редко становятся полноценной частью лексической системы языка. Они не отвечают требованию, важному для возникновения лабильности: ситуация, выраженная их переходным употреблением, не слишком прототипична и не требует лексикализации в языке – они возникают только в отдельных случаях. Их появление связано, возможно, с акцентами, расставляемыми говорящим: например, в предложении *Давай его поужинаем* ([Сай 2004]) акцентируется именно близость ситуации к её непереходному аналогу, а не собственно каузация. Не случайно часто глаголы такого рода употребляются в непосредственной близости от своих непереходных употреблений.

Следовательно, можно сказать, что лабильность обычно выражает контактную каузацию – однако это связано не с её склонностью к конкретному способу, а с тем, что при этом способе две ситуации, выраженные употреблениями глагола, сближаются: они не разделены по времени и по месту. С другой стороны, такой признак, как активность каузатора, не присущ лабильным глаголам – причём, видимо, по той же причине. Если каузативный глагол имеет активного каузатора, обозначаемая им ситуация сильнее отличается от парной, чем если каузатор не активен. В сущности, *supervision* и неволитивная контактная каузация – два типа каузации, в наибольшей мере унифицирующие два варианта ситуации.

Исключением из этого правила кажутся случаи типа ‘везти’, ‘вести’, ‘катить’ и др. – как правило, в этих случаях каузация волитивна. Однако глаголы движения составляют отдельный класс, для которого очень характерна лабильность (см. об этом ниже). Причина, видимо, кроется также в типе каузации. Глаголы движения в переходных употреблениях обычно обозначают так называемую социативную каузацию (см. [Недялков, Сильницкий 1969], [Shibatani, Pardeshi 2002]), при которой агенс совершает те же действия, которые каузирует совершить пациенс. Например, *гнать* означает ‘каузировать пациенс быстро двигаться, двигаясь за ним’. Совпадение действий может

быть частичным: к примеру, глагол *катить* означает ‘каузировать пациенс двигаться с **одновременным вращением**, двигаясь вместе с ним’. Выделенный компонент значения относится только к пациенсу. Ясно, что социативная каузация сближает агенс и пациенс. Это отражается и в синхронных свойствах глаголов движения (т.е. в их лабильности), и в диахронических источниках.

2.1.1.8. Лабильность и аспектальный класс глагола

Во многих работах, в частности, [Hopper, Thompson 1980], [Падучева 1998, 2004a] и др. отмечается связь между актантной структурой предикатов и выражением актантов, с одной стороны, и аспектальными характеристиками, с другой. В частности, антипассив и объектный имперсонал не только уменьшают количество синтаксических актантов глагола, но и изменяют его аспектальный класс, как правило, делая его неопределённым. Пассив в языках мира часто связывается со стативностью, отсюда возникают такие русские стативы, как *одет во что-л.* Также связаны рефлексив или декаузатив и инхоатив (ср. франц. *coucher* ‘спать’ – *se coucher* ‘засыпать’), реципрок и итератив (см. Недеялков 2004) и т.д. Однако обобщения преимущественно касаются маркированных дериваций. Существуют ли аспектальные ограничения на лабильность (в частности, на соотношение видовых характеристик двух употреблений и на характеристику лабильного глагола в целом)?

Как правило, в работах рассматриваются так называемые пары «inchoative-causative»: непереходное употребление обозначает вступление в некоторое состояние, а переходное – каузатив от него. Тем не менее, даже пары, рассматриваемые в [Haspelmath 1993], неоднородны: только часть из них – действительно прототипические пары «инхоатив/каузатив». Например, глаголы ‘кипеть/кипятить’ обычно являются процессными. Левая часть шкалы самопроизвольности занимают процессы, а правую – моментальные события.

Более того, даже бесспорные декаузативы типа ‘разбиться’ могут по-разному соотноситься с переходными членами пар. Так, в русском языке эти лексемы могут обозначать всю ситуацию целиком, отличающуюся от парной к ней только отсутствием агенса:

(97) *Нитка порвалась* («сама») — *Иван порвал нитку*;

(98) *Дверь приоткрылась* — *Иван приоткрыл дверь*.

С другой стороны, декаузатив может обозначать только конечную фазу ситуации, в начальной фазе которой имела место каузация:

Иван разбил чашку ‘Совершил действия, приведшие к тому, что чашка разбилась’ —

Иван уронил чашку, и она разбилась ‘Совершил некоторые действия, результатом стало то, что чашка разбилась’.

Выбор одного или другого значения мотивирован контекстом: если очевидно, что агент в ситуации присутствовал и выражен в близком контексте, то декаузатив автоматически обозначает только конечную пару ситуации, а если агента не было, выбирается собственно декаузативное прочтение. Первое прочтение находится ближе к пассиву, чем собственно декаузатив: агент не отодвигается на периферию ситуации, его действия только ограничиваются одной из фаз ситуации.

Ещё более разнообразны аспектуальные характеристики каузативов. В частности, это обусловлено тем, что производный каузатив дополняет исходную ситуацию, присоединяя к ней ещё одну ситуацию или ещё один актанта²³. Две подситуации могут по-разному соотноситься по времени – в частности, это зависит от способа каузации. Как показано в работах сборника [Shibatani 2002] и [Недялков, Сильницкий 1969], обычно морфологический каузатив обозначает тесно связанные между собой каузирующее и каузируемое подсобытия: между синтаксической и морфологической связанностью клауз и семантической связанностью событий существует изоморфизм. Например, в случаях типа хакасского *tol-* ‘наполняться’ ~ *tol-dyr-* ‘наполнять’ различить два подсобытия сложно: они начинаются и кончаются одновременно.

С другой стороны, пары с морфологически маркированным каузативом отличаются от пар с маркированным декаузативом именно тем, что первые всё же допускают наличие интервала между событиями. Часто это происходит, когда каузатив обозначает рогативную каузацию (словесную каузацию с помощью просьбы или приказа): в данном случае одно из событий неизбежно происходит через некоторое время после другого. Ср., например, адыгейский:

- (99) *ç’ale-m* *pšaše-g* *qə-ke-k_w-av*
парень-ERG девушка-ABS INV-CAUS-идти-PAST
‘Парень пригласил девушку’ (от *qeḵon* ‘идти’).

Предложение (99) подразумевает, что каузация была успешной, и девушка пришла, но это не обязательно имело место сразу – временной интервал в данном случае несуществен.

Точно так же, как показано в [Иванов 2005], аспектуальный класс каузатива может отличаться от класса исходного глагола – это зависит от того, трактуется ли ситуация каузации как отдельное событие со своей аспектуальной характеристикой.

²³ См. в работах [Недялков, Сильницкий 1969], [Pylkkanen 2002], [Ramchand 2003] [Иванов 2005], [Летучий в печати] и т.д. о возможных воззрениях на то, что именно добавляет каузативный показатель. В любом случае, данная проблема окончательно не решена и, видимо, имеет разные решения для разных языков.

Попробуем понять, насколько важно для лабильных глаголов соотношение между каузирующей и каузируемой ситуацией во времени и их аспектуальные характеристики. Конечно, можно найти основания для выбора в качестве основных именно пары из инхоативного и каузативного глаголов. Как говорилось выше, глаголы сильного воздействия на пациенс всегда выделяют изменение состояния пациенса (к примеру, лексикализуется в языках мира, как правило, событие ‘разбиться’, а не состояние ‘быть разбитым’, которое обозначается формой динамического глагола). Как показано в работе [Nopper, Thompson 1980], наиболее семантически переходными в языках мира бывают именно глаголы, обозначающие события, а не процессы. Следовательно, именно этот тип глаголов попадает в поле зрения исследователей лабильности.

Очевидно, что процессная лабильность развита не в меньшей мере, чем событийная. Правда, различаются типы языков, для которых они характерны. Так, в кавказских эргативных языках, как уже говорилось, лабильны события. Более разнообразны с этой точки зрения индоевропейские и семитские языки.

В частности, глаголы с агенсом-инициатором практически всегда являются процессными – иначе по определению агенс не может быть инициатором, ситуация не членится на начальную и срединную фазы. Следовательно, число процессных лабильных глаголов в аккузативных языках выше, чем в эргативных. Это можно связать со свойствами переходности в данных языках: в аккузативных к синтаксической переходности склонны семантически переходные глаголы. Следовательно, наряду с выделением в качестве ключевого фактора самопроизвольности возможен и «аспектуальный» подход – на шкале нет глаголов, у которых два параметра расходились бы между собой. Для языков типа агульского лучше работает аспектуальный подход: наличие пар типа ‘родить(ся)’, вообще с трудом классифицируемых по самопроизвольности, может быть объяснено в терминах моментальных ситуаций: ситуация рождения не имеет длительности. Иногда, как в адыгейском языке, шкала даёт хорошие результаты, но в широкой типологической перспективе аспектуальный подход не менее важен: ниже мы покажем, что для африканского ареала характерен определённый аспектуальный тип лабильных глаголов.

Практически нет среди инхоативных лабильных глаголов таких, у которых непереходное употребление обозначало бы состояние (те, которые всё же появляются, образуют замкнутый класс глаголов положения в пространстве, ср. англ. *hang* ‘висеть/вешать’, франц. *pendre* ‘висеть/вешать’:

- (100) a. *La poire pend à la branche* ‘Груша висит на ветке’;
b. *Il a pendu un tableau au mur* ‘Он повесил картину на стену’.

При этом в английском не лабильны такие глаголы, как *sit* ‘сидеть’, *stand* ‘стоять’, *lie* ‘лежать’, хотя они относятся к распространённому в этом языке декаузативному типу.

В адыгейском языке проблематично само различение глаголов и имён: практически все имена могут становиться статическими глаголами: ср. *dele* ‘дурак’ – ‘быть глупым’. Однако у этих глаголов обычно нет переходных употреблений – их могут иметь образованные от них динамические.

Как будет показано ниже, одним из основных типов лабильных глаголов являются лексемы, образованные от имён, например, рус. *тормозить* ‘останавливаться/останавливать’, франц. *blanchir* ‘белеть/белить’. Однако в непереходном употреблении они обычно обозначают вхождение в состояние: например, ‘останавливаться’, а не ‘стоять’.

Данные тенденции отчасти связаны с тем, что в языках средневропейского стандарта состояния часто лексикализуются не в виде глаголов, а, например, в виде прилагательных. Однако адыгейский случай объяснить этим нельзя. Остаётся только признать, что лабильность по данному признаку отличается от маркированных каузативов. Действительно, в языках, где показатель каузатива достаточно продуктивен, он, как правило, сочетается и со стативами. То же можно сказать и об эквиолентных и супплетивных оппозициях: ср. *lie* ‘лежать’ ~ *lay* ‘класть’, где второй глагол исторически образован от первого.

С другой стороны, наличие стативов, которые всё же образуют лабильную пару с переходными употреблениями, требует объяснения. Прежде всего, рассмотрим их диатетический тип. Понятно, что они не полностью соответствуют рассматриваемому в [Haspelmath 1993] декаузативному типу: в их семантике ситуация под воздействием каузатора не противопоставляется той же спонтанной: скорее речь идёт о разных фазах ситуации (тогда как глаголы типа ‘разбить(ся)’ могут обозначать одну и ту же фазу ситуации, с точностью до наличия каузатора). Однако, с другой стороны, ближе всего к ним именно декаузативный тип. От пассива и субъектного имперсонала стативы отличает отсутствие каузатора, так сказать, по определению. В работах [Vendler 1976], [Плунгян 2000] и т.д. состояние определяется как тип ситуации, не предполагающий изменений, а агентивный участник ситуации как раз и привносит в ситуацию изменения²⁴.

Вспомним, что в работе Хаспельмата рассматриваются ситуации, которые могут возникать и с участием агенса, и самопроизвольно (по крайней мере, участием агенса

²⁴ Впрочем, ниже мы рассмотрим лабильные глаголы типа ‘уравнивать/равняться’ (ср. араб. *sa:wa:*), переходное употребление которых может быть близким к состоянию. В любом случае, они составляют довольно малочисленный класс глаголов.

можно пренебречь): например, дверь может открыться под действием ветра, нитка может порваться от старости. Ситуация ‘висеть’ может иметь место без участия агенса – выбор между «агентивным стативом», являющимся следствием воздействия агенса, и «нейтральным стативом» делается скорее по контексту (например, предложение *На ветках висят яблоки* не требует для интерпретации агенса). В любом случае агенс при стативах типа ‘висеть’ играет малую роль. С другой стороны, ситуация ‘начать висеть’ такое прочтение допускает с трудом: как правило, имеется агенс, каузирующий передвижение, либо его начало не прослеживается (как в случае яблок). Естественно, при активном перемещении агенсом может быть сам субъект движения (*Я повис на перекладине*). Например, русское предложение *Бельё повисло на верёвке* выглядит странным, поскольку в нём не выражен агенс, без которого ситуация не могла бы иметь место. Аналогичными свойствами обладает ситуация ‘стоять’.

По-видимому, это связано с тем, что ситуация ‘висеть’, будучи состоянием, предполагает некоторое неестественное положение предмета – чтобы его занять, объект должен обладать некоторой собственной энергией.

Правда, данное объяснение не охватывает ситуаций типа ‘лежать/класть’ или ‘торчать/воткнуть’: ср., например., нем. *stecken* ‘торчать/воткнуть’ или арчинский глагол *éxās* ‘лежать/класть’. Конечно, предмет может начать лежать или воткнуться и без воздействия агенса, однако это не приводит к возникновению лабильности. Заметим, что и в русском языке глагол *лежать* допускает неодушевлённые субъекты, а *лечь* – как правило, одушевлённые агентивные (ср. ?*На кровать легло одеяло, Листья легли на землю* – только в метафорическом употреблении). Возможно, суть заключается в том, что количество семантических компонентов, релевантных для данного глагола (и данной ситуации) ограничено: в ситуации лежания фокусируется именно компонент положения в пространстве, а не смены положения – как правило, при неодушевлённых субъектах в инхоативном значении используется глагол ‘упасть’, для которого важна именно начальная фаза.

Лабильность объединяет именно **прототипические, существенные** ситуации. Ситуация, когда предмет начинает находиться в некотором месте, недостаточно значима, чтобы отражаться в языке в виде значения лабильного глагола. Поскольку глагол ‘висеть’ конкретизирует положение предмета, наиболее важно именно оно, а способ входа в данное состояние уже не слишком важен (несущественна фаза, когда яблоки **начинают** висеть на ветке). Напротив, каузация этого состояния важна.

Таким образом, обе гипотетические модели лабильности – ‘повесить/повиснуть’ и

‘вешать/висеть’ – проблематичны с точки зрения общих свойств лабильных глаголов. Первая из них не удовлетворяет требованию спонтанности одновалентной ситуации и её прототипичности (так сказать, «актантному» ограничению), во второй члены пары различаются по аспектальному значению – один из них выражает состояние (нарушается «аспектуальное» ограничение). Первое ограничение считается более важным, чем второе.

Естественно, сформулированные ограничения надо принимать с осторожностью, поскольку одна и та же лексема может в разных употреблениях иметь разные аспектальные свойства: например, обозначать состояние и вхождение в состояние. Однако на примере лабильных глаголов видно, что аспектальное ограничение всё же существует: например, предложение *The cup breaks* не может значить ‘Чашка разбита’. Вообще говоря, стативно-каузативная лабильность в индоевропейских языках распространена мало (ниже будет показано, что в другом ареале, не охваченном выборкой Хаспельмата, она более продуктивна).

Ещё одним классом глаголов, для которых естественна лабильность состояния, являются глаголы свойства типа ‘различаться’, ‘варьировать’, ‘равняться’ и т.д. Так, латинский глагол *variare* ‘различать(ся)’ в переходном употреблении является процессом, а в непереходном близок к состоянию:

(101) a. *de Marcelli morte variant auctores* ‘О смерти Марцелла существуют различные версии’;

b. *laborem otio variare* ‘Переменять работу отдыхом’.

Заметим, что и глаголы со значением ‘изменять(ся)’, казалось бы, близкие данным по значению, тоже часто проявляют лабильность, но в непереходном употреблении обозначают именно вхождение в состояние. При этом в латыни, например, большую склонность к лабильности проявляют глаголы статального, а не динамического типа. Возможно, это связано с ограничениями на употребление декаузативного показателя.

Теперь рассмотрим два наиболее распространённых типа лабильных глаголов – процессы и события. К первым относятся, в частности, глаголы движения и глаголы с агенсом-инициатором, ко вторым – деструктивные глаголы типа ‘разбить’. Уже из этого ясно, что противопоставление этих классов глаголов сильно связано с типом агенса глагола: выше говорилось, что глаголы с агенсом-инициатором в целом чаще лабильны в языках, где лабильных глаголов немного, а глаголы с агенсом-исполнителем и сильно затронутым пациенсом – в языках типа эргативных кавказских, где наиболее важной является роль пациенса.

Однако это обобщение относится к случаям, когда процессы и события просто являются разными лексемами, никак не связанными между собой. Но также показательны

образованные от одной основы события и процессы, например, русские приставочные и бесприставочные глаголы (*бурлить* – *взбурлить*, *плесневеть* – *заплесневеть* и т.д.). Один из таких глаголов обычно обозначает процесс, а другой – точечное событие (вступление в процесс или состояние). Между данными классами также существует разница.

В целом события более склонны к лабильности, чем парные к ним процессы. В болгарском языке лабильны некоторые приставочные глаголы изменения состояния, образованные от имён и означающие ‘приходить/приводить в состояние, обозначенное именем’, например, *зачестя* ‘участи́ться, зачестить/начать делать чаще’, *забърза* ‘поспешить/убыстрить’, *задълбавам* ‘углубить/углубиться’. При этом глаголы *бърза* и подобные означают просто ‘спешить’, но не ‘делать быстрым’:

- (102) а. *Той зачести да ходи на киното* ‘Он стал чаще ходить в кино’;
б. *Ударите зачестиха* ‘Удары участились’;
с. *Баща ми зачести със визитите* ‘Мой отец стал чаще приходить в гости’;
д. *Той зачести употребата на алкохол* ‘Он стал чаще употреблять алкоголь’.

Аналогичным образом, вторичные переходные употребления в русском языке характерны для глаголов совершенного вида типа *уйти*, *заплесневеть*, *уснуть*, *взбурлить* и т.д. Исключением является глагол *оттаивать*, употребляющийся как переходный чаще, чем соответствующий ему *оттаять*. Впрочем, отчасти эта лабильность связана с производностью глаголов, а не с их аспектуальными характеристиками.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что классификация лабильности по аспектуальным классам не лишена смысла и отражает то, какие компоненты значения существенны для тех или иных ситуаций.

Отметим, что практически не встречаются лабильные глаголы, допускающие интервал между каузирующим и каузируемым событием (см. в [Stefanowitsch 2002] о степени единства между каузирующим и каузируемым событием, которое имеет значение при выборе каузативной конструкции во многих языках). Например, глагол ‘разбиться/разбить’ значит в переходном употреблении именно ‘разбить’, а не ‘заставить разбиться’ (своими действиями). В эргативных кавказских языках (цахурский, чеченский) встречается лабильность типа ‘идти/вести’, но их переходное употребление не может означать ‘заставлять уходить’ или ‘заставлять приходить’ (например, приглашая).

Заметим, что это роднит переходные употребления лабильных глаголов с непроизводными глаголами. Можно было бы ожидать, что в случаях, когда переходное употребление является производным, оно будет иметь свойства морфологического каузатива: например, обозначать разные виды каузации. Однако это неверно даже для случаев типа *Его ушли с работы*, где переходное употребление явно вторично и

окказионально.

В целом в случаях, когда теоретически возможна и «процессная», и «инхоативная» лабильность, причём первая требует параллельного осуществления каузации и каузируемой ситуации, а вторая – последовательного, выбирается скорее первый вариант. В частности, греческий глагол *dzo* ‘жить, обеспечивать жизнь’ мог иметь другой тип лабильности – например, ‘жить, рождать’, с последовательным расположением событий. В действительности такого не происходит (исходный непереходный глагол – ‘жить’ – является процессом). Аналогичным образом устроены и русские глаголы типа *провонять*, где исходное употребление глагола обозначает предельный процесс: производное разговорное переходное употребление повторяет аспектуальную характеристику непереходного: оно не означает, например, ‘оставить вонючий предмет’, но подразумевает именно процесс, ср., например, *Ты весь офис провонял своими сигаретами*.

2.1.1.8. Выводы

Всё вышесказанное указывает на то, что картину декаузативной лабильности в языке трудно получить, анализируя только глаголы внутри шкалы самопроизвольности. Шкала ориентирована на один параметр, а требуется упорядочивать глаголы с учётом, по меньшей мере, трёх параметров: самопроизвольности, свойств агенса и свойств пациенса. Это означает, что в действительности строгое упорядочивание вряд ли возможно: каждый из параметров может сыграть свою роль, а сочетания параметров и их подтипы (например, различные характеристики пациенса) дают ещё большее разнообразие.

С другой стороны, такой подход позволяет проследить связь лабильности с системой языка (ниже мы подробнее обсудим её). Если бы мы говорили только о шкале самопроизвольности, оказалось бы, что для лабильности имеет значение только самопроизвольность изменения и взаимоотношения с другими показателями дериваций. Однако лабильность, как мы уже говорили выше, редко бывает сильно продуктивной. Для совмещения ситуаций в одной лексеме существенны не взаимоотношения между переходным и непереходным вариантом (например, частое возникновение одного или другого), а их общие компоненты. При это можно выделить разные типы общности:

1) ситуативная общность – общность между характеристиками ситуации, которая, например, имеется у употреблений глагола *break* и отсутствует у употреблений глагола *катить*, одно из которых обозначает каузацию движения пациенса, а другое – активное агентивное движение. Если эта общность присутствует, одно из употреблений является точным каузативом от второго;

2) актантная общность – общность между привилегированными актантами, в

частности, в аккумулятивных языках это субъект (ср. употребления глагола *лечь*).

Распределение лабильности отличается и от распределения каузатива, и от распределения декаузатива, хотя она частично затрагивает обе зоны. От декаузатива её отличает, в частности, способность применяться к ситуациям с агентивным контролируемым пациенсом (ср. обсуждаемые подробно ниже глаголы движения: невозможны декаузативы типа *гнаться, вводиться, выводиться, вестись, толкаться* – такие глаголы обычно непроизводны – но лабильность типа ‘бежать/гнать’ или ‘входить/вводить’ встречается).

Помимо этого, значительно больший удельный вес при лабильности получают глаголы с агенсом-инициатором, а не деструктивные глаголы типа ‘разбивать’.

С другой стороны, от каузатива лабильность отличается непродуктивностью – в частности, лабильных глаголов с агентивным пациенсом в языке всегда не очень много, тогда как каузативы от таких глаголов часто образуются свободно. Это связано с тем, что для лабильности наиболее важна не самопроизвольность и не степень волитивности участника, а степень и способ воздействия на него.

Лабильность позволяет выявить и тонкие запреты, не существенные для показателей деривации. Внутри шкалы и среди близких по семантике глаголов наблюдаются «белые пятна» - глаголы, редко становящиеся лабильными: например, таковы ситуации ‘наполнять(ся)’ или ‘разрушить(ся)’ (ср. немецкий, адыгейский, французский). Ясно, что по критериям [Haspelmath 1993] ничто не препятствует их лабильности – глаголы с таким значением образуют декаузативы, более того, близкая ситуация ‘сломать(ся)’ часто кодируется лабильными глаголами.

Вероятно, ситуация разрушения осознаётся как «труднокаузируемая» - для того, чтобы разрушить здания, требуется более значительное воздействие, чем чтобы разбить чашку. Поэтому ситуации ‘дом разрушился’ и ‘враги разрушили дом’ обозначаются разными лексемами (лабильность, напомним, часто связывает близкие ситуации). В адыгейском языке переходное употребление – каузатив от непереходного, в английском непереходное – пассив от переходного (хотя глагол *ruin* способен употребляться как непереходный). Ситуация как бы имеет два сильно различных варианта – с агенсом и без агенса. Ситуация ‘наполняться’ не склонна к лабильности из-за своей актантной структуры: как говорилось выше, переходное употребление концептуализуется как несамопроизвольное из-за наличия актанта-наполнителя. Эти случаи свидетельствуют о различиях сочетаемости лабильности и показателей деривации: последние могут захватывать очень широкую область, исключая прототипически несамопроизвольные ситуации типа ‘мыть’.

2.1.2. Рефлексивная лабильность

В данном разделе мы рассмотрим рефлексивный тип лабильности. Это случай, когда одно из употреблений лабильного глагола переходно, а другое непереходно и семантически является рефлексивом от первого: ср. англ. *wash* ‘мыть(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’. Вначале проанализируем сочетаемость собственно рефлексивных показателей.

По своей семантике рефлексив сочетается с очень большим количеством ситуаций, но в большей степени с теми, которые имеют одушевлённый субъект. Как правило, если субъект совершает действие над собой, он одушевлён или агентивен. Конечно, конструкции типа *дерево само себя сломало* допустимы, но явно маргинально, возможно, образованы по аналогии с прототипическими.

На самом деле этот факт связан с тем, что для неодушевлённых объектов вообще не слишком характерно быть агенсами переходных глаголов (рефлексив требует, чтобы объект в одно и то же время являлся и агенсом, и пациенсом воздействия). Однако это правило не такое уж строгое: многие глаголы сильного воздействия допускают неодушевлённый субъект: ср. *Камень стукнул его по голове*, *Сумка хлопала его по ногам*. Неверно и то, что субъект рефлексива обязан быть прототипическим агенсом: случаи типа *Я стукнул себя молотком по пальцу* не предполагают волитивности воздействия.

Возможно, причина одушевлённости субъекта рефлексива – в том, что воздействие на себя требует физической способности субъекта воздействовать на себя – это обусловлено внеязыковыми причинами типа наличия конечностей. В любом случае прототипическими глаголами, сочетающимися с показателями рефлексива, являются так называемые глаголы «ухода за телом» - ‘бриться’, ‘мыться’, ‘причёсываться’ и т.д. Они обозначают действия, которые субъект в большинстве или во многих случаях осуществляет именно над своим телом.

Ясно, что семантически «идеальных рефлексивов» практически не существует – очень часто под воздействием «на себя» понимается воздействие на часть своего тела или своей личной сферы. Например, ‘бриться’ означает ‘брить волосы на лице’, а ‘причёсываться’ – ‘причёсывать волосы на голове’.

Даже ближе к буквальному пониманию рефлексивности находятся непрототипически рефлексивные предикаты типа ‘думать о себе’ или ‘уважать себя’. Более того, эти ситуации достаточно прототипичны. Однако в языках, где рефлексивы сочетаются не со всеми глаголами, они не обслуживаются рефлексивным показателем. В частности, в русском языке рефлексивным классом являются именно глаголы «ухода за телом» (ср. *мыться*, *бриться*, *причёсываться*, *одеваться*, *обуваться*, но **уважаться*,

**любить*ся и т.д.). Возможно, суть именно в том, что ситуация ‘мыться’ отлична от ситуации ‘мыть яблоко’ или ‘мыть ребёнка’: в сущности, она не подразумевает точно такого же воздействия на себя, как на другой предмет: например, при мытье яблока или ребёнка на него оказывается физическое воздействие, он удерживается руками, чего не происходит в случае ‘мыться’. С другой стороны, ситуации *уважать себя* и *уважать брата* различаются только объектами: способ представления о предмете не меняется. Из работ [Givon 1983], [Shibatani 2002] и др. ясно, что лексическими и морфологическими средствами часто обозначаются ситуации, которые воспринимаются как единое целое. В данном случае, в отличие от каузатива, речь идёт не о единстве двух ситуаций (каузации и каузируемой ситуации), а о единстве двух компонентов – исходного лексического и рефлексивного. Естественно, в некоторых языках показатели рефлексива сочетаются практически со всеми глаголами (ср., например, адыгейский) и не учитывают прототипичность рефлексивной ситуации.

Особым подклассом рефлексивов можно считать глаголы движения (например, *двинуть* – *двинуться*, *повернуть* – *повернуться*). Как говорилось выше, в работе [Geniušienė 1987] дериваты такого рода называются автокаузативными. По-видимому, они в разной степени близки к каноническим рефлексивам (например, ситуация ‘бежать’ всегда предполагает активность субъекта, а ситуация ‘двигаться’ в разных видах – *его пальцы двигаются* и *мальчик двигается* – имеет разных субъектов). В языках мира они часто обозначаются так же, как и рефлексивы: ср., например, русский, тюркские, древние индоевропейские языки. Отличие заключается в разнообразии способов выражения деривации.

Прототипические рефлексивы обычно являются производными от нерефлексивных ситуаций: не встречается языков, где ситуация ‘мыться’ выражалась бы непроизводным глаголом, а ‘мыть’ – производным. Такие случаи встречаются в сфере посессивных рефлексивов: из пары ситуаций ‘мыть себе голову’ и ‘мыть кому-л. голову’ производным может быть любое (по-видимому, для тюркских языков более характерна производность рефлексива, а для адыгейского – нерефлексивной ситуации).

С другой стороны, автокаузативы могут составлять с соответствующими переходными глаголами самые разные типы пар. В частности, самые употребительные из них обычно образуют супплетивные оппозиции (ср. ‘идти/вести’: англ. *go/lead*, адыг. *kIWen/S'En*, ‘бежать/гнать’ и т.д.). Как правило, это глаголы, не обозначающие определённого способа движения. Глаголы способа, напротив, часто вступают в асимметричные оппозиции (*катить/катиться*, тюрк. *š'ajxa* ‘качать’ – *š'ajxal* ‘качаться’ и т.д.). Этим данный тип глаголов близок к декаузативным, а не рефлексивным

оппозициям: ни один из членов пары не является явно семантически более сложным, чем другой.

В число автокаузативов входят не только собственно глаголы движения, но и другие классы глаголов, связанных с местоположением субъекта: например, ‘прятаться’. Среди автокаузативов, как и среди декаузативов, есть глаголы, не обозначающие физического действия (ср. *углубляться*), однако их число относительно невелико.

2.1.2.1. Распределение рефлексивно-лабильных глаголов

Как было показано выше, рефлексивная лабильность занимает промежуточное положение между А- и Р-лабильностью. В отличие от первой, она явно не обусловлена коммуникативными причинами – семантика переходного и рефлексивного глаголов сильно различается – и имеет узкую сочетаемость – произвести от произвольного глагола рефлексивный коррелят без формальных средств обычно нельзя, в частности, существует большое количество языков, где эти преобразования просто запрещены. Опущенный актант не ясен из дискурса и не является малозначимым для говорящего – речь идёт явно о семантическом изменении. С другой стороны, о мене субъекта в данном случае можно говорить только условно: хотя он совпадает с объектом, денотативно он остаётся прежним. В значительной мере мы рассматриваем здесь рефлексивную лабильность из-за её места в системе и из-за того, что часто она плохо отличима от декаузативной (см. ниже).

В работе [Drossard 1998], где сравниваются механизмы лабильности в аккумулятивных и эргативных языках, рефлексивный тип не рассматривается. По-видимому, это не случайно. Из-за узости класса рефлексивно-лабильных глаголов сделать вывод об их встречаемости в различных языках сложно. Как будет показано ниже, рассматриваемый тип лабильности нарушает выводы В. Дроссарда.

Рефлексивная лабильность встречается реже, чем декаузативная, и редко бывает продуктивной. Это связано, в первую очередь, с ограниченностью самого класса прототипических рефлексивов – класс глаголов ухода за телом не слишком многочислен.

Лабильность такого типа распространена в английском, чукотско-камчатских и в некоторых других языках – как видно, она не ограничена определённым ареалом или генетической общностью.

В английском языке лабильность проявляют все глаголы «ухода за телом» - *wash* ‘мыть(ся)’, *comb* ‘причёсывать(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’, *dress* ‘одевать(ся)’. Все они сочетаются с рефлексивным показателем:

- (103) a. *I washed an apple* ‘Я помыл яблоко’;
 b. *I washed (himself) and went to bed* ‘Я умылся и пошёл спать’.

Заметим, что ситуация с рефлексивной лабильностью в английском языке отличается от декаузативной: в последнем случае, как правило, нет синонимичной маркированной конструкции с интранзитивацией глагола: пассив в английском языке не имеет декаузативного употребления. По-видимому, для рефлексивной лабильности вообще характерно иметь синонимические маркированные конструкции.

Легко понять, что в английском языке типы лабильности очень разнообразны. Можно сказать, что для каждого глагола выбирается тип лабильности, в наибольшей мере соответствующий семантике действия. Как говорилось выше, прототипически люди моют, бреют или причёсывают именно себя (а не, например, друг друга). Такой тип соотношения между типами лабильности очень похож на соотношение значений полисемичных показателей – в частности, медиально-рефлексивных (см. [Geniušienė 1987], [Kemmer 1993]). К примеру, в русском языке взаимное прочтение постфикса *-ся* допустимо для глагола *целовать*, но не *мыть* или *брить* (хотя семантически ситуация ‘мыть друг друга’ или ‘брить друг друга’ вполне могут иметь место). Такое распределение подтверждает обоснованность подхода к лабильности как к единому феномену: в противном случае мы не могли бы объяснить отсутствие у глагола *kiss* возвратного, а у *wash* – взаимного прочтения.

Так, рефлексивной лабильности не имеют глаголы с несколько более широкой семантикой, для которых вполне прототипично воздействие субъекта на самого себя – ср. *cut* ‘резать’:

- (104) a. *Mary cut bread* ‘Мэри порезала хлеб’;
b. *Mary cut her finger* ‘Мэри порезала палец’;
c. *Mary cut herself* ‘Мэри порезалась’;
d. **Mary cut* ‘Мэри порезалась’.

В данном случае играть роль может два фактора. Во-первых, вероятно, частотность рефлексивных ситуаций с подобными глаголами всё же ниже, чем с глаголами «ухода за телом». Во-вторых, их объект в наиболее частотных употреблениях принадлежит к другому классу, нежели в рефлексивных, и семантика ситуации существенно отличается от рефлексивной: ‘порезаться’ не является каноническим рефлексивом от ‘порезать’. Как мы видели выше, обратная ситуация – когда рефлексив отличается от нерефлексивной ситуации только кореферентностью актантов (‘думать о себе’), лабильность обычно также не возникает.

Как мы скажем ниже, лабильность часто возникает из опущения объектных именных групп – в частности, местоимений. Для английского языка предполагается такое развитие событий. Следовательно, рефлексивная лабильность в нём происходит из

маркированных рефлексивов. Тем не менее, такое опущение сильно ограничено и возникает только у прототипически рефлексивных глаголов.

Многие языки, имеющие большой класс декаузативно-лабильных глаголов, не имеют рефлексивно-лабильных: ср., например, немецкий, французский, семитские и африканские языки. Даже если язык (как, например, французский) имеет широкий лабильный класс, включающий непрототипически переходные декаузативно-лабильные глаголы, это не гарантирует, наличия рефлексивного типа. Возможно, это связано с тем, что практически все языки имеют рефлексивные показатели, обслуживающие глаголы «ухода за телом» (даже если при других группах глаголов они не слишком продуктивны). В рефлексивной зоне, следовательно, возникает совсем иная ситуация, чем в каузативной: каузативно-декаузативное соотношение может обозначаться только одним показателем, что отражается в возникновении класса лабильных глаголов; напротив, продуктивные рефлексивы есть практически в любом языке (например, в этой роли могут использоваться личные местоимения).

2.1.2.2. Рефлексивная лабильность как основной тип лабильности

Как мы видели, рефлексивная лабильность в целом не слишком продуктивна. Однако и она может становиться основным типом лабильности в языке. Так происходит, в частности, в алуторском языке. Он имеет эргативный строй, но, в отличие от многих кавказских языков, декаузативная лабильность в нём не распространена. Напротив, имеется группа лабильных рефлексивов типа:

ilyətav- ‘умывать/умываться’;

tivla ‘отряхиваться/выбивать палкой’;

uɟr ‘резаться, колоться, сажать занозу/втыкать, нанизывать’;

psəsəwa = psetəwa ‘разуваться/разувать’:

(105) а. ɣəmmə tɔjəsɣəŋki t-ilyətavə-tkən
я.НOM вечером 1SG.S-умываться-IPFV
‘Я вечером умываюсь’;

б. ɣəm-nan t-ilyətavə-tkəna mənɣ-uwwi
я-ERG 1SG.S-умываться-IPFV рука-НOM.PL
‘Я мою руки’.

(106) а. ɣəmmə tə-tivla-tkən
я.НOM 1SG.S-выбивать_палкой-IPF
‘Я отряхиваюсь (палкой)’;

б. ɣəm-nan tə-tivla-tkə-n nalɣə-n
я-ERG 1SG.A-выбивать_палкой-IPF-3SG.P
‘Я выбиваю палкой шкуру’.

В близком алуторскому чукотском языке рефлексивы также весьма распространены, хотя и не являются главной «лабильной» группой.

В работах [Dixon 1979] и [Drossard 1998] считается, что для эргативных языков более характерна Р-лабильность, нежели А-лабильность, поскольку в них маркирование объекта переходных глаголов и субъекта непереходных одинаково (лабильность тем самым сближается с опущением субъекта). Однако, как мы видим, в отношении рефлексивной лабильности существенного различия между типами языков нет, хотя по типу субъекта она подпадает под определение А-лабильности. В частности, многие нахско-дагестанские языки имеют рефлексивно-лабильные глаголы. Как будет показано ниже, часто они происходят из немаркированных антипассивов (непереходные глаголы типа ‘мыть’ переосмысляются как ‘мыться’).

Особая группа непрототипических рефлексивно-лабильных глаголов существует в хакасском языке (это явление было замечено М.А. Даниэлем), для которого, как и для всех тюркских, лабильность нехарактерна. Глаголы «ухода за телом», образованные прибавлением показателя рефлексива и медия *-n*, допускают в качестве объекта название части тела:

- (107) a. adEj хуži-n-č'e
 собака чесать-REFL-PRS
 ‘Собака чешется’;
- b. vas'a xol-y-n хуži-n-č'e
 Вася рука-3SG-ACC чесать-REFL-PRS
 ‘Вася чешет руку’ (возможен также вариант без рефлексивного аффикса)

Употребление рефлексивного глагола как переходного, в отличие от английских рефлексивно-лабильных глаголов, возможно только, если объектом является название части тела; если же это — другой предмет, пусть и принадлежащий субъекту, рефлексив не употребляется (например, в предложении ‘Иван погладил своего сына’ нельзя использовать рефлексив), то есть два употребления глагола, в отличие от английского, всегда обозначают действия субъекта над собой, конкретизируя или не конкретизируя часть тела, подвергающуюся действию.

Рефлексивизация является одной из стратегий, наряду с посессивными показателями на имени, выражения посессивных отношений: в работе [Кибрик, Леонтьев, Брыкина 2004] анализируется соотношение конструкций со внешним посессором (*Я сломал ему ногу*) и со внутренним посессором (*Я сломал его руку*) в русском языке. Посессивный рефлексив типа адыгейского подпадает под определение конструкции с внешним посессором.

Ясно, что хакасский случай несколько отличается от канонической рефлексивной лабильности. Оба употребления глагола обозначают воздействие над собой, но при переходном употреблении оно понимается расширительно (синтаксический объект не

совпадает с субъектом). В работе [Kemmer 1993] рассматривается общая категория **медия**, включающая случаи типа (107b), отличающиеся и от прототипического рефлексива, и от прототипического переходного глагола – действие семантически «замкнуто внутри субъекта». О рефлексивной лабильности здесь можно говорить в синтаксическом смысле – глагол в (107a) непереходен в силу совпадения субъекта и объекта, а в (107b) суффикс *-n* обозначает медий. В семантическом аспекте полисемия рефлексивного аффикса не подпадает под определение рефлексивной лабильности – в (107b) не выступает прототипический переходный глагол, как в случаях типа английского *wash*.

Следовательно, хакасский случай несколько ближе к А-лабильности, чем стандартная рефлексивная лабильность: различие между моделями заключается не в семантике, а в выражении или невыражении объекта (в ситуации при этом он всё равно присутствует).

Необходимо отметить одно обстоятельство: в отличие от декаузативов, реципроки и рефлексивы в языках мира часто переходны и в собственно рефлексивном употреблении²⁵. Например, хакасский рефлексивный показатель не исключает выражения объекта именной группой *pozu pozyn* ‘сам себя’:

- (108) *vas'a uda: arxastyn-□'e poz-y poz-y-n ardy-n-š'e*
 Вася часто лениться-PRS сам-3SG сам-3SG-ACC портить-REFL-PRS
 ‘Вася часто ленится, сам себя портит’.

В связи с этим в случаях типа (108) стоит говорить о том, что рефлексивный показатель только обозначает кореферентность актантов, но не обязательно делает его непереходным. Неудивительно, что часто рефлексивные показатели имеют другие переходные употребления, далёкие от собственно рефлексива – например, медиальное.

2.1.2.3. Промежуточные типы (рефлексивная vs. декаузативная лабильность)

Рефлексивная и декаузативная лабильность довольно близки друг к другу: особенно это очевидно в случаях, когда субъект непереходного употребления глагола одушевлён. Выше было сказано об глаголах движения. Также промежуточный тип представляет пара ‘купать(ся)’. Легко заметить, что в немецком языке соответствующий глагол *baden* лабилен:

- (109) a. *Die Hände in Blut baden* ‘Обагрить руки кровью’;
 b. *Im Sand baden* ‘Купаться в песке (принимать песочную ванну)’.
 c. *Er badet kalt* ‘Он моется холодной водой’.

²⁵ Вопрос о переходности реципроков сложнее в силу неоднозначного статуса составных взаимных местоимений типа *друг друга*.

Вообще для немецкого языка рефлексивная лабильность нехарактерна (ср. переходные глаголы *waschen* 'мыть', *rasieren* 'бриться', *anziehen* 'одевать' и др.), а значит, стоит считать её декаузативной. Следовательно, значение глагола 'купаться' отличается от канонического рефлексива. Приведённые примеры показывают, что ситуация 'купаться' не обязательно предполагает действия над своим телом: она допускает разные способы осмысления (в отличие от 'бриться'). Правда, в отличие от прототипических декаузативов, она во многих случаях требует одушевлённого волитивного субъекта (ср., в частности, немецкий глагол).

По сути, это различие между 'купаться' и 'бриться' сводится к наличию/отсутствию агентивно-ориентированных компонентов в значении глагола. Ситуация 'брить' требует агенса в большей степени, чем 'купать' (в частности, из-за наличия инструмента действия). Следовательно, первая может быть осмыслена только рефлексивно, а вторая – ещё и декаузативно или стативно. Понятие работы [Haspelmath 1993] оказывается весьма полезным, но недостаточным: лабильность того или иного глагола связана со свойствами системы лабильных глаголов – в частности, с тем, имеются ли в ней рефлексивно-лабильные глаголы. Более того, ситуация 'купать' сама по себе предполагает наличие агенса не в меньшей степени, чем, например, 'бросать' (если иметь в виду прямое физическое воздействие агенса на пациенс). Появление у немецкого глагола лабильности в значительной мере связано с широким значением глагола в переходном употреблении.

Мы видим, что лабильность помогает понять различие между семантикой разных ситуаций и, соответственно, между типами рефлексива (по тому, насколько рефлексив предполагает прямое воздействие субъекта на себя): системы лабильных глаголов чувствительны к смене типа лабильности и важно, к какому типу относится та или иная ситуация. В частности, в немецком языке свойства системы показывают, что в (109) непереходное употребление глагола *baden* стоит считать немаркированным декаузативом, а не рефлексивом.

2.1.2.4. Заключение

Итак, рефлексивная лабильность распространена значительно меньше, чем декаузативная. С одной стороны, это связано с ограниченностью класса «естественных рефлексивов» - прежде всего, глаголов «ухода за телом». Но причина не только в этом: даже эти глаголы в большинстве языков не лабильны.

Во-первых, этот класс не только невелик, но и очень компактен, состоит из близких по свойствам глаголов. В нём нет такого количества подклассов, как в декаузативном классе, где разные подклассы могут быть лабильными в языках разных типов. Рефлексивная лабильность требует для своего возникновения строго определённых

условий.

Во-вторых, семантика ситуации при рефлексивизации меняется в каком-то смысле сильнее, чем при декаузативации. С одной стороны, декаузативная и каузативная модели обозначают ситуации с различным количеством участников. Однако и декаузатив часто подразумевает, что агент в ситуации имеется, хотя в предложении обозначен быть не может. С другой стороны, рефлексив вводит отношение кореферентности между участниками ситуации.

При этом субъект при рефлексивной лабильности остаётся агентивным. Это приводит к конкуренции рефлексивной лабильности с другим, более продуктивным типологически и в рамках одного языка процессом – опущением объекта. На примере английского языка видно, что диахронически лабильность рефлексивного типа часто и возникает из опущения: то есть кореферентность изначально маркируется рефлексивным местоимением.

В-третьих, практически во всех языках есть средство, конкурирующее с рефлексивной лабильностью – рефлексивные показатели и, в частности, местоимения. При этом сфера прототипических рефлексивов так узка, что именно в ней сталкиваются лабильность и наиболее грамматикализованные показатели (выше говорилось о редкости рефлексивов от глаголов типа ‘думать’): глаголы, которые могут оформляться морфологическим рефлексивом, могут становиться и рефлексивно-лабильными. Напротив, показатели каузатива и лабильность часто делят между собой классы глаголов.

В силу редкости рефлексивной лабильности количество языковых групп, где она распространена, также невелико. В частности, это чукотско-камчатские языки, английский и нахско-дагестанские. Наличие рефлексивной лабильности, тем самым, коррелирует с наличием декаузативной, но эта корреляция не абсолютна: ср. выше о лабильности в алюторском языке. При этом распространение автокаузативного подкласса рефлексивной лабильности значительно шире: она встречается практически во всех индоевропейских, в некоторых кавказских эргативных и в других языках. По-видимому, это объясняется отсутствием в значении этих глаголов компонента прямого воздействия на себя, то есть прототипически рефлексивной семантики. В частности, как будет показано ниже, для них облегчается возможность развить лабильность путём опущения актанта.

2.1.3. Конверсивная лабильность

Конверсивной лабильностью мы будем называть случаи типа *erschrecken* ‘испугаться (чего-л.)/испугать (кого-л.)’, при которых и переходное, и непереходное употребления имеют по два актанта. Хотя во многом данный тип лабильности близок к

декаузативному и может даже трактоваться как его подтип, имеются и существенные отличия: среди декаузативно-лабильных глаголов конверсивы наиболее близки к немаркированным пассивам.

Понятие конверсива разрабатывалось Московской семантической школой (см. [Апресян 1969], [Мельчук 1998]) и понималось максимально широко. Конверсивом для лексемы А считалась любая лексема В, обозначающая ту же ситуацию, но отличающаяся диатезой, то есть типом соответствия семантических и синтаксических актантов глагола. В число конверсивов, в частности, попадают пассивы (например, в предложении *Рабочие строят дом* агенс соответствует первому синтаксическому актанту, а пациенс второму, а в предложении *Дом строится рабочими* — наоборот), пермутативы (*намазать масло на хлеб/намазать хлеб маслом*, где второй и третий актанты меняются местами), а также лексические пары типа *одарить его цветами/подарить ему цветы, купить у Васи нож/продать Пете нож* и т.д. Мы будем понимать под конверсивным специфическое соотношение, не обслуживаемое ни одним из терминов для актантных дериваций или залогов — можно показать, что оно не тождественно ни пассиву, ни декаузативу.

В случае пассива одна из диатез очевидно первична: в частности, субъектом при ней является агенс (ср. *строить дом*), а вторая получается из неё путём залогового преобразования и непрототипична в том смысле, что субъектная позиция не занята наиболее агентивным участником. Но существуют такие пары глаголов, для которых сложно определить, какой из элементов пары является пассивным, а какой — активным, например, пары глаголов с агенсом и контрагентом типа *купить* — *продать* или *выиграть* — *проиграть*. В работе [Падучева 1974: 218-220] подчёркивается, что ситуации игры или купли-продажи по определению симметричны, и невозможно приписать одному из участников роль пациенса, а соответствующему глаголу — пассивную диатезу. В особенности это характерно для глаголов эмоций ('пугать'/'бояться'), чувственного восприятия ('нюхать'/'пахнуть'): ни один из участников ситуации (стимула и экспериенцера) не обладает полным набором агентивных или пациентивных свойств. В ситуации купли-продажи, напротив, они оба обладают агентивными свойствами.

Равноправность ситуаций роднит конверсивы с инхоативно-каузативными парами, но в работах [Haspelmath 1993] и др. отмечается, что при декаузативации каузатор не может выражаться на поверхностном уровне, даже если сохраняется в семантике — ситуация обязательно теряет один актант: именно невозможность предложений типа **Чашка разбилась ребёнком* отличает декаузативный дериват *разбиться* от пассива *быть*

*разбитым*²⁶. Сама концепция самопроизвольности/несамопроизвольности показывает, что прототипически ситуация ‘разбиться’ имеет место при участии агенса, но смысл предложений типа *Чашка разбилась* не включает компонента ‘под влиянием X-а’. Напротив, при конверсивах агент значительно более обязателен семантически и часто может быть выражен синтаксически: например, невозможны предложения типа **Такая погода нравится*, а конструкция *На улице пахнет грязью* может быть интерпретирована только при наличии экспериенцера – хотя бы связанного квантором существования или общности (‘для всех, проходивших по улице, там пахнет грязью’).

Глаголы передачи собственности не бывают лабильными в собственном смысле слова и вообще довольно редко демонстрируют вариативность. Исключение составляют глаголы со значением ‘одолжить’ (*одолжить*, *ссудить*, нем. *leihen*). Переходность глагола не затрагивается меной диатезы, поскольку семантически оба употребления имеют один и тот же пациенс. Глаголы восприятия мы подробно рассмотрим ниже.

Глаголы восприятия имеют два актанта: экспериенцер (прототипически одушевлённый, но не контролирующий ситуацию и подвергающийся воздействию извне) и стимул (неодушевлённый, но не подвергающийся воздействию и подвергающий ему другого участника). Как показано в работе [Mithun 1991], характеристики прототипического агенса по-разному упорядочиваются каждым конкретным языком: для одних важен контроль над ситуацией, для других – одушевлённость и т.д. В частности, в языках мира встречаются различные диатетические типы глаголов восприятия. Так, в работе [Nakamura 2000] делается вывод, что существует четыре основных синтаксических конструкции, которые могут образовывать глаголы восприятия:

Номинатив-стимул — Аккузатив-экспериенцер (*пугать*)

Номинатив-экспериенцер — Аккузатив-стимул (*любить*)

Номинатив-стимул — датив-экспериенцер (*нравиться*)

Номинатив-экспериенцер — периферийный участник-стимул (*восхищаться*).

Неудивительно, что ряд глаголов совмещают несколько моделей.

Прототипическим представителем этого класса можно считать глагол ‘нравиться’ в румынском и болгарском языках:

- (110) а. Не ми **харесват** такива хора
‘Мне не нравятся такие люди’;
б. Аз не много го **харесвам**
‘Я ему не очень нравлюсь; он ко мне не очень хорошо относится’.

²⁶ Отдельную проблему представляют именные группы с предлогом *у* (*У меня разбилась чашка*), которые, видимо, могут обозначать не только агенса, но и другого участника, затронутого действием (ср. *У меня все чашки уже потрескались от времени*).

В румынском языке, как показано в работе [Căluianu 2000], существует два больших класса глаголов, обозначающих эмоции: глаголы с субъектом-стимулом и с субъектом-экспериенцером. Некоторые глаголы образуют конструкцию с дативом-экспериенцером и номинативом-стимулом. Часть глаголов последнего класса могут также выступать с аккузативом-стимулом и субъектом-экспериенцером:

- (111) a. lui Marin îi place cartea
 ДАТ Марин CL-PRON-ДАТ нравится книга
 ‘Марину нравится книга’;
 b. toți au plăcut-o pe Ana
 все нравится.PAST-CL-PRON-ACC P-ACC Ана
 ‘Ана всем нравилась’. [Căluianu 2000: 158].

Второй вариант диатезы возможен только в случаях, когда оба аргумента определены и являются лицами:

- (112) a. *toți au plăcut-o cartea
 все нравится.PAST-CL-PRON-ACC книга
 ‘Книга всем нравилась’;
 b. *cînele tău plăcut-o pe Ana
 собака твоя нравится.PAST-CL-PRON-ACC P-ACC Ана
 ‘Ана понравилась твоей собаке’. [Căluianu 2000: 158].

Как видно, в отличие от пар типа ‘разбить’/‘разбиться’, пара ‘любить’/‘нравиться’ вообще не включает двух различных ситуаций: в частности, невозможно считать, что одним из глаголов обозначается только конечная фаза ситуации: ни одна из ситуаций не обязана следовать за другой.

Впрочем, в уже упомянутой работе диатеза с объектом-экспериенцером и субъектом-стимулом считается семантически каузативной: ‘А нравится В’ представляется как ‘А (своими свойствами/действиями) каузирует В любить его’. Вероятно, это связано с тем, что свой ства стимула более постоянны, чем свойства экспериенцера, и могут каузировать изменения в экспериенцере, но не наоборот: восприятие не предполагает изменений в объекте восприятия. Однако исходя из употреблений членов пары, можно считать, что два глагола просто представляют одну и ту же ситуацию с разных точек зрения. К примеру, в (83b) предложение описывает экспериенцера, который, видимо, поэтому занимает субъектную позицию; напротив, (83a) описывает стимул. В этом смысле конверсивная лабильность также похожа на пассив. Заметим, moreover, что при непереходном употреблении конверсивно-лабильного глагола подразумевается, что стимул обладает некоторыми независимыми от экспериенцера свойствами, которые могут выводиться на передний план, чего при пассиве не происходит.

К тому же типу, что ‘нравиться’, относится немецкий глагол *belieben* ‘быть угодным/соблаговолить’ и греческий *dokeo* ‘полагать/казаться’:

- (113) a. Wie es Ihnen beliebt

- ‘Как вам будет угодно’;
 b. Belieben Sie einzutreten!
 ‘Будьте добры, войдите!’ (возможно, данное значение несколько архаично).

- (114) a. doke-o t-ous theoprop-ous ou legein
 alethe-os
 думать-1SG.PRS DEF-ACC.PL DEF-ACC.PLпрорицатель-ACC.PL не говорить-INF
 истина-GEN
 ‘Я думаю, что они не говорят правды’;
 b. dok-eis agath-os einai
 казаться.PRS-2SG хороший-NOM.SG быть-INF
 ‘Ты кажешься хорошим’.

Большинство глаголов рассматриваемого типа находятся дальше от прототипического случая – каузирующая ситуация в ней неточно совпадает с каузируемой, причём переходный глагол не обязательно обозначает каузирующую ситуацию. Наиболее яркими представителями этого типа нужно считать пары ‘пугать/бояться’ и ‘беспокоить(ся)’. Важно, что эти лексемы имеют два употребления – статальное и акциональное: в акциональном каузативном употреблении они являются чистыми каузативами от некаузативных:

Немецкий:

- (115) a. Hast du mich aber erschreckt!
 ‘Ну и напугал же ты меня!’;
 b. Polizei erschrickt über Drogenhandel
 ‘Полиция боится распространения наркотиков’.

При переходном употреблении субъектом является не стимул, а агенс, во втором – стимул, отсутствующий на момент речи. Выражение стимула в первом случае невозможно (см. [Падучева 2005] о распределении валентностей данных глаголов). В частности, в некоторых языках возможны употребления типа ‘Я нарочно его напугал’, что также роднит их с каузативами.

При акциональном, но неагентивном употреблении субъектом уже является стимул:

- (116) *Die Nachricht erschreckte ihn* ‘Известие его напугало’.

Страх экспериенцера направлен именно на новости, то есть предложение примерно синонимично ‘Он испугался известия’, однако каузирующее событие, как и при агентивном (115a), предшествует каузируемому. В статальном употреблении эти два события не разделяются, как в случае ‘нравиться’. Аналогичным образом, английский глагол *worry* ‘беспокоить(ся)’ в акциональном употреблении является каузативом от непереходного употребления, а в статальном – конверсивом:

- (117) a. *It worried me that they did not answer the telephone.*
 b. *I worried about John* ‘Я беспокоился о Джоне’.

Количество актантов непереходного употребления неоднозначно. С одной стороны, стимул обычно кодируется как периферийный аргумент (например, предложной

группой). С другой стороны, он обязателен для ситуации и этим отличается от причины (ср. *Я испугался, потому что уже был взвинчен*).

Лабильность глаголов эмоций отчасти опровергает предположение работы [Недялков 1969], где считается, что глагол ‘смеяться’ не приобретает значения ‘спешить’, потому что часто имеет переходное употребление со значением ‘смеяться над кем-л.’. Лексемы ‘бояться’ также могут быть переходными – причём две модели (переходный ‘бояться’ vs. непереходный ‘бояться’, переходный ‘пугать’ могут сочетаться в рамках одного языка – ср. немецкие *erschrecken* и переходный *fürchten* ‘бояться’). По-видимому, два переходных употребления не обязательно мешают друг другу, что показывают и некоторые глаголы движения. Даже если лабильности мешает наличие некаузативного переходного употребления у данного глагола, это не мешает ей возникнуть у глаголов со сходной семантикой.

В некоторых случаях семантическое соотношение между употреблениями глагола не сводится к некоторой деривации: прежде всего, это касается глаголов ‘пахнуть/нюхать’, лабильных во многих индоевропейских языках:

болгарский:

- (118) a. *Книгите му миришат на цветята* ‘Его книги пахнут цветами’;
b. *Аз мириша цветята* ‘Я нюхаю цветы’;
(119) a. *Er riecht nach Knoblauch* ‘От него разит чесноком’
b. *Ich kann Moschus nicht riechen* ‘Я не люблю запаха мускуса’.

Как и глаголы предыдущей группы, они имеют агентивное и неагентивное употребления, но ситуация каузации не предшествует восприятию: агентивное употребление вообще не предполагает наличия запаха (нюхать можно и предмет, который его не имеет), а при неагентивном употреблении восприятие имеет место после его возникновения.

В отличие от других конверсивно-лабильных глаголов и глаголов восприятия, при непереходном употреблении агенс часто опускается или даже не может быть выражен (ср. невозможное **Мне пахнет луком*). Валентная структура глаголов чувственного восприятия, в том числе особые свойства глаголов обоняния, подробно рассматриваются в монографии [Падучева 2004а]. Это приближает данные глаголы к декаузативно-лабильным, однако не превращает ситуацию в одновалентную: как говорилось выше, истолковать её можно только упоминая экспериенцера.

Более периферийны случаи типа арабского *tahaddada* ‘угрожать/находиться под угрозой’²⁷, а также хакасского *xušin* и таджикского *mexorad* ‘чесать/чесаться (о части

²⁷ Непереходное употребление этого глагола скорее периферийно: оно фиксируется в словарях, но в

тела)’:

- (120) a. *vas’a* *hol-y-n* *xuši-pš’e*
Вася рука-3SG-ACC чесать-PRS
‘Вася чешет руку’
b. *xoly-m* *xuši-pš’e*
рука-1SG чесать-PRS
‘У меня чешется рука’;
- (121) a. *saḡ* *daštaš-ro* *meḡoraḡ*
собака лапа-ACC чесать.3SG
‘Собака чешет лапу’;
b. *pušti man* *meḡoraḡ*
спина я чесать.3SG
‘Я чешу спину’.
- (122)a. *at-tama:suk-u* *al-waṭaniyy-u* *y-atahaddad-u*
min *ru:h-i* *al-’in’iza:l-i*
DEF-сплоченность-NOM DEF-родной-NOM 3М-угрожать-SG
от дух-GEN DEF-изоляция-GEN
‘Сплочённости родины угрожает дух разобщения’ (букв. ‘сплочённость находится под угрозой’).
- b. *ad-dawlat-u* *al-’arabiyy-at-u* *t-atahadd-u-hu*
DEF-государство-NOM DEF-арабский-F-NOM 3F-угрожать-SG-3SGM
‘Арабское государство угрожает ему’.

Глаголы типа хакасского примыкают к другой группе лабильных глаголов с варьированием личной и безличной диатез, которые будут рассмотрены ниже (оно также часто возникает у глаголов физического ощущения). При этом соотношение между употреблениями при них неясно: оно включает в себя модальные компоненты: ‘чесаться’ означает ‘причинять ощущение, при котором X хочется почесать’. В этом смысле примеры (120) и (121) близки к английской *middle construction*: свойства пациенса в непереходном употреблении имплицитно выражают возможность ситуации, выраженной переходным употреблением.

Кроме того, одушевлённый актант является субъектом переходного, а не непереходного употребления – хотя при непереходном употреблении он является экспериенцером, как и актанты «канонических» глаголов восприятия.

Конверсивные глаголы показывают недостаточность провозглашённой в [Лютикова 2002a] мотивацию лабильности: «ситуация может происходить и самопроизвольно, и несамопроизвольно». Действительно, декаузативная лабильность объясняется так – употребления типа ‘ломать’ и ‘ломаться’ обозначают две различные ситуации, в первой из которых агенс присутствует, а во второй отсутствует или неважен (основанием для лабильности является их неполное совпадение между собой и фокус на состоянии пациенса). Но случаи типа ‘любить’/‘нравиться’ вообще не делятся на две ситуации – перед нами одна и та же ситуация, рассматриваемая с точек зрения разных актантов.

Мена возможна именно потому, что лабильны глаголы, не относящиеся к широко обсуждаемому классу прототипически переходных глаголов – оба актанта находятся между агенсом и пациенсом (основание – непрототипичность свойств участников). То, какой из членов будет переходным, определяется семантикой – им становится глагол с субъектом-стимулом, если его значение подразумевает воздействие на экспериенцера, изменение его состояния ('беспокоить', 'пугать'), иначе он непереходный ('нравиться', 'чесаться'). Интересно, что почти никогда непереходными не бывают оба употребления – происходит как бы выравнивание по каузативно-декаузативной модели, из диатез выбирается более агентивная. Правда, существуют и исключения: например, по-видимому, в русском языке времён Пушкина два непереходных употребления имел глагол *наскучить* ('скучать/быть скучным'):

(123) а. *Ему наскучил света шум* (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»)

б. *Ежели правитель в самом деле// Державными заботами наскучил* («Борис Годунов»).

Неочевидно, какое из употребление должно было бы быть переходным по сформулированному выше правилу (скорее первое, поскольку данный глагол не стативен, и состояние экспериенцера меняется). Объяснить непереходность обоих употреблений невозможно.

Можно говорить о зависимости между степенью различия ситуаций и свойствами актантов: когда глагол имеет прототипические агенс и пациенс, его инхоатив и декаузатив сильно различаются по семантике. В частности, экспериенцер и стимул, как и пациенс (и другие внутренние аргументы) не могут быть элиминированы из семантики ситуации: чтобы нравиться, необходим некоторый предмет и субъект восприятия. Напротив, агенс во многих случаях не строго обязателен. Именно с этим связана возможность обозначения непереходных членов пассивами.

При других сочетаниях степени переходности и единства ситуаций лабильности не возникает: при прототипически переходных глаголах единство ситуации даёт активно-пассивное противопоставление. При непрототипически переходных глаголах ситуации могут не быть едины (ср. агентивные каузативы), но такого рода противопоставления обычно маркируются – впрочем, это соблюдается именно при глаголах эмоций. При этом глаголы можно расположить на следующей шкале по степени временного единства ситуаций:

			полное
единство			
разбить	испугать	варить	нравиться

Как видно, непрототипически переходные глаголы по этому параметру находятся ближе к конверсивным.

Также данные глаголы не соответствуют прототипу по акциональным характеристикам: напомним, что ядерным классом являются инхоативно-каузативные глаголы, а пары типа ‘любить/нравиться’ или ‘беспокоить/беспокоиться’ обозначают в первую очередь состояние. Это ещё один довод за их отделение от декаузативного типа.

В таблице ниже приводятся конверсивно-лабильные глаголы известных нам языков.

Табл. 2. Конверсивно-лабильные глаголы.

Глагол	Перевод
Глаголы чувственного восприятия	
<i>Мириша</i> (болг.)	‘Нюхать, ощущать запах; пахнуть’
<i>Smell</i> (англ.)	‘Нюхать, ощущать запах; пахнуть’
<i>Riechen</i> (нем.)	‘Нюхать, ощущать запах; пахнуть’
<i>odorare</i> (итал.)	‘Нюхать, чують; пахнуть’
<i>oler</i> (исп.) — оба переходные	‘Нюхать, чують; пахнуть’
<i>sentir</i> (фр.)	‘Нюхать, чують; пахнуть’
<i>Schmecken</i> (нем.)	‘Пробовать; отдавать на вкус’
<i>Taste</i> (англ.)	‘Пробовать; отдавать на вкус’
<i>(Look)</i> (англ.)	‘Смотреть; выглядеть’
<i>hiš’ip</i> (хакасский)	‘Чесать; чесаться’
Глаголы эмоций	
<i>Erschrecken</i> (нем.)	‘Пугать; бояться’
<i>Харесвам</i> (болг.)	‘Любить (like); нравиться’
<i>Belieben</i> (нем.)	‘Соизволить; быть угодным’
<i>Place</i> (рум.)	‘Любить (like); нравиться’
Глаголы мнения и прочие	
<i>dokeo</i> (древнегр.)	‘Считать; казаться’
<i>tahaddada</i> (араб.)	‘Угрожать; находиться под угрозой’

Конверсивная лабильность характерна, прежде всего, для аккумулятивных языков Европы. При этом непрототипичность ролей участников ситуаций проявляется и в других языках: например, в эргативных кавказских языках они часто кодируются непереходными глаголами – при этом субъектные свойства может иметь неканонически маркированный участник. Однако в европейских аккумулятивных языках имеется тенденция кодировать двухвалентную ситуацию переходным глаголом, которая отсутствует в эргативных –

возможно, отсюда наличие переходных употреблений (кстати, с этим же связана и частая переходность некаузативных употреблений – ср. разговорную русскую модель глагола *бояться*).

В языках мира именно конверсивная лабильность относится к упоминаемому выше **чисто лексическому** типу, то есть противостоит периферийным соотношениям типа супплетивизма, а не регулярному маркированию дериваций. Это связано в значительной мере с выделенностью одушевлённых и агентивных актантов – один из актантов глаголов этого типа прототипически одушевлён, а другой обладает агентивными свойствами.

2.1.4. Потенциально-пассивная лабильность

Среди залогов в языках мира едва ли не чаще всех маркируется пассив. Хотя это преобразование отличается от актантных дериваций, мы также вправе ожидать появления соответствующего типа лабильности, при которой глагол выступает в конструкциях с субъектом-агентом и объектом-пациентом и с субъектом-пациентом и периферийным субъектом-агентом ('дом строится') без какого-либо маркирования.

В действительности эти ожидания в большинстве языков не оправдываются – как правило, пассив либо выражается специальным показателем, либо его функции берут на себя коммуникативные преобразования (например, топикализация). Вообще говоря, языки со свободным порядком слов не обязательно нуждаются в пассиве, то есть в **синтаксическом** понижении исходного субъекта, для выполнения задачи его коммуникативного понижения. Даже если пассив в языке есть, он может быть сильно ограничен лексически: см. [Shibatani 1998] о свойствах прототипического пассива.

Говорить о развитии немаркированном пассиве можно только в африканских языках семьи манде и берберских и, возможно, в отдельных языках Азии и Океании. Правда, не все случаи можно однозначно классифицировать как немаркированные.

Так, в тибето-бирманском языке лимбу существуют случаи, при которых залог маркируется только изменением типа глагольного словоизменения. С одной стороны, это не позволяет говорить о пассивном показателе; с другой, как было показано в главе 1, наличие хотя бы каких-то особенностей, позволяющих отличить переходное употребление от непереходного, облегчает варьирование (в том числе и лабильность).

Но значительно сильнее немаркированные пассивы развиты в африканских языках. Ср., например, язык бамана ([Vydrine 1994]):

(124)	a.	Màraká-w	bé	tigá	ìn	dán	jóona
		Сонинке-PL	PROGR	орех	этот	сажать	РАНО
		'Сонинке сажают этот земляной орех рано'					
	b.	tigá	ìn	bé	dán	jóona	
		орех	этот	PROGR	сажать	рано	

‘Этот земляной орех сажается рано’

- (125) a. syémà yé sòlimadén-w sègin só
 ответственный инициированный-PL вернуться дом
 ‘Ответственный (человек) вернул инициированных домой’;
- b. sòlimadén-w sègin-na só syémà f’ε
 инициированный вернуться-ACC дом ответственный PP
 ‘Инициированные были возвращены домой ответственным лицом’.

При пассивном употреблении допускается выражение агенса с послелогом $f'ε$, что полностью отвечает определению прототипического пассива.

Напротив, в кабийском языке выражение агенса при пассивном употреблении лабильного глагола не допускается, в отличие от маркированного пассива на *T*-

- (126) a. mDl-n t ukSar
 погребать-3PL.M его внизу
 ‘Они погребли его внизу’;
- b. ugi-n ad y-mDl ukSar
 отказываться-3PL.M IRREAL 3SG-погребать внизу
 ‘Они не хотели, чтобы он был погребён внизу’. [Chaker 1983: 294].
- (127) y-Tw-aDfr s wuŠn
 3SG-PASS-преследовать от шакал
 ‘Его преследовал шакал’ [Chaker 1983: 312].

В целом ясно, что немаркированные прототипические пассивы крайне редки. Однако лабильны бывают очень близкие к ним значения. Мы выделяем их по признаку наличия в ситуации прототипического агенса, в одном употреблении являющегося субъектом, а в другом – нет. Это, во-первых, безагентивные пассивы, во-вторых, стативы и, в-третьих, так называемые «несамостоятельные действия».

В работе [Donohue 1999] обсуждается своего рода немаркированное залоговое противопоставление в австронезийском языке тукан-беси, однако вопрос о том, можно ли считать его случаем лабильности, остаётся открытым: данное противопоставление сопряжено с наличием/отсутствием в глаголе объектного показателя.

Лабильность стативов уже обсуждалась выше, в разделе о декаузативном типе. В кавказских и европейских языках она скорее маргинальна и встречается у, так сказать, **ингерентных стативов** – в частности, глаголов положения в пространстве. В африканских языках она распространена более широко.

В частности, кабийский случай может рассматриваться как стативный – при отсутствии агенса фокус в ситуации типа ‘погребать’ перемещается на состояние (к сожалению, тестов на акциональные свойства предиката в работе [Chaker 1983] не приводится). Стативы и чистые пассивы различаются именно аспектуальными характеристиками. Если в форме настоящего времени кабийские глаголы обозначают результат действия, они стативны, а если само действие, то следует считать их

пассивными. Явно к этому типу относятся сонгайские глаголы, отмеченные в [Галямина 2006] (см. также [Prost 1956], [Рожанский 1991]), где отмечается их близость к безагентивному пассиву: *taka* ‘создавать (о Боге)’/ ‘быть созданным (Богом)’, *husu* ‘быть проклятым / проклинать’ и т.д.²⁸. Сюда же примыкают немаркированные результаты адыгейского типа: по сути, различие только в том, что в адыгейском эти формы жёстко закреплены за претеритными контекстами, сохраняя связь с переходным употреблении, а в кабийском и сонгай – нет.

В родственных кабийскому семитских языках тоже есть остатки пассивной лабильности: в арабском она практически исчезла, за исключением глагола *‘amara* ‘населить/быть населённым’, но в библейском иврите ещё сохранялась: ср. *‘a:za(b)* ‘покидать; быть покинутым’ [Al-Kadari 1995]. Впрочем, судя по материалу работы [Hetzron 1997], ни один из современных семитских языков не имеет продуктивной пассивной лабильности.

Различие между стативами и безагентивными пассивами довольно тонко: не случайно во многих языках они выражаются одними средствами. В частности, в русском языке конструкция типа *Москва французам отдана*, сейчас являющаяся стативной, ранее, как отмечает Е.В. Падучева [Падучева 2004а] была пассивной. Вполне естественно ожидать, что к стативному употреблению будут тяготеть многие пассивы: вероятно, мы не встретим лабильных глаголов, которые могут употребляться в значениях типа ‘сено молотится’, но не имеют употребления ‘сено смолочено’. Впрочем, иногда в языках мира возникают и акциональные пассивы, которые перегруппируют актантов, но не изменяют их количество (ср. *Дом строится рабочими*). Однако для лабильности характерно изменение количество актантов и изменение семантики глагола. В этой связи она запрещает выражение актанта и требует стативной актанта, меняя семантику сильнее, чем стандартное залоговое преобразование вида *Дом строится рабочими*. Стативность и невыразимость агенса, по-видимому, связаны между собой.

Чистым потенциально-пассивным типом является английская *middle construction* при переходных глаголах:

(128) *This wine drinks like water* ‘Это вино пьётся, как вода’;

(129) *Novels sell well* ‘Романы хорошо продаются’.

Примеры (128) и (129) содержат модальный компонент (‘романы обладают такими особенностями, что их могут купить и покупают’, ‘вино обладает свойствами, позволяющими его пить’) и также являются стативами – в частности, они не

²⁸ Глаголы даны по словарю [Heath 1998] и работе [Галямина 2006.]

употребляются с референцией к конкретному моменту ('вино было выпито'). В работах [Goldberg 1995], [Stroik 1999], [Rapoport 1999] анализируются ограничения на употребления этой конструкции.

В частности, Т. Рапопорт замечает, что исходный глагол должен содержать компонент инструмента или способа. Выше говорилось о плохой сочетаемости этого компонента с декаузативной лабильностью. Следовательно, в английском языке декаузативная и потенциально-пассивная лабильность распределены относительно типа глаголов (см. также [Kulikov 1998] о сочетаемости с декаузативами деструктивных глаголов, тогда как пассив часто образуется и от глаголов создания).

В работе [Goldberg 1995] обращается внимание на то, что потенциальные пассивы образуются в тех случаях, когда наступление ситуации, с точки зрения говорящего, желательно, ср.:

- (130) a. *This wine drinks like it was water* 'Это вино пьётся, как вода';
 b. **This wine drinks like it was vinegar* 'Это вино пьётся, как уксус'.

Связь с агентивно-ориентированными глаголами отличает рассматриваемый тип лабильности от стативных глаголов положения в пространстве. Ситуация типа 'висеть', в отличие от 'быть созданным', вовсе не обязательно связана с некоторой предшествующей динамической ситуацией и, следовательно, с агенсом — именно поэтому нельзя с уверенностью говорить о производности непереходных употреблений таких глаголов — в языках мира встречаются непроизводные глаголы со значением 'висеть'. Напротив, ситуация 'быть созданным' неизбежно предполагает предшествующее действие агенса. Рисунок изображает свойства пассива, декаузатива, потенциального пассива, ингерентного статива и статива пассивного типа:

агентивность: декаузатив	статив	статив	пот. пассив
пассив			
аспект: декаузатив	пассив	пот. пассив	стативы

Как говорилось выше, с одной стороны, по признаку неагентивности декаузатив ближе к стативам, чем к пассивам, с другой, он ближе к пассивам по аспекту. Судя по большей распространённости стативной лабильности, первое свойство оказывается важнее, как и внутри декаузативного типа, что объясняется отчасти связью лабильности с опущением.

Как и в ранее рассмотренных случаях, агенс не может быть выражен обычным для пассивов образом (**Novels sell well by John*), но имеется другая конструкция:

- (131) *This book reads slowly for Mary.*

По мнению Т. Строика, этот актант является агенсом. Это подтверждается рядом тестов, например, тем, что потенциальные пассивы допускают добавление наречий типа

slowly и *quickly*, которые сочетаются преимущественно с предикатами, имеющими агенс. Однако сам способ свидетельствует о близости актанта не к агенсу, а к экспериенцеру, что вполне соответствует модальной семантике конструкции: если бы её значение сводилось к ‘книги покупают’, появление предлога *for* не было бы оправдано. Заметим, что в русском языке существуют пассивная конструкция с инструментальным агенсом (типа *Дом строится рабочими*) и похожая на неё с агенсом в дативе, как правило, образуемая от глаголов мысли и восприятия (*Мне вспомнилось, Мне слышится*), где оформление экспериенцера также совпадает с оформлением субъекта оценки (*Мне легко это сделать*) и второго актанта таких конструкций, как *Мне пришло на ум*. В обоих случаях субъект пассивной конструкции не является прототипическим пациенсом, а в какой-то мере автономен от агенса, который в любом случае не может быть исключён из семантики ситуации²⁹. Также разграничение прототипического пассива и «пассива субъекта оценки» существует в тюркских и в болгарском языке:

(132) *He mi se yadat tezi yabłki* ‘Я не могу есть эти яблоки’, где агенс также маркирован дативом, тогда как агенс при пассиве присоединяется предлогом *от*.

С другой стороны, потенциальные пассивы иногда трудно отличить от декаузативов: ср. приводимые в статье [Rapoport 1999] примеры типа:

(133) *This kind of glass breaks easily all by itself.*

Такого рода предложения могут иметь две интерпретации: декаузативную и потенциально-пассивную (что неудивительно, поскольку группа *by itself* отодвигает агенс на периферию).

Модальные и хабитуальные компоненты – ещё один способ выделить пациенс и избежать немаркированного прототипического пассива, помимо статива. В отличие от стативов, такие значения могут кодироваться и пассивными формами на *-ся*, поскольку обозначают ту же ситуацию, что и переходные употребления, а не её результат. В языках мира они также реже, чем стативы, отличаются от декаузативов аспектуальными показателями: например, в работе [Яковлев, Ашхамаф 1941] схожий тип усматривается в истории адыгейского языка, имеющего в настоящее время большую систему декаузативно-лабильных глаголов (тогда как стативы кодируются результатами с показателем прошедшего времени):

(134)	a.	рхаџе-т	рхе-г	ј-е-рсә
		ПЛОТНИК-ERG	ДЕРЕВО-ABS	3SG.A-DYN-ДОЛБИТЬ
		‘Плотник долбит дерево’		
	b.	рхе-г	те-рсә	

²⁹ Употребление именно датива в конструкциях такого рода не случайно: см. [Wierzbicka 1986] и [Бонч-Осмоловская 2003] о семантике датива, в частности, о кодировании дативом экспериенцера.

ДЕРЕВО-ABS DYN-ДОЛБИТЬ(СЯ)
 ‘Дерево долбится’.

Даже сейчас отдельные следы этого типа сохранились в адыгейском языке:

- (135) a. хә-г š’ә-č’е me-g_weš’ә
 ШЕСТЬ-ABS ТРИ-INS DYN-ДЕЛИТЬ
 ‘Шесть делится на три’;
- b. č’ale-m хә-г š’ә-č’е ә-g_weš’ә-в
 ПАРЕНЬ-ERG ШЕСТЬ-ABS ТРИ-INS 3SG.A-ДЕЛИТЬ-PAST
 ‘Парень разделил шесть на три’.

Так же, как и в английском, встречаются случаи нейтрализации потенциально-пассивного и декаузативного типов: в следующем примере неясно, имеется ли в виду, что дерево хорошо ломается или что агент хорошо может его сломать:

- (136) рхе-г deк_w-ew me-q_wәte
 ДРОВА-ABS ХОРОШИЙ-ADV DYN-ЛОМАТЬ(СЯ)
 ‘Дрова хорошо рубятся’.

Понятно, что если ситуация предельна и имеет чётко выраженный результат, акцент может быть и на срединной, и на результитивной фазе.

В европейских языках, за исключением английского, данный тип лабильности не распространён. Тем не менее, в немецком языке обнаруживается близкий случай – глагол *schliessen* ‘закрывать(ся)’ обнаруживает, так сказать, потенциально-декаузативную лабильность: он употребляется как непереходный преимущественно в потенциальных контекстах:

- (137) a. *Ich schoss die Tür* ‘Я закрыл дверь’;
 b. *Die Tür schliesst automatisch* ‘Дверь открывается автоматически’;
 c. **Die Tür schloss (automatisch)* ‘Дверь (автоматически) открылась’.

Хотя пример (137b) очевидно не относится к пассивам (речь идёт как раз о том, что агент в ситуации не требуется), он ближе к ним, чем к декаузативам в том, что фиксирует постоянное свойство объекта – прототипический декаузатив как раз фиксирует однократное действие.

Русские обсуждаемые в главе 4 глаголы *ловить*, *брать*, *грузить*, а также, возможно, *строить* (о гитаре) не требуют прототипического агенса (сеть ловит, например, телефон), но обозначают ситуации, неспособные обходиться без второго участника. С другой стороны, по аспектуальной структуре они близки к непереходным употреблениям и не обозначают постоянные свойства.

Если выйти за рамки канонической лабильности, к данному типу семантически близки инструментальные диатезы типа *Это средство хорошо моет*, *Мой ключ открывает любую дверь*, *Ручка хорошо пишет*. Одни из них, помимо мены субъекта, меняют свою переходность, а другие нет, но в любом случае субъект ситуации не может

действовать самостоятельно. Это естественно, если учитывать его инструментальные характеристики – сам компонент инструмента требует пассивной интерпретации. Правда, интерпретация этих случаев как лабильности проблематична: опущение объекта происходит независимо от изменения субъекта – скорее по прагматическим, чем по синтаксическим соображениям. Сам объект писания зависит от целей субъекта и никак не связан с инструментом.

Наконец, последний тип, близкий к пассиву, – лабильность так называемых «несамостоятельных действий»:

- (138) a. Der Kerl treibt das Vieh auf die Weide
 ‘Парень гонит скот на пастбище’;
 b. Der Ballon treibt südwärts
 ‘Аэростат (NOM) относит к югу’.
- (139) a. The sun radiates heat
 ‘Солнце излучает жар’;
 b. Heat radiates from the sun
 ‘Жар распространяется от солнца’.

Этот тип в наибольшей мере напоминает декаузативную лабильность – аэростат или плавательное средство может двигаться и в отсутствие агенса. Специфично само значение непереходного употребления: если бы речь шла о чистой декаузативной лабильности, немецкий глагол имел бы значение ‘гнать’/‘двигаться’, но это не так. Непереходное употребление ‘дрейфовать, плыть по воле волн’ подразумевает именно несамостоятельное действие. Парадоксальным образом, декаузатив, связанный с действием, независимым от агенса, в данном случае требует некоторого внешнего воздействия. Возможно, это связано с тем, что лабильность требует максимальной близости связываемых ситуаций: в данном случае невозможно удалить из семантики компонент несамостоятельности. В то же время ситуация осознаётся как свойство субъекта. Если бы компонента несамостоятельности не было, вероятно, обозначить ситуацию той же лексемой было бы невозможно – использовались бы глаголы типа ‘плыть’. Уже случай глагола *radiate* менее однозначен: если глагол обозначает просто распространение от центра, несущественно, что для него необходим ещё один участник.

Возможность смещения к декаузативной лабильности облегчается непрототипичностью субъекта: ни в английском, ни в немецком примере субъект неагентивен. Глагол *treiben* в переходном употреблении может иметь и агентивный, и неагентивный субъект, но непереходного употребления типа ‘стадо гонится (пастухом) на пастбище’ не возникает. Несамостоятельность пациенса, таким образом, гораздо меньше,

чем при прототипических переходных глаголах: субъект может быть отодвинут на периферию, поскольку не оказывает на субъект сознательного воздействия (заметим, что по [Haspelmath 1993] обе ситуации неспособны возникать абсолютно спонтанно). С этим же связано возникновение непереходных употреблений у глагола *грузить*. Видимо, и здесь, как и в случае middle construction, можно считать, что набор ролей участников у употреблений глагола не всегда совпадает: например, роль субъекта глагола *treiben* в переходном употреблении может быть агентивной, а в непереходном – нет. Отсюда теоретическая возможность трактовать данный тип как декаузативную лабильность с добавлением по сравнению с основным типом в семантику ситуации второго актанта (в этом смысле пассивная лабильность близка к конверсивной, где условия для варьирования также создают непрототипическая роль).

В связи с этим встаёт вопрос, как трактовать лабильность глаголов типа ‘наполнять(ся)’, ‘рождать(ся)’, ‘терять(ся)’ и т.д. С одной стороны, в непереходном употреблении ни один из них не имеет агенса, с другой, они не могут быть одновалентными (при ‘наполняться’ присутствует наполнитель, а при ‘рождаться’ – человек). В отличие от *treiben*, они и семантически не могут быть чистыми каузативами. Поэтому мы считаем, что их лабильность можно рассматривать как почти чистую декаузативную, а наличие второго актанта считать свидетельством развитой лабильности. Ср., например, агульский язык: в целом в нём развита лабильность пациентивных глаголов, о чём дополнительно свидетельствует глагол *luXas* ‘рождать(ся)’. Тем не менее, совсем чистым декаузативом ситуацию ‘рождаться’ считать нельзя: не случайно в английском языке она кодируется не непереходным употреблением лабильного глагола, а пассивом. В этом смысле она ближе к пассивам и конверсивам.

Рассмотрение пассивной лабильности сталкивается с одной проблемой: мены семантики, подобной декаузативной, не происходит – семантически актив и пассив обозначают одну ситуации. Следовательно, возрастает значение формальных – например, морфологических – критериев для её рассмотрения.

В эргативных языках с маркированием зависимых (например, в лезгинском) ни субъект, ни объект не маркируются в глаголе (в других языках маркируется только абсолютив). Следовательно, отличить лабильность от опущения субъекта невозможно: различие предложений типа ‘Его убили’ и ‘Он был убит’ отсутствует. Проще дело обстоит в вершинно-маркирующих языках: например, в адыгейском глагол в единственном числе агенса не может употребляться пассивно: значение ‘Чашка была разбита’ может выражаться именно формой множественного числа. С другой стороны,

помогают классификаторы переходности: в языках типа лимбу именно различие переходных и непереходных форм показывает, что мы имеем дело именно с лабильностью.

Интересно отметить, что лабильность в случае пассива не является пределом немаркированности: настоящий немаркированный пассив мы имеем в случае, когда он выражается просто порядком слов или опущением. При лабильности деривации всё же сопутствуют существенные грамматические изменения – мена субъекта. Гипотетически можно было бы предположить систему с такими же немаркированными деривациями, где одно опущение агенса, например, превращает глагол в декаузатив ('чашку разбили' = 'чашка разбилась'). Возможно, отчасти сюда можно отнести исландский случай, где, однако, сохранение маркирования субъекта ограничено определёнными глаголами. В эргативных языках синтаксические тесты всё равно позволяют отличить лабильность от опущения (ср., например, [Haspelmath 1993], [Kibrik 1996] о тесте на возможность конструкции «неумышленного действия»). Следовательно, лабильность в каком-то смысле является половинчатым решением проблемы, полное решение которой – отсутствие каких-либо синтаксических изменений.

Итак, мы выяснили, что чистый пассивный тип лабильности в языках мира практически не встречается. Языки используют различные механизмы, чтобы приблизить ситуацию с агентивными компонентами к декаузативной – модальные значения, результирующее состояние или полное понижение пациенса – особенно благоприятным, хотя и необязательным, условием является неагентивность субъекта переходного употребления. Ниже мы покажем, что цель этих механизмов – в том, чтобы концептуализовать ситуацию как нетождественную переходной, как свойство пациенса.

С другой стороны, важно, что если пассивная лабильность имеется, обычно она довольно продуктивна (ср. кабийский, лимбу и языки манде). Дело в том, что пассив и по месту в системе преобразований отличается от прочих рассматриваемых дериваций: он является залогом и имеет скорее словоизменительный статус. Если декаузативная или взаимная лабильность учитывают семантическое соотношение между употреблениями (в частности, степень участия агенса, тип каузации и т.д.), то пассивная лабильность, не изменяющая семантику ситуации, не принимает во внимание её семантические особенности. Исключением является только лабильность стативов – для неё необходимы особые свойства предиката, фокусирующие конечное состояние – поэтому ситуации типа 'преследовать' или 'ронять', способные образовывать пассив, не имеют стативных употреблений.

Потенциально-пассивная и стативная лабильность демонстрируют различные

способы выведения из ситуации агенса. Оказывается, что даже в ситуациях с агентивными компонентами типа ‘мыть’ агент может быть выведен из поля зрения говорящего: в этом случае внимание фокусируется на состоянии пациенса после ситуации, в которой пациент подвергался воздействию агенса.

Выше, в части 1, мы обсуждали, на каком уровне – лексем, словоформ или даже глагольных основ – стоит рассматривать лабильность. Казалось бы, пассивы не создают новых лексем, а значит, лабильные глаголы нужно считать одной лексемой; но именно наличие пассивных и стативных компонентов не позволяет с уверенностью этого сделать. В языках типа лимбу противопоставление, затрагивающее только словоизменительные типы, близко к словоизменению, но в сонгай, например, широкого класса лабильных глаголов нет. В английском лабильность очень продуктивна, но одно из употреблений выражает модальное значение, нехарактерное для словоизменительных форм. Следовательно, чисто словоизменительные оппозиции лабильностью обычно не выражаются – и это понятно: обычно за регулярной оппозицией закрепляется особый показатель (во всяком случае, грамматикализация не останавливается на промежуточном этапе – лабильностью – между отсутствием маркирования и наличием показателя).

2.1.5. Взаимная лабильность

В этой части мы рассмотрим случаи, когда одно из употреблений семантически является реципроком от другого. Все предыдущие типы лабильности в непереходном употреблении ограничивали число участников и степень их воздействия друг на друга. Напротив, реципрок подразумевает несколько полноценных действий - симметричные действия актантов друг над другом: например, *А и Б целуются* = ‘А целует Б и Б целует А’ (см. [Nedjalkov 2004] и другие работы В.П. Недялкова о выражении взаимного значения в языках мира). Тем не менее, работа [Maslova 1999] убедительно доказывает, что помимо этого, можно выделить несколько отличных от прототипа типов реципрока. Это разнообразие проистекает из множественности действий актантов взаимной ситуации, по-разному сочетающейся с разными классами глаголов. Ср., например, *Машины обгоняют друг друга* ‘Каждая машина может обгонять другую или обгоняться ей’.

Как и рефлексивы, грамматикализованные морфологические реципроки часто ограничены некоторыми группами глаголов: ср., например, русские взаимные дериваты на -ся, образующиеся от очень небольшой группы: *целоваться, обниматься, держаться за руки, ругаться* и т.д. С другой стороны, во всех языках мира есть средства выражения взаимного значения, правда, часто они совпадают с рефлексивными или слабо грамматикализованными. В работах [Nedjalkov в печати], [McGregor 1999] показано, что

Немаркированные реципроки встречаются в языках мира редко. Это требует отдельного объяснения: если считать, что распространённость лабильности напрямую связана с маркированием, то оказывается, что реципрок маркируется не чаще рефлексива. Более того, в одном и том же языке рефлексивный показатель может быть более грамматикализован, чем реципрокальный. Это облегчается сложной структурой реципрокальных показателей – ср., например, русские показатели *-ся* и реципрокальный *друг друга*.

(140) *I kissed Mary* ‘Я поцеловал Мэри’ — *We kissed in the café*. ‘Мы целовались в кафе’;
 (141) *I met my wife in London* ‘Я встретил свою жену в Лондоне’ — *We met* ‘Мы встретились’.
 (142) *I touched her hand* ‘Я дотронулся до её руки’ — *Two spheres touch* ‘Две сферы соприкасаются.’

- (143) a. t-atala:qa: al-juhu:d-u huku:miyyat-u wa al-ahliyyat-u
3F-встретить.SG DEF-усилия-NOM DEF-правительственный-NOM и DEF-народный-NOM
‘Правительство и народ прилагают усилия для одной цели’ (буквально ‘Усилия правительства и народа встречаются’).
- b. y-atala:qa:-hu fi: yawm-i as-sabt-i
3M-встретить.SG-3SGM в день-GEN DEF-суббота-GEN
‘Он встретится с ней в субботу’.

Арабские глаголы даже в переходном употреблении не могут означать ‘встречать’ – значение всё равно симметрично. Это напоминает лабильность хакасских рефлексивных глаголов.

(144) a. *Jill met with Sarah* ‘Джилл встрети́лась с Сарой’;
b. *Jill met Sarah* ‘Джилл встрети́ла Са́ру’.

168

участников (ср. рус. *Я встретился с другом на улице*), но синтаксически асимметрична (discontinious reciprocal в терминах [Nedjalkov в печати]). Напротив, вторая концептуализует одного из участников как агенса, а другого – как пациенса. Такая же вариативность проявляется у глаголов *iltaqa:* и *tala:qa:* — второй из них чаще управляет предложной группой, чем прямым объектом. Вариативность симметричного и асимметричного реципрока встречается во многих языках, для которых собственно лабильность нехарактерна. Ср., например, наличие симметричных и асимметричных употреблений у практически всех русских глаголов, управляющих группой с предлогом *с* (*Я подрался с Петей – Мы подрались, Я поцеловался с Машей – Мы поцеловались*).

Промежуточный случай представляют реципроки в австронезийских языках: взаимность маркируется сменой типа глагола на непереходный, ср., например, маркирование пассивной лабильности в лимбу.

Среди лабильных реципроков имеются только собственно взаимные употребления, но они делятся на два класса (хотя оба класса входят в тип «inherent reciprocals» по [Kemmer 1993]). В одном классе ('целовать(ся)', 'обнимать(ся)') взаимное употребление отличимо от переходного: например, если А целует В, из этого автоматически не вытекает, что В также целует А. Тем не менее этот случай очень прототипичен – в этом смысле данный класс похож на глаголы «ухода за телом» в сфере рефлексива. Напротив, во втором классе ('касаться', 'встречать(ся)') ситуация всегда взаимна. Если А встретил В, то верно также, что В встретил А, тем более так обстоит дело для стативных ситуаций типа 'касаться'. В этой связи случаи типа *touch* можно считать чисто синтаксической вариативностью. Интересно, что среди рефлексивов таких случаев нет: переходное и непереходное употребления обязательно различаются по семантике. Возможно, это связано с меньшей агентивностью реципроков: по сути, даже ситуация 'встретить' не подразумевает активных действий ни одного из участников. Если рефлексивы обычно подразумевают агентивного субъекта (непрототипическое воздействие на себя требует сознательного субъекта), то реципрок такого не требует – ситуация не включает ни одного непрототипического действия.

С уверенностью объяснить редкость реципрокальной лабильности невозможно, но кажется, что это связано со сложностью реципрокальных отношений. Во-первых, рефлексивное значение может происходить просто из антипассива – для реципрока такое не наблюдается, так как требуется достраивание действия другого актанта. Во-вторых, даже если не говорить об опущении, видимо, лабильность, как правило, вообще не связывает между собой сложно соотносящиеся диатезы. В-третьих, взаимная лабильность не склонна смешиваться с декаузативной: существуют рефлексивы типа 'купаться' или

глаголы движения, близкие и к рефлексивам, и к декаузативам, но таких реципроков не существует. Наконец, в-четвёртых, для многих семантических реципроков типа ‘встретить(ся)’ и в невзаимном употреблении характерна непреходная модель управления. Наличие большого класса лабильных реципроков в английском языке, скорее всего, доказывает, что для этого языка – в этом случае для некоторых глаголов доступна реципрокальная интерпретация.

2.1.6. Варьирование личной и безличной диатез

В работах по лабильности часто рассматривается случай, когда глагол в одном употреблении имеет больше актантов, чем в другом. Мы показали, что это не всегда так: например, при конверсивной лабильности оба употребления имеют по два актанта, хотя один из них может иметь периферийную синтаксическую роль, на семантическом уровне оба употребления пассивно-лабильного глагола также часто двухвалентны.

В этой части мы рассмотрим тип, который чаще всего не причисляется к лабильности, поскольку оба употребления глагола имеют по одному актанту – это варьирование личной и безличной диатез у одного и того же глагола (безличными также считаются употребления с эксплетивами в качестве субъекта, например, в английском или немецком языке).

В русском языке глагол *штормить* часто используется без выраженных актантов: например, *Сегодня штормит*, – но в случае выражения актанта он колеблется между аккумулятивом и номинативом:

(145) *Океан штормил, наступая на сушу — С утра ветер усилился, океан штормило.*

В переносном значении (‘быть пьяным’) глагол управляет аккумулятивом.

Такую же вариативность проявляет ещё несколько русских глаголов (как правило, они относятся к разговорному языку): *саднить*, *глючить*, *заест*, *заклинить*:

(146) *Кожу саднило — Кожа саднила;*

(147) *Замок заел — Замок заело.*

(148) *Компьютер глючит* (‘Компьютер странным образом себя ведёт’).

В исландском языке глагол, судя по [Andrews 2001], глагол *rak* ‘нести/дрейфовать’ может управлять номинативным или аккумулятивным субъектом:

(149)	Bátin/Baturinn	rak	a	land
	лодка:ACC/NOM	дрейфовать:PAST	к	берег
	‘Лодку несло к берегу’;			

Ср. похожий по семантике немецкий глагол *treiben*, также лабильный, но имеющий только личную диатезу. Такую же вариативность проявляет и глагол ‘ломать’. Кроме того, в исландском языке есть большой класс глаголов, управляющих только

аккузативным субъектом. Различие между диатезами с аккузативным и с номинативным субъектом не ясно.

В немецком языке группа глаголов состояния человека типа *frieren* ‘мёрзнуть’, *dürsten* ‘хотеть пить’, *hungern* ‘быть голодным’ также проявляет вариативность.

(150) *Mich hungert* ‘Мне хочется есть’ — *Sie hungern nach liebe* ‘Они тоскуют по любви’;

(151) *Mich dürstet* ‘Мне хочется пить’ — *Wir dürsten nach Wissen* ‘Мы жаждем знаний’;

(152) *Ich friere* ‘Я мёрзну’ — *Es friert draussen* ‘На дворе мороз’.

При этом в работе [Haspelmath 2001] отмечается, что для языков средневропейского стандарта обычна мена от безличной диатезы к личной (для исландского аналогичные тенденции отмечались в [Barðdal, Eythórsson в печати]). Следовательно, возможно, более старыми следует считать безличные употребления. При этом ни один из этих глаголов невозможен с личным субъектом:

(153) **Er friert mich* ‘Он меня замораживает’.

Если бы такие предложения были возможны, мы бы могли считать безличную модель вариантом каузативной со значением ‘некоторые внешние условия вызывают состояние’. Оказывается, что варьирование далеко отстоит от лабильности.

Синтаксически такая вариативность отвечает нашему определению лабильности в том, что субъект конструкции меняется – по крайней мере, если судить по маркированию. Правда, на самом деле оказывается, что аккузативные группы при глаголах обладают не меньшими свойствами, чем номинативные (например, в [Andrews 2001] доказывалось, что в исландском дело обстоит именно так. Аккузативный актант (‘лодка’) проявляет субъектные свойства в обоих употреблениях. Вряд ли можно рассматривать аккузативные варианты как переходные – прототипически переходные глагол имеет не только пациенс, но и агенс. Скорее аккузативное употребление связано с неаккузативностью глагола. Среди типов лабильности ближе всего к данному конверсивный: ситуация также не содержит прототипического агенса, а количество актантов при обоих употреблениях одинаково. Тем не менее, важно, что происходят эти глаголы часто от каузативов (например, *заклинить*, *заесть*, *саднить*, и в современном языке иногда допускающие каузативные употребления: *Это воспоминание до сих пор саднит душу*). Как показывают эти примеры, такая вариативность может служить одним из этапов возникновения канонической лабильности: в словарях фиксируется только личная каузативная и безличная диатезы, а в современном языке – ещё и личная некаузативная.

Часто при данном типе лабильности актант либо не выражается вообще (как при *штормить*), либо именительный и винительный падежи у него совпадают (ср., например, *море штормит*, допускающее обе трактовки). Таким образом, помимо семантической

поддержки в виде неаккузативности предиката, появляется морфологическая.

Своеобразный случай такого варьирования имеется в адыгейском языке, где мы не ожидаем найти её (как правило, ни один адыгейский глагол не может не иметь абсолютного актанта, то есть одновалентная диатеза без субъекта невозможна). В некоторых случаях идиоматизированные глаголы, часто с инверсивным префиксом, тем не менее, приводят к вариативности (см. [Керашева 2005]):

- (154) psə-r/psə-m q-je-č'ə-ž'ə
 ВОДА-ABS/ВОДА-ERG INV-DYN-ВЫХОДИТЬ-RFC
 'Вода спадает'.

В некоторых случаях типа немецкого такая вариативность отражает более общие тенденции – одно употребление принадлежит к более позднему этапу развитию языка. Но в случаях типа *саднить* такой асимметрии нет – видимо, вариативность связана просто с противоречием между тенденцией к личным конструкциям и исходной моделью управления.

2.1.7. Заключение. Распределение диатетических типов лабильности

Итак, мы рассмотрели диатетические типы лабильности. Если говорить о распространённости типов, то, следует расположить их в следующем порядке:

декаузатив > рефлексив > конверсив > реципрок, несамостоятельное действие

Заметим, что в типах лабильности наблюдается определённое противоречие, снять которое не позволяет подход работы [Haspelmath 1993]. С одной стороны, выше было показано, что лабильность тесно связана с общностью ситуаций – она появляется, если они настолько близки, что могут считаться вариантами одной. С другой стороны, М. Хаспельмат предлагает ограничение, которое выдерживается в большинстве языков (хотя не во всех: ср. бамана, кабийский и др.): лабильность проявляют обычно глаголы, обозначающие ситуации, которые способны происходить самопроизвольно. Например, глагол *wash* 'мыть', в противоречие *clean* 'очищать' не лабилен.

Таким образом, лабильностью обслуживаются декаузативные пары, но редко – пары «актив/пассив». Однако семантически декаузатив значительно сильнее отличается от каузатива, чем пассивная диатеза от активной и в меньшей степени соответствует природе лабильности. Чем же объясняется такое противоречие?

Вероятно, дело в том, что лабильность должна соотносить две близких, но не тождественных денотативно ситуации. В частности, в случаях типа 'жарить(ся)' непереходное употребление подразумевает наличие агенса-инициатора, но не акцентирует на нём внимание – скорее в фокусе находится изменение состояние пациента: 'находясь в посуде определённого типа, изменяться определённым образом'.

Аналогично, английские потенциально-пассивные конструкции типа *This book reads well* или сонгайские ‘погребать/быть погребённым’ требуют наличия агенса, который читает книгу, но ситуация концептуализуется как постоянное свойство пациенса.

Нужно учитывать, что лабильность требует не только **близости** соотносимых ситуаций, но и лексикализации каждой из них. Общий принцип «непрототипическое соотношение актантов маркируется» в данном случае недостаточен: можно было бы говорить о нулевом маркировании. Скорее важно, что непрототипическое соотношение типа *The book reads well* требует веской мотивации для лексикализации. Для прототипических пассивов такой мотивации нет.

Обычно, если требуется выразить смысл типа ‘дом находится в состоянии «строиться», но неважно, кто его строит’, используется либо пассив, либо другой тип немаркированного преобразования – опущение агенса – ср. нулевые лексемы $\emptyset$ _{люди} и $\emptyset$ _{стихии} в терминах И.А. Мельчука:

(155) *Его убили;*

(156) *Его засыпало песком.*

Данные примеры ещё раз показывают связь между лабильностью и изменением субъекта. Если о новой ситуации речи не идёт (агенса сохраняется, но находится не в фокусе), то субъект также остаётся прежним, чтобы не создавать дополнительного несоответствия между ролями актантов и синтаксическими рангами, не связанного с семантикой ситуации (во всяком случае, пациенс не получает полного набора субъектных свойств – не меняет падежного маркирования). В эргативных языках опущение субъекта близко к пассиву, поскольку падеж пациенса переходного глагола и субъекта непереходного глагола совпадают, но перестройки коммуникативной структуры, перехода пациенса на место субъекта при этом также не происходит.

Причиной того, что лабильными всё же могут быть безагенсные, но не агентивные пассивы, возможно, является не только требование различия между ситуациями, но и проиллюстрированная ниже связь лабильности с опущением. Отмеченная в работе [Grimshaw 1990] тенденция маркировать непрототипические соотношения не даёт удовлетворительного объяснения – случаи типа *This book reads well (for me)* уже являются непрототипическими, кроме того, при направлении лабильности от переходной модели к непереходной мы бы фактически имели дело с нулевым маркированием пассива. Поскольку лабильность часто проходит через фазу опущения (видимо, изначально обусловленного дискурсивными причинами), прототипический пассив, в котором выражен агент ситуации, возникнуть не может – количество участников, как правило,

меняется. В фокусе тем самым находится оставшийся выраженный актант (при этом возможно возникновение непрототипического пассива, где агенс не выражен). Правда, как говорилось выше, при глаголах эмоций могут сохраняться оба участника, но и о противопоставлении агенса и пациенса речи там не идёт – оба участника имеют и агентивные, и пациентивные свойства, лабильность связана именно с неоднозначностью трактовки. Интересно, что в языках, где важно противопоставление топики и фокуса (бамана) возникновение пассива возможно. Следовательно, условие **самопроизвольности** является всё же слишком сильным – оно выдерживается только для прототипически переходных глаголов, причём для непереходных инхоативов (но неприемлемо для стативов). Семантические характеристики влияют на лабильность только опосредованно – через близость ситуаций и, с другой стороны, возможность фокусирования компонентов.

Таким образом, оказывается, что если грамматикализация какого-либо преобразования требует просто его важности для данного языка, то лексикализация не затрагивает случаи, где меняется, прежде всего, коммуникативная структура, но не меняется семантика ситуации. Возможно, это связано ещё и с тем, что изменения коммуникативной структуры очень часто выражаются разнообразными неграмматическими средствами. Лабильность как бы балансирует между случаями, когда различие между употреблениями столь значительно, что нуждается в маркировками, и такими, когда различия фактически нет, и двух употреблений не требуется. Близость ситуаций, обозначаемых двумя употреблениями декаузативно-лабильного глагола, может возникать по разным причинам: из-за выделенности одного из участников (прототипического пациенса); из-за неполноценности агенса, не контролирующего всю ситуацию при переходном употреблении. В частности, при пассиве, как было показано, мена может обозначаться порядком слов или другими несинтаксическими преобразованиями.

Даже условие разграничиваемости двух употреблений не позволяет объяснить все типы лабильности: например, пара ‘гореть/жечь (об огне)’ ему не удовлетворяет – и в той, и в другой ситуации неизбежно присутствует огонь, следовательно, денотативно они не различаются. В частности, каузативное употребление может и не быть переходным: ср. адыгейский глагол *stəp* ‘гореть в (огне)’, обычно считающийся переходным. Напротив, употребление ‘жечь’ с субъектом-агенсом обязано быть переходным – и семантически также сильнее отличается от декаузативного. Аналогичным образом, пары вида ‘встретить/встретиться’ обозначают две тождественных ситуации. По-видимому, в этих

случаях важны коммуникативные характеристики участников: например, предложение *Италия граничит с Францией* акцентирует внимание на свойствах Италии, а *Италия и Франция граничат* – на свойствах обеих стран (например, последнее предложение странно употреблять при описании Италии). Фактически первое предложение ничего не говорит о том, граничит ли Франция с Италией. В отличие от пассива, здесь конструкции различаются коммуникативным рангом целой подситуации, а не относительными рангами её участников – поэтому и возможна лабильность.

В преобладании декаузативного типа отражается и его широкая сочетаемость с ситуациями. Например, ни один из типов не требует агентивного субъекта. При конверсивной лабильности по крайней мере один из участников – экспериенцер – должен быть одушевлён. Рефлексивная лабильность, как правило, требует агентивного или, по крайней мере, одушевлённого субъекта. Реципрокальная лабильность, как говорилось выше, с агентивностью напрямую не связана, но при неагентивных неодушевлённых субъектах ситуациях должна быть стативной. Не ограничена классом участников пассивная лабильность, но она редка по другим причинам, связанным со свободой образования пассива.

Такая сочетаемость обуславливает различия между декаузативной лабильностью в разных языках – её подтипы по объёму сопоставимы с рефлексивным, реципрокальным и конверсивным типами и так же, как они, связаны с семантикой глагола. Наряду с классификацией по диатетическим типам, возможна семантическая классификация, где классами одного уровня будут глаголы сильного воздействия, глаголы с агенсом-инициатором, глаголы движения и, с другой стороны, рефлексивные глаголы «ухода за телом» или ингерентные реципроки. Хотя, как показано в [Лютикова 2002a], диатетическая классификация точнее, семантическая лучше отражает взаимоотношения подклассов. Все классы, кроме декаузативного, имеют ярко выраженное ядро, поскольку в своих непереходных употреблениях задевают по умолчанию непрототипические ситуации. Напротив, при декаузативной лабильности обе ситуации прототипичны – разница только в том, какой признак в данном языке является решающим. Собственно, лабильность помогает выявить эту ядерную группу – в отличие от показателей, она непродуктивна и мало подвержена выравниванию по аналогии.

С другой стороны, в соотношении рефлексивного и реципрокального типов класс актантов несуществен: хотя реципрокальный тип сочетается с более широким классом ситуаций, чем рефлексивный, распространён он меньше.

При стативном типе лабильности варьирование обусловлено другим фактором, нежели при декаузативном: непереходное употребление обозначает фазу ситуации, где

агенса уже не играет роли. Тем самым, выделяется состояние пациенса, что делает возможным лабильность глаголов, для которых в соответствии с выводами работы [Haspelmath 1993] лабильность нехарактерна: глаголов с агентивными компонентами.

Особое положение занимает конверсивный тип: будучи по соотношению ситуаций близок к декаузативному, он возникает на совершенно иных основаниях. Главный фактор лабильности – не близость ситуаций и выделенность одного из участников (как в случае декаузативной лабильности), а неоднозначность ролей участников (также эту особенность разделяет взаимный подтип *touch* ‘граничить’).

Если рассматривать лабильность как немаркированную деривацию, частота декаузативов и их неоднородность могут быть связаны с неоднородностью направления деривации: естественно предположить наличие «каузативов» и «декаузативов» (см. ниже о направлении немаркированной деривации). Правда, уже было показано, что каузативная зона редко проявляет лабильность и вряд ли вносит существенный вклад в частоту этого типа в собственно лабильности. Хотя в русском, македонском и других языках имеются окказиональные каузативы типа *Надо Васю поужинать* ‘Покормить ужином’, только малая часть из них входят в словарь на правах полноценных употреблений. Ниже на примерах глаголов движения, мы покажем, что даже для зоны маркированных каузативов при лабильности первичным является часто **переходное** употребление.

Наконец, возможно, играет роль различие в системах маркирования рефлексива и декаузатива, о которой речь пойдёт ниже: языков без показателей рефлексива, по-видимому, практически не существует, а значит, рефлексивная лабильность никогда не является единственным механизмом выражения данного значения.

Степень распространённости типов показывает, что немаркированной редко бывает **корреферентность** участников (ср. редкость рефлексивной и реципрокальной лабильности). Заметим, что и при рефлексивной лабильности источником может быть опущение возвратного местоимения, то есть лабильность больше связана с опущением, чем с обозначением корреферентности участников. Отметим, впрочем, что само наличие рефлексивной лабильности в эргативных языках – не в меньшей мере, чем в аккумулятивных – опровергает заключение В. Дроссарда ([Drossard 1998]) о том, что А-лабильность наиболее характерна для аккумулятивных языков (рефлексивная лабильность традиционно считается подтипом А-лабильности).

Тип, условно названный декаузативным, часто далек от прототипов декаузатива и прочих дериваций. Это показывает хотя бы распространённость лабильных глаголов движения и фазы. Часто, как будет показано, лабильность возникает именно тогда, когда

некоторая зона не является ядерной ни для одного показателя деривации. Следовательно, говоря о декаузативном типе лабильности, мы не имеем права считать, что он заменяет собой показатель декаузатива. Реципрокальная лабильность типа арабского *iltaqa*: возникает у, так сказать, вырожденных реципроков. Конверсивная лабильность вообще часто не конкурирует ни с одним показателем деривации или конкурирует с разными.

Ключевыми параметрами, релевантными для лабильности указанных диатетических типов, таким образом, являются (1) роли актантов (причём лабильность во многих случаях облегчает не прототипическое соотношение «агенса/пациенса», а отклонения от него), (2) степень затронутости актантов, (3) аспектуальные характеристики глагола (4) особые способы фокусирования компонентов семантики и (5) прототипичность ситуации, её концептуализованность. Ниже мы рассмотрим влияние на лабильность лексической семантики глагола.

Из-за отсутствия маркирования типы лабильных глаголов размываются – мы не имеем средств выяснить, к какому типу ближе пара ‘двигать(ся)’. Отчасти решают проблему свойства актантов, но в действительности это смешение даже полезно, потому что позволяет выяснить промежуточные классы ситуаций.

В частности, при наличии показателя можно с уверенностью говорить, что некие дериваты составляют один класс – при лабильности не обязательно усматривать хотя бы какую-нибудь общность между, например, рефлексивным и декаузативным типами. Вопрос о допустимости семантического картирования для лабильности остаётся открытым. Впрочем, внутри декаузативного типа на него можно ответить положительно – хотя бы в том смысле, что один из типов возникает явно раньше другого. Однако если у деривативных показателей типа каузативного или декаузативного развитие приводит к возникновению новых значений (пассива из рефлексива, интенсива из декаузатива), то типы лабильности часто замкнуты: даже очень большой класс декаузативных глаголов не обязательно перейдёт ещё и в рефлексивный. В языках типа французского, где лабильны и глаголы с непрототипическим пациенсом, и автокаузативные глаголы движения, это следует интерпретировать не как последовательное развитие, а как правило, требующее определённых свойств лабильных глаголов – обе группы в равной мере ему удовлетворяют.

Отметим, наконец, что распределение по частоте классов лабильных глаголов явно отличается от распределения показателей залога и актантной деривации. В частности, маркированный пассив, в отличие от немаркированного, совсем не редок в языках мира. Напротив, декаузативные и каузативные показатели не превосходят по частоте рефлексивные и взаимные – во всяком случае, так же значительно, как декаузативный тип

лабильности превосходит все остальные.

2.2. Семантические типы лабильных глаголов

Выше мы рассматривали лабильность в связи с типами соотношения между моделями управления, то есть как немаркированную актантную деривацию. Продуктивные показатели деривации, не ограниченные каким-либо классом глаголов, естественно классифицировать именно по тому, как они преобразуют структуру глагола. Конечно, в языках мира встречаются и непродуктивные показатели деривации, связанные с некоторым классом (прототипически переходными глаголами, ингерентными реципроками и рефлексивами и т.д.), но они обычно рассматриваются как периферия грамматической системы. К примеру, в русском языке явно периферийно взаимное употребление возвратного показателя – продуктивным показателем взаимности является *друг друга*.

С другой стороны, в статьях сборника [Shibatani 2002] показано, что такой подход не всегда точен: поскольку, например, каузативное отношение очень многообразно, естественно, что многие языки делят его на несколько подтипов: например, контактная vs. дистантная каузация, - и обозначают разделение с помощью показателей. Возможно, непродуктивные показатели в таких системах не периферийны, а обозначают более мелкие подтипы некоторой деривации. Часто непродуктивность показателя позволяет выделить класс прототипических для данной деривации ситуаций – ср. выделение *inherent reciprocals* в [Kemmer 1980], пассивов в [Shibatani 1998] или декаузативов в [Kulikov 1998]. Новые работы показали, что подход к деривации как к простому соотношению структур неточен: реально очень часто данное соотношение грамматикализуется только при определённых семантических условиях, несводимых к определению деривации (строго говоря, никакое синтаксическое свойство пассива не мешает образовать пассив типа *был увиден* или *был почувян*, реально не образующихся или не засвидетельствованных в текстах).

Ещё более обоснован данный подход в случае лабильности: как было показано выше, совпадение переходного и непереходного употреблений требует особых условий, и чаще всего они выполняются у небольшого класса глаголов. Даже рассмотренные выше случаи можно связать с семантикой глагола: например, в эргативных кавказских языках, для которых характерна декаузативная лабильность, чаще всего она наблюдается у прототипически переходных деструктивных глаголов, то есть у достаточно узкой семантической группы. Кроме того, фактически семантическую мотивацию можно усмотреть у конверсивно-лабильных глаголов. Эти предикаты допускают двоякий подход: с одной стороны, можно говорить просто о лабильности декаузативов (которая,

соответственно, распространяется, начиная с прототипических декаузативов), а с другой – о семантически обусловленной лабильности. Для языков с развитой лабильностью (например, для аварского) пригоден только первый подход: стоит говорить о **деривационно мотивированной лабильностью** (не маркируется определённое соотношение между моделями управления предикатов).

В этой части мы рассмотрим случаи, которые ещё сильнее обусловлены семантикой. Это происходит, когда либо некоторый класс глаголов проявляет лабильность в некотором языке, для которого другие типы варьирования нехарактерны, либо типологически данный тип значительно опережает другие, относящиеся к тому же диатетическому классу. Выше мы уже говорили, что шкала самопроизвольности непригодна для некоторых языков – в частности, это связано с тем, что её действие перекрывается семантическими факторами.

2.2.1. Лабильность глаголов движения

Глаголы движения как особый класс рассматривались во многих работах. Ещё в классической работе [Jespersen 1924] привлекалось внимание к так называемому классу глаголов движения и изменения, которые в английском часто проявляют лабильность. В действительности легко показать, что эти глаголы сильно отличаются от прототипически переходных глаголов типа ‘ломать’.

Как показывает английский язык [Levin, Rappaport Hovav 1995], различные группы глаголов движения проявляют разные свойства. Это показывает, что одни из них попадают в класс неэргативных глаголов, а другие — в класс неаккузативных. Так, глагол *jump* ‘прыгать’ является неэргативным глаголом, поскольку его причастие прошедшего времени не допускает адъективизации, которую допускают причастия прошедшего времени аккузативных глаголов:

- a) *Frozen lake* ‘замёрзшее озеро’, *wilted flowers* ‘увядшие цветы’, *withered leaves* ‘опавшие листья’ (неаккузативные глаголы);
- b) **Jumped child* ‘прыгнувший ребёнок’, **Slept woman* ‘поспавшая женщина’, **Worked man* ‘поработавший мужчина’ (неэргативные глаголы).

С другой стороны, как показано в работе [Burzio 1986], глагол *arrive* ‘прибыть’, в отличие от *jump*, является неаккузативным, поскольку от него не образуется имя деятеля или инструмента на *-er*:

- a) *Jumper, singer, teacher*;
- b) **Dier*, **arriver*, **vanisher*.

В то же время исследователями отмечалось, что деление глаголов движения, и вообще английских глаголов, на неэргативные и неаккузативные не всегда бывает

строгим. В частности, тест на возможность/невозможность употребления глагола в каузативном значении не всегда даёт те же результаты, что и другие тесты на неаккузативность/неэргативность. Именно глаголы движения ведут себя по-разному в разных тестах.

Некоторые несоответствия обсуждались в работе [Cetnarowska 2002: 6-9]. В частности, глаголы класса «inherently directed motion» (*arrive* ‘прибывать’, *vanish* ‘исчезать’, *disappear* ‘исчезать’) в большинстве тестов ведут себя как неаккузативные, однако, в отличие от большинства неаккузативных глаголов, не могут употребляться как каузативы:

(157) **They are going to disappear him* ‘Они хотят его исчезнуть’;

(158) **The train arrived us to the city* ‘Поезд прибыл нас в город’.

Также эта группа проблематична для теории проторолей ([Dowty 1991] и др.): их субъект имеет и агентивные, и пациентивные свойства: с одной стороны, при глаголах типа *идти*, *лететь*, *плыть* он обладает контролем над ситуацией, с другой – как пациент, подвергается в ходе неё изменениям. Впрочем, эти изменения всё равно не столь значительны, как в ситуациях ‘ломаться’ или ‘умирать’: как правило, они могут впоследствии быть отменены и не противоречат природе пациента. Более того, в отличие от ситуаций типа ‘наполнять’, результатом ситуации не всегда является новое свойство или состояние пациента (хотя бы и отменяемое) – если при глаголе *arrive* результат состоит в нахождении субъекта на новом месте, то при неопредельных процессах *go* или *ехать* никакой результат не накапливается (собственно, сама по себе неопредельность глаголов движения – отклонение от прототипа переходности по [Hopper, Thompson 1980]).

Неоднородность глаголов движения отражается в некоторых языках в выборе декаузативного или рефлексивного аффикса: к примеру, в тюркских языках глагол ‘подниматься’ принимает возвратный аффикс в значении ‘подниматься по лестнице’ и декаузативный в значении ‘подниматься об облаках’.

Соотношение двух употреблений глагола движения также отличается от стандартного декаузативного или рефлексивного: не случайно в работе [Geniušienė 1987] введено специальное понятие автокаузативной деривации (*поднять/подняться*, *согнуть/согнуться*) (при этом прототипический рефлексив от глаголов движения типа ‘поднять себя’ чаще всего вообще бессмыслен – при каузации движения воздействовать в привычном смысле слова агенс может только на внешний пациент). Производным может быть как переходное, так и непереходное употребление. С этой точки зрения некоторые глаголы движения сближаются с правым, а некоторые – с левым концом шкалы, при этом,

поскольку обозначаемое ими воздействие не ведёт к разрушению объекта, все обозначаемые ими ситуации могут возникнуть самопроизвольно.

Семантически глаголы движения могут быть разделены на такие классы, как глаголы поступательного и другого движения, моторно-кратные (*идти*) и некратные (*ходить*), глаголы способа движения (*плавать, летать*) и не фиксирующие способ. Могут фиксироваться среда движения, траектория, наличие транспортного средства или скорость. В зависимости от этого склонность к лабильности также варьирует.

В выборке [Haspelmath 1993] отражены следующие ситуации движения: ‘качать(ся)’, ‘повернуть(ся)’, ‘катить(ся)’, ‘поднять(ся)’. По данным 21 языка они не слишком склонны к лабильности: ‘катить’ лабилен в трёх языках, остальные проявляют лабильность даже реже. Но более подробное исследование показывает, что лабильность этих глаголов весьма значима: часто она не выводима из общих свойств системы языка.

С одной стороны, даже в языках, имеющих большое количество лабильных глаголов, типа адыгейского, глаголы движения могут не проявлять вариативности: в частности, в адыгейском практически нет лабильных глаголов движения, кроме агентивного глагола *jəhən* ‘входить, вносить’³⁰ (вне класса глаголов движения лабильность характерна как раз для несамопроизвольных ситуаций). Отсутствие этих глаголов естественно, поскольку класс глаголов движения не содержит в такой же мере несамопроизвольных ситуаций, как, например, ‘мять’. Такие случаи, впрочем, немногочисленны. Тривиальным образом не имеют таких глаголов некоторые языки с прототипически переходной лабильностью (лезгинский, южноамериканские). С другой стороны, эргативные языки, отклоняющиеся от прототипа, имеют лабильные глаголы движения: ср. агульский, ядро которого составляют глаголы разрушения, и годоберинский, имеющий 11 лабильных глаголов, из которых два – глаголы движения (существенно, что прототипических глаголов разрушения типа ‘разбить(ся)’ этот класс не содержит).

Гораздо более интересны случаи, когда глаголы движения более лабильны, чем остальные группы. К ним, прежде всего, относятся, русский, древнегреческий и отчасти польский языки³¹ – системы, не имеющие прототипически переходных лабильных глаголов. В древнегреческом языке, в отличие от новогреческого, глаголы движения составляют больше половины лабильного класса – причём употребления глагола могут соотноситься по-разному (см. об этом ниже).

³⁰ Впрочем, в работе [Берсиров 2000] глаголы ‘входить’ и ‘вносить’ считаются не родственными.

³¹ См. также [Недялков, Князев 1985], где показано, что для славянских языков в целом довольно характерна лабильность глаголов движения.

Рассмотрим подробнее русскую систему лабильных глаголов движения. В целом для русского языка лабильность не слишком характерна (например, фазовые глаголы, в отличие от болгарского языка, не лабильны), но глаголы движения часто проявляют вариативность (ср. *двинуть*, *сгонять*, *погнать*, *гонять*, *повернуть*, *свернуть*, *завернуть*, *катить*, *кружить*, *мчать*, возможно, *припустить* и т.д.):

(159) *Ветер кружит листья – Над улицей кружит лист.*

(160) *Он припустил лошадей – Он припустил во весь опор.*

При этом их свойства могут быть разными.

В частности, пациенс переходного употребления может быть одушевлённым (*сгонять* или *погнать*) или неодушевлённым (*катить*). Однако, как уже говорилось, в непереходном употреблении происходит унификация, субъекты становятся агентивными (сюда же можно отнести субъекты-виды транспорта: *по улице катила машина*). Глагол *повернуть*, в переходном употреблении обозначающий смену ориентации в пространстве, в непереходном может передавать только смену направления – таким образом, даже глаголы, не обозначающие поступательное движение, втягиваются в это поле (ещё ярче в этом смысле случаи *свернуть* и *завернуть*). Следовательно, русские глаголы движения не имеют большого смысла описывать как представителей некоторого диатетического типа: они сильно отличаются и от декаузативного (*катить* ≠ ‘заставлять катить’), и от автокаузативного класса (соотношение между употреблениями *катить* или *повернуть* не такое, как, скажем, между ‘поднимать’ и ‘подниматься’ – для ситуации ‘катить’ автокаузативизация вообще невозможна). Исключение составляет глагол *кружить*, способный иметь неодушевлённый субъект в непереходном употреблении (*Листья кружат над улицей*) – интересно, что и в этом случае подразумевается компонент поступательного движения (ср. невозможное *Волчок кружит* и возможное *Мы кружили по району*, где собственно круговая траектория не подразумевается³²). Глагол *сгонять*, исходно, видимо, переходный, сейчас чаще употребляется как непереходный (предложение *Мы сгоняли его за пивом* признаётся правильным не всеми информантами). При этом поступательное движение, видимо, связывается с агентивностью больше, чем изменение ориентации (ср. *повернуть* vs. *повернуться*), хотя в обоих случаях субъект агентивен – возможно, более значимо, что изменение ориентации ближе к каноническому автокаузативному значению и скорее может кодироваться производным глаголом.

Непрототипическое направление преобразования отличает глаголы движения от декаузативных и сближает их с рефлексивными, где агентивное непереходное

³² Наличие не синонимичных конструкций с возвратным и с немаркированным глаголом

употребление вторично. Тем не менее, некоторые случаи не имеют аналога среди немаркированных дериваций: глагол ‘бежать’ или ‘сбегать’ крайне редко произведен от ‘гнать’ с помощью декаузативного показателя – в отличие от глаголов направления или приближения (ср. *приблизиться*, *подняться*) – это естественно, поскольку ‘гнать’ является практически чистым каузативом от самопроизвольной ситуации. Это ещё раз подтверждает, что лабильность является скорее опущением, чем добавлением актантов (напомним, что сами ситуации на шкале самопроизвольности прототипически кодируются декаузативами чаще, чем многие ситуации вне неё). Возможно, преобразования такого рода задействуют опущения вида транспорта – сначала он выражается прямым объектом, затем его статус понижается, но в семантике ситуации он присутствует (*гнать/гонять на машине*), а затем исчезает из семантики (*Куда ты гонишь?*) (ниже мы подробнее рассмотрим пути возникновения лабильности). Интересно, что и сейчас эти глаголы в разной мере связаны с транспортным средством: предложение (169), по мнению большинства носителей, означает именно ‘я ездил по городу’:

(161) *Я весь день гонял по городу,*

хотя иногда признаётся и значение ‘бегал’. Для глагола *гнать* транспортное средство даже обязательно. Глаголы *погнать* и *сгонять* утрачивают это ограничение, обозначая любой тип движения:

(162) *Мы сгоняли его за пивом – Мы сгоняли за пивом.*

(163) *Полицейские погнали его к окраине города – Погнали в кино! ‘Побежали’.*

Во французском и немецком языках лабильность также может затрагивать пару ‘гнать/бежать’:

(164) а. *Der Wind jagt die Wolken* ‘Ветер гонит облака’;

б. *Die Wolken jagen am Himmel* ‘Облака несутся по небу’.

Следовательно, пары, лабильные во многих языках (типа ‘гнать/бежать’) могут вообще не сочетаться с маркированным каузативом (выше мы видели и обратный случай: пары ‘наполнять/наполняться’ или ‘разрушить/разрушиться’ доступны для декаузативации, но не для лабильности). Если последний случай связан с несамопроизвольностью ситуации, то случай ‘гнать’ – с тем, что декаузатив, в отличие от лабильности, не связан с опущением объекта. При лабильности типа (164) исходным следует считать **переходное** употребление, несмотря на то, что по [Haspelmath 1993] данная пара ситуаций должна относиться к самопроизвольным – а следовательно, исходным должно быть **непереходное** употребление.

обсуждалось в работах [Попов 1881] и [Янко-Триницкая 1962], хотя и не являлось центральной проблемой.

В древнегреческом также встречаются лабильные глаголы движения разных классов, их набор несколько отличается от русского: ср., в частности, *ballo* ‘бросать/впадать’, *baino* ‘идти/вести, заставить идти’, *ekregnumi* ‘вырывать/вырываться, устремляться’, *helauno* ‘гнать/отправляться, доходить до’, *ayo* ‘вести/идти (с войском)’, *kineo* ‘двигать/сниматься с лагеря’. Как и в русском, многие из них обозначают агентивное перемещение:

- Как видно, в (167) переходное употребление, видимо, исходно – уже говорилось, что глагол ‘бросать’ обычно не бывает каузативом от какого-либо глагола в силу наличия агентивных компонентов. Напротив, у глагола *baino* исходным может быть непереходное употребление ‘идти’ – и на современном уровне оно гораздо более продуктивно (кроме того, выше говорилось, что производное употребление было бы семантически более узким). Следовательно, лабильность *baino* следует считать декаузативной, а *ballo* – скорее автокаузативной. Дополнительной проблемой является наличие у глаголов движения непереходного употребления с широкой сочетаемостью: поскольку, например, *ballo* означает и ‘нестись’ (о живом существе), и ‘впадать’ (о реке), однозначно классифицировать эту лабильность как автокаузативную можно, только если мы считаем агентивное употребление первичным (как кажется, это обоснованно). Иначе нужно считать, что употребление ‘впадать’ – декаузатив от ‘бросать’. В любом случае ясно, что трактовать все агентивные глаголы движения как рефлексивы проблематично. Конечно,

рефлексивы такого типа образуются: ср., например, латинский *ago* ‘вести’ и соотносительные рефлексив и пассив *se ago* и *agi* ‘идти, приходить’. Однако в этом случае основным скорее является переходное употребление (обычно в языке существует непроемодный глагол ‘идти’).

В свою очередь, лабильность лексем типа *ago* ‘вести/идти с войском’ или *kineo* ‘двигать/сниматься с лагеря’ восходит к опущению объекта. Также объект, видимо, естественно восстановить для глагола *elauno* ‘гнать’: среди его непроемодных употреблений есть прямо производные от переходного: ‘плыть на корабле’ (то есть ‘гнать корабль’) и ‘идти с войском’ (‘вести войско’), а затем, вероятно, глагол утрачивает следы переходности в употреблениях типа ‘зайти слишком далеко’.

Итак, греческие глаголы, как и их русские аналоги, в непроемодном употреблении обычно обозначают автономное движение: у *elauno* – даже агентивное, у *ballo* – движение природного объекта или живого существа. Хотя к лабильности приводят различные процессы, происходит унификация – лабильность возникает, когда агенс близок по свойствам к пациенсу. Если подход к лабильности как к актантной деривации учитывает соотношение между актантными структурами (собственно степень агентивности несущественна, важна роль актанта в ситуации), то в данном случае релевантны степень агентивности и пациентивности актантов.

В языках типа французского глаголы движения не преобладают, но являются единственной группой агентивных лабильных глаголов: выше уже упоминались такие лексемы, как *sortir* ‘выходить/выводить’, *descendre* ‘спускать(ся)’, *monter* ‘подниматься’, а также немецкий *fahren* ‘ехать/везти’ или английский *jump*:

(168) a. *The horse jumped over the fence;*

b. *He jumped the horse over the fence* ‘Он перепрыгнул на лошади через изгородь’.

– все они в непроемодном употреблении могут быть агентивны. Эта особенность связана с отклонением глаголов движения от декаузативного прототипа – в частности, с автокаузативным соотношением и с особым способом каузации движения – социативной каузацией. Как замечено в работе [Levin 1993: 31] и [Davidse, Geykens 1998], при переходном употреблении английских неэргативных глаголов типа *fly*, *jump* или *swim* наиболее распространённой (хотя и не обязательной) является ассоциативная интерпретация. С одной стороны, он не предполагает сильного воздействия на пациенс, с другой, как уже говорилось, сближает агенс и пациенс и не требует специальных действий агенса с целью каузировать ситуацию – тем самым лабильность облегчается. Ещё одна причина – наличие двух путей для вариативности:

‘каузировать что-л. двигаться’ – ‘двигаться’ (декаузатив)

‘каузировать что-л. двигаться, двигаясь вместе с ним’ – ‘двигаться’ (опущение объекта)

Лабильность при агентивных глаголах ведёт себя похоже на показатели каузатива: как отмечено в [Shibatani, Pardeshi 2002], именно при глаголах движения для них свойственно обозначать социативную каузацию.

Итак, глаголы движения лишний раз показывают, что для лабильности важна близость двух употреблений глагола (например, по компоненту поступательного движения) и, в частности, субъектов двух употреблений. При этом собственно денотативная общность ситуаций менее существенна – ср. случаи типа ‘разбить(ся)’, где различаются именно субъекты.

Ясно, что в языках с развитой лабильностью близость глаголов движения к рефлексивам или к декаузативам зависит от одушевлённости и волитивности их субъекта. В частности, в работе [Долинина 1989] анализируется возможность английских глаголов иметь несколько непереходных употреблений с одушевлённым и с неодушевлённым субъектом:

- (169) а. *John moved his fingers* ‘Джон пошевелил пальцами’;
б. *John moved* ‘Джон двинулся, пошевелился’;
с. *His fingers moved* ‘Его пальцы пошевелились’.

Вряд ли стоит считать, что в парах (169ab) и (169ac) тип лабильности разный: каждый из них можно считать декаузативом от (169a), но (169b) приближается к рефлексиву из-за одушевлённости субъекта. Скорее существенно, что в языках типа русского допускается только одно, агентивное непереходное употребление.

С другой стороны, по-видимому, связь с самопроизвольностью и пациентивностью у глаголов этого класса имеется: в немецком языке, для которого характерна лабильность прототипически переходных глаголов, лабильны *schaukeln* ‘качать(ся)’, *rollen* ‘поворачивать(ся)’, но не лабильны глаголы направления, объект которых более агентивен: например, *bewegen*, *rühren* ‘шевелить’, *steigen* ‘подниматься’, *herunterlassen* ‘спускать’ и т.д. Это свойство немецкой системы, а также отсутствие глаголов движения в языках типа лезгинского показывает, что отделять глаголы движения от всех прочих декаузативных глаголов неправомерно.

В болгарском языке лабильный глагол *мръдвам*, как правило, выступает в устойчивом сочетании с существительным *пръст* ‘палец’:

- (170) а. *Никой не мръдва пръста си* ‘Никто и пальцем не шевельнёт’;
б. *Супругът и не мръдва от хотела* ‘Её муж никуда не выходит из гостиницы’.

В этом смысле он близок к прототипическим рефлексивам.

Сами подклассы глаголов движения лабильны в разной мере: во французском это глаголы траектории (*tourner* ‘вращать(ся)’, *rouler* ‘крутить(ся)’), в русском – способа действия (глаголы ‘приближать’ или ‘поднимать’ вариативности не проявляют). Интересно, что в целом глаголы направления не менее агентивны, чем лексемы способа движения (например, приближение или подъём подразумевают агенса, а быстрое движение – не обязательно), но в русском языке лабильны только вторые. Глаголы, связанные со средой движения, лабильны редко, прежде всего, в значении ‘перевозить по среде X’. Возможно, это связано с тем, что прототипично для них самопроизвольное возникновение ситуации. Напротив, для глаголов скорости движения типа немецкого *treiben* ‘гнать/дрейфовать’ или русского *гнать* характерно возникновение под влиянием некоторого агенса.

Отметим, что и в русском, и во французском наряду с немаркированными употреблениями почти у всех глаголов существуют возвратные дериваты *кружиться*, *катиться*, *повернуться*, *двигаться* и т.д. – они выражают более точные декаузативы, чем немаркированные (например, глагол *повернуться*, как и переходное употребление, обозначает смену ориентации предмета). Это доказывает несводимость лабильности данного типа к диатетическим классам.

Для глаголов движения характерно большее количество употреблений, чем два. Выше упоминался болгарский глагол *приближа*, имеющий непереходное и переходное некаузативные, переходное каузативное употребления. Дополнительная вариативность возникает у глаголов управления транспортным средством типа немецкого *fahren*: этот глагол имеет четыре различных употребления: ‘ехать (о транспорте)’, ‘ехать (на транспорте)’, ‘водить (транспорт)’, ‘возить (людей)’ — первые два из них непереходны, а последние два переходны:

- (171) a. *Das Schiff fährt nach Hamburg* ‘Пароход отправляется в Гамбург’;
b. *Er fuhr mit dem Bahn* ‘Он ехал по железной дороге’;
c. *Er fährt den Wagen vor den Eingang* ‘Он подгоняет машину к подъезду’;
d. *Sie fuhren uns über den Fluss* ‘Они перевезли нас через реку’.

Собственно лабильные пары составляют употребления (a) и (c) а также (b) и (d). Употребление (b) вторично по отношению к (a), так как в нём опускается название вида транспорта. По-видимому, в значении глагола содержится идея способа движения, которая может применяться как к передвижению человека на транспорте, так и самого транспорта: этот перенос естествен для глаголов движения в самых разных языках, ср., например, *Мы летели над Атлантикой* и *Самолёт летел над Атлантикой*. В частности,

похожая деривация происходит у глагола *гонять*: вначале он обозначает каузацию движения пациенса, затем – каузацию перемещения транспортного средства и, наконец, движение самого средства:

- (172) а. *Я гоняю на мотоцикле.*
 б. *Машины тут гоняют очень быстро.*
 (173) а. *Я качу на машине.*
 б. *По дороге катит машина.*

По-видимому, переход к непереходной конструкции происходит под влиянием других конструкций с предлогом *на* (например, *ездить на*), а позднее действует обычная метонимия. С другой стороны, см. отмеченный выше переход к диатезе вообще без участника-транспортного средства. Видимо, при глаголах типа *гонять*, подразумевающие каузацию движения, но не дифференцирующих пациенса, транспортное средство легко элиминируется из числа актантов; при глаголах типа *fahren* это не так (они изначально обозначают движение на транспортном средстве, а значение каузации для них вторично). Не случайно у *fahren* существует каузативный коррелят *führen* ‘водить’.

При этом опущение любого из актантов не слишком сильно меняет семантику ситуации: например, глагол *fahren* во всех употреблениях обозначает движение агенса на транспортном средстве, а различие заключается в том, какой из участников находится в фокусе. Даже модель с объектом-пассажиром не является собственно каузативом от ‘ехать’: предложение (179d) выражает социативную каузацию – каждый из участников ситуации передвигается, но важно может быть движение пассажира, движение транспортного средства, каузация движения транспортного средства агенсом, каузация движения пассажира агенсом и т.д. – фактически в ситуации присутствует два акта каузации, плохо отличимых друг от друга.

Часто лабильны глаголы приближения или пересечения объекта (см. выше об их же варьировании без изменения переходности): ср. французский *passer* ‘перевести/перейти’, болгарский *приближа*, арабский *qa:raba*. В арабском языке глагол имеет и переходную, и непереходную некаузативные модели управления:

- (174) а.

tada:wul-a:t-un	as-su:q-i	qa:raba-t	min	63
циркуляция-PL-NOM	DEF-рынок-GEN	приближаться-F	от	63%

‘Оборот рынка приблизился к 63%’ (некаузативная непереходная);
 б.

qa:raba-t	tada:wul-at-u-hu	20	milyu:n-a
dirham-i			
приближаться-F	циркуляция-PL-NOM-3SGM	20	миллион-ACC дирхем-GEN

‘Его циркуляция приблизилась к 20 миллионам дирхемов’ (некаузативная переходная);
 в.

y-uqa:rib-u	bayna mustawa:	huqu:q-i	al-insa:n-i
3m-приближать-sg	между уровень	право.pl-gen	def-человек-gen
wa	mustawa:	al-haya:t-i	

и уровень def-жизнь-gen
'Он сближает уровень (развития) прав человека и уровень жизни'.

С другой стороны, это нехарактерно для глаголов удаления: многими исследователями (см., например, [Fillmore 1997]) отмечалось, что цель и начальная точка движения несимметричны: синтаксически ядерным актантом, как правило, является только первая – тем самым, глаголы приближения и пересечения приближаются к прототипически переходным. Выше уже было замечено, что лабильность данного типа характерна для глаголов с переходной некаузативной диатезой.

В древнегреческом языке лабильны глаголы *paraballo* ‘бросать возле, сопоставлять/приближаться’ (однокоренной с упоминавшимся *ballo*) и *peladzo* ‘приближаться/(поэтический стиль) приближать’:

(175) *Paraballo eidar 'ippos* 'Бросать пищу коням' — *Paraballo neusi ithou skiathou*
'Переправляться на корабле прямо к Скиафо' — *Paraballei eis ti* '(Корабль) пристаёт к
чему-л.'

Близки к собственно глаголам движения глаголы изменения положения относительно ориентира или положения объекта относительно субъекта: ср. рутульские глаголы *gyxIыс* ‘спрятать, спрятаться’ *сийтес* ‘бить, биться о горизонтальную плоскость’ (изменение положения относительно ориентира), *ъаркIас* ‘завернуть, завернуться’ (изменение положения объекта). Возможно, лабильность у этих глаголов облегчается в связи с наличием в двух диатезах общего объекта — как замечено в работе [Махмудова 2001: 101], «Большинство (лабильных глаголов) — превербные», а превербы часто обозначают именно особое положение относительно ориентира — ср. глаголы приближения, также подразумевающие ориентир. Впрочем, глаголы типа русского *завернуть*, *свернуть*, немецкого *biegen* ‘согнуть/завернуть’ часто могут употребляться и собственно в значении движения:

(176) *Die Hände auf den Rücken biegen* ‘скрутить кому-л. руки за спиной’ – *Ich biege um die Ecke* ‘Я сворачиваю за угол’.

Как объяснить некоторые лакуны даже в английской системе глаголов движения? Во-первых, глаголы типа *идти/вести* вообще обычно не лабильны в аккузативных языках. Во-вторых, в английском, где лабильность входит в грамматическую систему языка, и глаголы движения приближаются к декаузативам – ядро составляют лексемы типа ‘катить(ся)’, а не агентивные глаголы. Что касается глаголов ‘прибыть’ или ‘исчезнуть’, то они вообще не являются собственно глаголами перемещения – первый глагол не обозначает никакого способа движения, а связан просто с достижением конечной точки, а второй вообще не обязательно задействует движение. В частности, для

глаголов движения значима срединная фаза ситуации, которого у глагола ‘прибыть’ нет (ср. глагол *fahren* ‘везти’, акцентирующий внимание именно на срединной фазе). Кроме того, исчезновение невозможно каузировать прямым способом (ср. пару ‘спрятать(ся)’, где каузация как раз может быть прямой и которая нередко кодируется лабильными парами).

Как было видно из всех типов лабильности, лабильные глаголы движения в обоих употреблениях обычно имеют общий компонент, который и позволяет возникнуть лабильности – тем самым, мы не ожидаем вариативности от глаголов типа ‘двигать(ся)’ или ‘идти/вести’ (к примеру, глагол *двигать* в непереходном употреблении обозначает не любое движение, как его возвратный коррелят *двигаться*, а движение человека). Тем не менее, последняя пара лабильна в некоторых дагестанских языках (багвалинском, годоберинском, аварском) – что противоречит общему различию между среднекавказским и среднеевропейским стандартом: как было видно, все системы с преобладанием глаголов движения относятся к европейским. Заметим, что глагол ‘идти/вести’ в общем отвечает тенденции к лабильности прототипических инхоативно-каузативных пар: лабильность не поддерживается никакими дополнительными характеристиками движения, общими для двух употреблений. Возможно также, что данная пара показывает исходную большую роль лабильности в нахско-дагестанских языках, где базовыми для многих глаголов были лабильные пары.

Итак, как было видно, на лабильность глаголов движения влияет несколько факторов: прежде всего, отсутствие прототипического пациенса, непрототипический тип каузации, а также отчасти большое количество участников ситуации. При этом часть лабильных глаголов движения представляют автокаузативный тип (‘поднять(ся)’), часть – каузативный (‘катить(ся)’), а часть из-за непрототипического направления деривации не могут быть отнесены ни к одному (‘гнать’/‘бежать’). Важно, что многие глаголы не должны были бы быть лабильными, если судить по маркированным деривациям – многие из ситуаций редко кодируются как маркированными декаузативами, так и рефлексивами. Как и поле разрушения, поле движения дробно членится языком по разным параметрам, но глаголы движения более разнородны, захватывают и агентивные, и пациентивные ситуации: с этим связано двоякое поведение языковых систем – одни, как немецкий или французский, членят поле движения по самопроизвольности, другие, как русский или адыгейский, отделяют его от поля разрушения и создают особые семантические типы преобразований. С другой стороны, группа глаголов движения явно распадается на агентивную и неагентивную в том смысле, что первые глаголы не могут быть описаны как подкласс декаузативного класса в силу своего нестандартного распределения (именно

они лабильны в языках с малым количеством лабильных глаголов), а вторые в меньшей степени отличаются по свойствам от глаголов шкалы самопроизвольности. Способ каузации создаёт противоречие между агентивностью непереходного употребления глаголов типа *знать* и контактностью каузации. Как уже было показано, в частности, на примере случаев типа русского *лить*, лабильность глаголов движения показывает, что при лабильности дистанция между каузативным и некаузативным употреблениями может сокращаться за счёт агентивности последнего. В многоактантных ситуациях типа ‘ехать’ переходность одних употреблений и непереходность других вообще не отражает реальных различий в семантических ролях.

В таблице приводятся группы глаголов движения в каждом языке

Табл. 3. Группы глаголов движения.

Язык	Глаголы движения
Немецкий	неагентивные
Французский	аг., неаг.
Русский	агентивные
Древнегреческий	агентивные
Тюркские	нет
Адыгейский	нет
Багвалинский	агентивные
Южноамериканские	нет

2.2.2. Лабильность фазовых глаголов

Другой склонной к лабильности группой являются фазовые глаголы. Как и глаголы движения, они не принадлежат к прототипически переходным. Более того, они даже не имеют вещественного объекта. Именно поэтому они обычно рассматриваются отдельно – не среди переходных глаголов, а среди глаголов с сентенциальными актантами. Действительно, одним из участников ситуации при них является ситуация, вступающая в начальную или конечную фазу (‘начать’, ‘закончить’) или находящаяся в срединной фазе (‘продолжить’) – ниже мы подробнее обсудим аргументную структуру этих глаголов. Часто эти глаголы управляют именно сентенциальными дополнениями – инфинитивами (*Я начал петь*), масдарами (адыгейский язык) и другими зависимыми формами глагола.

Тем не менее, мы считаем возможным говорить о лабильности фазовых глаголов потому, что они часто имеют как диатезу с прямым объектом (*Учитель начал урок*), так и одновалентную (*Урок начался*). В некоторых случаях, когда глагол управляет герундием или масдаром, сложно говорить об однозначно сентенциальном или именном зависимом. Именно способность этих глаголов принимать прямой объект делает интересным их

сопоставление с прототипически переходными глаголами: важно, какими свойствами переходных глаголов они обладают.

Более того, на первый взгляд кажется, что первая модель является каузативом от второй – таким образом, с семантической точки зрения тоже есть аргументы в пользу включения в рассмотрение фазовых глаголов (это решение и было принято в [Haspelmath 1993]). Это подтверждается данными многих языков, где глаголы типа ‘начать’ – это морфологические каузативы от лексем типа ‘начаться’ (ср. тюркские языки). И наоборот, в других языках переходные фазовые глаголы образуют пассивы и декаузативы со значением ‘перейти в фазу X’. Следовательно, продуктивные способы выражения противопоставления между непереходными глаголами и каузативами распространяются на эту группу – значит, случаи, когда противопоставление не маркируется, должны рассматриваться как лабильность. Если лабильность не связана строго ни с одной из актантных дериваций, то продуктивные показатели свидетельствуют о том, что соотношение переходного и непереходного глагола – при всех их отличиях от прототипа – минимально отличается от каузативного. Ниже мы подробнее проанализируем тип деривации при фазовых глаголах.

Впрочем, нельзя игнорировать и наличие у фазовых глаголов диатез с сентенциальными актантами. Совмещение двух диатез – с сентенциальным актантом и одновалентной – также необычно: в частности, у русских фазовых глаголов оно невозможно (ср. *Урок начался*/**Учитель начался учить детей*) – сентенциальный актант присоединяют только переходные глаголы. Лексемы типа арабского глагола *istamarra*, не присоединяющие прямой объект, но способные управлять сентенциальным актантом, весьма интересны как случаи неполноценной лабильности (см. выше о варьировании без изменения переходности). Проблемой является статус сентенциального актанта: часто инфинитивы и другие формы глагола со сниженной финитностью могут кодировать и актанты, и сирконстанты: например, адыгейская форма на *-ew*, которую принимают зависимые многих глаголов с актантом-ситуацией, в то же время часто появляется в чисто сирконстантных контекстах. Но по соотношению моделей управления противопоставление одновалентной конструкции и конструкции с сентенциальным актантом, как и прототипическая лабильность, подразумевает мену субъекта – в первом случае эту позицию занимает ситуация, во втором – её участник, находящийся в определённой фазе.

В.А. Плунгян (Плунгян 2000) выделяет фазу как особую грамматическую категорию. В действительности, когда речь идёт о фазовых глаголах, говорить нужно не только о трёх фазах, но и о компонентах, осложняющих базовые значения: ср., например,

русские глаголы *прекратить*, *прервать*, *перестать* и т.д. Как видно, они не выражают конечную фазу действия в чистом виде – в частности, предполагается, что действие не достигло логического предела. Глагол *прервать* подразумевает даже прекращение ситуации вопреки её целям и природе, когда она не должна была бы быть прекращена. Кроме того, существенны аспектуальные характеристики действия – в работе [Недялков 1987] выделяются классы инцептивов, инхоативов и ингрессивов, обозначающих начало действия, состояния или процесса. Наконец, как будет показано ниже, может играть роль агентивность субъекта действия.

Сам компонент фазы присутствует в качестве основного в самых разных глаголах – фазовыми в широком смысле могут быть названы, по крайней мере, три группы глаголов:

1. глаголы появления и исчезновения ('X-а не было, а затем он возник') – *появиться*;
2. собственно глаголы начала действия ('ситуация Р начала/закончила иметь место') – *начать*, *закончить*;
3. глаголы приобретения свойства ('X начал иметь свойство А') – *стать*.

Первая группа наиболее далека от фазовых глаголов, но объединяется с ними, поскольку не выражает ситуации, которая имеет место (в отличие от глаголов типа *запрыгать*) – либо эта ситуация минимально ограничена. В частности, различие между этой группой и остальными фазовыми глаголами различается в том, что вторые имеют в качестве актанта имя ситуации (*урок*, *выборы*, *футбольный матч*), а первые – имя предмета (*свет*, *Вася*). Тем не менее, иногда при глаголах первой группы выступают и непредметные имена (ср. *В воздухе возникло напряжение*, *У противников появилось желание достичь консенсуса*). Вторая группа выражает собственно фазу действия, а третья – фазу свойства. Прототипически свойства членятся на фазы хуже, чем действия, поэтому, например, в русском языке есть глагол *стать* и нет глагола прекращения свойства (ср. *Он начал бегать* – *Он стал врачом*, *Он перестал бегать* – *Он перестал быть врачом*).

Единство всех трёх групп демонстрирует полисемия глагола *стать*: *Он стал врачом*, *Он стал бегать* и архаичное *И стал свет* или похожая полисемия немецкого *werden* 'стать'. Полисемия значений второго и третьего типа вообще распространена: ср. арабский *aSbaha* 'стать/начать' и т.д.:

- (177) a. 'aSbah-a y-aqra'-u risa:lat-a-ha
 стать.PAST-3SG.M 3М-читать-SG письмо-ACC-3SG.F
 'Он стал читать её письмо';
- b. 'aSbah-a mumattil-an mašhu:r-an
 стать.PAST-3SG.M актёр-ACC знаменитый-ACC
 'Он стал знаменитым актёром'.

В то же время склонность к лабильности можно констатировать только для собственно

фазовых глаголов (как уже говорилось, глаголы появления, напротив, редко демонстрируют вариативность).

Склонность фазовых глаголов к лабильности проявляется в двух аспектах. Во-первых, в индоевропейских языках, где классы лабильных глаголов сильно различаются между собой, фазовые глаголы неизменно лабильны. Во-вторых, иногда данная группа лабильна даже в языках, для которых лабильность в принципе нехарактерна.

В частности, в романских языках именно эти глаголы неизменно лабильны – все языки этой группы, кроме французского, имеют не слишком развитую лабильность: ср. латинские глаголы *incipere* ‘начать(ся)’, *finire* ‘кончить(ся)’, французские *commencer* ‘начать(ся)’, *finir* ‘кончить(ся)’, *continuer* ‘продолжать(ся)’, испанский *comenzar* ‘начинать(ся)’, румынский *începe* ‘начинать(ся)’ и т.д. Как было показано выше, в прочих случаях классы лабильных глаголов в этих языках сильно различаются – в этом смысле говорить о склонности романских языков к декаузативной лабильности в целом необоснованно.

- (178) а. *Le spectacle finit à 11 heures* ‘спектакль заканчивается в 11 часов’;
 б. *Il a fini son travail* ‘он кончил работу’.

Наиболее выразительна лабильность фазовых глаголов в языках, для которых лабильность абсолютно нехарактерна. Говорить о лабильности некоторого диатетического типа для них бессмысленно, так что единственной возможностью является выделение семантических классов.

Так, в тюркских языках, как было показано выше, лабильных глаголов практически нет. Ниже мы предложим объяснение, основанное на системе деривационных показателей. Единственным общим для многих языков исключением являются фазовые глаголы: ср. турецкий *başlamak* ‘начать(ся)’, а также аналогичные примеры из тувинского, ногайского, кумыкского и киргизского языков. Как правило, основным употреблением является каузативное, от которого может образовываться и маркированный декаузатив – впрочем, лабильность может быть и неканонической, как в турецком.

Примерно такая же ситуация сложилась в калмыцком языке, где глагол *eklx* означает ‘начинать’ или ‘начинаться’, а глаголы ‘заканчивать’ и ‘заканчиваться’ различаются:

- (179) а. Багш кичэл-эн цаг-ла эклв
 учитель урок-3SG время-LOC начать(ся).PAST
 ‘Учитель начал свой урок вовремя’;
 б. Кичэл йисн час-ла эклв
 урок 9 час-LOC начать(ся).PAST

‘Урок начался в девять часов’;

- (180) a. Намр чилв
осень кончаться.PAST
‘Осень кончилась’;

- b. Багш кичэл-эн пурвн час-LOC чилэв
учитель урок-3SG 3 час-ла кончить.PAST
‘Учитель закончил урок в три часа’.

При этом от глагола ‘начинать’ образуется также маркированных декаузатив *эклгдх* ‘начинаться’.

В родственном калмыцкому монгольском языке сложилась иная ситуация, чем в калмыцком, болгарском и арабском ситуация: лабильные цессативные глаголы и инхоативный глагол *эхлэх* сочетаются также с морфологическим показателем каузатива:

- (181) a. *Тамхи татаж дуусах* ‘кончить курить’;
b. *Засвар дуусгах* ‘закончить ремонт’ (морфологический каузатив);
c. *Дайн 1975 онд дуусав* ‘Война закончилась в 1975 году’.
- (182) a. *Их сургууль тогсох* ‘закончить университет’;
b. *Угээ баяр хургэн тогсгох* ‘Закончить речь приветствием’ (морфологический каузатив);
- (183) a. *Тэд концертийг моцартын хекжмээр эхлүүлэв* ‘Они начали концерт с произведения Моцарта’ (морфологический каузатив);
b. *Хадлан эхлэх* ‘Начать сенокос’;
c. *Эндээс ой мод эхлнэ* ‘Здесь начинается лес’.

Данные словарей не позволяют понять, чем различаются маркированные и немаркированные переходные употребления.

Для каждой группы глаголов можно говорить не только о количестве в ней лабильных лексем, но и о её соотношении с количеством глаголов в группе в целом. В частности, значимы случаи, когда некоторая группа лабильна полностью – лабильность как бы становится для неё правилом. Именно такая ситуация имеет место в болгарском языке: все фазовые глаголы в нём лабильны: ср. *започна* ‘начать(ся)’, *продължавам* ‘продолжать(ся)’, *свършвам* и *завършвам* ‘закончить(ся)’:

- (184) a. *Започна да ходи напред-назад* ‘Она стала ходить туда-сюда’;
b. *Тази нощ кучешкият вой започна по-рано* ‘В эту ночь собачий вой начался раньше’.
- (185) a. *Преподавателят завърши урока и стана* ‘Учитель закончил урок и встал’;
b. *В 1945г. завърши войната* ‘В 1945г. закончилась война’.
- (186) a. *Делчев продължава успешното си лятно турне*
‘Делчев продолжает своё успешное летнее турне’;
b. *Войната за металургичния комбинат продължава*

‘Война за металлургический комбинат продолжается’.

При этом, в отличие от романских или германских языков, болгарский имеет сравнительно небольшую группу лабильных глаголов – таким образом, этот случай подтверждает особый статус фазовых глаголов по отношению к лабильности. Как и в тюрских языках, фазовые глаголы являются единственной полностью лабильной группой глаголов. Во многом это напоминает системы типа лезгинской, где лабильны только глаголы с прототипическим пациенсом. Однако различие заключается в том, что лезгинские глаголы представляют собой один из подклассов прототипически переходных глаголов – как видно по данным других дагестанских языков, группа лабильных глаголов внутри этого класса может быть и шире, чем в лезгинском. Фазовые же глаголы не объединяются в очевидный класс с другими группами глаголов.

Семантическая мотивация лабильности в болгарском проявляется и в том, что глаголы *свърши* и *завърши* образованы от бесприставочной лексемы *върши* ‘делать, выполнять’, не имеющей непереходного употребления (следовательно, первично для них переходное употребление): очевидно, что возникновение лабильности в данном случае не связано с префиксацией.

Несмотря на развитую лабильность, фазовые глаголы сочетаются с показателем декаузатива и пассива *се*:

(187) И се започна едно разтакаване от помощник на помощник
‘И один помощник начал гонять с места на место другого помощника’.

(188) Свв. Кирил и Методий митрополията беше заобиколена от джандари, които на сутринта не ме пуснаха да отида да служа в църквата „Св. Атанас“. Това се продължава и сега.
‘Вокруг митрополии святых Кирилла и Мефодия было полно полицейских, которые не пустили меня утром в церковь служить. Это продолжается и сейчас’.

(189) Достатъчно няма сега, достатъчно ще има, когато войната се свърши
‘Сейчас недостаточно, достаточно будет, когда война кончится’

В частности, носители оценивают следующий пример как грамматичный и с этим показателем, и без него:

(190) а. *Работата (се) започне* ‘Начинается работа’.

Казалось бы, вариант с *се* можно считать маркированным декаузативом (например, в русском языке глагол *начаться* явно является декаузативом, а не пассивом). Тем не менее, это опровергается невозможностью *се* в примерах типа (190b):

б. *Седмицата (*се) започна от демонстрациите* ‘Неделя началась с демонстраций’.

Показатель *се* возможен, только если имеется в виду, что некоторый агент начал неделю с демонстраций. В этом смысле болгарские дериваты типа *се започна* ближе к пассивам,

чем к декаузативам.

Вообще говоря, ситуации в примерах (184b) и (186b) тоже не являются в строгом смысле слова самопроизвольными: ни начало войны, ни начало воя не может иметь места без какой-то иницирующей силы, без агенса. Следовательно, в таких случаях существенно, на чём делается акцент и существенно ли для говорящего, что не только ситуация (например, работа), но и её переход в новые фазы несамопроизвольна. Возможно, в (184b) существенна неагентивность участника вложенной ситуации – собаки, издающей вой – в сравнении с субъектом ситуации ‘работа’ или ‘понукание’. Агентивность как бы передаётся фазовому глаголу от вложенной ситуации: в русском языке пассивы от фазовых глаголов также ограничены агентивными ситуациями, которые говорящий оценивает как полезные:

(191) *В Санкт-Петербурге была начата реставрация дворца.*

(192) **Разграбление дворца было начато два года назад.*

В этом смысле рассмотрение ситуации ‘начать(ся)’ в [Haspelmath 1993] как инхоативно-каузативную пару не вполне правомерно: самопроизвольность отчасти наследуется от вложенной ситуации: если она не имеет агенса, то и её фаза будет самопроизвольной.

В близком к болгарскому сербохорватском языке ситуация уже сложнее: лабильным является только инхоативный глагол *почети* ‘начать(ся)’:

- (193) a. Концерт е почео у 22 саата
 концерт быть.PRAES.3SG начать-PART.SGM в 22
 часа
 ‘Концерт начался в 22 часа’;
- b. почео да размишљао о компјутерской
 нотографии
 начать-PART.SGM чтобы размышлять-PRAES.1SG о компьютерной
 нотографии
 ‘Я начал размышлять о компьютерной нотографии’.

В германских языках также склонны к лабильности не все фазовые глаголы – в частности, в немецком это характерно для глаголов начальной фазы *anfangen* и *beginnen* ‘начать(ся)’:

(194) a. *Der Tag began mit einem Zank* ‘День начался с ссоры’;

b. *Ich began die Reise* ‘Я начал путешествие (отправился в путь)’.

(195) a. *Er fing die Arbeit an* ‘Он начал работу’;

b. *Die Schule fängt um acht an* ‘Занятия в школе (букв. ‘школа’) начинаются в восемь’.

Глаголы конечной фазы *beenden* и *beendigen* ‘закончить’, *vollenden* ‘завершить’ имеют только переходные употребления. Для глагола *enden* устаревшим является переходное употребление.

Заметим, что среди глаголов конечной фазы есть даже лексема, образованная с

помощью префикса *be-*, образующего почти исключительно переходные глаголы. Тем самым, немецкий и сербохорватский материал указывает на наличие асимметрии между инхоативами и цессативами: последние оказываются как бы «более переходными», чем первые (точный смысл этого различия мы обсудим ниже). Казалось бы, это должно способствовать лабильности: выше было показано, что для немецкого языка характерна лабильность прототипически переходных глаголов. Однако этого не происходит в силу свойств префикса *be-*.

Как и в болгарском, основы лабильных фазовых глаголов в немецком могут иметь разные свойства: в частности, *anfangen* образован от переходного глагола *fangen* ‘ловить’, который в силу семантики не мог бы быть лабильным.

В английском языке, как уже говорилось, фазовые глаголы проявляют лабильность практически во всех случаях: ср. *start* ‘начинать(ся)’, *finish, end* ‘заканчивать(ся)’, *continue* ‘продолжать(ся)’, *begin* ‘начинать(ся)’:

- (196) a. *The day began with bad news* ‘День начался с плохих новостей’;
- b. *Let's begin with the history of this problem* ‘Начнём с истории проблемы’;
- (197) a. *The film starts at 8 o'clock* ‘Фильм начинается ровно в восемь’;
- b. *I started this subject* ‘Я начал разговор на эту тему’;
- (198) a. *He ended his remarks with quoting Lincoln* ‘Он закончил свои комментарии цитатой из Линкольна’;
- b. *The story ends with the hero's death* ‘Рассказ кончается смертью героя’;
- (199) a. *She continued by citing more facts* ‘Она продолжила и привела ещё ряд фактов’.
- b. *The meeting continued* ‘Встреча продолжилась’.

В то же время и в английском языке есть глаголы, выделенные в работе [Levin 1993] в класс «complete verbs», употребляющиеся почти исключительно переходно. Не случайно, что среди них больше цессативов: *discontinue* ‘прекращать, прерывать’, *quit* ‘завершать’, *complete* ‘завершать’ — впрочем, есть и инхоатив *commence*:

- (200) a. *Wilma completed the assignment* ‘Вилма закончила командировку’
- b. **The assignment completed* ‘Командировка закончилась’ [Levin 1993].

Это свидетельствует о неоднородности группы фазовых глаголов: в английском языке лабильными оказываются очень крупные классы глаголов (ср. глаголы разрушения), а значит, между фазовыми глаголами должно быть некоторое семантическое различие. Выделить компонент, препятствующий лабильности, не удаётся — в частности, глагол *quit* обозначает не только фазу, но и движение (‘выходить’) — в этом смысле отсутствие лабильности объяснимо. Возможно, отсутствие варьирования и связано с развитой

полисемией глаголов движения.

Обратим внимание на особое варьирование при глаголе *start* ‘начинать(ся)’: помимо ‘начинать’ и ‘начинаться’ он может означать ‘заставить начать’: в чём-то это употребление напоминает второй каузатив, уже от переходного употребления:

(201) *These news started me thinking* ‘Эти новости заставили меня задуматься’.

Тем не менее, возможно, что в примере (201) глагол не имеет двух именных дополнений – герундий *thinking* находится между именными и сентенциальными зависимыми. Тем не менее, как и при каузативации, меняется прямой объект, место которого занимает исходный субъект. В этом смысле преобразование близко к типу ‘учить’, рассмотренному выше, так как, не меняя переходности, затрагивает привилегированные актанты глагола.

Во многом эта модель близка к анализируемой ниже – *Судья начал игру*. Субъект не участвует в ситуации, как это обычно бывает при фазовых глаголах, а только каузирует её переход в новую фазу. Объяснить её можно, если не считать канонически переходной конструкцию с герундием типа *I started thinking* – тогда вариативность близка к более привычной ‘начать/начаться’. Похожая вариативность наблюдается у арабского глагола *ja‘ala*:

- (202) a. *wa bi bulugh-i-hi 15 sanat-an ja‘al-a y-aktub-u*
и с достижение-GEN-3SG.M 15 год-ACC делать.PAST-3SG.M 3М-писать.PRAES-SG
‘По достижении им 15 лет он начал писать’;
- b. *ja‘al-a-hu ‘ab-u:-hu y-aktub-u hazihi ar-risa:lat-a*
делать.PAST-3SG.M-3SG.M отец-NOM-3SG.M 3М-писать.PRAES-SG этот.F DEF-письмо-ACC
‘Его отец заставил его написать это письмо’.

В арабском глаголы часто управляют в качестве сентенциального актанта формой настоящего времени индикатива – в частности, это могут делать и переходные глаголы (в (202a) сентенциальный актант как бы занимает позицию прямого объекта). С другой стороны, в (202b) прямым объектом становится имя, а статус глагольной формы не столь ясен.

В арабском языке, как уже говорилось, канонически лабильны только однокоренные инхоативные глаголы *bada’a* и *ibtada’a* ‘начинать(ся)’:

- (203) a. *ibtada’a al-‘a:m-u ad-dirasiyy-u*
начинаться DEF-год-NOM DEF-учебный-NOM
‘Начался учебный год’.
- b. *na-btadi’-u dira:sat-a al-luyat-i al-‘arabiyyat-i*
1PL-начинать-NOM изучение-ACC DEF-язык-GEN DEF-арабский-GEN
‘Мы начинаем изучать арабский язык’.

Интересно, что лабильность появляется как у непроизводного глагола, так и у глагола в производной форме восьмой породы. Восьмая порода является одной из медиальных пород арабского языка, она может выражать понижающие актантные деривации, такие, как медий, пребывание в состоянии — от глаголов каузации состояния (*rajaha* ‘качать’ — *irtajaha* ‘качаться, колебаться’), рефлексив (*za:na* ‘украшать’ — *izda:na* ‘украшаться’), реципрок (*laqiya* ‘встречать’ — *iltaqa:* ‘встречаться’), а также, возможно, пассив (*izda:na* ‘быть украшенным’). Также бывают случаи, когда эта деривация практически сохраняет исходное значение глагола (*lasīqa* = ‘*iltasāqa* ‘приклеиваться’, ‘прилепляться’).

Глагол *ibtada’a* отличается от *bada’a* тем, что не может управлять сентенциальным актантом:

- (204) *bada’-tu/*ibtada’tu* ’-ufakkir-u fi: ’ahba:r-i al-
yawm-i
начать.PAST 1SG-думать.PRAES-SG в новость.PL-GEN DEF-
день-GEN
‘Я начал размышлять о сегодняшних новостях’.

Следовательно, способность образовывать переходную конструкцию не обязательно влечёт способность управлять сентенциальным актантом — хотя, казалось бы, последняя модель не требует высокой семантической переходности и в большей мере соответствует семантической структуре ситуации, выраженной фазовым глаголом.

Оба глагола могут образовывать пассивы. В арабском языке существует два типа пассивов — личные и безличные — первые образуются от переходных глаголов, вторые — от непереходных:

- (205) *qutil-a* *hasan-un* *min* *qibal-i* ‘ali:
убить.PASS-3SG.M Хасан-NOM со сторона-GEN Али.GEN
‘Хасан был убит Али’ (канонический пассив);

- (206) *wa* *lamma* *Sufir-a*
и когда свистеть.PASS.PAST-3SG.M
‘И когда будет свистнуто’ (безличный пассив).

Конструкция (211a) образуется от переходного употребления фазового глагола, (211b) — от непереходного:

- (211) a. *mašru:’-u* *madi:nat-i* *aṭ-ṭifl-i* *allaḏi*
budi’a
проект-NOM город-GEN DEF-ребёнок-GEN который
начинать.PASS
al-‘amal-u *bi* *tanfi:ḏ-i-hi*
DEF-работа-NOM с выполнение-GEN-3SG.M
‘Проект детского города, работа над воплощением в жизнь которого началась’.
- b. 12 *mašru:’-an* *li-l-mana:hij-i* *budi’a* *bi* *tanfi:ḏ-i* *ḥamsat-i*
min-ha
12 проект-ACC для-DEF-способ.PL начинать.PASS с выполнение-GEN пять-F-
GEN из-3F
‘Двенадцать проектов по выработке способов, воплощение пяти из которых началось’.

Как уже говорилось, ряд глаголов могут присоединять только сентенциальный

- (210) jedl Ø jiq' hA>-a gi=r=Ryl.
 мать.2 s[Ø] бульон.3 3.делать-IPF]_s 2=начинать.PF
 'Мать начала делать бульон'.
- (211) wa-l-e gi=d=Ryl haj-in a|dat.
 ты.OBL-SUP-EL 4=начинаться.PF этот-А обычай.4
 'Пусть так будет, чтобы завтра не сказали, что с тебя этот обычай начался'
 ([Кибрик 1999]).

Однако в первом случае глагол не является переходным, а управляет нефинитной формой глагола. Следовательно, можно трактовать конструкцию примерно как 'Мать вступила в состояние [она делает бульон]'. В то же время семантически первое употребление имеет два актанта, а второе один (как видно, оно согласуется по классу со словом *aldat* 'обычай'), что сближает это противопоставление с лабильностью.

С другой стороны, встречаются и языки, где фазовые глаголы близки по свойствам к прототипическим переходным или непереходным – в этом случае они могут проявлять лабильность, как происходит, например, в адыгейском языке. Лабильны и цессативный, и инхоативный глагол – при этом последний по форме является каузативом – все остальные каузативные дериваты в адыгейском языке переходны:

- (212) a. se ʔof-ʂʔe-n-əŋ je-z-ke-ž'a-в
 я работа-делать-CONV 3SG.S-1SG.A-начинаться-PAST
 'Я начал делать работу';
- b. bž'əhe-ŋ gje-ke-ž'a-в
 осень-ABS 3SG.A-CAUS-начинаться-PAST
 'Началась осень', хотя более обычным является употребление с инверсивным показателем:
- c. weš'x-əŋ qə-gje-ke-ž'a-в
 дождь-ABS INV-3SG.A-CAUS-начинаться-PAST
 'Начался дождь'.
- (213a) se pis'me-ŋ s-txə-n-əŋ qe-sə-wəxə-в
 я письмо-ABS 1SG.A-писать-MSD-ABS INV-1SG.A-закончить-PAST
 'Я закончил писать письмо';
- (213b) bž'əhe-ŋ qə-wəxə-в
 осень-ABS INV-закончиться-PAST
 'Осень закончилась'

В адыгейском фазовые глаголы могут управлять как подчинённое предикацией с глаголом в форме на -ew, так и масдаром в форме абсолютива – в этом случае они полностью сближаются с переходными, особенно учитывая такое же строение словоформы.

Асимметрия инхоативных и цессативных глаголов в эргативных языках незаметна: часто лабильные глаголы есть и среди тех, и среди других:

Хуа: *hatgi* 'кончать(ся)', *datuma rgao* 'кончать(ся), убивать', инхоативных нет.

Ниуэ: *oti* 'закончить(ся)', *popoteliga* 'закончить(ся) полностью', *kamata* 'начинаться'.

В алюторском языке у некоторых глаголов происходит согласование фазового глагола по переходности (по субъектному или субъектно-объектному типу спряжения) с матричным — при этом фазовый глагол не становится прототипически лабильным ср. *pljətku* ‘заканчивать’:

- Выше уже говорилось, что противопоставление по агентивности и самопроизвольности для фазовых глаголов можно принять только с оговорками. Алюторский язык показывает это наиболее ясно: фазе ситуации приписываются те же характеристики, что и самой ситуации – косвенно это проявляется в русском противопоставлении конструкций с отглагольными существительными и с инфинитивом, о котором речь пойдёт ниже.

(215a)	muruwwi	mət-t-awwaw-la-ŋ,	jə'ɪljəp	ta-tku-ŋ-i
	мы	1PL-ехать-PL-POT	месяц	3SG-кончаться-POT-PART
	'Мы поедем, когда месяц кончится';			

- В этом случае каузативное употребление глагола очень близко к прототипически переходному – не случайно и его значение отличается от фазового.

2.2.2.1. Диатетический тип лабильности у фазовых глаголов

203

группы употреблений неожиданна для этого класса. Во-первых, это употребления типа (220) с названиями отрезков времени:

- (216) а. *Год начался с двойки.*
б. *Ученики начали год с двоек.*

Очевидно, что субъект (216b) не каузирует начало учебного года. При этом данные употребления не являются спецификой русского языка: ср. аналогичные адыгейские употребления:

- (217) te bž'əhe-r qə-te-wəhə-ɐ
мы ОСЕНЬ-ABS INV-1PL.A-ЗАКАНЧИВАТЬ-PAST
'Мы закончили осень (чем-л.)'.

В работе [Падучева 2001: 33] эта диатеза отделяется от канонической: постулируется дополнительный актант Начало, модифицирующий свойства ситуации. Если каноническая конструкция обозначает вступление ситуации в некоторую фазу, то модель типа (221) акцентирует внимание на структуре ситуации – не обязательно имеет место какое-либо изменение (ср. стативные контексты типа *Книга начинается с буквы «А»* при невозможном **Книга начинается*).

С другой стороны, даже и употребления типа (218b) не являются в полном смысле слова каузативами от (218a):

- (218) а. *Игра началась.*
б. *Игроки вышли на поле и начали игру.*

По сути, игроки не каузируют начало игры – её начало как раз и состоит в определённых действиях игроков. Во многом это похоже на социативный тип каузации, при котором каузатор совершает те же действия, что и каузируемый, собственно акт каузации отсутствует. Это контрастирует с прототипически каузативным значением следующего предложения:

- (219) *Судья прекратил игру из-за темноты.*

В данном случае субъект не является участником вложенной ситуации, а только каузирует её прекращение.

Ещё ближе к прототипическому каузативу было бы реально невозможное практически ни в одном языке предложение типа:

- (220) **Большевики начали разграбление города рабочими.*

В данном случае каузатор не только не участвует в ситуации, но и прототипическим образом воздействует на её участника. Невозможность таких конструкций показывает, что фазовые глаголы не имеют собственно каузативных употреблений.

Особенно сильное отклонение от каузативной семантики имеем в предложениях типа:

(221) *В Подмоскowie начали строиться новые дома.*

Очевидно, что пациенс в (221) не каузирует начало ситуации – его участие в ней начинается под действием агенса.

Следовательно, хотя формально соотношение между переходными и непереходными вариантами фазовых глаголов выражается стандартными способами, реально модели (218a) и (218b) являются просто «двухвалентным» и «одновалентным» вариантами выражения одного значения: в одном случае выделяется наиболее релевантный участник ситуации, который как бы и изменяет фазу ситуации (*Игроки начали игру*), в другой ситуация рассматривается как целое, без выделения релевантного участника.

Заметим, что степень близости к каузативному типу может различаться в зависимости от типа конструкции: в русском языке, с одной стороны, конструкция с сентенциальным инфинитивным актантом может иметь неагентивный субъект (см. выше (221)), а конструкция с прямым объектом-именем ситуации допускает его в меньшей степени, а с другой стороны, для неё более характерна собственно каузативная семантика (см. выше (219)):

(222) а. *Чиновники прекратили строить дома, поскольку все деньги растрачены.*

б. [?]*Чиновники прекратили строительство домов, поскольку все деньги растрачены.*

(223) *Вирус начал разрушать/[?]разрушение его организма.*

(224) *Большевики начали планомерное разрушение церквей.*

В частности, при возможном *начать разрушаться* сомнительно [?]*начать своё разрушение*.

Следовательно, рассматриваемое нами в первую очередь противопоставление между одновалентной непереходной и двухвалентной переходной моделями находится сравнительно близко к каузативному типу: по меньшей мере, если представить употребления фазовых глаголов в виде шкалы, то переходная модель находится ближе к каноническому каузативу (ср. (223)), чем модель с сентенциальным актантом. Возможно, следует говорить о двух типах конструкций, первая из которых несёт каузативную семантику (и объединяет в себе канонические каузативы и примеры типа (224)), а вторая исходно означает нечто вроде ‘началось (вирус разрушает организм)’ и не подразумевает каузации. В первом случае агенс может совершать некоторые действия, приводящие ситуации в новую фазу (например принимать решения о её начале). С другой стороны, эти конструкции часто невозможно разграничить – даже в русском языке конструкция с инфинитивом допускает обе трактовки.

При фазовых глаголах, ещё в большей мере, чем при прототипически переходных,

сфера употребления переходного и непереходного вариантов размыта и в большой степени зависит от языка. В русском языке широко употребляются непереходные глаголы: ср. *Начался урок, Работа на сегодня кончилась*, где они обозначают действия, контролируемые агенсами. В адыгейском языке в таких контекстах употребляются переходные эквиваленты 'Мы начали урок' или 'Мы закончили работу'.

В связи с многообразием моделей управления встаёт вопрос о том, какую исходную актантную структуру следует постулировать для данной группы. В [Храковский 1987: 63] считается, что семантическим актантом фазового глагола является только ситуация, фаза которой выражается. Само определение фазы ситуации удовлетворяет такой гипотезе, но не слишком хорошо объясняет, почему так часто фазовые глаголы имеют переходные модели управления.

Выше говорилось, что фазы могут вычленяться не только у динамических ситуаций, но и у состояний предметов. В этом случае неясно, нужно ли восстанавливать для глаголов типа 'стать' структуру вида 'Стало так, что Петя – врач' – возможно, нужно считать фазовый глагол двухвалентным, обозначающим вход субъекта в некоторое состояние. Точно такой же подход можно применить к каузативным фазовым глаголам: субъект входит в новое состояние, но кодируется оно по-другому, поскольку динамично. Лабильность, как будет показано ниже, также лучше объясняется данной гипотезой.

Заметим, что при лабильности данной группы не всегда можно выделить первичное употребление – но ясно, что исходным может являться и переходное: ср., например, одновалентное употребление глагола *перестать*: *Дождь перестал*, - ограниченное одним контекстом и явно менее продуктивное. Возможно, и некоторые другие непереходные употребления возникают в результате опущения действия при переходном глаголе.

2.2.2.2. Асимметрия инхоативных и цессативных глаголов

Как мы видели выше, в аккумулятивных языках инхоативные глаголы гораздо сильнее склонны к лабильности, нежели цессативные. Это связано с тем, что данные две группы не просто обозначают две пограничные точки ситуации – начальную и конечную, - а различаются по свойствам.

В частности, различие заключается в пресуппозициях. Начало ситуации предполагает только, что до этого она не имела места – но какая ситуация имела место, для говорящего нерелевантно. С другой стороны, цессативные контексты обозначают как раз ситуацию, которая прекратила иметь место. Это означает, что события могли развиваться по-разному, в зависимости от характеристик этой ситуации: она могла достичь или не достичь своего предела – например, в русском в первом случае используется глагол *закончить*, а во втором – *прекратить* или *перестать*.

Поскольку не все действия имеют естественные пределы, глагол *закончить* может употребляться также в случаях, когда этот предел определяет сам субъект. Отсюда большая склонность глаголов окончания действия к агентивным субъектам: ср.:

- (225) а. *Мы начали строить дом.*
 б. *Начал строиться дом.*
(226) *Челябинское метро продолжает строиться.*
(227) а. *Строители только что закончили строить этот дом.*
 б. *?Этот дом уже закончил/кончил строиться.*

При этом другие глаголы конечной фазы, не предполагающие достижение предела – *перестать* и *прекратить* – сочетаются с пациентными субъектами:

- (228) *В Москве практически перестали строиться новые дома.*

Как уже говорилось, конструкция с сентенциальным актантом предполагает меньшую агентивность субъекта, нежели переходная. Видимо, не случайно русские цессативные глаголы несколько более склонны к переходной конструкции:

- (229) *Мы только что начали строить новый дом.*
(230) *Мы только что закончили строительство этого дома.*

Наконец, эти глаголы лучше поддаются пассивизации:

- (231) *Собрание закончено.*
(232) *?Собрание начато.*

Во многом это связано с результативностью, присущей цессативным глаголам.

Глагол *начать* обозначает моментальное действие в том смысле, что не допускают присоединения наречий типа *за два часа* или *быстро*:

- (233) **Мы за два часа начали работу.*

Закончить и *кончить* сочетаются с этими модификаторами:

- (234) *Я закончил всю работу за два часа*³³.

Перестать и *прекратить* ведут себя аналогично *начать*, с той разницей, что допускают наречие *быстро*:

- (235) **Все дома прекратили строиться за два года.*
(236) *Тогда все быстро перестали работать.*

Следовательно, глагол конечной фазы *закончить* предполагает не только переход ситуации в новую фазу, но и определённые связанные с этим действия субъекта.

Различается также семантическая роль объекта при инхоативных и цессативных глаголах – известно, что прототипически переходные глаголы предполагают

³³ На этот контраст моё внимание обратила Н.Р. Сумбатова.

существование объекта до ситуации. Тем самым, cessативные глаголы ближе к прототипу переходности. Их объект, как объект глаголов типа *разбить*, уничтожается в результате действия. Объект инхоативных глаголов по своей роли близок к Креативу – участнику, создающемуся в процессе действия (эта роль была выделена в работе [Муравенко 1998] для глаголов типа *рисовать*). Конечно, это только примерное сходство, поскольку субъект вообще не воздействует на ситуацию, а участвует в ней. Тем не менее, различие между фазами становится очевидным из переходных употреблений инхоативных и cessативных глаголов.

Цессативные глаголы в переходных употреблениях обозначают именно уничтожение объекта:

Русский: *прикончить* ‘убить’, *с ним покончили* ‘его убили’, *кончатъ X-а* ‘убивать’.

Алуторский: *tku* ‘закончить, прикончить’;

Английский: *finish off* ‘разрушить, уничтожить, добить’, *end* ‘уничтожить’:

(237) а. *The fever finished him off* ‘Лихорадка его добила’;

б. *The Spanish Conquistadors ended the Aztec civilization* ‘Испанские конкистадоры уничтожили цивилизацию ацтеков’.

При семантическом переносе объект-ситуация становится предметным – и значение окончания ситуации даёт значение уничтожения объекта. Более того, некоторые глаголы – типа *прикончить* – образованные от фазовых, могут обозначать только уничтожение объекта.

Инхоативные глаголы также могут управлять предметными именами:

(238) *Мы начали новую банку огурцов.*

Однако этот перенос развит в меньшей мере и скорее представляет собой конструкцию с опущением смыслового глагола (‘начали есть новую банку огурцов’). Встречаются случаи типа английского *start*, когда каузативное фазовое значение полисемично некаузативному, в котором глагол не является переходным:

(239) а. *The train has just started* ‘Поезд только что ушёл’;

б. *To start a hair* ‘Поднять зайца’.

В адыгейском языке глагол *jež'en* ‘начаться’ означает также ‘отправиться’, а производный от той же основы глагол *fjež'en* означает ‘начать, приступить’.

Ещё одна особенность фазовых глаголов – вариативность моделей управления: каузативное употребление может быть и непереходным. По-видимому, это связано с особенностями способа каузации и непрототипической семантической ролью объекта:

(240) *Давайте с этим закончим!*

(241) *Парламентът в София започна с дебатите* (‘Парламент в Софии начал дебаты’).

Глаголы типа *покончить* или *приступить* даже не имеют переходной модели. Часто актант присоединяется с помощью предлога со значением ‘с’ (ср. арабский, немецкий, болгарский и русский). В работе [Архипов 2005] отмечается, что комитативные конструкции в переносных употреблении могут присоединять актант с неопределённой ролью в ситуации:

(242) *Ты поможешь нам с билетами?*

(243) *Что с тобой случилось?*

При фазовых глаголах актант и ситуация также могут по-разному соотноситься семантически – существенно только, что они связаны некоторой связью: ясно, что прототипически каузативные конструкции типа ‘Судья начал игру’ должны быть в языках мира переходными.

Интересный случай представлен в баскском языке – как во многих других системах, инхоативные и цессативные глаголы в нём несимметричны. Инхоативный глагол *hasi* ‘начинать(ся)’ в обоих употреблении непереходен (в каузативном его второй актант стоит в форме инессива):

- (244) a. *lan-a* *hasi* *da*
 работа-DEF начинать AUX.3SG.INTR
 ‘Работа началась’.
- b. *ni* *lan-ean* *hasi* *naiz*
 я работа-INESS начинать AUX.1SG.INTR
 ‘Я начал работу’.

Поэтому в обоих употреблении выбирается непереходный вспомогательный глагол, что выделяет данную пару из ряда ‘разбить/разбиться’, ‘умереть/убить’ и т.д.

Напротив, цессативные глаголы *bukatu* и *amaitu* ‘закончить’ в каузативном употреблении являются переходными и принимают переходный вспомогательный глагол:

- (245) a. *lan-a* *amaitu* *da*
 работа-DEF заканчивать AUX.3SG.INTR
 ‘Работа закончилась’.
- b. *ni* *lan-a* *amaitu* *dut*
 я работа-DEF заканчивать AUX.1SG-3SG.TR
 ‘Я закончил работу’.

С одной стороны, пара ‘начать(ся)’ находится дальше от прототипа переходности, с другой, более близка к канонической лабильности.

Выше отмечалось, что в аккузативных языках к лабильности склонны не только прототипически переходные глаголы, но и – чаще в большей степени – глаголы со сниженной переходностью: например, с агенсом-инициатором, без прототипического

пациенса (глаголы движения) и т.д. Поэтому же инхоативные глаголы более склонны к лабильности, чем цессативные: они находятся дальше от прототипа переходности. Это подтверждается тем, что в эргативных языках такой асимметрии нет – впрочем, и цессативные глаголы не настолько близки к прототипу, чтобы регулярно проявлять лабильность.

2.2.2.3. Объяснение лабильности фазовых глаголов

Итак, мы выяснили, что фазовые глаголы лабильны даже в языках, где лабильность неразвита. В действительности их склонность к лабильности объясняется тем, что их переходные употребления далеки от прототипа переходности – и, в частности, от прототипических каузативов.

Если принять гипотезу, что фазовые глаголы в обоих употреблениях обозначают некоторое состояние субъекта, лабильность становится объяснимой: употребления противопоставлены только по тому, какой из участников ситуации выделен. Различие по агентивности или каузативности, как было показано, необязательно. Если субъектом является ситуация, достаточно упомянуть, в какой фазе она находится, а для предметного субъекта должна быть задана ситуация, актантом которой он является (как и в случае глаголов бытия и становления). Диахронически, кроме того, непереходные употребления могли образовываться путём опущения ситуаций – заметим, что и возвратные употребления типа *Дождь кончился* должны были бы требовать уточнения типа *Дождь кончил идти*.

С другой стороны, семантическая структура, предложенная В.С. Храковским, не даёт объяснения лабильности: в этом случае исходная (*Урок начался*) и производная структуры (*Мы начали урок*), наоборот, должны были бы быть максимально разграничены, поскольку при одной из них ситуация является объектом, а при другой – субъектом. Мы же считаем, что и ситуация, и её актант могут переходить в новое состояние.

Тем самым, объяснения требует скорее не лабильность, а её отсутствие в некоторых случаях. Вероятно, различные языки выбирают разные стратегии для разных глаголов – в частности, основываясь на их близости к прототипически переходным. Начинательные глаголы находятся от них дальше, чем цессативные и не получают всех свойств двухвалентных переходных глаголов, а остаются синтаксически одновалентными. Именно с этим связана корреляция между лабильностью и продуктивностью диатезы с сентенциальным актантом.

Тип каузации при фазовых глаголах, как было показано, похож на каузацию при глаголах движения: в новую фазу вступают одновременно ситуация и все её участники.

Следовательно, ассоциативная каузация вообще благоприятствует возникновению лабильности.

При этом существенно, что как раз в аккумулятивных языках переходность не слишком тесно связана с семантической транзитивностью – и фазовые глаголы примыкают к инхоативно-каузативным парам. Однако базой для появления непереходного употребления лучше считать модель с сентенциальным актантом – такие актанты легче подвергаются опущению, чем именные.

Ниже в таблице показаны свойства фазовых глаголов в исследуемых языках.

Табл. 4. Синтаксические свойства фазовых глаголов.

Глагол	Прототипическая лабильность	Каузатив-декаузатив	Вариативность управления
Арабский			
Bada'a 'начать'	+	+	DO, IO, SA
'ibtada'a 'начать'	+	+	DO, IO
Intaha: 'закончить'	+	+	IO
Istamarra 'продолжать'	+	+	IO, SA
Za:la 'продолжать'	-	-	SA
Русский			
Начать	-	-	DO, SA
Перестать	+	+	SA
Покончить			IO
Болгарский			
Започвам 'начать'	+	+	DO, IO, SA
Свършвам 'закончить'	+	+	DO, SA
Продължавам 'продолжать'	+	+	DO, SA
Немецкий			
Aufhören 'закончить'	-	+	IO, SA
Beginnen 'начать'	+	+	DO, IO, SA
Enden 'закончиться'	+	+	DO, SA
Beenden 'закончить'	-	-	DO, SA
Endigen 'закончить'	-	-	
Сербский			
Почети 'начать'	+	+	
Финский			
Kestää 'закончить'	+	+	

Jatkaa ‘продолжать’	-	-	
Alkaa ‘начать’	+	+	
Алюторский			
Nvu ‘начать’	-	+	
Tku ‘закончить’	+	+	
Pljətku ‘закончить’	+	+	
Турецкий			
başlamak	-	+	
Адыгейский			
kež'en ‘начать’	+	+	DO, SA
qəwəxəp ‘закончить’	+	+	DO, SA
Калмыцкий			
эклх ‘начать’	+	+	
чилх ‘закончить’	-	-	
Монгольский			
эхлэх ‘начать’	+	+	
дуусах ‘закончить’	+	+	
Баскский			
hasi ‘начать’	-	+	Ю
bukatu, amaitu ‘закончить’	-	-	

2.2.3. Выводы

В данной части было показано, что лабильность не ограничивается группами прототипически переходных глаголов, а затрагивает также группы глаголов движения и фазовых глаголов. Ещё одной такой группой, не рассматриваемой в нашем исследовании, являются глаголы звука: ср. русские примеры:

(246) *Играет музыка – Оркестр играет музыка;*

(247) *Грянул марш – Музыканты грянули марш.*

Все эти группы глаголов редко попадают в поле зрения исследователей переходности и актантной деривации, потому что не имеют важных признаков семантически переходных глаголов: прототипического пациенса и контактно воздействующего на него прототипического агенса.

Однако оказывается, что по отношению к лабильности именно эти группы проявляют особые свойства. И глаголы движения, и фазовые глаголы могут оказываться единственными в системе лабильными глаголами. Лабильность облегчается именно тем, что в силу семантики ситуации её участники сближаются между собой, а не

противопоставлены как прототипические агенс и пациенс – именно поэтому лабильность данных групп глаголов важна прежде всего для аккумулятивных языков, где прототипически переходные глаголы лабильны реже. Также данные классы свидетельствуют о важности типа каузации для лабильности: в них обоих он непрототипичен и близок к ассоциативной, а не фактитивной каузации.

В целом несколько ближе к прототипически переходным глаголам находятся фазовые: например, языки средневропейского стандарта, имеющие развитую лабильность, обычно имеют лабильные фазовые глаголы, но не всегда – глаголы типа ‘бежать/гнать’. Это же видно на примере показателей деривации: пары типа ‘начать/начаться’ кодируются каузативными и декаузативными показателями чаще, чем ‘гнать/бежать’. Во многом это связано с тем, что при рассматриваемых глаголах движения субъект агентивен, что нехарактерно для прототипических инхоативно-каузативных пар. Однако если говорить о распределении лабильности, то вариативность глаголов движения и фазовых глаголов гораздо менее зависит от ареала и грамматической системы, чем лабильность глаголов с прототипическим пациенсом – такая лабильность во многом близка к семантической деривации и мало взаимодействует с грамматической системой.

Как правило, лабильность рассмотренных групп глаголов характеризует системы с немногочисленными лабильными глаголами – позднее группа расширяется, захватывая прототипически переходные глаголы. В нашей выборке нет языков с развитой лабильностью, где она бы ограничивалась, например, глаголами движения. Следовательно, при увеличении количества лабильных лексем лабильность сближается с грамматическими показателями, захватывая характерную для них зону – и ключевым параметром становится соотношение между употреблениями, а не семантический класс глагола.

У двух рассмотренных групп регулярно встречается не только лабильность, но и другие типы вариативности – это вызвано опять же тем, что они не имеют прототипического пациенса – у фазовых глаголов это приводит к возникновению непереходных моделей управления, а у глаголов движения – моделей с субъектом-транспортным средством и также непереходных моделей. Напротив, при прототипической лабильности такая вариативность обычно не возникает.

Тем самым, можно констатировать, что семантическая мотивация лабильности не менее значима, чем деривационная и часто предшествует ей: **деривационно-мотивированные системы** могут как раз представлять собой развитые **семантически-**

мотивированные (как это, например, происходит при переходе от древнегреческого языка к новогреческому).

Глава 3. Лабильность в системе языка

В данной главе будет рассматриваться связь лабильности со свойствами языковой системы: мы построим типологию классов лабильных глаголов и проследим связь свойств лабильности с языковой системой. Особое внимание будет уделено соотношению лабильных глаголов с показателями актантной деривации.

3.1. Лабильность и показатели деривации

В работе [Haspelmath 1993] способы маркировки деривации по умолчанию рассматриваются как дополнительно распределённые относительно множества глаголов. На том же подходе основана статья [Nichols et al. 2004]. Данное допущение вполне обоснованно в статистических целях: по большому счёту, оно не искажает картины распределения показателей в языке.

Однако выше мы показали, что лабильность, продуктивные показатели и супплетивизм – явления с разными свойствами и разным местом в грамматической системе. Неудивительно, что и распределение оказывается не таким строгим, ср., например:

(248) *Both friends hugged and kissed each other* ‘Оба друга обнимали и целовали друг друга’;

Болгарский: *започна* = *се започна* ‘начаться’:

(249) а. *В Белград започна първият процес за военни престъпления*
‘В Белграде начался первый процесс о военных преступлениях’;

б. *Се започна нова съдебна сага* ‘Началась новая судебная сага’.

Это показывает материал языковых словарей, таких как [Гак 1994], а среди лингвистических работ внимание на данное явление обращалось в [Kibrik 1993], [Levin 1993], [Daniel и др. в печати], [Летучий 2005], [Achard 2006]. В этой части мы рассмотрим основные типы взаимодействия между лабильностью и показателями деривации.

Ясно, что теоретически можно выделить следующие соотношения между лабильным глаголом и показателем:

- 1) при данном глаголе маркировка деривации запрещена;
- 2) маркировка разрешена, но дериват отличается по значению от немаркированной формы;
- 3) маркировка разрешена, формы синонимичны.

В действительности случай 2) разбивается на подтипы: маркированный дериват может образоваться от глагола в другом значении, чем немаркированный, либо, наоборот, задействовать другое значение деривационного показателя.

3.1.1. Маркировка деривации запрещена

Первый случай является достаточно распространённым, в частности, А.А. Кибрик использует его как тест на направление немаркированной деривации [Кибрик 1996]. Правда, выше говорилось, что срабатывает он не всегда. Тем не менее, во многих эргативных языках есть класс глаголов, не сочетающихся с показателем в непереходном употреблении.

В частности, в адыгейском языке к ним относятся прототипически переходные глаголы типа ‘рвать(ся)’, ‘ломать(ся)’, ‘разбивать(ся)’ и т.д.:

- (250a) čaške-*g* q_wəta-*we*
чашка-ABS разбиться-PAST
‘Чашка разбилась’;
- (250b) čaške-*g* se-q_wəte
чашка-ABS 1SG.A-разбить
‘Я разбиваю чашку’;
- (250c) *čaške-*g* z-*we*-q_wəte
чашка-ABS 1SG.A-CAUS-разбить
‘Я разбиваю чашку’;

При этом при глаголах, сочетающихся с показателем, каузативная форма в большей мере акцентирует внимание на характеристиках каузации: её умышленности, самом процессе каузации и т.д. Глаголы типа ‘рвать(ся)’ – и в силу свойств пациенса, подвергающегося существенным изменениям в ходе ситуации, и в силу аспектуальных свойств, плохо сочетаются с фокусировкой каузации: ситуации такого рода, строго говоря, не подразумевают **процесса** каузации, поскольку практически не имеют процессной фазы – точнее, она крайне несущественна. Следовательно, и каузативная форма от них образовываться не должна.

С другой стороны, с точки зрения системы языка это не получает удовлетворительного объяснения. Семантическая гипотеза, изложенная выше, недостаточна, поскольку язык в норме не запрещает синонимии маркированной и немаркированной форм – кроме того, в языках с продуктивным каузативом его образование вряд ли должно быть ограничено семантикой исходной лексики. Деривационное объяснение также является слабым: непереходное употребление глаголов типа *qWEten* ‘разбить(ся)’ должно быть не просто производным, но и в некотором смысле неполноценным. В частности, в адыгейском языке непереходные употребления глаголов этого типа – единственные лексемы, не допускающие каузативации с помощью аффикса (с каузативом аффиксом сочетаются даже стативы и трёхвалентные глаголы, для которых это типологически не так уж типично). Особенно удивительным этот запрет является в свете того, что адыгейский язык как полисинтетический свободно допускает почти

неограниченное увеличение валентности глагола. Считать производное употребление не закрепившимся в языке также было бы необоснованно.

Возможно, хотя это не проявляется в поведении исходного глагола, непереходные употребления имеют иную синтаксическую структуру, чем обычные непереходные глаголы – в этом случае они скорее похожи на результативы типа ‘Капуста отварена’ или конструкции «неумышленного действия» в нахско-дагестанских языках. Тогда агенс ингерентно присутствует в структуре, но подвергается опущению – каузативация невозможна потому, что вводит новый агенс, хотя позиция агенса заполнена, и это приводит к дублированию синтаксической позиции³⁴. Однако и это не объясняет, почему похожие по семантике глаголы типа ‘пролить’ и ‘просыпать’ по-разному ведут себя с показателем каузатива.

Аналогичные примеры, обсуждавшиеся выше для русского языка – глаголы типа *капать* или *брызнуть*:

- (251) а. *Я брызнул на рубашку немного воды.*
б. *Из раненого плеча брызнула кровь.*
с. **Вода брызгается.*

– более объяснимы: переходные употребления данных глаголов явно вторичны по отношению к непереходным не только диахронически, но и в современном языке: они реже употребляются и часто принадлежат к разговорному стилю. С другой стороны, в русском и других индоевропейских языках образование маркированных декаузативов всё же может быть ограничено – хотя бы потому, что соответствующие показатели имеют и другие употребления.

Видимо, ключевой для невозможности присоединения показателя является не диахроническая первичность, а значимость каждого из употреблений: вероятно, для глагола *zebXErEteqWEñ* первично также переходное употребление, но непереходное не менее значимо. Для глаголов *капать* и *брызгать* переходное употребление не значимо, то есть агенс не занимает позиции, которую должен занимать при переходном глаголе. Поскольку декаузативация ограничена переходными глаголами, данных лексем она не затрагивает – ситуация, во многом противоположная адыгейской. Тем не менее, от глагола *брызгать* образуется объектный имперсонал:

- (252) *Вася брызгается.*

Эта деривация в русском языке так же, как декаузативация, сочетается только с переходными глаголами и отчасти опровергает гипотезу о неполной переходности

³⁴ Я благодарен Ю.А. Ландеру за обсуждение этой проблемы.

глаголов типа *брызгать*.

Возможна и другая точка зрения: лабильность, при которой глагол не сочетается с показателем деривации, встраивается в грамматическую систему и сама по себе становится показателем деривации. Однако на уровне языка в целом это объяснение неудовлетворительно: в нашей выборке нет ни одного языка, где весь класс лабильных глаголов не сочетался бы с показателями деривации – следовательно, лабильность не может стать «более грамматическим» средством, чем сами показатели.

В системах типа арабской отнесение глагола к данному типу вообще затруднено, так как в языке имеется несколько показателей декаузатива, каждый из которых не абсолютно продуктивен. Отметим только, что некоторые арабские лабильные глаголы не образуют производных каузативов и декаузативов: к примеру, от глагола *bada'a* 'начинать(ся)' декаузативной формы *tabadda'a* не существует, каузативная форма *'abda'a* имеет другое значение. Может образовываться медиально-декаузативная форма *'ibtada'a*, но она тоже является лабильной, совпадая по значению с *bada'a*. В то же время лабильные глаголы *bada'a* и *'ibtada'a* допускают образование пассива, в данном случае не сильно отличающегося по значению от лабильного глагола в непереходном употреблении. С другой стороны, ряд глаголов (*'ibtada'a* 'начинать(ся)') не принимают показателей деривации потому, что определённые формы (восьмая порода) в арабском не подлежат дальнейшей каузативации или декаузативации.

Различные системы в разной мере распределяют между собой показатели и лабильность: в частности, практически все болгарские глаголы сочетаются с показателями деривации, образуя квазисинонимичные формы. Напротив, в немецком языке глаголы правого конца шкалы не образуют маркированных дериватов. Наличие таких глаголов – их можно назвать *labilia tantum* – видимо, коррелирует с характерностью лабильности для грамматической системы.

В этой части не случайно упоминаются только декаузативно-лабильные глаголы – случаи, когда в языке есть показатель другой деривации, но с лабильным глаголом он не сочетается, редки, если встречаются вообще. К примеру, в английском языке и рефлексив, и реципрок к соответствующим лабильным лексемам свободно присоединяются. В частности, это связано с тем, что такая лабильность практически всегда направлена от переходного употребления к непереходному, и дериваты также образуются от переходного глагола.

Конечно, вычленение данного случая сталкивается с проблемой квазисинонимии: например, выше было показано, что декаузативы и пассивы от фазовых глаголов трудноразличимы – их противопоставление во многом связано со свойствами вложенной

ситуации. Следовательно, для болгарских фазовых глаголов возможно два подхода: считать, что показатель *се* обозначает пассив или считать его декаузативным, а маркированную и немаркированную форму – синонимичными.

3.1.2. *Формы с показателем и без показателя имеют разные значения*

Чаще всего встречается случай, когда от данного глагола образуется маркированный дериват, но его значение отличается от семантики соответствующего немаркированного употребления. В данном случае лабильность ведёт себя так же, как несколько квазисинонимичных показателей в одной и той же системе.

Особенно интересны в данном случае декаузативно-лабильные глаголы:

(253a)	š'əkwə-г	г-i-teq _{wə}
	соль-ABS	3SG.S-3SG.A-рассыпать;
	'Соль рассыпалась';	
(253b)	аš'	š'əkwə-г г-i-teq _{wə}
	он соль-ABS	3SG.S-3SG.A-рассыпать
	'Он просыпал соль';	
(253c)	аš'	š'əkwə-г г-jə- ke -teq _{wə}
	он соль-ABS	3SG.S-3SG.A-CAUS-рассыпать
	'Он нарочно высыпал соль'.	

Как говорилось выше, в языках мира довольно часто имеются несколько механизмов выражения каузации – можно упомянуть работы [Недялков, Сильницкий 1969], а из последних – [Shibatani, Pardeshi 2002], [Maldonado, Nava 2002], [Velasquez-Castillo 2002], [Daniel и др. в печати]. В частности, механизмы могут различаться не только показателем каузатива, но и кодированием актантов каузативного глагола. Как правило, противопоставление основано на способе каузации, свойствах исходного глагола (переходный/непереходный) и акцентировании компонентов ситуации. В работах [Givon 1983] и, для каузативной ситуации, [Недялков, Сильницкий 1969] показано, что семантическая сложность каузативной ситуации, степень выделенности её отдельных компонентов иконически отражается в степени формальной сложности конструкции: аналитическом/синтетическом выражении каузации и полипредикативности/монопредикативности. Чем более объединены семантические компоненты, тем левее конструкция будет находиться на шкале:

Лексический каузатив > Морфологический > Аналитический

Ср., например, русские лексические каузативы *разлить*, *высыпать* и аналитические конструкции с показателем *сделать так, чтобы*:

(254) *Я разлил воду;*

(255) *Я сделал так, чтобы вода разлилась.*

В первом случае обязательно прямое и контактное воздействие субъекта на воду, во

втором может подразумеваться, что субъект, например, открыл окно, в результате чего подул ветер, и вода разлилась.

Следовательно, лабильность должна занимать позицию, близкую к лексическому каузативу: хотя её каузативное употребление может быть производным (в отличие от глаголов типа ‘убить’, не производных ни от каких лексем), каузативная конструкция максимально сближает две подситуации – каузацию и каузируемую ситуацию. Тем не менее, оказывается, что главным может являться не параметр объединённости ситуаций, а то, на какой ситуации оказывается акцент. Как правило, при лабильности внимание не акцентируется на способе каузации – основным является компонент **состояния каузируемого**.

В частности, именно с этим связано наличие у адыгейских маркированных дериватов идеи умышленности действия: при умышленном действии каузатор должен совершать особые действия для достижения своей цели, то есть его действия выделяются говорящим. Выше отмечалось, что фазовые глаголы отчасти проявляют лабильность именно потому, что прототипически каузатор не совершает никаких специальных действий для перевода ситуации в новую фазу.

Другое следствие фокуса на каузируемой ситуации – аспектуальные различия между маркированными и немаркированными формами. В адыгейском языке при глаголе ‘пачкать’, по мнению некоторых информантов, в переходном употреблении внимание акцентируется на конечном состоянии, а при каузативе – на самом процессе:

- (256) a. хərbəzə-m žane-r je-wəŕ_wejə zepətə
арбуз-ERG платье-ABS 3SG.A-пачкать всегда
‘Арбуз всегда пачкает одежду’ (каузатор не существует);
- b. хərbəzə-r arə s-jə-žane z-jə-ve-wəŕ_wejə-ve-r
арбуз-ABS FOC 1SG-POSS-платье RFL-3SG.A-CAUS-пачкать-
PAST-ABS
‘Именно арбуз испачкал мне одежду’ (каузатор выделен).

В адыгейском языке, как правило, акцент при каузативах находится именно на каулируемой ситуации – исключение составляют лабильные глаголы: при каузативах от них акцентируется каузация, поскольку для выделения каулируемой ситуации существует немаркированная форма.

С другой стороны, в работе [Schäfer 2003] непереходные глаголы в немецком, греческом, итальянском и французском языках делятся на типы в зависимости от того, употребляются они только с показателем декаузатива, только без него или допустимы оба употребления. В работе замечено, что во всех языках маркированная форма обозначает предельное действие/действие с выделенной конечной точкой. Это вполне согласуется с выводами работы [Nopper, Thompson 1980]: предельная ситуация является более

семантически переходной, чем неопределённая – следовательно, более пациентивен субъект именно при маркированных декаузативах, что ожидается, поскольку декаузатив является собственно механизмом понижения деривации. Тем не менее, автором делается более слабый вывод: маркированная форма имеет более определённую аспектуальную характеристику. Некоторым недостатком работы, впрочем, является невнимание к аспектуальным характеристикам переходных употреблений тех же глаголов. По-видимому, важным фактором является близость переходного и непереходного употреблений одного и того же глагола.

Как показано в работе, в итальянском языке глаголы, употребляющиеся только с показателем декаузатива/возвратности *si* предельны в обоих употреблениях, а употребляющиеся только без него неопределёны в обоих употреблениях. Как кажется, это может быть связано с тем, что, согласно выводам, сделанным в статье [Hopper, Thompson 1980], глаголы, обозначающие предельные/завершённые действия, проявляют большую переходность, чем обозначающие неопределённое незавершённое — *si* обозначает то, что действие предельно, а значит, более переходно, и между каузативным и некаузативным употреблением глагола возникает большая семантическая дистанция, чем при неопределённом действии, которая обозначается показателем возвратности. С другой стороны, автор замечает, что глаголы, допускающие оба варианта, могут быть и предельными, и неопределёнными в переходных употреблениях и в непереходных без частицы *si*, а при добавлении частицы *si* — только предельными, что подтверждается неспособностью сочетаться с обстоятельствами продолжительности действия типа *for X*. Различия между употреблениями с возвратной частицей и без неё, можно объяснить аспектуальной близостью употреблений лабильного глагола (см. выше). Впрочем, в статье не рассматривается вопрос о производности одного из употреблений — это могло бы дать ответ на вопрос, у каких глаголов — переходных или непереходных — изначально возникла способность варьировать свои видовые характеристики.

Аналогичным образом, в [Cornips, Hulk 1996] показано, что при немаркированном непереходном употреблении в голландском языке допускается выражение протяжённости ситуации, неграмматичное при декаузативном деривате:

Нидерландский:									
(257a)	*dat	het	ei	zich	3	minuten		lang	gekookt
		heeft							
	что	DEF	яйцо	REFL	3	минута.PL	за	PART	
	иметь.PRS.3SG								
	‘*...Что яйцо приготовилось три минуты’								
(257b)	dat	het	ei	3	minuten		lang	gekookt	heeft
	что	DEF	яйцо	3	минута.PL	за	PART		иметь.PRS.3SG
	‘Что яйцо готовилось три минуты’.								

В данном случае соотношение, казалось бы, противоположно адыгейскому: именно при маркированном деривате выделяется конечная точка, а при немаркированном это необязательно. В действительности стратегии различения форм могут быть различными в разных языках. Они зависят от того, какая именно маркированная форма имеется в данной системе. Так, в адыгейском языке лабильность противопоставлена каузативу – следовательно, если каузатив акцентирует внимание на процессной фазе каузации, то немаркированная форма – на конечном состоянии пациенса. Напротив, в европейских языках декаузатив имеет субъекта-пациенса и фокусирует её состояние – напротив, немаркированная этого не делает. Поскольку лабильность не является сильным грамматическим механизмом, аспектуальные свойства предиката она также затрагивает нерегулярно и слабее, чем деривативные формы, не имея строгих аспектуальных характеристик. Это вполне согласуется с тем, что лабильными могут быть пары, вообще не попадающие в область действия деривативных показателей. С другой стороны, и здесь явно действует правило наибольшей близости употреблений лабильного глагола: непереходное употребление просто имеет те же свойства, что и переходное, не налагая дополнительных ограничений (как мы видели, то же правило применимо к адыгейским переходным употреблениям: как и непереходные, они фокусируют внимание на результирующем состоянии пациенса).

При этом и классы глаголов, сочетающихся с показателями, в индоевропейских языках отличается от адыгейского: во французском именно лабильные глаголы типа ‘рвать’, ‘ломать’ и т.д. принимают декаузативный показатель.

Близкое противопоставление усматривает между французскими маркированными и немаркированными формами М. Ашар [Achard 2006]: считается, что маркированные формы типа *se casser* ‘сломаться’ обозначают изменение состояния само по себе, а их немаркированные аналоги – изменение, значимое для последующих событий. Свойства маркированного деривата и здесь фиксированы более строго: его семантика ограничена самой ситуацией ‘сломаться’ и не выходит за её рамки.

С другой стороны, в некоторых случаях лабильность отличается от маркированных употреблений не аспектуально, а собственно семантически. В этом случае дело обстоит наоборот: прототипический декаузатив маркируется, а лабильный глагол каким-то образом отклоняется от декаузативного значения.

В частности, выше шла речь о сближении переходной и непереходной ситуаций при глаголах типа *двигать*, *высыпать* или *лить* – напротив, декаузативы от переходных употреблений не добавляют субъекту агентивности:

(258) *На улицу высыпали люди – Соль высыпалась на стол.*

Нарушение противопоставления возможно, хотя встречается редко и кажется не совсем нормативным:

(259) *Лился дождь или падал снег, дребезжа проезжал трамвай.*

(260) *Поглощая звуки, мягко сыпался снег.*

(261) *По трубам к нам лила вода, но невозможно:*

(262) **Сверху сыпал песок.*

Случаи, описанные в статье [Daniel и др. в печати] и [Летучий в печати] для агульского и адыгейского языков проявляют ту же тенденцию: непереходное и переходное употребления могут не быть симметричны, но непереходный глагол и каузатив от него, как правило, имеют один и тот же спектр употреблений. Различия такого рода можно назвать **актантными**.

Интересный случай представляет литовский язык, где от единственных в языке лабильных глаголов *virti* ‘варить, кипятить/вариться, кипеть’ и *kepti* ‘печь/печься’ могут быть образованы каузативы на *-in*, со значениями, соответственно, ‘кипятить’ и ‘жарить’. Аналогичный случай представлен в адыгейском: глагол *ž_wen* ‘кипеть, вариться; варить’ в немаркированном переходном употреблении может означать только ‘варить’.

При глаголах движения маркированное и немаркированное употребления могут расходиться и более существенно: немаркированные формы обозначают изменение направления движения, а маркированные — изменения положения предмета в пространстве (*повернуться, свернуться*), возможно, относительно другого предмета (*завернуться*):

(263) *Я завернул за угол — Я завернулся в одеяло;*

(264) *Машина повернула направо — Чиновник повернулся ко мне;*

(265) *Мы свернули не в ту сторону — Котёнок свернулся клубком.*

Похожий тип противопоставления двух форм встречается в немецком языке, где возвратная частица *sich* также обозначает рефлексив, реципрок, декаузатив и др. Глаголы *umkehren* и *umdrehen* ‘поворачивать, шевелить’ без показателя возвратности означает изменение направления движения, а с показателем имеет значение декаузатива:

(266) a. *Er dreht um und läuft* ‘Он поворачивает и бежит обратно’;

b. *Er drehte den Schlüssel um* ‘Он повернул ключ (в замке)’;

c. *Er dreht sich um* ‘Он поворачивается (отворачивается)’.

Немецкий глагол *neigen* с показателем возвратности имеет рефлексивное значение, а без показателя обозначает постоянное состояние одушевлённого субъекта — данное значение лежит между рефлексивным и декаузативным:

- (267) a. *Er neigt den Kopf* ‘Он наклоняет голову’;
b. *Er neigt zu Übertreibungen* ‘Он склонен к преувеличениям’;
c. *Das Schiff neigt sich zur Seite* ‘Судно кренится’.

По-видимому, в этом случае действует принцип различения маркированного и немаркированного употребления. Маркированные декаузативы обозначают канонический автокаузатив или рефлексив, а лабильный глагол – близкую по смыслу, но отличную от него ситуацию. Тем самым, лабильность обозначает ситуацию, которая не может быть обозначена декаузативом. Это позволяет применить аппарат, разработанный в [Ackerman, Moore 2001] для каузативных конструкций: как показано авторами, в языках, где каузативные конструкции от переходных и непереходных глаголов образуются по-разному, способ каузации может выражаться по-разному. В одних языках субъект каузируемой ситуации при фактитивном и пермиссивном каузативе кодируется разными способами – тем самым, различение типов каузации одной ситуации (синтагматический принцип) важнее, чем противопоставление типов глаголов (парадигматический принцип). В других языках фактитивная и пермиссивная конструкции совпадают, и главным является противопоставление субъектов каузируемой ситуации при каузативах от разных типов глаголов. Тем самым, различение типов каузации одной ситуации (синтагматический принцип) важнее, чем противопоставление типов глаголов (парадигматический принцип). В других языках фактитивная и пермиссивная конструкции совпадают, и главным является противопоставление типов глаголов.

Аналогичным образом, в одних языках лабильность разграничивает, прежде всего, разные глаголы (то есть семантически различные ситуации), не различая более и менее пациентивных вариантов ситуации (например, так происходит в адыгейском языке у глаголов правого конца шкалы самопроизвольности в переходном и непереходном употреблении) – то есть преобладает парадигматический принцип. Напротив, в случаях типа русского важно различение вариантов одной и той же ситуации – декаузативного и «лабильного» - между собой. Так происходит, когда лабильность скорее маргинальна и действует на уровне вариантов ситуаций, а не ситуаций в целом. В частности, фазовые глаголы во многом лабильны именно в силу несоответствия прототипу маркированного декаузатива. Аналогичным образом, лабильность немецкого глагола *schliessen* ‘закрывать(ся)’, употребляющегося непереходно как статив, связана с отличиями стативной ситуации от прототипической декаузативной ‘закраться’. Параллельно действует принцип объединения семантически близких ситуаций, проиллюстрированный русскими глаголами движения: именно поэтому лабильность характерна для поступательного активного движения.

В некоторых случаях различие связано с различными употреблениями деривативного показателя: казалось бы, в индоевропейских языках показатель возвратности имеет широкую полисемию, но при противопоставлении обнаруживается, что одни из употреблений иерархически выше других: ср., например, пару, где немаркированный декаузатив противостоит маркированному рефлексиву:

- (268) а. *Er stürzte sein Glas hinunter* ‘Он допил свой стакан’ (букв. ‘перевернул’);
 б. *Er stürzte hinunter* ‘Он упал с высоты’;
 в. *Er kletterte auf einen sehr hohen Berg und stürzte sich hinunter* ‘Он забрался на очень высокую гору и бросился вниз’.

Вторичность декаузативного употребления немецкого *sich* по сравнению с рефлексивным проявляется и в его несочетаемости с прототипически переходными ситуациями типа ‘ломать’. Такой тип конкуренции можно назвать **деривативным**.

В более сложных случаях в конкуренцию вмешиваются сразу несколько деривативных показателей, как происходит с адыгейским каузативом и декаузативом: многие глаголы сочетаются с каузативным показателем, а глагол *wəfən* ‘гнуть(ся)’ – с декаузативным:

- (269) čəwə-γ me-wəfe/z-je-wEfe
 дерево-ABS DYN-гнуть/REFL-3SG.A-гнуть
 ‘Дерево гнётся’.

Распределение типов пар зависит от семантики глагола: адыгейский рефлексивный показатель в значении декаузатива сочетается именно с немногочисленными глаголами изменения положения и конфигурации. С другой стороны, важно, что ни одного лабильного глагола, способного сочетаться и с каузативом, и с декаузативом, в адыгейском нет.

В то же время, такие тройки есть во французском ([Labelle 1990], [Labelle 1992], [Labelle 1998], [Achard 2006]): лабильный глагол *fondre* ‘таять/растопливать’ в переходном употреблении сочетается с показателем декаузатива, а в непереходном – с показателем каузатива

- (270) а. *se fondre de plaisir* ‘таять от удовольствия’;
 б. *Le sucre fond dans l'eau* ‘сахар растворяется в воде’;
 в. *faire fondre du beurre dans la poêle* ‘растопливать масло на сковороде’.

По-видимому, возможность такой ситуации связана с различной степенью грамматикализации показателей: каузативный глагол *fondre* грамматикализован в меньшей мере, чем возвратный показатель, и как бы накладывается на самые различные классы глаголов. Часто, если в языке сильно грамматикализованы и каузатив, и

декаузатив, хотя бы один из них или даже оба обладает ограниченной сочетаемостью. Если же это не так, как в тюркских языках, это приводит к отсутствию в данной системе лабильности.

Итак, соотношение лабильных глаголов с маркированными дериватами показывает, что их сферы употребления распределяются двумя способами: «аспектуальным» и «семантическим». Если в первом случае переходные употребления лабильных глаголов близки по свойствам к переходным, то во втором различие обозначаемых ими ситуаций может быть очень существенно, а показатели деривации не меняют свойств ситуации. Поскольку в наибольшей мере в языках мира распространена декаузативная лабильность, можно сказать, что самое частое соотношение маркированного и немаркированного глагола – «недекаузатив/декаузатив», но декаузативы очень разнообразны. В частности, немаркированное непереходное употребление глагола *neigen* менее агентивно, чем маркированное, а при глаголах типа *повернуть* и *кружить* – скорее более агентивно: это связано с тем, что в первом случае противопоставлены статив-декаузатив и рефлексив, а во втором – два типа декаузативов. В то же время тип противопоставления зависит от того, какому показателю противостоит лабильность – именно поэтому в эргативных языках распределение устроено иначе, чем в аккумулятивных.

Сочетаемость глаголов с показателями позволяет говорить о лабильности как градуальной характеристике: чем лучше данный глагол сочетается с показателями деривации, тем «менее лабильным» он является (к примеру, это объясняет свойства французских деструктивных глаголов, сочетающихся с показателем декаузатива, и немецких, не сочетающихся с ними и коррелирует с другими свойствами немецкой и французской систем) – а с другой стороны, определять степень лабильности языковой системы. Другим показателем промежуточной лабильности является различная продуктивность и стилистическая окраска употреблений. В то же время в системах с достаточно продуктивной лабильностью сочетаемость обусловлена ещё и свойствами самого показателя.

Существование в одной и той же системе глаголов, сочетающихся и не сочетающихся с показателями деривации, опровергает два возможных взгляда на лабильность – с одной стороны, как просто на совмещение переходного и непереходного глаголов, а с другой стороны, как на отдельный от дериваций и нелабильных глаголов феномен. Первая точка зрения не объясняет наличия глаголов типа адыгейских – они явно отличаются от канонических переходных – а вторая не учитывает неоднородности класса лабильных глаголов: нет оснований отделять лабильные глаголы с несимметричными употреблениями, одно из которых периферийно и конкурирует с показателем деривации,

от переходных или непереходных глаголов.

Интересно, что практически не играет роли параметр способа каузации при декаузативной лабильности – обычно лабильность конкурирует с морфологическими каузативами, кодирующими тот же тип каузации (за исключением окказиональных каузативов типа *уйти ego*) – скорее речь идёт о прототипичности каузативной ситуации (см. об этом факторе для английского языка в [Goldberg 1995]).

Рассмотренные случаи соотношения между лабильным глаголом и маркированным дериватом можно разделить на три типа:

- (1) **аспектуальный**: при лабильном глаголе и деривате акцент на разных фазах события (ср. адыгейские каузативы);
- (2) **актантный**: различные типы агенса и пациенса (русские примеры типа (264));
- (3) **деривативный**: различия в типах актантных дериваций (немецкие пары вида 268)).

Наконец, синонимия маркированной и немаркированной форм трудноотделима от предыдущего случая: как правило, хотя бы аспектуальные различия имеются, хотя при типологическом анализе выявить их все не представляется возможным. Даже если ингерентные свойства маркированных и немаркированных форм практически совпадают, часто одна из них более употребительна и сочетается с менее широким классом субъектов или ситуаций.

Табл. 7. Сочетаемость лабильных глаголов с показателями.

Язык	Сочетаемые с показателями	Несочетаемые
Адыгейский	Глаголы с непротот. пац.	Глаголы с прототипич. пац.
Немецкий	Немногочисленные	Остальные: с аг.-ин., PPP
Французский	Большинство	Глаголы с агенсом-иниц.
Болгарский	все	-
Русский	все	-
Агульский	все	-
Годоберинский	распределение по семантике глаголов	

3.2. Типология систем лабильных глаголов

Выше мы, в основном, рассматривали отдельные типы лабильных глаголов – в частности, связь лабильности с семантикой глагола, свойствами актантов, акциональностью, соотношением между употреблениями. Однако важно и то, что лабильные глаголы в языке формируют некоторый класс лексем, который можно рассматривать как целое. В данной части мы предлагаем параметры классификации

систем лабильных глаголов в различных языках, а также обсуждаем связь лабильности со свойствами языка.

Классификация систем из всех способов выражения деривации важна в первую очередь именно для лабильности. Прототипические каузативные и декаузативные показатели (особенно каузативные), а также эквиолентные соотношения типа персидских продуктивны и классификация обслуживаемых ими систем глаголов часто не слишком осмысленна: показатели сочетаются практически со всеми классами ситуаций, о каузации которых можно говорить – в зависимости от их свойств выбираются различные способы и типы каузации. Более осмысленно перечислять исключения – виды каузации, не выражаемые показателем, и глаголы, с которыми он не сочетается.

Для супплетивизма и эквиолентных соотношений типология систем малопригодна по другой причине: во многих языках они возникают у отдельных лексем и почти ни в одном – у широких классов (даже таких, для которых может быть характерна лабильность). Непонятно вообще, как изначально соотносятся между собой члены супплетивной пары.

Напротив, лабильность в силу явной связи между членами пары поддается систематизации, а в силу обусловленности семантическими свойствами глагола эти системы разнообразнее, чем у показателей деривации. Важно ещё и то, что разнообразие этих систем сложно ограничить построениями типа семантических карт. Часто трудно с уверенностью утверждать, что лабильность некоторых двух лексем связана между собой отношениями аналогии – как было показано выше, диахронические пути возникновения лабильности могут быть очень различными.

3.2.1. Параметры систем лабильных глаголов

3.2.1.1. Количество лабильных глаголов

Наиболее очевиден параметр количества лабильных глаголов в языке, по сравнению с количеством нелабильных глаголов. Как правило, лабильные глаголы в языках мира составляют явно меньшую группу, чем глаголы без варьирования. Исключением является английский, для которого удобнее говорить о том, какие группы глаголов **не** лабильны.

Гораздо больше языков, где количество лабильных глаголов исчисляется единицами: в лезгинском языке их около десяти, в болгарском, русском, или арабском — около двадцати и т.д. Среди групп индоевропейских языков развитую лабильность имеют германские и романские языки, неразвитую — славянские. В других ареалах лабильность развита в нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языках.

Языки нашей выборки можно расположить на следующей шкале по количеству лабильных глаголов:

английский > немецкий, аварский, адыгейский > скандинавские, французский > болгарский, русский > сербский, румынский, лезгинский > польский, тюркские³⁵ > чешский, венгерский.

Тем не менее, уже с данным параметром возникают некоторые сложности: существенно, какие глаголы мы включаем в выборку – только непроизводные или также производные. Во многих языках имеются продуктивные словообразовательные модели, образующие чаще всего лабильные глаголы. К таким, например, принадлежит рассмотренный выше французский класс отадъективных глаголов на *-ir*, чаще всего бесприставочных. Но даже без учёта таких продуктивных моделей проблема не снимается: в частности, в арабском языке лабильность нередко проявляют производные глаголы – она не закреплена ни за какой определённой моделью, но вызывает сомнение то, с чем она связана – со свойствами основы или показателя деривации.

Другая проблема состоит в пограничных случаях – окказионально-лабильных глаголах и других лексемах с несимметричными употреблениями. Так, известно, что в русском языке очень многие глаголы могут образовывать окказиональные каузативы типа *Его уехали за границу*, *Мама хочет уснуть ребёнка* и т.д. Ясно, что рассматривать такие лексемы в качестве лабильных нельзя – их переходные употребления не входят в компетенцию носителей языка. Но стоит ли рассматривать их как доказательство большей склонности языка к лабильности?

В частности, интересно, что окказионализмы такого рода подчиняются определённым закономерностям: так, в агульском языке возникают окказиональные декаузативы:

- (271) **duq'** sara, berHem!
 шить:Imv же платье(Nom)
 'Платье, да шейся же!'

а в индоевропейских – каузативы. Легко показать, что это связано с особенностями системы языка – так же, как склонность эргативных языков к лабильности глаголов с прототипическим пациенсом. Окказиональная каузативация или декаузативация используется в тех случаях, когда язык не имеет грамматических механизмов для маркирования соответствующей деривации.

Даже за пределами окказиональных каузативов имеются глаголы с явно несимметричными употреблениями. Особую проблему здесь составляют древние языки: выявить статус каждого употребления в них сложно. Но и в современных языках есть употребления, фиксируемые в словарях, но редкие по сравнению с парными: ср.,

³⁵ Тюркские языки представляют собой особый случай: в них лабильность регулярно проявляют

например, употребления русского глагола *оттаивать* – его непереходное употребление нормативно, а переходное фиксируется в словаре [Даль 1998/1880] и некоторых других, но явно не может считаться столь же нормативным. Аналогичным образом, французские глаголы *casser*, *fatiguer* в непереходных употреблениях фиксируются в словарях, но из-за конкуренции с возвратными аналогами распространены меньше, чем переходные.

По-видимому, такие закреплённые употребления уже стоит учитывать при подсчёте лабильных глаголов – иначе пришлось бы исключить из их числа очень многие глаголы: полной асимметрии практически не существует. Более того, такого рода периферия естественно для языков с большим количеством лабильных глаголов: она возникает из-за конкуренции с показателями, устаревания употреблений и т.д. В тюркских языках, например, даже периферийной лабильности не возникает.

3.2.1.2. Диатетические типы лабильных глаголов

1. Преобладающий тип лабильных глаголов

В любой системе можно выделить преобладающий класс лабильных глаголов. Можно было бы говорить о нём просто в терминах количества глаголов. С другой стороны, нужно учитывать количество случаев, когда соответствующее значение вообще имеет смысл (таким образом, отсутствие лабильности типа ‘разбить/разбить друг друга’ для нас нерелевантно, поскольку значение ‘разбить друг друга’ не имеет смысла).

Как уже говорилось выше, преобладающим в языках мира является декаузативный тип. В таких языках, как адыгейский, немецкий, русский, лезгинский или агульский, других лабильных глаголов нет. Заметим, что это не связано напрямую с количеством лабильных глаголов в языке – как язык с большим количеством лабильных глаголов (ср. адыгейский), так и система, для которой лабильность нехарактерна (русский) может сосредотачиваться исключительно на декаузативной лабильности. В большинстве дагестанских и семитских языков данный тип преобладает, хотя единственным не является (также присутствуют рефлексивные, пассивные и стативные лабильные глаголы). Как выше говорилось, это связано во многом с прототипичностью и переходного, и непереходного варианта ситуации и отсутствием более сложного варианта, неизбежно производного. В частности, преобладание декаузатива, как будет показано ниже, связано с системой грамматических показателей в языках.

Тем не менее, преобладающими в языке могут становиться и другие типы лабильности, помимо декаузативного — в частности, в **алюторском** языке доминирует рефлексивный тип, а в **берберском кабилском**, как уже было сказано, - стативно-

только фазовые глаголы со значениями ‘начать(ся)’ и ‘закончить(ся)’.

пассивный. В африканских языках распространены немаркированные пассивы и близкие к ним типы лабильности. Напротив, выделить класс языков с преобладанием или распространённостью рефлексивной лабильности не получается: это не слишком большое количество языков разных групп и ареалов. В частности, это картвельские, дагестанские языки, эстонский, английский.

Сложности связаны со случаями, когда типы лабильности занимают разное место в парадигме: так обстоит дело с английской *middle construction* и всеми остальными типами. Медиальная конструкция находится в системе гораздо ближе к словоизменению, чем собственно лабильность, и гораздо слабее меняет семантику ситуации – поэтому чётко очертить область её распространения сложно.

Все диатетические классы глаголов, кроме декаузативного, не членятся на подклассы, поскольку лабильность в них ограничена небольшим количеством глаголов. Внутри декаузативного класса выделяются различные подклассы и, следовательно, языки, в которых лабильны эти подклассы. В частности, отметим языки с лабильностью глаголов **с прототипическим пациенсом, фазовых глаголов, глаголов движения, глаголов с агенсом-инициатором** и т.д. Прототипичность переходного глагола мы определяем по параметрам, предложенным в [Hopper, Thompson 1980] и [Dowty 1991]: по степени воздействия на пациенс (и наличию прототипического пациенса), по агентивности субъекта. В работах, посвящённых лабильности, основное внимание обращается на первый тип языков, но статистически он не является самым распространённым. Приведём статистику самых распространённых групп и имеющих в языках групп.

Табл. 8. Распространение лабильности по семантическим классам.

Группа	ПП	ФГ	ГД	АИ
Английский	+	+	+	+
Немецкий	+	+	+/-	+
Французский	+-	+	+	+
Литовский	-	-	-	+
Латынь	-	+	+-	-
Тюркские	-	+-	-	-
Болгарский	-	+	+-	-
Другие слав.	-	-	+	-
Южно-Амер.	+	-	-	+(-)
Арабский	-	+	-	-
Удмуртский, другие	-	+-	-	+

финно-уг.				
Адыгейский	+	+-	-	-
Нахско-даг.	+	-+	+	+
Древнегреческий	-	-	+	-

ПП – глаголы с прототипическим пациенсом и агенсом-исполнителем, АИ – глаголы с обязательным агенсом-инициатором типа ‘варить(ся)’, ГД – глаголы движения, ФГ – фазовые глаголы.

Как мы видим, наиболее распространены в языках мира именно фазовые лабильные глаголы. Глаголы с прототипическим пациенсом даже менее частотны, чем глаголы движения. В частности, оказывается, что для каждой из групп глаголов существует язык, где она была бы основной – например, для глаголов с прототипическим пациенсом это нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки, для фазовых – тюркские и различные индоевропейские, для глаголов движения – славянские и древнегреческий, для глаголов с агенсом-инициатором – ряд индоевропейских, в особенности французский и литовский. Таким образом, нельзя говорить о глаголах с прототипическим пациенсом как об исходном, первичном классе лабильных глаголов.

Можно заметить, что разные классы лабильных глаголов характерны для разных групп языков. Учитываться при этом должны, прежде всего, языки с неразвитой лабильностью: языки типа английского не слишком показательны, поскольку не отражают тенденций, существующих для групп и типов языков. Аналогичным образом, среди эргативных языков не слишком информативны абхазо-адыгские.

Для эргативных языков классического кавказского типа характерна лабильность глаголов с прототипическим пациенсом (ср. нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки). Системы такого рода можно назвать **ядерными** – лабильность в них затрагивает ядро класса переходных глаголов. В особенности показателен лезгинский случай, о котором речь шла выше. Эта особенность является продолжением тенденций, обсуждавшихся выше: лабильность во многом зависит от релевантности актантов ситуации и том, насколько необходимо их участие в ситуации. При сильной затронутости пациенса он становится более существен для ситуации, чем при слабой затронутости. Хотя и существуют исключения типа *бросать*, где пациенс затронут сильно, но агенс не может быть удалён из семантики ситуации можно говорить о балансе затронутости: при определённой затронутости пациенса агенс учитывается в меньшей степени, так как оба актанта с трудом могут находиться в фокусе внимания. В то же время известно, что в эргативных языках Кавказа абсолютный актант (то есть чаще всего пациенс) и

синтаксически, и семантически более существен, чем остальные – в частности, эргативный агенс. Следовательно, языковая иерархия и иерархия участников глагола, в которой пациенс занимает гораздо более важное место, в данном случае согласуется.

Той же тенденции можно дать и другое объяснение: выше мы замечали, что лабильность часто возникает из опущения актанта. Для эргативных языков этот путь развития облегчён в связи со строем: как замечено в работе [Drossard 1998], опущение актанта и превращение оставшегося актанта в субъект требуют меньших перестроек, чем в аккумулятивных языках. Как правило, исходно опущение эргативного субъекта даёт пассивную семантику ('его убили', 'лошадь привязали' – см. обсуждение такого рода «пассивных» конструкций в лезгинском языке в [Haspelmath 1991]). Следовательно, и появления лабильности стоит ожидать в случаях, когда декаузатив в наибольшей мере похож на пассив, то есть ситуация с большой вероятностью требует участия внешней силы, даже если для говорящего она неважна. Такими ситуациями часто являются несамопроизвольные ситуации с прототипическим пациенсом – поскольку пациенс сильно затронут, вероятно, что ситуация имела место не в силу его ингерентных свойств, а под внешним воздействием. Данное объяснение связано с первым – оба они опираются на высокую значимость пациенса в эргативных языках.

Как было показано выше, в лезгинском языке лабильны только глаголы с прототипическим пациенсом. Языки с более развитой лабильностью типа адыгейского расширяют лабильность на все несамопроизвольные ситуации. Мы не имеем точной информации о развитии лабильности в этих языках, но, видимо, стоит предположить, что диахронически в эргативных языках кавказского типа первичны глаголы с прототипическим пациенсом (т.е. релевантны свойства участника, что вообще естественно для лабильности), а затем при обобщении на первый план выходят свойства ситуации в целом – её аргументная структура. Правда, существуют и исключения: в годоберинском языке среди лабильных глаголов деструктивные не преобладают: в частности, не лабильны глаголы типа 'ломать(ся)'.

Напротив, в аккумулятивных индоевропейских языках с небольшим количеством лабильных лексем лабильны лексемы с непрототипическим пациенсом – глаголы движения, фазовые глаголы и глаголы с агенсом-инициатором (системы такого рода мы называем **периферийными**). Как мы видели, класс лабильных глаголов в исследуемых языках скорее расширяется, чем сужается, а значит, глаголы с прототипическим пациенсом приобретают лабильность позднее. Для аккумулятивных языков также необходим определённый параметр, по которому два варианта ситуации сближаются, но

прототипичность пациенса для них не столь существенна, как для эргативных. Глаголы с прототипическим пациенсом лабильны только в языках с продуктивной лабильностью – например, в германских, новогреческом и отчасти французском. Интересно, что даже эти глаголы в аккузативных языках более склонны к лабильности, чем рефлексивы типа ‘мыть/мыться’ – следовательно, «трудность» синтаксических преобразований, изменение субъекта не обязательно препятствует лабильности.

Заметим, что лабильность, тем самым, коррелирует со свойствами переходности в данном классе языков: как показано в исследовании [Testelec 1998], в языках Кавказа синтаксическая переходность в той или иной мере ограничена семантически сильно переходными глаголами – класс лабильных глаголов вкладывается в класс переходных. Чем более прототипичен в языке класс переходных глаголов, тем более прототипичен класс лабильных. Ниже мы подробнее обсудим связь между данными признаками.

3.2.1.2. Гомогенные и гетерогенные системы

В связи с лабильностью возникает проблема, отсутствующая при рассмотрении показателей деривации. Показатели имеют ненулевое означающее – следовательно, проблема отождествления показателей обычно решается просто: при наличии совпадающих по форме показателей различных дериваций мы «по умолчанию» считаем их двумя употреблениями одного показателя – вопрос заключается только в том, как эти употребления связаны. Напротив, рассмотрение лабильных глаголов как одного класса лексем не всегда бесспорно: немаркированные деривации весьма многообразны, следовательно, ничто не противоречит трактовке класса лабильных глаголов как нескольких классов глаголов, значения которых связывают разные типы немаркированных переходов (в частности, одни из них могут быть направлены от непереходного употребления к переходному, а другие – наоборот). Такая трактовка отчасти опровергается тем, что лабильные глаголы во многих языках формируют чётко выраженные классы – такие же, какие формируют пары, состоящие из немаркированного непереходного глагола и маркированного каузатива. Тем не менее степень гомогенности, связности класса лабильных глаголов варьирует от языка к языку.

Для сравнения систем можно ввести параметр гомогенности системы лабильных глаголов. Гомогенность понимается как соотношение между количеством лабильных глаголов и количеством семантических групп, к которым они принадлежат (как диатетических типов лабильных глаголов, так и семантических классов ситуаций, которые они обозначают). Если оно велико, это означает, что очень большое количество лабильных глаголов принадлежат к одной и той же группе. Ещё одним показателем мы считаем степень различия между классами глаголов.

Так, и аварский, и адыгейский языки принадлежат к системам с развитой лабильностью. Однако в аварском языке лабильные глаголы могут обозначать движение или деструктивное воздействие на пациенс, могут иметь в переходном употреблении как пациентивный (*бекизе* ‘разбивать(ся)’), так и агентивный субъект (*ине* ‘идти/вести’) (впрочем, ядерную группу формируют всё равно первые). Напротив, в адыгейском языке все лабильные глаголы имеют пациентивный актанта, все обозначают сильное воздействие на пациенс, а не движение, имеют агенса-исполнителя. Следовательно, аварская система гетерогенна, а адыгейская гомогенна. Промежуточный случай представляет агульский язык, где лабильные глаголы могут иметь одушевлённый пациенс (‘родить(ся)’), но не могут иметь агентивный объект.

Самым крупным делением является классификация глаголов по диатетическим типам – именно по этому параметру, прежде всего, разделяются гомогенные и гетерогенные системы (выше уже говорилось, что в некоторых языках имеются только декаузативно-лабильные глаголы). Внутри декаузативного типа, выделяя подтипы, о которых говорилось выше, также можно выделить более и менее гомогенные системы. К примеру, среди индоевропейских языков русский, немецкий, литовский и древнегреческий языки являются более гомогенными, чем болгарский, французский или английский: в русском и древнегреческом языке большинство составляют глаголы движения, тогда как в болгарском лабильны могут быть и глаголы движения, и фазовые глаголы. Во французском языке имеются и агентивные, и производные отадективных, и прототипически переходные глаголы, тогда как в немецком ядро составляют прототипически переходные.

Гомогенные системы органично вписываются в концепцию лабильности как единого феномена. Если лабильность характерна для определённого класса глаголов, это значит, что она обладает характерной для морфологических показателей определённой синтактикой и не является индивидуальным свойством отдельных лексем. Напротив, в гетерогенных системах лабильность скорее является лексическим явлением: об этом свидетельствует её нерегулярность.

Можно сказать, что в гомогенных системах лабильность в большей степени грамматикализована, чем в гетерогенных. Она перестаёт зависеть от тонких семантических особенностей лексемы и распространяется на целый класс лексем. Например, в адыгейском языке лабильность по месту в системе эквивалентна декаузативу, образуемому от переходных глаголов непереходные при обозначении прототипически несамостоятельных ситуаций. Напротив, во французском языке лабильность равномерно рассеяна по всей системе и не функционирует как показатель.

Особенно важно сочетание признаков «гомогенность» и «количество лабильных глаголов» - для прототипического грамматического показателя характерен связный класс лексем, с которыми он сочетается, и большое количество таких лексем: в этом случае он отвечает критериям регулярности и обязательности для определённого класса, предложенным в работе [Мельчук 1998]. Таким образом, и лабильность в таких системах очень близка к грамматическому показателю. В частности, примерами могут служить адыгейский язык, в меньшей степени – немецкий.

В целом для эргативных кавказских языков характерна большая гомогенность (по крайней мере, что касается прототипически переходных глаголов): ср. агульский, адыгейский, лезгинский языки. Как правило, в этом ареале встречаются большие гомогенные системы типа адыгейской или отчасти агульской. Существенно, что далёкие от прототипа отадъективные, фазовые глаголы или глаголы движения здесь не лабильны и не делают систему гетерогенной. Примерно это же касается языка кора в Южной Америке. В меньшей степени её проявляют индоевропейские (прежде всего, германские и французский, где лабильны могут быть глаголы движения и фазовые глаголы, хотя есть и прототипически переходные), а также африканские языки типа сонгай. Заметим, что гомогенность не обязательно означает, что лабильность не конкурирует с показателями залога и деривации: например, в кабилском языке лабильность служит «показателем» безагенсного пассива, но имеется и пассив на *ta-*, допускающий выражение агенса. Возможно, распространённое и не вполне точное утверждение о большей распространённости лабильности в эргативных языках возникло именно из-за большей включённости лабильности в таких языках в грамматическую систему.

С другой стороны, наличие небольших гомогенных систем и продуктивных классов в них может быть связано с тем, что в разных группах глаголов лабильность образуется разными способами: приведём пример из русского языка, где распространена лабильность глаголов движения, которая изначально является результатом опущения объекта. Аналогичным образом, в болгарском языке лабильность фазовых глаголов, видимо, связана с особым соотношением между употреблениями. Гомогенная система, полностью сосредоточенная на периферии класса переходных глаголов, свидетельствует о том, что лабильность как грамматический механизм для данной системы нехарактерен.

Приведём классификацию по трём признакам: гомогенности, количеству глаголов и степени близости к переходному прототипу.

Ядерная, гомогенная, большая: адыгейский, агульский.

Ядерная, гомогенная, небольшая: лезгинский, южноамериканские.

Периферийная, гомогенная, большая: не засвидетельствована, возможно,

древнегреческий.

Периферийная, гомогенная, небольшая: русский.

Периферийная, гетерогенная, небольшая: болгарский

Ядерная, гетерогенная, большая: аварский?

Периферийная, гетерогенная, большая: немецкий, французский

Ядерная, гетерогенная, небольшая: багвалинский?

3.2.1.3. Продуктивность лабильности

Гомогенность системы тесно связана с другим параметром – полной охваченностью лабильностью некоторой группы. Если в данном языке любая лексема с определённой семантикой втягивается в класс лабильных, это означает, что лабильность продуктивна в том смысле, в котором можно говорить о продуктивности грамматического показателя. Даже язык с не слишком большим классом лабильных глаголов, который полностью охвачен, может считаться «сильно лабильным». В частности, это верно для болгарского языка: все фазовые глаголы в нём лабильны, независимо от валентной структуры однокоренных глаголов: ср. *започна* ‘начать(ся)’, *продължа* ‘продолжить(ся)’, *свърши* ‘закончить(ся)’ от переходного *върши* ‘делать’. Более тривиальна продуктивность деструктивных классов лабильных глаголов в таких языках, как адыгейский, в меньшей степени – немецкий, и глаголов с агенсом-инициатором во французском. Если язык обладает сильно гетерогенной системой лабильных глаголов, вполне вероятно, что ни один из классов не продуктивен, как это происходит в арабском или румынском языках.

3.2.1.4. Сочетаемость лабильных лексем с показателями

Прототипический грамматический показатель в данном контексте не имеет синонимов – как правило, считается, что, например, два каузативных деривата от одного глагола всегда различаются способом каузации. Следовательно, если лабильность у некоторых глаголов – единственный способ выражения соотношения, она находится ближе к грамматическому показателю, чем при наличии маркированных вариантов. По сути, именно такие случаи, прежде всего, рассматриваются в работах [Haspelmath 1993] и [Лютикова 2002а].

3.2.1.5. Лабильность производных глаголов

Ещё одним параметром является место в системе лабильных глаголов производных лексем. Так, во французском языке лабильность очень характерна для отадъективных глаголов (в особенности беспрефиксных) – ср. *noircir* ‘чернеть, чернить’, *rougir* ‘краснеть, краснеть’ и др., сходными свойствами такие лексемы обладают в английском. Как отмечается в работах [Кумахов 1990] и [Махмудова 2002], в адыгейском и рутульском языках также преимущественно лабильны производные глаголы с локативными

префиксами. В арабском языке в особенности интересна лабильность глаголов третьей породы с компонентом симметричности ситуации: ср., например, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *sa:wa:* ‘равняться, уравнивать’, *wa:zana* ‘уравновешивать(ся)’ и др. Фактически при лабильности производных глаголов ядро класса смещается от лексики к словообразованию: лабильность присуща не лексеме в силу её валентности, а словообразовательным механизмам. Кроме того, при образовании глаголов от прилагательных два употребления могут никак не быть связаны между собой прямо: каждое из них производно от соответствующего прилагательного. Чем большую долю в языке составляют производные глаголы, тем меньше оснований говорить о развитой лабильности.

Итак, мы рассмотрели признаки систем лабильных глаголов. Было показано, что склонность системы к лабильности может измеряться не только числом глаголов, но и их соотношением между собой. При наличии в языке единого класса прототипически переходных лабильных глаголов, не сочетающихся с показателями деривации, можно говорить о **грамматической лабильности**, а при наличии разрозненных глаголов из разных групп – о **лексической лабильности**.

Вполне естественно было бы думать, что то, остаётся лабильность на уровне отдельных лексем или становится своего рода грамматическим явлением, связано с особенностями языка. Лабильность отличается от прочих типов полисемии именно своим взаимодействием с грамматическими показателями. Ниже мы рассмотрим такого рода связи.

3.2.2. Лабильность и грамматика языка

В число релевантных для лабильности факторов мы включаем следующие:

1. система показателей деривации; устройство глагольной парадигмы;
2. степень грамматикализации показателей;
3. система словообразовательных показателей; словоизменительные типы;
4. строй языка;
5. развитость словообразования.

В предшествующих работах соотношение между лабильностью и грамматической системой языка рассматривалось мало. Исключением является работа [Vajda 2005], где выделяется три фактора лабильности: (1) маркирование переходности в глагольной словоформе vs. падежами имени, (2) выражение актантов в глагольной словоформе и (3) допустимость коммуникативно мотивированного опущения (продропа).

3.2.2.1. Система показателей деривации

Отдельные упоминания о связи лабильности с грамматикой языка встречаются, в частности, в работе [Климов, Алексеев 1980], где говорится, что лабильность как бы замещает в эргативных языках показатель понижающей актантной деривации. Тем не менее, очевидна неточность этого утверждения: прежде всего, потому, что количество лексем, обслуживающихся продуктивным показателем деривации, несоизмеримо с количеством лабильных глаголов даже в языках с развитой лабильностью. Причина этого указывалась выше: лабильность в большей степени, чем грамматические показатели, зависит от индивидуальных лексических свойств глагола. С другой стороны, действие аналогии ослабляется, поскольку деривация не имеет сегментного выражения (известно, что парадигма глагола в большей степени, чем его полисемия, поддается аналогии). В частности, в языках с продуктивным каузативом (например, годоберинском) продуктивный каузатив, а не лабильность, может маркировать глаголы, для которых ожидался бы маркированный декаузатив.

Помимо этого, выше говорилось, что само представление о лабильности как свойстве именно эргативных языков неверно – скорее стоит говорить о различных свойствах класса лабильных глаголов. Тем не менее, система показателей, конечно, значима для лабильности.

Прежде всего, рассмотрим системы, где и понижающие, и повышающие актантные деривации маркируются в глаголе (например, к таким относятся картвельские и тюркские языки). В тюркских языках, как правило, имеются показатели каузатива, реципрока, рефлексива и пассива/декаузатива (в некоторых случаях рефлексив и декаузатив обслуживается одним показателем). Все они имеют максимально широкую сочетаемость – практически все глаголы, для которых соответствующая деривация имеет смысл, могут присоединять данный показатель, сочетания показателей практически не ограничены. С другой стороны, в тюркских языках крайне мало лабильных глаголов – регулярно лабильность проявляют только фазовые глаголы, некоторые из которых являются неканонически лабильными.

В грузинском языке и каузатив, и декаузатив выражаются меной характерной гласной глагола (например, на *i*- при декаузативации, на *a*- при каузативации) и в некоторых случаях – его тематического элемента. По-видимому, лабилен в данном языке только глагол *daçqeb-* ‘начинать(ся)’. Близкая ситуация сложилась и в других картвельских языках.

Следовательно, действительно можно считать, что для данных языков лабильные глаголы просто «не нужны» - деривации имеют свои показатели.

Материал кавказских языков также подтверждает предположение о «компенсирующей» роли лабильности, заполняющей лакуны в системе показателей. Именно те глаголы, которые в нормальной ситуации, скорее всего, присоединяли бы декаузативный показатель, лабильны (см. выше о параметре «тип лабильных глаголов»). Впрочем, уже здесь имеются исключения типа ‘убить/умереть’ или ‘идти/вести’ – понижающие деривации вообще хуже обслуживают глаголы с одушевлённым пациенсом (см. Nichols et al. 2004), тем более с агентивным, типа ‘идти/вести’. Тем самым, можно говорить об основной группе, где лабильность компенсирует отсутствие дериваций, и отдельных случаях лабильности в других группах глаголов. Лабильность получает компенсирующую роль постепенно, когда занимает определённый конец шкалы.

Однако материал индоевропейских языков явно не подтверждает гипотезу о компенсирующей роли лабильности. Действительно, если бы в этих языках лабильность компенсировала отсутствие показателя каузатива, она бы характеризовала, прежде всего, предикаты с агентивным или, по меньшей мере, одушевлённым объектом. Хотя такие случаи несколько более частотны, чем в эргативных языках, лабильность типа ‘идти/вести’ или ‘проснуться/разбудить’ всё равно крайне редка по сравнению с лабильностью глаголов с пациентивными актантами. Другой способ – считать, что показателями каузатива являются каузативные глаголы, но в этом случае следовало бы предсказать отсутствие лабильности – особенно в языках, где, как во французском, и каузативный, и декаузативный показатели достаточно грамматикализованы.

Критерий «набора дериваций», вполне пригодный для каузатива и декаузатива, плохо описывает выражение рефлексива или реципрока. Практически в любом языке есть средства выражения этих значений (если декаузатив и каузатив дополняют друг друга, то для рефлексива или реципрока такого парного значения нет). Это объясняет гораздо меньшую распространённость рефлексивного и взаимного типов лабильности, но не может объяснить то, что хотя бы в некоторых языках они встречаются.

Сразу отметим также, что в некоторых случаях лабильность противопоставлена не маркированию деривации, а периферийным типам соотношения. Например, пара ‘пахнуть’/‘нюхать’ редко состоит из маркированного и немаркированного деривата (ни каузативного, ни декаузативного значения ни в одном из членов пары усмотреть нельзя). Такие лабильные глаголы, как немецкий *riechen*, французский *sentir*, болгарский *мириша* соответствуют в других языках супплетивным парам: ср. *пахнуть/нюхать*, латинский *oleo/odoro* и т.д. Аналогичным образом, пара ‘бояться’/‘пугать’ также часто кодируется супплетивными глаголами: ср. англ. *fear/frighten*, *пугать/бояться* – впрочем, это не единственный возможный способ кодирования: так, в тюркских языках ‘пугать’ обычно

является морфологическим каузативом от 'бояться'. Такие пары в меньшей степени связаны с системой показателей языка, поскольку само соотношение употреблений в них отличается от канонического каузативного или рефлексивного. Их можно назвать **чисто лексической лабильностью** – лабильностью, для которой существен не тип соотношения, а семантика конкретных лексем.

3.2.2.2. Природа морфологических показателей

Как было показано выше, сама по себе система грамматических показателей не объясняет поведения в языке лабильных глаголов. Другим важным параметром является природа и степень грамматикализации показателей.

В части природы показателей главным является деление на показатели **деривации** и показатели **переходности** – оно обсуждалось выше в разделе о неканонической лабильности. Однако и внутри показателей деривации важно выделить более и менее грамматикализованные. Критерии грамматикализации обсуждались в работах [Lehmann 1995], [Bybee, Dahl 1989] и др.: в частности, существенна степень единства показателя с основным словом, которое он модифицирует, степень сохранения им морфологических характеристик словоформы и т.д. Оказывается, что чем более грамматикализован в языке показатель той или иной деривации, тем, скорее всего, менее развит соответствующий тип лабильности.

К примеру, среди индоевропейских языков показателя декаузатива нет в английском языке. В германских языках он является полноценной словоформой – возвратным местоимением: в частности, он согласуется по лицу с контролером (ср. *Er wäscht sich* 'Он моется', *Ich wasche mich* 'Я моюсь'). В романских языках показатель также согласуется по лицу (*yo me lavo* 'Я моюсь'), но в части случаев не является отдельной словоформой (ср. *lavarse* 'мыться'). Впрочем, во французском языке его самостоятельность больше. В славянских языках показатель уже не согласуется по лицу – ср. болгарский *Мие се* 'Он моется', *Мия се* 'Я моюсь' – но обладает различной степенью самостоятельности: в болгарском и польском ведёт себя как клитика, то есть занимает позицию после первого полноударного слова в предложении, в русском – как морфологический показатель.

С этим согласуются свойства лабильности: наиболее развита она именно в германских языках, причём различия между ними не слишком значительны. Среди романских языков наибольшую лабильность проявляет французский, хотя остальные языки также имеют лабильные глаголы. Из славянских языков наибольшую лабильность проявляет болгарский – в частности, он имеет продуктивный класс фазовых глаголов. Правда, свойства русского и польского языков не соответствуют свойствам их

показателей (при более грамматикализованном показателе в русском несколько больше лабильности), но это только подтверждает особую природу лабильности глаголов движения, близкой к опущению и не всегда связанную с лабильностью других классов глаголов.

В тюркских языках, в отличие от индоевропейских, показатели даже не восходят к возвратным местоимениям и располагаются до видовременных и причастных показателей, как все остальные словообразовательные суффиксы. Можно считать, что они ещё более грамматикализованы, чем в русском языке – это также связано с почти полным отсутствием лабильности.

Предельным типом языков с грамматикализацией показателя можно считать языки, где понижающие деривации маркируются сменой типа словоизменения, выделить сегментный показатель не всегда возможно (ср., например, древнегреческий, латинский и грузинский языки). В древнегреческом окончания медиального и активного залогов по-разному соотносятся в разных лицах и временах, в латыни это различие несколько менее заметно, в грузинском смена характерной гласной при деривациях фактически является сменой словоизменительного типа (так как и непроеизводные глаголы имеют их) и сопровождается сменой типа окончаний с переходного на непереходный и наоборот. Возможно, подобное соотношение можно усматривать в арабском языке, где изменение «породы» глагола сопровождается сменой его типа словоизменения. В таких языках лабильность не развита: к примеру, в древнегреческом языке лабильны только глаголы движения. Как уже говорилось, при переходе от латыни и древнегреческого к новым языкам количество лабильности выросло³⁶. Близкий к рассмотренным случаям мы наблюдаем в адыгейском языке, где, в отличие от некоторых дагестанских языков, нет рефлексивной лабильности – и её появления трудно ожидать. Рефлексивность и взаимность в адыгейском маркируются сменой «нормальных» личных показателей на взаимные – следовательно, опять же, нет показателя, который мог бы подвергнуться опущению.

По-видимому, это обусловлено отсутствием такой мотивации лабильности, как экономия языковых средств: если оппозиция между глаголами близка к эквиолентной, разница в материале невелика. Напротив, если деривация выражается отдельной словоформой, с одной стороны, лабильность экономит материал, а с другой, облегчается опущение словоформы и её возникновение: опущение морфологического показателя

³⁶ От описываемого случая следует отделять багвалинский тип системы, при котором расщепление переходных и непереходных глаголов наблюдается только в определённой форме (в багвалинском – в императиве). Поскольку такой механизм не позволяет разграничить лексемы в целом, лабильность вполне

затруднено.

Даже полное отсутствие сильно грамматикализованных показателей не ведёт к лабильности всех глаголов. Во-первых, некоторые ситуации могут трактоваться по-разному (см. выше о трактовке эмоциональных состояний в английском языке как стативов и пассивов). Во-вторых, лабильность в принципе не распространена среди неэргативных глаголов. Так, в английском языке не лабильны глагол *arrive* ‘прибыть’, *go* ‘идти’ и т.д. Возможно, это согласуется с тем, что практически во всех языках есть показатели каузатива, но не во всех – декаузатива. Декаузатив соотносит две прототипичных ситуации – например, как ситуация ‘разбиться’, так и ‘разбить’ вполне прототипичны (см. [Marantz, Halle 1993], [Kulikov 1998] и др. об ограничениях на образования декаузатива) – а каузатив может образовывать даже названия ситуаций, редко возникающих в реальном мире. Лабильность в этом смысле близка именно к декаузативу: выше говорилось о критерии Голдберг для английского языка, он же пригоден для почти всех лабильных глаголов, кроме окказиональных.

Заметим, что в арабском языке, где существуют высоко грамматикализованные показатели каузатива, декаузатива, рефлексива, пассива и реципрока (некоторые деривации, как, например, каузатив или пассив, даже обслуживаются несколькими показателями) лабильность есть, хотя и неразвита. Это также связано со свойствами показателями. Почти каждый из них имеет несколько употреблений, причём часто может образовать и переходные, и непереходные дериваты (ср. дериваты четвёртой «каузативной» породы *aġma‘a* ‘собираться’ (непереходный) и *aT‘ama* ‘кормить’ (переходный)). Таким образом, развитая деривация ведёт не к четкому маркированию любой деривации, а к дальнейшему разветвлению глагольного словаря. Лабильны, прежде всего, именно производные глаголы – в главе 5 мы подробно рассмотрим арабскую систему.

Интересно, что одна и та же степень грамматикализации показателя приводит к разным результатам для разных типов лабильности. В германских, романских и славянских языках степень грамматикализации рефлексивного и декаузативного показателя одинакова (поскольку это один и тот же показатель), но германские языки не имеют рефлексивно-лабильных глаголов. С одной стороны, можно рассматривать это просто как свидетельство меньшей распространённости этого явления. С другой, важно, что исходным употреблением всё же является рефлексивное – неудивительно, что лабильность прежде всего захватывает как раз остальные типы.

обычна для таких языков.

Видимо, не существенна для лабильности степень грамматикализации каузативных показателей: к примеру, во французском, имеющем грамматикализованный показатель *faire*³⁷, лабильных глаголов много – в том числе те, которые сочетаются и с показателем *faire*:

- (272) a. *fondre un mineral* ‘плавить металл’;
b. *Le beurre a fondu* ‘Масло растаяло’;
c. *faire fondre du beurre dans la poêle* ‘растопить масло на сковороде’.

Это связано со сферой распространения лабильности: конкурирует она, прежде всего, с декаузативом, а не с каузативом ([Nichols et al. 2004] упоминает, что лабильность мало характерна для глаголов с одушевлённым пациенсом). Несоответствие индоевропейской лабильности прототипу декаузатива не означает, что она приближается к прототипу каузатива.

Итак, лабильность связана не только с набором показателей, но и со степенью их грамматикализованности – показатели, находящиеся на промежуточной стадии грамматикализации (а именно так ведут себя индоевропейские возвратные показатели, по многим параметрам отличающиеся от прототипических служебных морфем), чаще всего не полностью покрывают глагольную систему. Это можно объяснить и диахронически: такие показатели, как правило, относительно недавно стали продуктивными морфемами деривации, может быть, уже после того, как успела развиться лабильность. В то же время, как было показано ранее, это вовсе не значит, что лабильность и показатели делят между собой глагольную систему (чаще всего как раз существуют синонимичные маркированные и немаркированные формы). Скорее следует считать, что отсутствие в системе какого-то показателя или его недостаточная грамматикализованность создаёт основу для варьирования. Лабильность недостаточно сильна, чтобы помешать развитию грамматического показателя (она не является грамматическим явлением), а грамматические показатели вряд ли могут вытеснить лабильность, так как она нередко возникает из коммуникативно мотивированных опущений, которые всё равно имеют место.

3.2.2.3. Степень распространённости продропа

Данный признак отчасти рассматривался в работе [Vajda 2005], где считается, что степень распространённости продропа обратно пропорционально степени распространённости лабильности – два типа преобразований, так сказать, конкурируют между собой. Вывод работы [Vajda 2005] подтверждается материалом английского языка,

³⁷ См. [Achard 2002] с анализом свойств показателя *faire*. Автор показывает, что этот глагол может

не допускающего продропа, но имеющего много лабильных глаголов, но не подтверждается языками типа адыгейского, где и то, и другое явление сильно развито, и русского, где при разрешённом субъектном продропе также развита А-лабильность (здесь мы не будем говорить о таких случаях).

В работе [Vajda 2005] считается, что продроп характерен для языков с индивидуацией партиципанта в предикатной словоформе. Однако именно такие языки (в частности, полисинтетические) упоминаются в работе [Полинская 1986] как кандидаты на развитую лабильность. По-видимому, тезис Вайды можно считать верным только в одной части: языки, где переходность не маркируется и грамматических показателей дериваций практически нет, часто имеют большие классы лабильных глаголов и не допускают продропа. Дефолтной для языков типа английского является **лексическая интерпретация опущения** как лабильности – и это вполне понятно, поскольку продроп в меньшей мере связан с семантикой ситуации и конкурирует с полными конструкциями типа *He ate it*. Напротив, в адыгейском языке словоформа обеспечивает различие двух интерпретаций: при продропе глагол будет выступать в «переходной» форме, а при лабильности – в непереходной – вполне естественно, что два явления сосуществуют:

- (273) а. а-г ә-q_wәta-к
 ОН-ABS 3SG.A-РАЗБИТЬ-PAST
 ‘(Он) его разбил’;
 б. а-г q_wәta-ке
 ОН-ABS РАЗБИТЬСЯ-PAST
 ‘Он разбился’.

В то же время в грузинском языке, с его развитой системой согласования, имеется продроп, но нет лабильности.

Значимыми в данном случае могут быть конкретные свойства согласовательных показателей. В адыгейском языке форма согласователей часто не дифференцируется по переходности: например, первое лицо единственного числа маркируется аффиксом *s-*, множественного числа – *t-* и т.д.³⁸ Переходность глагола маркируется с помощью количества и относительного порядка аффиксов. Напротив, в грузинском аффиксы согласования – как префиксы, так и суффиксы – различны для разных лиц (ср. *gv-* ‘нас’ – *g-* ‘мы’, *m-* ‘меня’ – *v-* ‘я’). Можно сказать, что каждый префикс в отдельности, вне связи с прочими, маркирует переходность. В адыгейском языке одни показатели не конкурируют с другими (при любом глаголе согласование контролируют все субъекты, не прямые и

приобретать свойства каузативного маркера, теряя свойства самостоятельного глагола.

³⁸ Впрочем, показатели согласования с различными участниками могут различаться огласовкой: например, *sә-* при согласовании с абсолютным и *se-* - с эргативным участником. Однако неочевидно, что огласовка связана напрямую с переходностью, а не с позицией аффикса в словоформе относительно корня и других аффиксов.

прямые объекты, каждый из них занимает свой слот в словоформе), а в грузинском конкурируют, причём для разных показателей может быть предназначен один слот.

В аллоторском эргативном языке показатели устроены скорее по аккумулятивной схеме: при переходном глаголе префиксы маркируют согласование с агенсом, а суффиксальные – с пациенсом; при непереходном пациенс маркируется в обоих рядах согласователей. Префиксальные показатели субъекта и агенса совпадают, а суффиксальные показатели субъекта и пациенса для части лиц различаются, а для других — нет.

Тем более нельзя говорить о том, что наличие развитого продропа вообще делает лабильность невозможной: ср. языки с развитым продропом – латынь и арабский – где лабильность всё же присутствует. Заметим, что вообще продроп распространён несколько менее равномерно, чем лабильность: например, в английском в чистом виде он почти полностью отсутствует. Казалось бы, следовало ожидать обратного: продроп связан не с семантикой и валентной структурой, а с коммуникативными свойствами актантов, а следовательно, должен появляться более свободно. В действительности оказывается, что собственно структурные семантические ограничения значат для продропа больше, чем для лабильности.

Лабильность связана со свойствами ситуации и формальными свойствами глагола. Практически во всех языках находятся глаголы, по некоторым причинам становящиеся лабильными. С другой стороны, очень во многих языках их немного (а максимальным числом является английские 800 глаголов). Напротив, продроп, как показано в работах [Rizzi 1986], [Беляева 2006], [Янакиев, Котова 2001] и др., часто бывает абсолютно продуктивным: например, в адыгейском и болгарском языках все глаголы допускают опущение субъекта. Продроп во многом связан со свойствами опускаемого актанта (прежде всего, его выделенностью).

Заметим, что и со строением словоформы продроп и лабильность связаны по-разному. Как показано в исследовании [Rizzi 1986], продроп, прежде всего, учитывает способ маркирования актантов в глаголе, строение личносчисловой парадигмы. Он возникает в языках с развитой системой согласования, где опущения актанта не затрудняет определение лица и числа опускаемого актанта.

Напротив, лабильность связана не с системой согласования, а с системой показателей актантной деривации. При этом она возникает как раз в случае, когда показатели некоторой деривации **отсутствуют** или слабо грамматикализованы. Тем самым, лабильность не компенсируется богатой системой показателей, а возникает при

бедной системе. Возникающая неоднозначность может сниматься разными способами (в частности, для её снятия могут использоваться различия в системе личночисловых показателей переходного и непереходного глагола типа (273)).

Сейчас соотношение между продропом и лабильностью ещё не до конца понятно. Однако возможно, что оно является опосредованным: в тех языках, где одно развито сильно, а другое совсем не развито, это связано с тем, что, с одной стороны, согласование развито мало и недостаточно регулярно, как в английском, а с другой стороны, нет чередований в основах и показателей деривации. Таким образом, неразвитая или нерегулярно развитая морфология скорее препятствует продропу, но способствует лабильности. Продроп возникает там, где глагольная морфология достаточна для установления референции, а лабильность – там, где она недостаточна для установления переходности. Сильно развитая морфология может способствовать или препятствовать лабильности (в зависимости от особенностей показателей), но обычно способствует продропу.

Помимо продропа, в языках в разной мере распространены опущения нереферентных и безличных субъектов. К примеру, в русском языке засвидетельствована конструкция типа *Его убили*, а в английском или в немецком языке их нет. Возможно, данный тип опущения также коррелирует с лабильностью. В частности, в полисинтетических языках в любой форме глагола аффиксы согласования могут быть референтны (например, означать ‘Они его убили’ или ‘Его убили’). В болгарском языке имеются безличные конструкции типа *Там има къща* ‘Там есть дом’. Опущения такого рода типологически не слишком часты. Однако интересно, например, что в языках средневропейского стандарта наблюдается тенденция к исчезновению безличных конструкций (см. [Haspelmath 2001]) и превращению их в личные непереходные.

В то же время не стоит забывать и о чисто синтаксически мотивированных опущениях типа сочинительного сокращения: *Я купил буханку хлеба и съел*. Материал английского языка подтверждает, что и они могут быть распределены с лабильностью. В болгарском языке данное явление развито в меньшей степени, чем в русском (вместо собственно опущения употребляются краткие клитические местоимения).

3.2.2.4. Маркирование переходности

Языки с маркированием переходности, как правило, имеют мало лабильных глаголов (ср., например, сванский, индонезийский, баскский и т.д.). Сам факт отсутствия в этих языках лабильных глаголов требует комментария. К примеру, в работе [Галямина 2006: 106] утверждается, что «в индонезийском языке нет лабильных глаголов. Их отсутствие четко вписывается в систему, так как транзитивный глагол всегда должен

уже произошло. Понятно, что пассивная лабильность не затрагивает таких важных характеристик ситуации, как самопроизвольности (см. об этом выше) – в этой связи морфологический критерий очень важен.

Аналогичным образом, в индейских языках актантная деривация часто маркируется ещё и собственно показателями деривации: в (279b) это показатель реципрока, дополняющий префикс *di-*, который обозначает понижение количества актантов глагола. Хотя префиксы типа *di-* нельзя, таким образом, считать показателями актантной деривации, в случаях типа (279) нельзя усматривать и полноценной лабильности.

- (275) a. ts'a-s-na- h- ne- **ø**- yut
 Pref- 1Sg.Acc- Pref- 3Pl.Nom- Md- TI- wake.up
 'They woke me up'
 b. dits'a-**neI**- hi- na- **di**- yut
 Pref- Rec.Acc- 3Pl.Nom- Pref- TI↓- wake.up
 'They woke each other up' [Кибрик 2005].

3.2.2.5. Строй языка

Как говорилось выше, в ранних работах лабильность считалась прежде всего свойством эргативных языков и разрабатывалась на их материале – аварского, чукотского и других языков. В дальнейшем эту традицию продолжает работа [Vajda 2005]: автор считает, что поскольку переходность выражается падежом субъекта, глагольная форма может её и не маркировать. С другой стороны, мы показали, что это не вполне точно: среди языков Европы английский, немецкий и французский не уступают по числу лабильных глаголов эргативным языкам Кавказа.

Несколько другой гипотезы о связи лабильности со строем языка придерживается В. Дроссард: он утверждает, что именно Р-лабильность характерна для эргативных языков, поскольку требует больших синтаксических преобразований: помимо изменения переходности глагола, в аккузативных языках при Р-лабильности РИзменяется ключевой участник – протагонист. Напротив, в эргативных языках существенных преобразований требует А-лабильность: она меняет участника с гиперролью Фактитива.

Таким образом, можно говорить о двух разных подходах к проблеме: ориентированном на **переходность** (Э. Вайда) или на **деривацию** (В. Дроссард): при первом подходе лабильность рассматривается как синхронное соотношение между диатезами только по одному признаку – по переходности, при втором – как деривация и конкретное отношение между переходным и непереходным глаголами (например, «каузативное» или «антипассивное»). Понятно, что данные подходы иногда противоречат друг другу: гипотеза Вайды требует, чтобы в эргативных языках А-лабильность была развита больше, а гипотеза Дроссарда – чтобы она была развита меньше.

В действительности, видимо, два явления – А- и Р-лабильность – следует рассматривать отдельно из-за их различной мотивации: первая мотивирована коммуникативно, а вторая – семантически. Ни одно из них полностью не удовлетворяет двум гипотезам. А-лабильность, по-видимому, не находится в жёсткой зависимости от структуры языка, так как практически во всех языках хотя бы в каком-то виде присутствует: ср., например, годоберинский язык, имеющий, по свидетельству [Kibrik 1996], 11 Р-лабильных и 10 А-лабильных глаголов, в том числе своего рода лабильные аппликативы:

- (276) a. *ilu-di waša w-ali*
 mother-Erg son 1-call
 'Mother called up the son'
- b. *ila (wašu-qi) j-ali*
 mother son-Ad 2-shout
 'Mother shouted (to the son)'.

Хотя в этой работе автор отмечает, что игнорировать А-лабильность нельзя, по-видимому, она действительно в большей мере распространена в языках мира и не ограничена ни одним строем языка. Коммуникативные факторы опущения объекта оказываются сильнее, чем ограничения на изменения падежа: в первую очередь важно не изменение падежа агенса, а понижение или опущение пациенса.

Отметим также, что разные свойства проявляют языки так называемого среднекавказского стандарта [Кибрик 2002] и другие эргативные языки – например, чукотско-камчатские или индоарийские: в чукотско-камчатских языках преобладания прототипически переходных лабильных глаголов мы не обнаруживаем.

Возможно, в отношении А-лабильности необычен только один класс аккумулятивных языков – допускающий опущение при широком классе глаголов. В эргативных языках А-лабильность ограничена лексически. Таким образом, ключевым является не наличие А-лабильных глаголов и не их соотношение с Р-лабильными, а их абсолютная продуктивность. В [Vajda 2005] отмечается, что в языках Евразии “деобъектив явно более распространён, чем инхоативно-каузативный тип”, но объяснения этому не даётся – асимметрия становится понятной, если рассматривать эти явления как два разных типа опущения.

Р-лабильность, как говорилось выше, также не связана напрямую со строем языка – скорее от него зависит конкретный класс Р-лабильных глаголов. По крайней мере, нельзя сказать, что изменение маркирования агенса сильно затрудняет возникновение лабильности в аккумулятивных языках.

Следовательно, гипотеза Дроссарда, по меньшей мере, неточна. Возможно, это связано с тем, что для возникновения лабильности в аккумулятивных языках также может

использоваться опущение актантов. Особо стоит отметить случаи опущения показателя деривации – лабильность в данном случае прямо связана с функционированием показателей. Отметим также работы [Haspelmath 2001] и [Barðdal, Eythórsson 2006], показывающие, что в истории европейских языков засвидетельствован переход от безличной диатезы к личной (например, от *Mich friert* ‘Мне холодно’ к *Ich friere*) – возможно, такая же мена модели могла послужить источником лабильности.

Итак, гипотеза Вайды неточно предсказывает распределение лабильности: для лабильности важен именно процесс деривации, а не только соотношение между переходным и непереходным глаголом. Гипотеза Дроссарда более точна, но не учитывает различных путей возникновения лабильности и факторов, обуславливающих опущение. От строя языка зависят, прежде всего, частные особенности лабильных глаголов. Отсюда, в частности, следует некоторая асимметрия между понижающими деривациями, сохраняющими пациенс и сохраняющими агенс – первые более существенно затрагивают семантику глагола, вторые преобразуют коммуникативную структуру.

Языки активного строя, в соответствии с [Vajda 2005], не проявляют лабильности. По утверждению автора, это связано с богатой системой согласования с различными актантами, но, как мы видели выше, данное свойство не мешает лабильности. Вероятно, требуется более подробный анализ систем согласования.

Рассмотренный фактор менее важен, чем может показаться, ещё и потому, что отчасти сводится к первому: исследования эргативных языков часто проводятся на материале кавказских языков, отдающих предпочтение повышающим деривациям – поэтому не вполне ясно, влияет ли в данном случае на лабильность собственно строй языка.

Наконец, отметим, что, по всей вероятности, в работах обычно рассматривались эргативные языки кавказского типа, где, согласно [Testelec 1998], синтаксической переходности обладает ядро класса семантически переходных глаголов. Возможно, именно для таких языков характерна лабильность прототипически переходных глаголов – ещё в большей мере ядерных представителей переходного класса. Иными свойствами обладают чукотско-камчатские языки, где переходность также характерна не только для прототипически переходных глаголов. Тем самым, реальным фактором лабильности ядерного класса глаголов можно считать не эргативность, а **семантическую мотивацию переходности**.

3.2.2.6. Развитость словообразования

Мы уже отмечали склонность к лабильности отадъективных глаголов типа ‘белеть’

или 'увеличиваться'. Тем самым, с лабильностью тривиальным образом связана степень развитости в языке образования глаголов от имён или немаркированная конверсия. По этому параметру языки средневропейского стандарта отличаются от многих других, в частности, от дагестанских: первые продуктивно образуют глаголы от имён (ср. франц. *blanchir* 'белеть', *diminuer* 'уменьшать(ся)'), а во вторых обычно используются вспомогательные глаголы. Кажется, что данный признак влияет только на узкий подкласс глаголов, но он смещает ядро класса лабильных глаголов с отадъективных на прототипически переходные.

Возможно, другие признаки также коррелируют с лабильностью – например, можно рассматривать в связи с ней степень развитости категории падежа (по логике [Vajda 2005], различение аккузатива и номинатива должно препятствовать лабильности). Тем не менее, явной связи не обнаруживается.

Итак, лабильность коррелирует с самыми разными чертами языка. Однако ключевыми являются система маркирования дериваций (причём не только набор показателей, но и их свойства) и отчасти строй языка. Однако поскольку лабильность сильно мотивирована свойствами конкретных лексем, строгой зависимости выявить не удаётся. Ни один из факторов не **запрещает** появление лабильности. А вот продуктивный класс лабильных глаголов появляется в силу некоторых факторов – и сильное различие между тюркскими языками, с одной стороны, и кавказскими и средневропейским стандартом, с другой, подтверждает это. Зависимость лабильности от разного рода факторов подтверждает необходимость подразделять лабильность на подтипы (даже разделение А- и Р-лабильности оказывается недостаточным) и выделять различные типы опущений актантов. С другой стороны, при рассмотрении системы дериваций также надо учитывать степень грамматикализации показателей, а не только их наличие.

При рассмотрении широкой выборки оказывается, что свойства выражения участников ситуации влияют на лабильность слабее, чем предсказывается в [Drossard 1998] и [Vajda 2005]. Учитываются, прежде всего, **семантические** характеристики актантов и различные свойства глагола. Это подтверждает, что лабильность, в отличие от продропа, сфокусирована на природе ситуации, а не на ситуативных свойствах участников.

3.2.3. Ареальное распространение лабильности

Как всякое типологически распространённое явление, лабильность стоит анализировать с точки зрения влияния на неё языковых контактов. Отдельные случаи влияния контактов на переходность отмечены, например, в работе [Aikhenvald 2005]: в

иврите под влиянием английского стал лабильным глагол ‘продавать’, получивший употребление ‘продаваться’, аналогичное английской middle construction. Тем не менее обычно система дериваций не анализируется как контактное явление.

Не анализируя языковые контакты, отмечает ареальное распространение лабильности Дж. Николз [Nichols et al. 2004]: “лабильность частотна только в Евразии”. Вполне оправданный при рассмотрении инхоативно-каузативных пар, такой подход не учитывает других подтипов лабильных глаголов, а также разнородности языков Евразии.

На сегодняшний день можно выделить два основных ареала лабильных глаголов – центральную Европу и Кавказ. В этом смысле лабильность входит и в среднеевропейский, и в среднекавказский стандарт. В Европе она распространена в таких языках, как французский, немецкий, греческий, английский, нидерландский, в меньшей мере – скандинавские языки. Все эти языки (кроме, возможно, греческого) принадлежат к SAE: в частности, они имеют не слишком грамматикализованные показатели понижающих дериваций, системы аналитических форм глагола, не слишком богатую падежную систему и несвободный порядок слов. Древние языки существенно отличались от стандарта (например, богатым синтетическим глагольным словоизменением и способами выражения деривации) и имели меньше лабильных глаголов.

Языки Кавказа с лабильными глаголами более разнородны – в частности, по типологическим чертам: сюда относятся полисинтетический адыгейский язык, аваро-андо-цезские языки с вершинным маркированием, лезгинский язык с зависимостным маркированием. Вероятно, ключевым для лабильности свойством является тенденция этих языков маркировать повышающие деривации (transitivizing languages в терминах [Nichols et al. 2004]) – лабильность в этом случае может занять естественную для неё зону декаузатива.

Практически совсем нет лабильности в языках Центральной России, Сибири и Средней Азии – там располагаются финно-угорские и тюрские языки, которые во многом близки и типологически. Они имеют богатые падежные системы, системы маркирования переходности и актантной деривации.

Судя по материалам сборника [Shibatani 2002], есть лабильные глаголы в языках Южной Америки, хотя больших классов они не составляют. Интересно, однако, что при наличии таких лексем они нередко, как, например, в языке копа [Vasquez Soto 2002], имеют деструктивную семантику: *tap^wa* ‘сломать(ся)’, *wa-síuhɸaʔan* ‘порвать(ся)’, *hantánaʔakakaʔa* ‘разделить(ся)’. Сходными свойствами обладает язык хуп ([Epps 2005]). Наряду с адыгейским или болгарским, такие языки представляют проблему для подхода

[Vajda 2005]: язык кора, как и многие другие языки Америки, согласуется и с субъектом, и с объектом и допускает опущение актантов. В языке олутек ([Zavala 2002]) наибольшую группу лабильных глаголов также составляют глаголы разрушения: *kü:tz* ‘ломать(ся)’, *woj* ‘разламывать(ся)’ – и изменения свойств объекта: *ʔixit* ‘рассыпать(ся)’. В языках Северной Америки лабильности мешают показатели переходности, однако этот регион требует дополнительного изучения.

В языках Австралии и Океании лабильность развита мало, кроме того, она практически не становилась предметом подробного изучения. Работы [Moyses-Faurie 1995], [Moyses-Faurie 2004] показывают, что и для этого ареала действуют многие характерные для Евразии закономерности: например, семантические классы лабильных глаголов в этих зонах довольно схожи. Тем не менее, нужно отметить, что в австралийских языках действует механизм, мешающий возникнуть канонической лабильности – разграничение типов спряжения (см. [Dench 1992] о языке паниджима, [Rumsey 2000] о бунуба, а также другие работы сборников [Dixon, Blake 2000] и [Dixon, Blake 1992] Типы спряжения практически всегда связаны с переходностью, в силу чего возникает ситуация, когда переходный и непереходный глаголы могут различаться только типами спряжения: ср., например, *duwarrga* + *RA* (показатель класса спряжения) ‘ломаться’ ~ *duwarrga* + *YHA* ‘ломать’ из языка бунуба [Rumsey 2000: 144].

Наконец, особой и очень интересной зоной является Африка – выясняется, что лабильность там также развита, но принадлежит к другому типу. Материал языков сонгай, кабийского, манде (бамана и бен³⁹) показывает, что в африканских языках распространены, прежде всего, немаркированные пассивы типа ‘создавать’/‘быть созданным’ – впрочем, в разной мере для разных языков, например, в языке сонгай есть и инхоативно-каузативные пары.

Если рассматривать более мелкое дробление, можно отметить отличия французского от прочих романских языков, в которых, как в древних, так и в современных, лабильность распространена ограниченно, прежде всего, для фазовых глаголов и глаголов движения. Во французском явно есть деструктивные лабильные глаголы. Возможно, стоит считать это результатом контакта с германскими языками. Балтийские и восточнославянские языки почти не имеют таких глаголов, что, возможно, тоже является ареальной чертой. Для балканских и других южноевропейских языков характерны классы средней численности, включающие прототипически переходные глаголы, в отличие от восточных, но не в качестве основного класса. В частности, для

³⁹ Материал языка бен взят из работы [Паперно 2006].

болгарского этот класс более прототипичен, чем в большинстве славянских языков (в частности, имеется продуктивный класс непрототипически переходных фазовых глаголов), а для испанского меньше, чем для французского. Важна не только численность лабильных глаголов, но и их близость к прототипу: например, в болгарском языке лабильны фазовые глаголы, часто лабильные в системах с развитой лабильностью и нехарактерные для других славянских языков (но характерные для романских и германских), а в русском – глаголы движения, лабильность которых находится дальше от прототипа. Большую «лабильность» демонстрирует современный греческий язык.

При этом ареалы распространения прослеживаются, в основном, для декаузативной лабильности – самого продуктивного типа, - а также для пассивной лабильности. Рефлексивная лабильность малопредсказуема – английский, эстонский, дагестанские языки имеют мало общих языковых черт и принадлежат к разным ареалам. Ещё менее осмыслен этот вопрос для малой группы конверсивно лабильных глаголов. Это отражает схожие свойства показателей рефлексива: если по свойствам показателей декаузатива и каузатива можно выделить довольно крупные ареалы, показатели рефлексива есть практически везде, а степень их грамматикализации не всегда отражает ареальные черты.

3.2.4. Производность глагола

Выше обсуждались, в основном, семантические признаки ситуаций, обуславливающие появление лабильности у обозначающих их глаголов или препятствующих им. Однако формальные свойства глаголов также, безусловно, связаны с лабильностью – особенно важно отметить связь лабильности с **производностью глагола** – а следовательно, с механизмами деривации производных глаголов.

В работе [Hale, Keyser 2002] обсуждается связь лабильности в английском и некоторых североамериканских языках с тем, производны глаголы от адъективных или от субстантивных корней – делается вывод, что первые склонны к лабильности, вторые – нет. Однако речь идёт скорее не о морфологической, а о синтаксической и семантической производности: авторы не утверждают, что для всех рассматриваемых ими корней действительно можно проследить формальную производность от существительных или, соответственно, от прилагательных – скорее синтаксические свойства глагола позволяют постулировать в качестве исходной вершины существительное или прилагательное. Но оказывается, что данная тенденция поддаётся типологическому обобщению и в терминах формальной морфологической производности.

На материале многих языков можно видеть, что производные глаголы лабильны чаще, чем непр производные. Например, ядерный класс лабильных глаголов во французском

языке составляют отадъективные глаголы. В арабском языке лабильны глаголы производной третьей «породы» со значением симметричного или взаимного действия. В кавказских языках часто проявляют лабильность глаголы с локативными превербами.

Сразу же заметим, что зависимость от словообразовательной модели глагола отличает лабильность от деривативных показателей: они, как правило, ограничены семантической структурой. Например, часто распределение каузативных, реципрокальных и рефлексивных показателей или сама возможность их присоединения обусловлены переходностью глаголов: в работе [Недялков в печати] показано, что реципрок от переходных и непереходных глаголов часто образуется по-разному, ср., например, адыгейский язык с показателем *zere-* для первого и *ze-* для второго случая. Точно так же к результату одной деривации может не применяться другая: например, может быть ограничена декаузативация или антипассивизация каузативных глаголов⁴⁰. Однако не встречается языков, где каузатив не был бы применим, например, к отадъективным глаголам – чем ближе некоторый процесс к словообразованию, тем меньше вероятности, что он влияет на возможность другого процесса (хотя актантные деривации не относятся к словоизменению, они явно ближе к нему, чем, например, адъективизаторы).

В действительности производность и лабильность в разных случаях могут быть связаны различными способами:

- (1) лабильность присуща исходному глаголу и сохраняется в производном;
- (2) лабильность возникает у производного глагола и является результатом полисемии показателя;
- (3) лабильность возникает у производного глагола из-за особой семантики исходной основы (например, адъективной);
- (4) лабильность возникает у производного глагола, поскольку в фокусе находятся компоненты, привносимые показателем – однако возможна не при любом исходном глаголе.
- (5) лабильность возникает у производного глагола, поскольку показатель меняет семантику так, что глагол начинает относиться к другому семантическому классу.

В первом случае производность не влияет на лабильность, остальные случаи стоит рассмотреть отдельно.

Случай (2) (назовём его «лабильными показателями») характерен для глаголов,

⁴⁰ Одним из исключений, по сведениям М.Ю. Князева (устное сообщение) является цыганский язык,

полученных от других лексем добавлением показателя актантной деривации – как понижающей, так и повышающей. Сборники [ТКК 1969] и [ТПК 1974] обсуждают полисемию показателей деривации: например, рефлексивно-пассивную. Для нас наиболее важен предельный случай полисемии, при котором одно употребление кодирует повышающую деривацию, а другое – понижающую или интерпретирующую.

У показателей понижающей деривации часто встречается полисемия с медиальным значением в смысле [Kemmer 1993] (рефлексивно-бенефактивным), см. о нём также [Лютикова 2002а] и [Кулакова 2005], которое изменяет взаимоотношения актантов, но не меняет переходности глагола и количества актантов (ср., например, араб. *bayyana* ‘объяснять, выяснять’ – *tabayyana* ‘выяснять (для себя), выясняться’). Похожий случай представляют глаголы, при которых рефлексивный показатель может не вносить в семантику глагола новых компонентов, а может обозначать рефлексив или декаузатив. Другой тип полисемии затрагивает аспектуальные значения – инхоатив при рефлексиве и декаузативе. Один из случаев лабильности, вызванный такой полисемией, уже рассматривался выше: это хакасские рефлексивы, означающие одновременно, например, ‘чесать (свою часть тела)’ и ‘чесаться’.

Каузативные показатели демонстрируют, прежде всего, полисемию со значением интенсификации и аспектуальными значениями типа хабиитуалиса (ср. [Крысько 2006]). В арабском языке встречается полисемия с инхоативом. С другой стороны, каузативные показатели могут выражать также пассив – такой тип полисемии, названный акцессивно-рецессивным, рассматривается в исследованиях [Nedjalkov 1991], [Галямина 2001], [Галямина 2006] и [Bonch-Osmolovskaya, Liutikova в печати]. В частности, он очень характерен для тюркских языков.

В главе 1 рассматривалась проблема частичной лабильности и, соответственно, единиц, для которых она фиксируется – ими могут быть как лексемы, так и словоформы, а в части случаев лабильность следует приписать грамматическому показателю. Можно ли утверждать, что случаи типа (2) действительно относятся к лабильности? Строго говоря, формальному определению лабильности они соответствуют, но близость к прототипу зависит от продуктивности показателя и его полисемии, а также от степени близости значений.

В частности, тюркская пассивно-каузативная полисемия далека от лабильности, поскольку такое соотношение между употреблениями не встречается при непроеизводных глаголах:

где к результату транзитивации затем может применяться декаузативная деривация.

Хакасский:

- (277) a. paba-m xyr-tyr-š'a parikmaxer-γa
father-1SG shave-CAUS-PRS hairdresser-DAT
'My father has a shave by the hairdresser'.
b. paba-m miny xyr-tyr-š'a parikmaxer-γa
father-1SG I. ACC shave-CAUS-PRS hairdresser-DAT
'My father makes the hairdresser shave me'.

Значения 'быть побритым'/'заставлять брить' не совмещаются ни при одном непроизводном лабильном глаголе – это объяснимо хотя бы потому, что значение 'заставлять брить' не отвечает критерию прототипичности Голдберг, а кроме того, и грамматические показатели, и лабильные глаголы соотносят такие ситуации, связь между которыми очевидна, что неверно для такой опосредованной связи.

Напротив, случаи 'чесать'/'чесаться' очень близки к рефлексивной лабильности – хотя и обусловлены полисемией показателя, и могут рассматриваться как вариативность модели управления глагола (хотя находится между А-лабильностью и рефлексивной лабильностью).

Арабские глаголы типа *tabayyana* 'выяснять(ся)' ещё ближе к лабильности глагола, чем хакасские возвратные дериваты. Хотя формы практически всех арабских производных «пород» обладают развитой полисемией, она нечасто проявляется при одном и том же глаголе (в отличие от тюркских языков). Например, при глаголе *Ta'ama* 'есть' форма четвертой породы *'aT'ama* означает только 'кормить', а при *jama'a* 'собирать' *ajma'a* означает только 'собираться'. Значения дериватов в большей степени лексикализированы. Поэтому и лабильность типа *tabayyana* очень ограничена лексически и не может объясняться только свойствами показателя (заметим, что в старых арабских произведениях не только этот дериват, но и другие глаголы с основой *b-y-n* имеют переходные и непереходные употребления, ср. [Lane 1883]).

Как видно, данный тип лабильности отличается от канонического взаимоотношениями с показателями деривации: обычно лабильность хотя бы в какой-то мере конкурирует с показателями и возникает, если система показателей недостаточна. В данном случае лабильность появляется именно из-за вариативности модели управления, вводимой показателем. Определить первичное употребление часто не представляется возможным: для рефлексива вполне естественно иметь одно общее «рефлексивно-медialьное» употребление – это даже не полисемия, а широкое рефлексивное значение.

В случае (3) («лабильные основы») показатель, напротив, почти не играет роли в актантной структуре – важно только, что он превращает имя в глагол. В [Мельчук 1998] это преобразование называется конверсией. Данный тип ближе к лабильности по предложенному выше критерию: показатели, образующие глаголы от прилагательных,

относятся к словообразованию.

Как правило, лабильность такого рода действительно возникает у отадъективных глаголов. В действительности, как кажется, объяснение в [Hale, Keyser 2002] недостаточно для объяснения асимметрии дериватов от прилагательных и от существительных. Заметим, что семантически исходное прилагательное и исходное существительное занимают разные места в актантной структуре глагола: прилагательное обычно обозначает конечное состояние ('белеть' – 'становиться белым'), а существительное – инструмент или собственность объекта ('молоток' – 'бить молотком', 'дом' – 'строить кому-л. дом'), но не состояние ('молоток' – 'становиться молотком'). Возможно, это связано с тем, что прилагательные обозначают переменные состояния (stage-level predicates), а существительные – обычно постоянные (individual-level predicates). Поэтому лабильность таких дериватов от существительных маловероятно не только в силу актантной структуры исходного слова, но и в силу актантной структуры глагола.

С другой стороны, указанное авторами правило имеет исключения. Ср., например, *тормозить* 'останавливать(ся)', нем. *vereisen* 'превращать(ся) в лёд' (от *Eis* 'лёд'), *verkohlen* 'обугливать(ся)' алюторский *ɲutva-* 'освободиться ото льда/снимать лёд' (от корня *ɲu-* 'лёд'):

- (278) а. *Das Fleisch verkohlte* 'Мясо обуглилось';
 б. *Ich verkohlte das Fleisch* 'Я сжёл мясо'.

В последних двух случаях возникает семантика, благоприятная для лабильности (исходное имя соответствует конечному состоянию), а в первом оно соответствует инструменту, но семантика остановки движения приводит к лабильности.

Теория Хэйла и Кейзера не позволяет объяснить, что в некоторых языках – например, во французском – именно глаголы, образованные от прилагательных, наиболее склонны быть лабильными. По-видимому, это связано с их семантическими свойствами и путём деривации. С точки зрения деривации, ни одно из употреблений таких глаголов может не быть вторичным по отношению к другому – они оба могут соотноситься с прилагательным и как бы образовываться от него независимо. Поэтому не требуется объяснения для того, почему агенс может появляться или исчезать без дополнительного маркирования – немаркированной деривации в собственном смысле может и не происходить. Впрочем, этого не всегда достаточно для лабильности – в частности, нередко производные переходные и непереходные глаголы различаются по словообразовательным типам.

Семантически отадъективные глаголы фокусируют внимание на конечном

состоянии – он фиксируется самой основой. Выше говорилось о различении глаголов способа и результата: считать, что первые не склонны к лабильности, нельзя, но их лабильность явно менее распространена. Отадъективные глаголы являются предельным случаем глаголов результата: если глаголы типа ‘разбить’ фиксируют не только конечное состояние, но и некоторое предшествующее ему действие, то глаголы типа ‘увеличить’ фиксируют именно состояние. Следовательно, компонент воздействия со стороны агенса отодвигается на задний план, и переходный и непереходный глаголы мало различаются по семантике. В отличие от деструктивных глаголов, глаголы типа ‘увеличиваться’ не предполагают обязательной контактной каузации – к увеличению размеров чего-л. может привести и дистантное воздействие. С другой стороны, в эргативных языках это же приводит к отсутствию лабильности (см. выше о сочетаниях со вспомогательными глаголами).

Отадъективные лабильные глаголы характерны, прежде всего, для романских языков (французский, отчасти румынский), но нехарактерны для германских. Как уже говорилось, также они нехарактерны для кавказских языков и большинства других – ср., впрочем, образование от стативов лабильных глаголов в южноамериканском языке кора [Vasquez Soto 2002]: *be ʔé* ‘быть большим’ – *be ʔé-re* ‘стать/сделать большим’. Хотя речь здесь идёт уже не о прилагательном, а о стативном предикате, существенно, что в лабильный глагол переводится предикат свойства, что и позволяет не учитывать агенса ситуации.

При такого рода лабильности два употребления глагола могут быть и не связаны между собой непосредственно: каждое из них может возводиться непосредственно к прилагательному. Некоторые глаголы рассматриваемого типа, впрочем, позволяют проследить преобладание одного из употреблений: например, русское *тормозить*, возможно, исходно непереходно, а переходное употребление появляется позднее.

Дериваты от одной и той же основы могут сильно удаляться друг от друга по семантике – не всегда ясно, стоит говорить о лабильности (ср. выше о хакасских рефлексивных дериватах). Ср., например, русские глаголы *дурить* ‘проявлять себя как дурак/выставлять как дурака’, *тупить* ‘делать тупым (в физическом употреблении)/выставлять себя как тупого’ (*Не дури, это всё чушь* – *Хватит меня дурить!*). Такие случаи свидетельствуют о сильной зависимости от семантики основы и отсутствии у модели деривации собственной семантики (ср., например, аналогичное устройство прилагательных на *-ский*, получающих интерпретацию в зависимости от значения основы: *кишинёвский* ‘находящийся в Кишинёве’, *пушкинский* ‘созданный

Пушкиным' и т.д.).

Фокусировка на компонентах, привносимых показателем, - наиболее чистый случай лабильности производных глаголов. Вероятно, сюда относятся арабские глаголы третьей породы (ср. *sa:wa:* 'равняться, уравнивать') и другие арабские лабильные глаголы. Говорить о полисемии префиксов в этом случае нельзя – они выражают только взаимодействие с объектом, и это значение не членится на «переходное» и «непереходное» взаимодействие. Но, возможно, этот компонент значения отодвигает на второй план наличие или отсутствие агенса и, тем самым, переходность глагола. При этом производные формы не дифференцированы по переходности (хотя в [Гранде 1998] и говорится о частой переходности дериватов третьей породы). Исходные формы также могут иметь разную модель управления, но не имеют другого компонента, конкурирующего с синтаксическими характеристиками. Конечно, данный тип не всегда можно отличить от лабильности показателя – выбор определяется тем, имеет ли показатель несколько чётко различимых групп употреблений и сильно ли он меняет семантику глагола.

М. Кумахов [Кумахов 1964: 206] усматривает аналогичную мотивацию для лабильности в западнокавказских языках: «Префикс взаимности *зэ-* в сочетании с локальными превербами нейтрализует значение основы в отношении её переходности-непереходности». Судя по примерам из работы, в основном это относится к отыменным глаголам: ср. адыг. *wəqebzən* 'очищать(ся)' от *qabze* 'чистый', каб. *wəšəq_wej* 'крошить(ся)' от *šəq_wej* 'крошка' – однако важно, что по выборке работы непроизводные глаголы могут быть только А-лабильны (ср. каб. *ven* 'пахать', адыг. *ʔ_wen* 'молотить'), а Р-лабильность требует производности (помимо взаимного префикса, средством словообразования может служить каузативный префикс *у-*, слившийся с основами). Заметим, что это подтверждает наше предположение о менее существенных преобразованиях при А-лабильности и не согласуется с предположениями [Drossard 1999]: даже в таком склонном к лабильности языке, как адыгейский, нет непроизводных Р-лабильных глаголов. Их класс больше, чем у А-лабильных глаголов, но, так сказать, ингерентно лабильные А-лабильные лексемы (глаголы профессиональной деятельности) входят в него.

Наконец, пятый тип характеризует такие лабильные глаголы, как *zebɣərətəq_wən* 'рассыпать(ся)', *оттаять* 'разморозить(ся)', при непереходном *таять*, окказионально лабильный *взбурлить* при непереходном *бурлить*, болгарский *свършиа* 'закончить(ся)' от *вършиа* 'делать' и т.д. В русском, например, к лабильности склонны глаголы предельной

смены состояния, а не непредельные процессы типа *бурлить*, в болгарском обязательно лабильны фазовые глаголы. При этом переход в новый класс не обязательно прямо связан с семантикой показателя – данный тип лабильности задействует и показатель, и основу. Например, русские приставочные глаголы, вне зависимости от их семантики, как правило, перфективны и обозначают более предельные ситуации, чем бесприставочные – следовательно, лабильность для них более характерна. Также приставки могут переводить глаголы способа в глаголы результата (ср. адыгейский). В случаях типа *провонять* ‘пропахнуть/заставить пропахнуть’ пятый тип неотличим от четвёртого: с одной стороны, приставка вносит в значение глагола интенсивность, с другой, переводит дериват в класс вхождений в состояние. При этом перевод в другой класс может быть как присущ данному типу дериватов в целом (ср., например, предельность в значении приставок), так и индивидуальному глаголу (переход ‘делать’ – ‘закончить’ вполне естествен, но только косвенно связан с префиксом *с-*).

В отдельных случаях выяснить тип лабильности сложно – ср., например, некоторые русские глаголы на *-ировать*:

- (279) а. *Скорость процесса сильно варьирует.*
 b. *Нужно варьировать нагрузки.*
- (280) а. *Буш девальвирует доллар.*
 b. *Валюта этой страны сильно девальвирует.*
- (281) а. *Русские ассимилируют в Америке.*
 b. *Американцы ассимилируют другие народы.*

Вариативность явно вызвана заимствованным суффиксом и, соответственно, неясностью отнесения слова к переходному или непереходному классу спряжения. Тем не менее, соотношение с исходной основой вряд ли существенно – в частности, иногда заимствоваться может глагол в целом.

Примеры производных глаголов показывают, что лабильность может возникать в силу действия других, сегментных механизмов – прежде всего, таких, которые либо не дифференцированы по переходности (в этом она зависит от системы показателей и словоизменительных типов языка). В части случаев эти глаголы занимают ядерную позицию в классе лабильных. Если в работе [Полинская 1986] показана связь между лабильностью и словоизменительными механизмами, то оказывается, что и со словообразованием она связана достаточно сильно.

Безусловно, многие рассмотренные примеры – в особенности случаи типа 3 – могут трактоваться и в терминах формальной производности, и в терминах наличия в семантике глагола того или иного компонента – выбрать одну из них сложно, поскольку глаголы с

семантикой типа 'белеть' обычно формально производны от прилагательных.

Хотя в языках мира часто маркируется переходность, нами не обнаружены средства маркирования лабильных глаголов или получения лабильных глаголов из других (функция французского адъективизатора всё же состоит не в том, чтобы создавать лабильные глаголы). Это доказывает, что лабильные глаголы в каком-то смысле не существуют как самостоятельный грамматический класс. Если бы это было не так, мы бы ожидали, что употребления лабильного глагола отличаются от «нормального» переходного или непереходного употреблений, но это неверно. Утверждение работы [Галямина 2006] о том, что лабильность имеет место внутри лексемы, причём лабильные глаголы в некоторых языках составляют отдельный класс, следует принимать с осторожностью: никакими формальными свойствами, кроме немаркированности, они не отличаются от пар типа 'умереть'/'убить'.

Отсутствие показателей лабильности, видимо, объясняется тем, что показатели оперируют конкретными моделями управления, а не лексемами или вокабулами. Они созданы именно для того, чтобы **различать** значения и конструкции, а не связывать их, поэтому показатель со значением «у глагола есть два употребления» не отвечал бы этому критерию. В частности, обнаруженная Кумаховым закономерность не позволяет считать 3э- **показателем** лабильности – для глагола нормально различать переходные и непереходные глаголы, а снять это противопоставление можно, только отодвинув его на второй план. Сравним, например, ситуацию в сфере вида: акциональные классы, совершенный и несовершенный виды могут маркироваться, но вряд ли в каком-либо языке можно говорить о маркировании двувидовых глаголов. Кроме того, лабильность в системе языка является аномалией и именно поэтому никогда не достигает уровня, где могла бы быть «замечена» показателями.

Заключение

Итак, как мы поняли, лабильность, хотя и не является в полном смысле слова грамматическим явлением, сильно зависит от свойств грамматической системы. Прежде всего, релевантны параметры «строй языка» и «система показателей актантной деривации». Однако говорит об их связи с лабильностью можно лишь с той оговоркой, что они обуславливают скорее не объём, а состав класса лабильных глаголов. При этом лабильность непрототипически переходных глаголов (глаголов движения) вообще мало зависит от особенностей системы языка.

Существенно, что лабильность не описывается односторонними импликатурами. Невозможно выделить класс глаголов, который лабилен в любом языке, где есть

лабильные глаголы. Можно говорить лишь о фреквенталиях, связанных с особенностями языка:

- ❖ если язык имеет эргативный строй и его класс переходных глаголов включает прототипически переходные глаголы, то класс лабильных глаголов включает ядро прототипически переходных глаголов;
- ❖ если язык имеет преимущественно лабильные глаголы с агентивным субъектом или лабильные глаголы с низкой семантической переходностью, то он аккузативный;
- ❖ если в языке есть показатели переходности, он не имеет канонически лабильных глаголов.

Эти фреквенталии становятся возможны, только если рассматривать **классы** лабильных глаголов: сама по себе лабильность отдельного глагола ничего не говорит о свойствах лабильности в целом в данном языке.

Соотношение лабильности с показателями деривации показывает, что эти механизмы не являются дополнительно распределёнными относительно множества глаголов. В конкретном языке часто сосуществуют классы лабильных глаголов, сочетающиеся и не сочетающиеся с показателями деривации – чем хуже сочетаемость с показателями, тем более характерна для языка или класса глаголов лабильность, которая в предельном случае замещает показатели актантной деривации.

Глава 4. Лабильность в диахронической перспективе

Выше было указано, что лабильность отличается от актантных дериваций. В частности, отсутствие показателей затрудняет отождествление случаев лабильности. Не вполне понятно, когда стоит говорить об отдельных путях семантических дериваций, а когда – о единой модели. Поэтому трудно и проследить изменение системы лабильных глаголов.

Тем не менее, очевидно, что эти изменения происходят. Попытаемся выяснить их закономерности. Поскольку в круг рассмотрения входят и отдельные глаголы, и системы лабильных лексем в целом, у нас будет две задачи: проследить, как может возникнуть лабильность глагола и проанализировать изменение свойств лабильности в языковой системе.

4.1. Изменение свойств класса лабильных глаголов в языковой системе

В данной части мы проанализируем изменение свойств класса лабильных глаголов как целого. Прежде всего, рассмотрим изменения количества лабильных глаголов. Мы знаем (см., в частности, работы Дж. Байби и Э. Даля [Bybee, Dahl 1989], К. Лемана [Lehmann 1995]), что при грамматикализации область применения показателей расширяется. С другой стороны, грамматические показатели со временем «устаревают» и сменяются другими. Верно ли, что с лабильностью может происходить и то, и другое?

Современные европейские языки иллюстрируют, прежде всего, увеличение количества лабильных глаголов. Например, в латыни и древнегреческом лабильность встречалась реже, чем в современных романских и греческом языках (исключение, возможно, составляет румынский). Современные германские языки, видимо, также «более лабильны», чем их предки (это естественно, если учесть, что в английском часть случаев лабильности связывается с совпадением вариантов основы). Особенно заметно, что именно среди современных индоевропейских языков появляются языки с очень большим классом лабильных глаголов типа немецкого или французского.

С другой стороны, в ряде случаев лабильность теряет свой вес: например, как показано в [Kulikov 2004], от ранневедийского к средневедийскому языку количество лабильных глаголов уменьшается. Хотя такое направление перехода не является невозможным, мы можем наблюдать его гораздо реже. Забегая вперёд, скажем, что и на уровне отдельных глаголов мы скорее замечаем возникновение, а не утрату лабильности.

В то же время в эргативных языках лабильность также претерпевает изменения: например, в хваршинском языке исходно существовала основа многократного вида на -*ho*, всегда непереходная (ср. аналогичные явления в аварском языке). Затем эта основа

обобщилась на все контексты, вытеснила исходную основу и стала употребляться и как переходная, и как непереходная: отсюда пары типа *da esanho* ‘я моюсь’ – *de esanho litoaba* ‘я мою руки’ [Имнайшвили 1963]. Вообще рефлексивная лабильность в дагестанских языках, вероятно, происходит именно от опущения объекта.

В русском и болгарском языках также возникают новые лабильные глаголы (в старославянском и древнерусском эта группа была невелика), но этот процесс идёт не так интенсивно, как в романских.

В процессе увеличения в языке числа лабильных глаголов меняется и семантическое ядро этого класса, что видно, на примере латыни (и итальянского) и французского языков, а также древне- и новогреческого. В латыни был небольшой класс лабильных глаголов, прежде всего, не имеющих прототипического пациенса: ср. *admoveo* ‘двигать(ся), приближать(ся)’, *muto* ‘изменять(ся)’, *erumpo* ‘вырываться наружу/выводить наружу’, *sono* ‘звучать/произносить’, *incipio* ‘начинать(ся)’, *turbo* ‘волновать(ся)’ и т.д. С другой стороны, лабильности типа ‘ломать(ся)’ не возникает.

В большинстве современных романских языков ситуация примерно такая же, но французский составляет исключение. В нём класс лабильных глаголов очень широк и в него входят прототипически переходные глаголы типа *casser* ‘ломать(ся)’, *sécher* ‘сохнуть/сушить’, *rompre* ‘рвать(ся)’ и др.

Аналогичным образом, в древнегреческом лабильные глаголы принадлежали, в основном, к классу глаголов движения: ср. *ballo* ‘бросать(ся)’, *baino* ‘идти/вести’, *apaŷo* ‘уходить/уводить’, *apallasso* ‘уходить/устранять’, *ekfero* ‘выносить/выбегать’, *iapto* ‘кидать/кидаться, спешить’, *peritrepo* ‘поворачивать(ся)’ и др. В современном греческом лабильных глаголов стало значительно больше (ср. [Haspelmath 1993]) и преобладающий тип также изменился: лабильными стали глаголы *ksipno* ‘проснуться/разбудить’, *alazo* ‘изменить(ся)’, *aniŷo* ‘открыть(ся)’, *klino* ‘закрыть(ся)’, *xaridzo* ‘расколоть(ся)’, *xalno* ‘разрушить(ся)’ и другие глаголы с прототипическим пациенсом. Такое развитие лабильности в европейских языках показывает, что для них в целом характерен именно латинский или древнегреческий тип: первичен именно он, а другие лексемы втягиваются в данный класс позднее.

Как выяснилось, количество лабильных глаголов в языках мира на современном этапе часто увеличивается. С другой стороны, мы знаем, что и для показателей деривации характерно расширение сочетаемости: например, исходный возвратный показатель может позднее обозначать декаузатив, рефлексив, реципрок и другие деривации. Таким образом, развитие конкурирующих явлений идёт параллельно. Например, в болгарском языке сильно грамматикализовалось местоимение *се*, обозначающее всю сферу понижающих

актантных дериваций – но и лабильных глаголов в нём больше, чем, например, в старославянском. В латыни лабильных глаголов меньше, чем в современных романских языках, но и возвратный показатель *se* менее продуктивен. Как объяснить то, что грамматикализация не мешает распространению лабильности?

Во-первых, распространение новых показателей понижающих дериваций часто сопровождается исчезновением старых. Например, в латыни был весьма продуктивен пассив, а в древнегреческом языке – медий. В современных романских языках такого медиопассива нет – видимо, лабильность смогла развиваться потому, что какое-то время место продуктивного показателя понижающей деривации (или одного из них) было вакантным (в новогреческом, по данным [Haspelmath 1993], оно и осталось вакантным).

Во-вторых, развитие у показателей новых значений идёт с разной скоростью. К примеру, в [Недялков 2005] отмечено, что в немецком языке по сравнению с другими индоевропейскими мала доля декаузативных употреблений по сравнению со взаимными. Болгарский показатель *се* обозначает декаузатив часто, но и у него реципрокальные употребления встречаются чаще, чем у русского *-ся*. Вероятно, если основным направлением развития не становится декаузативное, часть инхоативно-каузативных пар может обслуживаться лабильностью. Примером могут служить болгарские фазовые глаголы: именно эта группа чаще всего бывает лабильна и неудивительно, что именно там не успел закрепиться декаузативный показатель.

Отдельный вопрос – как развиваются модели управления глаголов, в случае, когда в языке-потомке они не заменяются другими основами. Рассмотрим несколько глагольных основ, совпадающих в латыни и во французском или итальянском:

Табл. 5. Модели управления в латыни и французском.

Латынь	Переходность	Французский	Переходность
<i>rumpo/dirumpo</i> 'рвать'	переходный	<i>rompre</i>	лабильный
<i>(ad)moveo</i> 'двигать'	лабильный	<i>mouvoir</i>	переходный
<i>finio</i> 'заканчивать'	лабильный	<i>finir</i>	лабильный
<i>fatigo</i> 'утомлять'	переходный	<i>fatiguer</i>	лабильный
<i>descendo</i> 'спускаться'	непереходный	<i>descendre</i>	лабильный
<i>dilato</i> 'расширять'	лабильный	<i>dilater</i>	переходный
<i>suffoco</i> 'душить'	переходный	<i>suffoquer</i>	лабильный

<i>levo</i> ‘поднимать’	переходный	<i>lever</i>	лабильный
<i>macero</i> ‘мочить’	переходный	<i>macérer</i>	лабильный
<i>bollio</i> ‘кипятить’	лабильный	<i>bouillir</i>	непереходный/лабильный

Табл. 6. Модели управления в латыни и итальянском.

Латынь	Переходность	Итальянский	Переходность
<i>rumpo/dirumpo</i> ‘рвать’	переходный	<i>rompere</i>	лабильный-
<i>(ad)moveo</i> ‘двигать’	лабильный, пер.	<i>muovere</i>	лабильный
<i>finio</i> ‘заканчивать’	лабильный	<i>finire</i>	лабильный
<i>fatigo</i> ‘утомлять’	переходный	<i>faticare</i>	переходный
<i>descendo</i> ‘спускаться’	непереходный	<i>discendere</i>	непереходный
<i>cresco</i> ‘расти’	непереходный	<i>crescere</i> ‘расти(ть)’	лабильный
<i>cado</i> ‘падать’	непереходный	<i>cadere</i> ‘падать’	непереходный
<i>muto</i> ‘изменять’	лабильный	<i>mutare</i> ‘изменять’	лабильный
<i>ardeo</i> ‘гореть’	непереходный	<i>ardere</i> ‘гореть, жечь’	лабильный
<i>deminuo</i> ‘уменьшать’	переходный	<i>diminuire</i>	лабильный
<i>amplio</i> ‘расширять’	переходный	<i>ampliare</i>	переходный
<i>suffoco</i> ‘душить’	переходный	<i>soffocare</i>	лабильный
<i>odoro</i> ‘нюхать, душить’	переходный	<i>odorare</i> ‘пахнуть, нюхать’	лабильный
<i>levo</i> ‘поднимать’	переходный	<i>levare</i> ‘поднимать’	переходный
<i>macero</i> ‘мочить’	переходный	<i>macerare</i>	переходный
<i>refrigero</i> ‘охлаждать’	переходный	<i>refrigerare</i>	переходный
<i>bullio</i> ‘кипеть’	лабильный	<i>bollire</i>	лабильный

Как видно, в обоих языках лабильными, как правило, становятся глаголы, переходные или лабильные в латыни. Тем не менее, в итальянском языке их доля несколько меньше. Это связано с тем, что в итальянском лабильность свойственна, в основном, глаголам, обозначающим самопроизвольные действия (‘спускаться’, ‘падать’, ‘расти’). Так, прототипически переходные в латыни глаголы (*rumpo* ‘рвать’) в итальянском лабильными обычно не становятся. Напротив, во французском, как уже было сказано, появляются лабильные глаголы непроизвольных ситуаций из числа прототипически переходных. Впрочем эти тенденции выражены не так уж чётко, в первую очередь потому, что в обоих современных языках лабильность развита заметно больше, чем в латыни. Однако ср. глаголы со значением ‘ломать’ и ‘утомлять’: во французском они стали лабильными, а в итальянском один остался переходным, а другой (‘ломать’) чаще употребляется как

переходный. Ещё один глагол движения – *moveo* ‘двигать’ – стал лабильным, наоборот, только в итальянском языке. Однако этот глагол не является прототипически переходным: он не имеет прототипического пациенса.

При смене класса лабильных глаголов играет роль и семантическая деривация: например, французский глагол *casser* ‘разбивать(ся)’ происходит от латинского *quasso/casso* ‘шатать(ся), трести(сь)’, основное употребление – переходное.

Не менее важно, что со временем лабильными могут становиться и переходные, и непереходные глаголы: ср., например, *ardeo* и *deminuo*. Возможно, этим и облегчается возникновение лабильности по сравнению с её исчезновением: в целом при сохранении лексемы язык скорее расширяет, чем сужает её употребление. Только в некоторых случаях лексемы утрачивают лабильность – одна из моделей просто устаревает. Однако окказионально лабильность может возникать, а не утрачиваться – следовательно, образование лабильных глаголов идёт быстрее, чем их исчезновение.

Случаи развития лабильных глаголов тоже информативны: латинский глагол *bullio* ‘кипеть’, обозначающий самопроизвольное действие, имеет переходные употребления и в итальянском, и во французском, но его переходное употребление не распространено (в большей степени оно характерно для итальянского). С другой стороны, исходно переходные глаголы *frigo* ‘жарить’ и *coquo* ‘варить’ во французском становятся полноценно лабильными, а в итальянском не лабильны.

При этом ясно, что модель управления исходного глагола зависит не только от его значения, но и от модели управления глагола в языке-предке. Например, если итальянский глагол *discendere*, происходящий от латинского непереходного *descendo*, не получает каузативного употребления, то глагол *calare* ‘спускать(ся)’ лабилен. Аналогичным образом, глагол *ardere* не всегда признаётся носителями лабильным (в части случаев они признают только непереходное употребление), а *bruciare* ‘гореть, жечь’ лабилен. Следовательно, лабильность во многом свойственна лексемам, а не ситуациям в целом (даже на уровне отдельного языка).

Важно, что фазовые глаголы и глаголы со значением ‘изменять’ – основные группы итальянских лабильных глаголов – были лабильны и в латыни. На примере французского и итальянского мы ещё раз видим, что лабильность, как правило, не утрачивается (в более лабильном языке она возникает у новых глаголов, а в менее лабильном – в основном, сохраняется).

Такие противонаправленные изменения оправдывают подход к лабильности как к единому явлению: мы не можем говорить отдельно о каузативной и декаузативной лабильности, занимающей нишу, соответственно, каузативного и декаузативного

показателей. Рост числа лабильных глаголов в языке сопровождается вытеснением и только переходных, и только непереходных глаголов.

Интересны изменения глагола *odorare* от латыни к итальянскому языку: в латыни он имел два значения – ‘нюхать’ и ‘надушить’. В итальянском языке он утратил второе значение, но получил значение ‘пахнуть’. Данный глагол представляет собой один из случаев, когда семантика допускает более двух диатез, однако развитие может идти, скорее всего, только в этом направлении: диатеза с каузатором (‘надушить’), по всей видимости, была исходной. Иначе было бы трудно объяснить добавление каузатора в производной диатезе – в отличие от случаев типа ‘спускать(ся)’, в данной ситуации он явно непрототипичен и мало связан с ситуациями типа ‘пахнуть’. Значение ‘нюхать’ переходно между двумя остальными – с одной стороны, субъект сохраняет агентивные свойства, с другой, уже не является прототипическим агенсом. Наконец, в последней диатезе речь идёт о состоянии субъекта. С течением времени как бы происходит постепенное снижение переходности глагола, причём как синтаксической, так и семантической (прототипичность агенса).

На примере новых лабильных глаголов мы иногда можем наблюдать путь возникновения лабильности у некоторой лексемы. Этим путям и посвящена следующая часть.

4.2. Пути возникновения у лексемы лабильности

Поскольку лабильные глаголы всегда составляют в языке меньшинство, важно, каким образом возникает лабильность (в предыдущих частях мы рассмотрели факторы её появления). В отличие от маркированных дериваций, при лабильности не всегда ясно, соотносятся ли прямо между собой переходное и непереходное употребление. Некоторые недавние изменения в моделях управления глаголов позволяют проследить пути возникновения лабильности.

1. Фонетическое уподобление

Нередко оказывается, что лабильность возникла в результате совпадения двух основ, исчезновения фонетического противопоставления. Так, например, образуется лабильность типа *schmelzen* ‘таять/топить’, и сейчас сохраняющая противопоставление в некоторых формах. Особенно много таких пар в английском языке.

2. Системная унификация основ

Другим способом является нефонетическое уподобление основ. Например, в хваршинском языке произошло распространение мультипликативной непереходной основы на все остальные формы – естественно, в результате возникла лабильность. В данном случае важны системные факторы – вытеснение более старой основы.

Совпадение типов может иметь место и на уровне отдельных лексем. К примеру, в классической латыни существовали переходный глагол *pendere (pendo)* ‘вешать’ и непереходный *pendere (pendeo)* ‘висеть’. Во французском, итальянском и испанском языках различие в типах словоизменения исчезло, что привело во французском к лабильности.

3. Опускание показателя

В латыни и древнегреческом языках (ср. также Hermodsson 1952: 65ff, Visser 1970: 145ff. об аналогичных явлениях в древнеанглийском языке) возвратный показатель мог обозначать широкий спектр значений, в том числе автокаузацию при движении: ср. лат. *agere* ‘вести’, *se agere* ‘идти’. Затем это местоимение стало опускаться, в результате чего глагол стал лабильным: у Плавта встречаем и маркированный рефлексив, и немаркированную непереходную модель:

(282) *Unde agis?* ‘Откуда ты идёшь?’.

Аналогичным способом образовались часть английских лабильных рефлексивов, например, *dress* ‘одеваться’ < *dress oneself*. Из более современных аналогов ср. разговорное русское *Дети плохо ведут* (‘плохо себя ведут’). Данный способ интересен тем, что прямо связан с употреблением показателя понижения переходности.

Исходно лабильность и маркированное изменение переходности, как кажется, противопоставлены. Но в действительности они представляют собой разные степени объединения переходного и непереходного глаголов: первой стадией является уже образование ‘идти’ от ‘вести’ (хотя в латыни имеется глагол *ire* ‘идти’, не связанный с ‘вести’). Затем глаголы сливаются – возможно, и потому, что ‘идти’ – не рефлексив от ‘вести’ в чистом виде, хотя точная причина такого опущения неясна. Лабильность во многом связана с употребительностью декаузатива – как уже говорилось, лабильность в целом возникает, когда оба варианта ситуации достаточно употребительны.

Очень близки к данным процессы, происходящие в русских диалектах [Пожарицкая 2004]: в форме причастия прошедшего времени выпадает возвратный показатель, например, форма *помывши* может означать и ‘вымыв X’, и ‘вымывшись’. Такие формы в диалектах употребляются в качестве финитного сказуемого.

4. Опускание объекта

С другой стороны, есть случаи, когда сложно предположить опущение местоимения – скорее речь идёт об опущении объектной именной группы. Прежде всего, это также относится к глаголам движения.

Русские глаголы типа *повернуть, гонять, двинуть* вряд ли напрямую образованы от возвратных. В отличие от греческого и латыни, в русском возвратные глаголы

непереходны, а показатель грамматикализован и не может свободно опускаться. Правда, можно предположить переход типа *двинуться* – *двинуть*, но в случае *гонять* он маловероятен. Скорее речь может идти об опущении объекта-транспортного средства или близком к нему – можно проследить следующую цепочку преобразований:

(283) *Гнать, гонять людей по улице* ‘заставлять бегать’ – *Гонять мотоцикл, машину* ‘заставлять ехать, передвигаясь на ней’ – *Гонять на мотоцикле, машине* ‘передвигаться на ней’ – *Гонять по городу, гнать что есть силы* ‘быстро передвигаться’.

При описании таких случаев явно релевантно понятие **конструкции** в смысле Чарльза Филлмора. По-видимому, переход к конструкции *гонять на* (как и *гнать на*) облегчается наличием «конструкции движения на транспорте», ср. *ездить на машине, летать на самолёте* и т.д. Как только объект по семантике становится не пациенсом, а инструментом (транспортным средством), «транспортная» конструкция втягивает в себя глагол.

Ещё более явно такой переход прослеживается в случае глагола *вести* ‘служить путём куда-л.’. Ясно, что исходно глагол имел семантическую валентность на прямой объект, что отражается в свойствах глагола *привести* (*Тропинка привела нас к дому*). В итальянском, французском и английском языках глаголы со значением ‘вести’ имеют такое же непереходное употребление. Сходный путь развития непереходного значения можно предположить для латинского глагола *deferre* ‘сносить, спускать’ – *flumina deferentia* ‘текущие (не скованные льдом) реки’ (‘реки, несущие свою воду’).

Возможность переходов от опущения объекта к лабильности свидетельствует об отсутствии чёткого противопоставления между этими явлениями. В свою очередь, это связано с отсутствием у некоторых групп глаголов ярко выраженных агенса и пациенса: выше было показано, что актанты глаголов движения не противопоставлены по своим свойствам.

Часто лабильность, полученная опущением объекта, возникает при отсутствии в данном языке обычной лабильности, не возводимой к опущению. В итальянском языке глаголы *aprire* ‘открывать’ и *chiudere* ‘закрывать’, как правило, не употребляются непереходно, за исключением случаев типа (284):

(284) *Il negozio ha aperto alle dieci di mattina* ‘Магазин открылся в десять утра’.

По-видимому, предложения такого типа стоит возводить к предложениям типа ‘закрывать свои двери’ или ‘прекращать работу’.

5. Переосмысление объекта безличной конструкции/конструкции с опущением субъекта

В пункте 4 рассматривался случай, когда субъект конструкции с опущенным объектом очень близко к объекту переходной конструкции. С другой стороны, может происходить и обратное: при опущении субъекта исходный объект может переосмысляться как субъект.

Менее изучены аналогичные преобразования в современном русском языке. Как показано выше, многие глаголы физического состояния одушевлённых существ имеют и личную, и безличную конструкции. Но ещё более интересна вариативность следующего типа:

(285) *Телефон не ловит сеть – Тут Билайн хорошо;*

(286) *У меня телефон не берёт сеть – Мегафон тут не берёт*

(287) *Компьютер медленно грузит эту страницу – У меня страница никак не грузит.*

Переходные употребления таких глаголов с субъектом-механизмом обычно являются переносными от других значений: например, *ловить* ‘добывать, захватывать в качестве добычи’. Однако все эти глаголы не лабильны. В переносных значениях возникают употребления с опущенным субъектом (*Да ну, ничего не грузит* ‘Компьютер не грузит’). Позднее они переосмысляются как непереходные (наряду с возможными возвратными дериватами – *сеть не ловится*). Впрочем, наряду с такой трактовкой для глаголов *ловить* и *брать* возможна и другая – *Сеть не берёт* образовано рассмотренным ранее способом – опущением объекта – из конструкции типа *Сеть не берёт сигнал телефона* или *Сеть не ловит телефон*. Эта трактовка опровергается тем, что полные конструкции такого рода – в отличие от *Телефон не ловит сеть* – не встречаются.

Одной из причин этого может быть неразличимость именительного и винительного падежа неодушевлённых существительных (например, *сеть*, *Мегафон*). Однако так употребляются и существительные типа *страница*, у которых падежные формы различаются.

Вероятно, важно, что объект безличной конструкции в русском вообще часто переосмысляется как субъект. Ср., например, случаи типа *саднить*, имеющие безличную и личную модели управления: *Рана саднила/Рану саднило*.

Аналогичным образом, по-видимому, устроена вариативность в исландском языке: часть лабильных глаголов в нём в непереходном употреблении выступают с канонически маркированным (то есть номинативным) субъектом, а часть – с маркированным неканонически (Andrews 2001; о понятии неканонического маркирования см. Aikhenvald et al. (eds.) 2001):

(288) a. *sjorinn braut bátinn í spón*
 море:NOM разбить(ся):PAST лодка:ACC в ложка
 ‘Море разбило лодку на куски’;

b. *báturinn braut í spón*
 лодка:NOM разбить(ся):PAST в ложка
 ‘Лодка разбилась на куски’.

(289) a. *þeir fylla bátinn*
 они заполнять(ся):PAST лодка:ACC
 ‘Они заполнили лодку’;

b. *bátinn fyllir*
 лодка:ACC заполнять(ся):PRS
 ‘Лодка заполняется (аккузативный субъект) [Andrews 2001: 103]

(290) a. *þeir hvolfa bátnum*
 они перевернуть(ся):PAST лодка:DAT
 ‘Они перевернули лодку’;

b. *bátnum holfvdi*
 лодка:DAT перевернуть(ся):PAST
 ‘Лодка перевернулась’.

Казалось бы, существенно, что непереходное употребление переводится именно декаузативом (‘перевернуться’), а не пассивом (‘быть перевёрнутым’). Это показывает, что для лабильности важно не только различие по переходности (которое, как было показано выше, сложно определить однозначно), но и то, насколько релевантен для ситуации опускаемый актант. Однако этот аргумент не бесспорен: оказывается, что в примерах (13), например, выступает глагол, обозначающий ситуацию, при которой должен присутствовать второй актант (заполняющая масса) – следовательно, предложения ‘Лодка заполнилась’ и ‘Лодку заполнили’ фактически неразличимы.

Более важно, что при опущении субъекта объект, хотя и маркируется аккузативом, получает большой набор субъектных свойств (см. об аналогичных явлениях в языке кечуа [Hermon 2001])⁴¹. В результате, как считает автор, его целесообразнее считать субъектом с неканоническим маркированием, чем объектом. Однако смены падежного маркирования всё же не происходит.

Весьма интересен случай глагола *спустить* ‘опустить вниз; выпустить из вместилища (газ или жидкость)’. В значении каузации движения вниз он употребляется только переходно (невозможно, например, **Мама спустила по лестнице*). Однако в значении ‘выпустить газ’ имеются, по крайней мере, следующие модели:

(291): Переходная с субъектом-агентом и объектом-вместилищем: *Хулиганы*

⁴¹ Многофакторный подход к определению субъекта, связанный с большим комплексом свойств разного характера, отстаивается в работах [Кинэн 1982], [Козинский 1983], [Тестелец 2002] и др. В частности, большое внимание в данных работах уделяется способности актантов контролировать рефлексивизацию, которая особенно характерна для подлежащего. См. также о признаках подлежащего

спустили шины у его автомобиля.

Переходная с субъектом-агентом и объектом-газом: *Я сразу же спустил воздух.*

Переходная с субъектом-вместилищем: *Шина спустила воздух.*

Непереходная с субъектом-вместилищем: *Шина спустила.*

Непереходная с субъектом-газом: *Воздух начал спускаться.*

Безличная с актантом-вместилищем: *Шину спустило.*

Первичной, вероятно, следует считать первую диатезу, от которой образуется третья – ср. аналогичный глагол *выпустить* с объектом-веществом. В словаре [Даль 1998/1880] дан пример *спустить пруд* ‘выпустить из пруда воду’ – вероятно, именно с такими объектами первоначально сочетался глагол. Затем происходит перенос типа зафиксированных в [Падучева 1998] (*Я залил пол водой – Вода залила пол*), и субъектом становится вместилище. Неperеходная диатеза с субъектом-вместилищем производна от третьей – поскольку вещество часто фиксировано и не находится в фокусе высказывания, его можно и не называть. С другой стороны, при опущении вместилища в фокус попадает вещество, которое, по оценкам некоторых носителей языка, может становиться субъектом высказывания. Безличная диатеза – результат переосмысления роли вместилища как пациентивного участника ситуации.

На примере этого глагола мы ясно видим неточность подхода к лабильности как к противопоставлению типа «инхоатив/каузатив». Безусловно, пара *Хулиганы спустили шины/Шины спустили* полностью соответствует определению инхоативно-каузативной пары, но ни один из её членов не получен прямо из другого. С другой стороны, пара *Я спустил воздух/Воздух спустил* подходит под определение инхоативно-каузативной и по способу образования, но вторая конструкция признаётся не всеми носителями.

Требуется объяснить, почему этот глагол становится лабильным только в одном из значений, то есть почему не возникает конструкций типа *Мама спустила по лестнице*. По-видимому, это связано со свойствами актантов. В значении передвижения глагол *спустить* может принимать самые разные объекты – как одушевлённые, так и неодушевлённые. Поэтому их опущение маловероятно. С другой стороны, класс объектов глагола *спустить* в значении ‘выпустить газ или жидкость’ значительно более ограничен (например, объектами не могут быть названия твёрдых веществ), а при фиксированном субъекте (колесо) вообще сводится к одному объекту – воздуху. Именно поэтому название вещества может быть опущено.

Кроме того, важно, что актантная структура глагола *спустить* в переносном

значении включает актант Вместилище, тогда как в прямом значении этот актант отсутствует. По своим свойствам этот актант близок к Пациенсу, но не тождествен ему (в [Dowty 1991] одним из признаков прототипического пациенса считается его передвижение, следовательно, по этому признаку пациенсом следует считать Вещество). Промежуточные свойства Вместилища делают возможными конструкции с субъектом и с объектом-вместилищем.

Сходный путь появления лабильности можно проследить и в дагестанских языках: например, аварские глаголы *бохIри* 'гореть', *вихха* 'растеряться' в закатальском диалекте при первом лице не имеют конечных классных показателей [Бокарёв 1949]. Автор считает, что «в примерах ..., понимаемых сейчас непереходно, отсутствие конечных показателей ... указывает, что такому пониманию предшествовало переходное».

4.3. Направление лабильности

Выше, говоря о способах возникновения лабильности, мы рассматривали случаи, когда явно прослеживается производность одного из употреблений. Однако в большинстве случаев уверенно говорить об одной из моделей управления как первичной невозможно. Как уже говорилось, в отличие от А-лабильности и опущения, при собственно лабильности первичным могут быть обе модели управления. Ниже предлагаются способы определения направления деривации.

Отметим, что эти способы в некоторых случаях позволяют определить, какое из употреблений не является первичным – вряд ли можно исключить, что оба употребления возникли одновременно.

(1) Деривативная первичность.

Ряд деривативных типов лабильности по своей природе позволяет выявить первичное употребление. Как говорилось выше, это рефлексивное и реципрокальное употребления. Впрочем, для случаев типа арабских *tala:qa:* и *iltaqa:* 'встретить(ся)', в обоих употреблениях обозначающих взаимную ситуацию, первичны могут быть и симметричные употребления – тем более, что оба глагола принадлежат к производным моделям, обычно образующим симметричные глаголы. Также можно говорить о первичности одного из употреблений при лабильности, связанной с хабитуальностью, статальностью или модальностью возможности.

Так, middle construction в английском языке явно производна от активной – это явствует, во-первых, из наличия в ней модального значения, которая отсутствует при активном употреблении, а во-вторых, из того, что middle construction от глаголов всех акциональных классов имеет свойства статива – то есть происходит унификация, что более естественно именно при таком направлении производности. По-видимому, ни в

одном языке мы не обнаружим исходного глагола с модальным значением типа ‘(легко) продаваться’, от которого произведен активный глагол ‘продавать’.

При этом сам факт, что при одних соотношениях (каузатив/декаузатив) могут маркироваться оба члена, а при других (реципрок/нереципрок) – только один, не получил общего объяснения. Можно говорить о большей сложности взаимного употребления, но и каузативное употребление более сложно, чем декаузативное, так как имеет больше актантов и подразумевает два подсобытия – каузативное и декаузативное. Видимо, стоит считать, что кореферентность действует иначе, чем введение участников и выведение их за кадр: прототипически участники не кореферентны, но и наличие, и отсутствие каузатора может быть прототипическим.

(2) Семантика употреблений глагола.

(а) объём употребления.

Как было показано в статье [Daniel и др. в печати], в случаях, когда одно из употреблений обозначает явно больший класс ситуаций, чем другое, стоит считать первое из них первичным, а второе – производным от него. Так, агульский глагол *at'as* ‘резать/быть разрезанным’ в переходном употреблении также означает ‘копать’ – следовательно, первичным считается переходное употребление.

С другой стороны, такие данные не всегда однозначно свидетельствуют о направлении деривации. В частности, не всегда можно сравнить два употребления по объёму: употребления русского глагола ‘завернуть’ или ‘катить’ (‘передвигаться, вращаясь’/‘ехать’) просто различаются по семантике: у ‘завернуть’, например, переходное обозначает покрытие предмета, а непереходное – изменение направления. Часть значений просто не сочетаются с декаузативным значением, поскольку содержат агентивно-ориентированные компоненты.

Наконец, есть случаи, просто противоречащие данному критерию. Например, как уже говорилось выше адыгейский глагол *zebɣərəteq_wən* ‘рассыпать(ся); разрушить(ся)’ употребляется как переходный в значении ‘рассыпать’, но в значении ‘разрушить’ обычно используется каузативный дериват от него:

- (292) a. *se* *š_we-š'əx_wə-r* *zebɣərə-s-teq_wəx*
 я СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS LOC-1SG.A-БРОСИТЬ
 ‘Я рассыпал сахар’
- b. *č'ale-m* *depqə-r* *zebɣər-jə-ke-teq_wə-κ* / *zebɣər-jə-teq_wə-κ*
 ПАРЕНЬ-ERG СТЕНА-ABS LOC-3SG.A-CAUS-БРОСИТЬ / LOC-3SG.A-БРОСИТЬ
 ‘Парень разрушил стену’;

Следовательно, по данному критерию исходным должно было бы считаться непереходное употребление. Однако другие критерии – модель управления однокоренного

бесприставочного глагола и положение ситуации на шкале самопроизвольности – говорят скорее об обратном. Можно показать, что типологически для значения ‘разрушить(ся)’ выражение лабильным глаголом менее характерно, чем для ‘рассыпать(ся)’. Возможно, возникновение этого значения именно у непереходного употребления связано с тем, что переходное употребление конкурирует с каузативом, а непереходное ни с чем не конкурирует – продуктивного показателя декаузатива в адыгейском языке нет.

(б) абстрактность значения.

Другим параметром, позволяющим определить направление, является степень конкретности значений. Как было показано в исследованиях по семантике ([Вайнрайх 1970], [Апресян 1967/1995]), семантическая деривация часто идёт от более конкретного значения к более абстрактному. Это, видимо, верно и для лабильных глаголов. Так, русский глагол *примкнуть* в современном переходном употреблении, ограниченном языком военных, означает ‘присоединить’ (*примкнуть штыки*), а в непереходном – ‘присоединиться к социальной общности’ (*примкнуть к восставшим*) – таким образом, только первое употребление обозначает физическое действие. На этом основании можно считать его исходным. Английский глагол *issue* в переходном употреблении значит ‘издавать’ (печатное издание), а в непереходном – ‘вытекать, выходить’ (о дыме или воде):

(293) *The smoke issued from the chimneys* ‘Из труб шёл дым’.

Это также позволяет признать второе употребление исходным.

(в) модели управления однокоренных глаголов.

Как говорилось выше, все глаголы, образованные от одной основы, сравнительно редко имеют одну и ту же модель управления – наряду с лабильными, обычно имеются глаголы, образованные от той же основы, но не допускающие варьирования переходности. Следовательно, можно проследить свойства нелабильных глаголов, однокоренных с лабильными. По-видимому, если они переходны, стоит считать, что именно переходная модель исходна, а непереходная вторична и характеризует конкретную лексему.

Выше уже приводился русский пример: глаголы с корнем *-верн-* либо лабильны (*повернуть, свернуть, завернуть*), либо переходны (*вернуть, перевернуть*) – следовательно, исходной для них следует считать переходную модель. То же самое относится к лабильному глаголу *знать*, однокоренные с которым (*выгнать, загнать*) переходны.

В адыгейском языке глаголы *jəteq_wən* ‘высыпать(ся)’ и *zebɣəɾəteq_wən* ‘рассыпать(ся)’

лабильны, но однокоренной бесприставочный глагол *teq_wən* ‘сыпать’ может быть только переходным:

- (294) a. se š_we-š’əwə-r s-teq_wə-ke
 я СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS 1SG.A-СЫПАТЬ-PAST
 ‘Я рассыпал сахар’;
- b. *š_we-š’əwə-r teq_wə-ke
 СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS СЫПАТЬ-PAST
 ‘Сахар рассыпался’.

Конечно, данный критерий может применяться только при условии, что соответствующие однокоренные глаголы сами не образованы с помощью моделей, изменяющих переходность – с этим связаны некоторые трудности в его применении, так как выяснить влияние словообразовательных показателей на переходность зачастую сложно.

Отметим, что этот критерий допускает другую интерпретацию – вполне возможно, что при присоединении приставки глагол получает сразу два употребления – ни одно из них не первично, хотя только одно унаследовано от общей модели основы. Однако, по меньшей мере, можно говорить о том, что неунаследованное употребление **не** первично. Впрочем, более естественно считать, что первым выступает употребление, наследуемое от основы.

(г) Степень самопроизвольности

Даже если употребления глагола существенно не различаются по семантике, можно считать одно из употреблений производным, исходя из типа лабильности и степени самопроизвольности употреблений. Рассмотрим, например, русский глагол *лить* ‘лить что-л./литься’. Его непереходное употребление, как говорилось выше, отличается от канонического декаузатива: его субъект более самостоятелен и дальше от прототипического пациенса, чем объект переходного.

Сложно представить себе, что в языке лексикализовалось значение типа ‘выливаться (об автономном субъекте)’ – это слишком узкое значение: как правило, лексикализуется просто значение ‘литься’. Следовательно, исходным было переходное употребление, а производным – непереходное (либо, возможно, стоит считать их возникшими независимо).

Ещё более яркий пример – глаголы движения. Древнегреческий глагол *ballo* ‘бросать/нестись, впадать’ или русский *двигать* ‘передвигать/идти’ не могли быть исходно непереходными: в таком случае от их агентивных непереходных употреблений не образовались бы переходные с пациентивным субъектом (например, *двигать* в переходном употреблении значил бы просто ‘вести’). Исходно эти глаголы были переходными, а в непереходном употреблении сходны с рефлексивами (хотя настолько

однозначно говорить о направлении в их случаях всё же нельзя). Напротив, *baino* ‘идти/вести’ и другие глаголы с такой семантикой, вероятно, имеют в качестве первичного именно непереходное употребление: хотя их непереходные употребления агентивны, они не слишком узко определяют действие и их нельзя назвать хотя бы в каком-нибудь смысле рефлексивными (агентивность связана просто с тем, что и переходное употребление имеет одушевлённый прямой объект).

Другим важным свойством объекта является его связь с субъектом: например, латинский глагол *festino* ‘спешить/ускорять’ обычно употребляется с объектом-действием субъекта – по всей вероятности, это означает, что переходное употребление вторично – иначе, видимо, его сочетаемость была бы шире. Аналогичным образом, невозможно признать исходными переходные употребления таких глаголов, как английский *blossom* ‘расцвести’, где объектом обычно является часть субъекта. В новокаледонском языке харачуу глагол ‘развязать(ся)’ может употребляться как переходный только при совпадении субъекта со смысловым пациенсом: такая переходная конструкция буквально переводится как ‘развязать свои верёвки’. Для выражения значения типа ‘развязать телёнка’ (‘развязать верёвки телёнка’) используется каузатив от данного глагола:

- (295) a. kwii bēchā
 верёвка развязаться
 ‘Верёвка развязывается’;
 b. nā bēchā kwii rē nā
 я развязать верёвка POSS 1sg
 ‘Я развязываюсь’ (развязываю свои верёвки);
 c. nā fa-bēchā kwii rēē
 я CAUS-развязать верёвка POSS.3sg
 ‘Я развязал его’ [Moyse-Faurie 2004].

(3) Синтаксические свойства глагола

Из синтаксических свойств в качестве критерия направления деривации можно рассматривать наличие третьего употребления, помимо непереходного некаузативного и переходного каузативного (непереходного каузативного, как у *капать* или переходного некаузативного, как у болгарского *паса* ‘пасти’).

Как правило, при наличии переходного некаузативного употребления непереходное некаузативное не является исходным. Так, у глаголов движения в славянских языках исходным, видимо, является само переходное некаузативное употребление (см. [Крысько 2006]). Глаголы типа *уча* ‘учить(ся)’ или *паса* ‘пасти(сь)’ исходно каузативны и переходны (глагол *учить* является каузативной формой основы *-вык-* - ср. *привыкнуть*), затем появляется переходное некаузативное употребление, а после опущения объекта – непереходное. Отметим также, что в древнегреческом языке также весьма развита

лабильность глаголов движения, часто имеющих переходное некаузативное употребление. В современных европейских языках такая модель утрачена, следовательно, стоит считать её старой.

Это связано с тем, что такой переход включает «простые» для языковой системы преобразования: одно из них не затрагивает переходности, а изменяет некаузативное значение на каузативное, а другое требует опущения объекта, которое происходит значительно легче, чем вывод из модели управления субъекта (либо изменения управления глагола, которое облегчено семантической ролью объекта). Отметим, Впрочем, что для глаголов движения лабильность вообще весьма характерна и, возможно, может развиваться в разных направлениях.

Другая ситуация наблюдается при наличии непереходного каузативного употребления. С одной стороны, как в случае глагола *начинать* в арабском или немецком языке, установить направление производности часто сложно:

- (296a) bada'a al-'umma:l-u bi al-'amal-i fi
mašru:'-in
начинать DEF-рабочие-GEN с DEF-работа-GEN в план-GEN
'Рабочие начали работу над проектом'.
- (296b) fi: as-sa:'at-i at-ta:si'at-i bada'a-t al-harb-u
в DET-час-GEN DET-девятый-GEN начинаться-3F DEF-война-NOM
'В девять часов началась война'.
- (296c) bada'a al-'umma:l-a al-mašru:'-a
начинать DEF-рабочие-GEN DEF-план-ACC
'Рабочие начали план (выполнение плана)'.

В некоторых случаях, возможно, обе непереходные модели производны от переходной независимо.

Однако есть случаи типа русского *капать*, когда непереходная модель облегчает переход от непереходной некаузативной к переходной каузативной:

- (297) а. На землю капнула капелька воды.
б. Я капнул вином на скатерть.
в. Я капнул в стакан три капли лекарства.

В таких случаях лабильность также состоит из двух немаркированных переходов: каузативации без изменения переходности (как показано в [Падучева 2004а], в русском языке этот тип деривации весьма продуктивен) и изменения модели управления с инструментальной на аккузативную. Напротив, если признать исходной переходную модель, то требуется постулировать переход от инструментальной диатезы к одновалентной, который не является продуктивным.

(4) Свойства грамматической системы

(а) Система показателей деривации. Место глагола на шкале

В исследованиях, где постулируется шкала самопроизвольности, не упоминается направление лабильности – или, что то же самое, направление постулируется только для маркированных дериваций. В действительности вполне резонно соотнести лабильность с преобладанием в языке показателей повышающей или понижающей деривации.

Ниже мы подробнее рассмотрим различия между системами дагестанского и европейского типа – однако известно (см. [Nichols et al. 2004], [Климов, Алексеев 1980]), что для дагестанских языков характерно преобладание повышающих актантных дериваций (каузатива, различных типов версии), а для европейских языков – понижающих (часто грамматикализуются реципрок, рефлексив, декаузатив). Этому вполне соответствует различие между их классами лабильных глаголов: в европейских языках (особенно с малым количеством лабильных глаголов) лабильны чаще всего глаголы с непрототипическим пациенсом (глаголы движения, фазовые глаголы, глаголы с агенсом-инициатором), а в дагестанских – с прототипическим. Дагестанские лабильные глаголы обозначают класс ситуаций, которые в языках с декаузативными показателями кодируются противопоставлением с маркированным декаузативом. И наоборот, в европейских языках этот класс лабилен в меньшей степени, хотя и проявляет лабильность в языках типа французского или немецкого.

Хотелось бы считать, что в таких случаях лабильность замещает соответствующую деривацию не только по распределению среди глаголов, но и по механизму действия, то есть в дагестанских языках производит от переходных глаголов переходные, а в европейских наоборот. Однако это не так. Выше было показано, что объяснить таким образом немецкий случай невозможно. Это доказывает, что исходить из «противопоставленных направлений деривации» в случае лабильности нельзя. Кроме того, во многих языках имеются лабильные глаголы с разными направлениями деривации. Таким образом, функционально лабильность не всегда замещает показатели деривации.

Чтобы получить более надёжный критерий, можно проверить место глагола на шкале самопроизвольности. Действительно, если гипотеза Недялкова и Хаспельмата предполагает, что исходными для ситуаций одной части шкалы должны быть непереходные глаголы, а для другой – переходные, то мы должны ожидать, что и для лабильности дело будет обстоять точно так же: лабильные глаголы типа ‘сыпаться’ будут исходно лексикализированы в переходном употреблении, а типа ‘гореть’ – в непереходном, то есть механизм действия лабильности хотя при таких, явно самопроизвольных или явно несамопроизвольных ситуациях таков же, как и у показателя декаузатива.

Во многих случаях это верно. Например, в адыгейском языке глаголы типа *q_wəten* ‘разбить(ся)’ не сочетаются с показателем каузатива в непереходном употреблении, что (см. об этом ниже) свидетельствует об исходности переходного употребления. Однако и это не всегда верно. Например, французский глагол *sécher* ‘сушить’ и латинский глагол *sicco*, от которого он происходит, явно имеют в качестве основных (и, видимо, исходных) переходные употребления, хотя относятся явно к левой части шкалы. Ещё более вопиющий случай – русские глаголы движения, которые также относятся к самопроизвольным глаголам, но исходно у них явно переходное употребление.

Эти случаи распадаются на два класса. Один формируют глаголы особых семантических групп (типа глаголов движения), которые вообще ведут себя по отношению к лабильности иначе, чем все остальные. По-видимому, их свойства должны формулироваться отдельно и данный критерий к ним не подходит (в частности, в силу особых свойств каузации, см. выше). С другой стороны, глаголы типа ‘сушить’ или ‘разбить’ подходят под этот критерий – по-видимому, их «аномальность» не больше, чем аномальность декаузативов типа итальянского *siccarsi* ‘сохнуть’ от *siccare* ‘сушить’. Заметим, что часто при аномальном направлении лабильности в близких языках мы получим аномальное направление декаузативации.

Возможно, одним из решений при аномальном направлении является учёт глаголов, близко расположенных на шкале. К примеру, в латинском языке сходные свойства проявляет глагол *gelo* ‘морозить/мерзнуть’, у которого основным также является переходное употребление, что обуславливает наличие непрототипической пары *gelar* ‘морозить’ – *gelarse* ‘мёрзнуть’ в испанском языке. Можно сформулировать следующую тенденцию:

если глагол Р находится ближе к полюсу V, чем глагол Р₁ и известно, что у глагола Р₁ направление деривации таково, как у глаголов полюса V, то и у глагола Р оно будет таким.

Например, если известно, что глагол ‘открывать(ся)’ – исходно переходный, то это же вероятно для глагола ‘рассыпать(ся)’.

(б) Близкие нелабильные глаголы.

Другим способом является рассмотрение близких по семантике глаголов, не проявляющих лабильности. К примеру, русский глагол *лопнуть* в разговорном языке становится лабильным (*шарик лопнул – лопнуть шарик*). Это, видимо, коррелирует с тем, что его направление отличается от прототипического: для него первично непереходное употребление. Как правило, в русском языке глаголы сильного воздействия на объект

(разбить, порвать, сломать) не бывают лабильны.

Возможно, то же развитие следует предположить для латинского глагола *ruo* 'рушить(ся)'. Большинство глаголов с семантикой разрушения (например, *deleo* 'разрушать') и подобные им не лабильны. Вероятно, лабильность *ruo* связана с тем, что первично непереходное употребление.

(в) Унификация значения у лабильных глаголов.

В русском языке ряд лабильных глаголов в непереходном употреблении обозначает поступательное активное движение (см. *катить, повернуть, сгонять, завернуть, гонять* и т.д.). В переходных употреблениях они значительно сильнее различаются по семантике.

Такая **унификация значения** в одном из употреблений говорит о его производности. Действительно, при семантической деривации ожидается, что результат будет хотя бы отчасти выводим из исходных свойств глагола, а не связан с ним произвольным образом. Естественно, опасность заключается в том, что направление различно у разных глаголов, но на уровне группы глаголов данный критерий позволяет считать вторичным одно из употреблений.

(г) Сочетаемость лабильных глаголов с показателями деривации.

Наконец, ещё одним тестом на направление лабильности является сочетаемость употреблений глагола с деривациями. В статье [Kibrik 1996] для годоберинского языка принимается точка зрения, что с показателем каузатива сочетается **только исходное** употребление лабильного глагола – таким образом разграничивается «понижающая» и «повышающая» лабильность: ср. глаголы *una* 'идти/вести' и *hi_ali* 'закрыть(ся)':

- (298) a. zini [i-b-da caXaba m-una
 cow Repl-3-Ptc from.here 3-go
 'The cow left from here by itself'
- b. ho]-di zini caXaba m-una
 he-Erg cow from.here 3-go
 'He took the cow away from here'
- c. ho]-di zini caXaba m-un-ali
 he-Erg cow from.here 3-go-Caus
 'He drove the cow away from here'
- (299) a. hincu [i-b-da hi_i
 door Repl-3-Ptc close
 'The door closed by itself'
- b. ilu-di hincu hi_i
 mother-Erg door close
 'Mother closed the door'
- c. imu-di ilu-^'u hincu hi_-ali
 father-Erg mother-Sup door close-Caus
 'Father made mother to close the door'

Первый глагол сочетается с показателем каузатива только в непереходном употреблении, а второй – только в переходном. Исходя из этого, считается, что показатель каузатива и

лабильность не должны маркировать противонаправленные деривации, а должны применяться к одному классу лексем.

Заметим, что поведение «исходно непереходных» глаголов при такой точке зрения плохо сочетается со сформулированной в работе [Haspelmath 1993], где типы соотношения переходного и непереходного глаголов считаются дополнительно распределёнными относительно множества лексем. Оказывается, что если каузатив и лабильность применяются к одной лексеме, они и действуют абсолютно одинаковым образом. Теоретически можно было предположить и обратное – что в случаях типа ‘идти’, как и в случаях типа ‘закрыть(ся)’ каузатив маркирует каузативацию переходного употребления и распределён с лабильностью, но семантика лабильных глаголов из двух классов и другие тесты на направление деривации подтверждают вывод работы [Kibrik 1996].

Если принять эту точку зрения, можно предложить следующее объяснение: лабильность в определённом смысле является «немаркированной деривацией». При этом производное употребление оказывается «сложнее» непроизводного и не может быть подвергнуто ещё одной каузативации. Однако в этом случае непонятно, почему в годоберинском языке может свободно образовываться двойной каузатив – по сути, он мало отличается от каузативации вторичных употреблений лабильных глаголов. Возможно, дело в том, что при каузативации и исходный, и производный глагол являются полноценными лексемами и могут подвергаться дальнейшим деривациям. Напротив, при лабильности производное употребление является в каком-то смысле неполноценным по сравнению с исходным. В случае исходно переходных глаголов неприменимость каузатива к их непереходным употреблениям можно объяснить ещё и принципом экономии – то же значение уже передаётся исходным глаголом.

Впрочем, данный критерий срabатывает не всегда - отметим, что даже в годоберинском есть глаголы, которые допускают каузативацию в обоих употреблениях. В даргинском языке (см. [Sumbatova, Mutalov 2003]) так себя ведут практически все лабильные глаголы. В адыгейском ряд глаголов не допускают каузативацию в непереходном употреблении (*zepəɟʔən* ‘ломать(ся)’, *q_wəten* ‘разбить(ся)’, *wəfən* ‘гнуть(ся)’, *jəɟ_wətən* ‘проливать(ся)’, *zeʔetχən* ‘рвать(ся)’, *zeʔ_wen* ‘раскрывать(ся)’), но обратное неверно: глаголов, не допускающих каузативацию переходного употребления, в адыгейском нет. Заметим, что это вполне естественно в свете сказанного выше: каузативация непереходного употребления выполняет ту же функцию, что и немаркированное переходное, однако каузативация переходного ни с чем не

перекрывается по функциям и должно быть продуктивнее.

Следовательно, более значима невозможность каузативации переходного употребления – она явно говорит о том, что это употребление неполноценно. Невозможность каузативации непереходного употребления может просто быть проявлением принципа экономии. При этом возможность образования каузативов от того или иного употребления ни о чём не говорит: грамматические показатели вполне могут по аналогии расширять сферу своего применения.

В языках с преобладанием понижающих дериваций также проявляется отмеченная для эргативных языков тенденция. Например, в русском языке глагол *капать* не подвергается декаузативации, что свидетельствует о вторичности его переходного употребления (отметим, правда, что и в этом случае может влиять принцип экономии). Тем не менее, судя по всему, в сформулированном виде данный критерий менее значим, чем для эргативных языков. В первую очередь это связано с очень развитой полисемией показателей понижающей деривации. При исходно переходных глаголах типа немецких *brechen* ‘ломать(ся)’ или *reißen* ‘рвать(ся)’ показатель *sich* используется, но не образует декаузативов – тогда как каузативные показатели в кавказских языках менее полисемичны.

Итак, как мы видели, существуют способы определить исходное употребление лабильного глагола – по крайней мере, более вероятное. При этом наиболее сложной группой являются глаголы, производные от других частей речи (как правило, от прилагательных) – в их случае весьма велика возможность, что ни одно из употреблений не исходно по отношению к другому – даже если одно из них возникло раньше, второе могло развиваться не от него, а независимо, по другой модели образования отадъективных глаголов.

Неожиданностью является направление деривации при агентивных глаголах движения. Критерии унификации значения и третье употребление свидетельствуют о том, что исходным для них часто является переходное употребление, что не слишком ожидаемо, учитывая самопроизвольность их непереходного употребления (см. подробный анализ этой группы глаголов в главе 2, где показана связь лабильности с ассоциативной каузацией и агентивностью единственного актанта непереходного употребления).

4.4. Заключение

Итак, как было видно, класс лабильных глаголов в языке со временем может изменяться – как правило, мы наблюдаем увеличение класса лабильных глаголов. Возможно, эта тенденция связана с самой природой лабильности. Расширение

употребления глагола происходит легко: в частности, окказионально, но, кроме того, по аналогии – употребление расширяется на другой класс случаев. Напротив, сужение употребления происходит медленно и как бы вынужденно – в силу конкуренции с новыми лексемами.

При отмирании показателей актантной деривации их место, прежде всего, занимает лабильность. Развитие нового показателя, по-видимому, требует некоторого времени, а лабильность – это как бы дефолтный способ заполнения «бреши» в грамматической системе. Помимо этого, переосмысление конструкций тоже приводит к лабильности. Часто в этих случаях она является переходным звеном между моделями. Ср., например, личную и безличную модели в немецком языке в конструкциях типа *Mich hungert* (безличная) и *Ich hungere* (личная) 'Я хочу есть'. Как отмечено в [Haspelmath 1999], первая из них постепенно отмирает, но на сегодняшний день употребляются обе. С другой стороны, лабильность никогда не бывает сильно продуктивна, поскольку для её сочетания с данной лексемой требуются особые условия (они рассматривались в главе 2).

Сама лабильность может быть результатом других, более «простых» синтаксических преобразований: например, опущения объекта или субъекта и последующего переосмысления оставшегося актанта. Это свидетельствует о том, что опущение в принципе является более обычным и простым явлением, чем лабильность – последняя совсем не всегда возникает из коммуникативно обусловленных явлений, а может быть результатом фонетических и синтаксических процессов, переосмысления конструкций.

Глава 5. Лабильные глаголы в арабском языке

В этой главе мы приведём пример конкретной системы лабильных глаголов, полностью рассмотрев её свойства. Для анализа выбрана арабская система. Во-первых, арабские актантные деривации сравнительно мало изучались современной типологией – работа [Гранде 1998] носит описательный характер. Тем более изучению не подвергалась лабильность – в частности, потому, что в арабском языке она сравнительно непродуктивна.

Необходимо сделать одно предупреждение. Поскольку в современном арабском мире используется как литературный язык, так и его диалекты, весьма существенно отличающиеся друг от друга, анализировать арабский материал как единое целое было бы невозможно. В данной главе мы используем только данные литературного арабского языка из арабоязычной прессы – в случаях, когда для сравнения привлекается диалектальный материал, это специально указывается.

Вначале рассмотрим некоторые свойства арабской грамматической системы, существенные для понимания лабильности (при рассмотрении системы арабского литературного языка мы пользовались данными исследований [Юшманов 1985] и [Гранде 1998]).

5.1. Арабская грамматическая система

Одной из яркой особенностей арабского и некоторых других семитских языков является большое количество словообразовательных моделей – «пород» в традиционной терминологии (см. [Гранде 1998] и т.д.). В частности, в арабском выделяется десять наиболее употребительных и пять менее распространённых моделей. Все эти модели в качестве основных значений маркируют актантные деривации от исходного глагола – для некоторых это производный глагол, для других – результат деривации: образование производных пород показано на схеме – так, от первой породы образуется вторая, от которой, в свою очередь, может образоваться пятая.

1 → 2 → 5

1 → 3 → 6

1 → 4 → 10

1 → 8, 7

В сравнении с кавказскими языками или языками средневропейского стандарта это число очень велико. Кроме того, в арабском имеется пассив, выражающийся не префиксом, а трансфиксом (а именно, сочетанием гласных *-u-* и *-i-*) и имеющий скорее словоизменительный, чем словообразовательный статус – он может быть личным и

безличным.

Часть пород близки друг к другу по семантике. В частности, каузатив выражается формами второй и четвёртой породы, десятая порода может выражать рефлексивный каузатив. Помимо этого, она имеет собственно рефлексивное значение. Третья и шестая порода, как правило, обозначают взаимодействие между близкими по свойствам актантами, но формы третьей, как правило, являются переходными. Пятая и восьмая породы выражают декаузатив, седьмая совпадает по значению со словоизменительным пассивом. Практически ни одна основа не образует дериватов всех пород – и даже при большом количестве дериватов их значение может быть некомпозиционным.

С другой стороны, почти все породы полисемичны – в частности, вторая, четвёртая, восьмая и некоторые другие могут быть квазисинонимичны исходной форме. С этим связано также то, что большая часть пород не имеют фиксированной характеристики по переходности: с одной стороны, склонные к переходности вторая, третья и четвёртая породы включают некоторые непереходные глаголы, с другой, медиальные глаголы могут быть переходными. Исключение составляют седьмая и девятая породы, включающие только непереходные глаголы:

istaqa:la ‘уходить в отставку’ – непереходный глагол десятой породы;

istab'ada ‘удалять’ – переходный глагол десятой породы;

'a'raba ‘выражать’ – непереходный глагол четвёртой породы;

'ajmala ‘соединять’ – переходный глагол четвёртой породы.

В результате оказывается, что в некоторых случаях между породами возникают соотношения, обратные обычным: например, четвёртая порода часто обозначает каузатив от первой:

- (300) a. *dakhal-tu* *al-bayt-a*
 входить.past-1sg def-дом-acc
 ‘Я вошёл в дом’;
 b. *adkhal-a-ni* *ila:* *al-bayt-i*
 входить.4.past-3sg.m-1sg в def-дом-gen
 ‘Он ввёл меня в дом’.

У глагола *jama* ‘а’ ‘собирать’ возникает обратное соотношение между породами:

- (301) a. *jama'-a* *ar-ra'i:s-u* *'anSa:r-a-hu* *fi:*
 baghda:d-a
 собирать-3sg.past def-президент-nom сторонник.pl-acc-3sg в
 Багдад-gen
 ‘Президент собрал своих сторонников в Багдаде’;
 b. *'ajma'-a* *a'Da'-u* *al-hisb-i* *li* *al-jalsat-i*
 собираться-3sg член.pl-nom def-партия-gen для def-заседание-gen
 ‘Члены партии собрались на заседание’.

Вариативность по переходности встречается во многих языках: в частности, как уже говорилось, каузативным показателям свойственна полисемия со значением интенсификации.

Однако пары типа (301) показывают, что связь породы с определённой деривационной моделью слабее, чем в большинстве языков с развитой полисемией типа тюркских: показатели находятся ближе к словообразованию, и значение деривата сильно обусловлено значением исходной формы. В частности, нередко не меняет переходность исходного глагола вторая порода:

- (302) *kasar-tu/kassar-tu* *al-finja:n-a*
 разбить (1 порода).PAST-1SG/разбить_вдребезги (2 порода).PAST-1SG DEF-чашка-ACC
 ‘Я разбил/вдребезги разбил чашку’.

Ещё одна особенность арабской системы – ограниченность всех дериваций: ни одна из них не может дублироваться, деривационных цепочек из более чем двух звеньев не существует. В части случаев это объясняется семантически: например, образование декаузативных и каузативных дериватов от глаголов восьмой и седьмой пород запрещено, поскольку многие их представители выражают, соответственно, медиальное и пассивное значение – декаузатив от них невозможен в силу непереходности, а роль каузатива выполняет исходный глагол. Однако запрет, например, на декаузативацию переходных глаголов восьмой или десятой породы со значением рефлексивного бенефактива объяснить сложно. Аналогично, не объясняется отсутствие дериватов типа ‘заставить накормить’ от каузатива ‘накормить’. Такая ограниченность подтверждает словообразовательный статус арабских дериватов: в частности, двойные и тройные каузативы «не требуются» системе языка, так как на практике используются редко.

Ряд пород имеет ограниченную сочетаемость: седьмая и девятая породы сочетаются только с переходными глаголами. Девятая порода вместе с четвёртой образуют как бы отдельную подсистему отадъективных глаголов изменения цвета и других ингерентных характеристик. Но в целом жёсткие ограничения не распространены – скорее они касаются отдельных лексем – ср. индоевропейские языки, где показатель *-ся* во всех употреблениях склонен к сочетаемости с переходными глаголами.

Противоположный арабскому случай можно наблюдать в тюркских языках, где количество форм потенциально не ограничено. Реально формы с тройным каузативом фактически не встречаются, но, по крайней мере, невозможно говорить о закрытом списке форм, ср., например:

- Хакасский:
 (303) *iZe* *paba-zY-n* *tis-kir-t(E)r-S'e* *ool-dY*
 мать отец-3SG-ACC уберать-CAUS-CAUS-PRS парень-ACC
 ‘Мать заставляет отца заставить сына убежать/помочь сыну убежать’.

Ещё в большей степени распространено некомпозиционное дублирование аффиксов — сочетания, значения которых невозможно объяснить через значение одиночного аффикса (см. Kulikov 1993 о различных значениях двойного каузатива):

- Хакасский:
- (304) a. pu kizi poz-Y-nYN sOs-ter-i-neN mIni UrUk-t(E)r-S'e
 этот человек сам-3SG.GEN слово-PL-3SG-INS я.ACC удивляться-CAUS-PRS
 'Этот человек удивляет меня своими словами' и
- b. NaNmYr porCo-nY UrUk-t(E)r-t-ken
 дождь Порчо-ACC удивляться-CAUS-CAUS-PAST
 'Дождь привёл Порчо в сильное удивление'.

Все тюркские языки имеют значительно меньше показателей деривации, чем арабский – почти все значения получаются комбинированием аффиксов. Нежесткая характеристика по переходности из производных форм в тюркских языках есть только у рефлексива и (реже) у пассивно-декаузативной формы – впрочем, переходные пассивные дериваты в целом встречаются нечасто.

От всех арабских глаголов образуются масдары – отглагольные существительные со значением действия (S_0). Каждая из производных пород образует масдар по одной или, в крайнем случае, двум моделям, не дифференцированным по переходности. В первой породе модели образования масдара разнообразны – и хотя их распределение нерегулярно, исследователи отмечают, что ряд моделей характерен, прежде всего, для непереходных (модель $CuCu:C$) или для переходных ($CaCC$) глаголов. Ниже мы покажем, что это распределение важно и для употреблений лабильного глагола.

Арабская падежная система состоит из трёх падежей: субъектного номинатива, генитива, использующегося при предлогах и именах, и аккузатива глагольного дополнения. Тем самым, беспредложное дополнение может быть только прямым, в прочих случаях используются различные предлоги, в особенности каузативный предлог *bi* (в работе [Храковский 1969] отмечена высокая степень его грамматикализации, в частности, в диалектах он становится частью глагольной основы, ср. *ja:'a* 'приходить' – *ja:ba* 'приносить' < *ja:'a bi* 'приходить с') и адресатный *li* 'для'. С другой стороны, переходная модель используется шире, чем во многих аккузативных языках Европы и тем более в эргативных кавказских языках: в частности, переходными становятся глаголы соотношения ('равняться', 'достигать'), аккузативом часто кодируется конечная точка движения, имеются так называемые «вдвойне переходные» глаголы, типологически соответствующие классу дитранзитивных предикатов – *aT'ama* 'кормить', *'aTa* 'давать' и т.д., допускающие аккузативы реципиента и пациенса.

Итак, несколько черт арабской системы благоприятствует лабильности:

- 1) нежесткая синтаксическая характеристика форм;
- 2) нежесткая семантическая характеристика форм;
- 3) широкое использование каузатива.

В то же время ожидать развитой лабильности не следует, поскольку явных лакун в

- ‘Преступник уничтожил следы преступления’;
- (307) a. hawalay 10000 sanat-in maḍ-at
 примерно 10000 год-GEN проходить.PAST-3SG.F
 ‘Прошло примерно десять тысяч лет’;
- b. mada: y-a‘mal-u bi tīkat-i
 продолжать.PAST.3SG 3М-работать-SG.M c вера-GEN
 ‘Он продолжал работать, веря в свои силы’.
- (308) a. za:da-t al-ha:lat-u su’-an
 возрастать-3F.PAST DEF-ситуация-NOM плохое-ACC
 ‘Положение ухудшилось’.
- b. za:d-a-hu ḍalika ta‘alluq-an bi-ha:
 увеличивать-3SG.M тот.М связь-ACC c-3SG.F
 ‘Это усилило его связь с ней’.

В список не включён глагол *nabaṭa* ‘бить фонтаном, добывать’, для которого в словаре фиксируется два употребления, но в корпусе обнаруживается только непереходное. В словарях также указывается, что лабильность проявляет глагол *hasara* ‘стереть; устать, ослабнуть (о глазах)’. В современном языке непереходного употребления практически не обнаруживается, но масдар от данного глагола *hasr* действительно используется в значении ‘болезнь, ослабление (зрения)’.

Лабильные глаголы первой породы имеют две связанных друг с другом особенности:

1. они не составляют единого семантического класса. Даже лабильные фазовые глаголы в первой породе немногочисленны: в частности, потому, что эти лексем вообще часто являются производными, но, например, непроездовая лексема *naha:* ‘запрещать; оканчивать’ не имеет непереходного употребления. Не проявляют лабильности глаголы движения, часто лабильные в языках с неразвитой вариативностью.
2. среди них нет глаголов с прототипическим пациенсом. В частности, бросается в глаза то, что в данной группе нет глаголов сильного воздействия на пациенс типа ‘ломать’, ‘разбивать’, ‘убивать’ и др. Такие глаголы довольно часто бывают переходными в первой породе, образуя декаузативы и иногда формы второй породы со значением интенсивности – тем самым полностью соблюдаются тенденции, замеченные в [Недялков 1969] и [Haspelmath 1993] – для глаголов сильного воздействия, которое имеет место при наличии агенса, исходно переходное употребление.

И то и другое свидетельствует о нехарактерности для первой породы лабильности. В главе 3 говорилось, что гомогенные системы можно считать более склонными к лабильности, чем гетерогенные, а ядерные – в большей степени, чем периферийные – тем

самым, арабская лабильность представляет предельный случай нелабильной системы. Вариативность проявляют глаголы, часто не попадающие в область действия показателей деривации, причём ни один класс в целом к ней не склонен – именно поэтому точно выяснить факторы лабильности нельзя: ни один фактор, семантический или синтаксический, не позволяет предсказать варьирование.

Даже глагол *Tamasa* ‘исчезать/стирать’ не является исключением, хотя, казалось бы, подразумевает исчезновение пациенса: в частности, в английском языке глагол *disappear* не лабилен. В действительности ситуация ‘исчезать’ связана с отсутствием пациенса, но не фиксирует воздействие на него: причиной исчезновения могут быть как контактное воздействие, так и другие ситуации. Отчасти поэтому он не склонен к лабильности во многих языках: как правило, лабильные глаголы подразумевают контактную каузацию, тогда как в этой ситуации способ каузации не дифференцируется. Поэтому и в арабском значения глагола в переходном и непереходном употреблении различаются: переходное употребление сужает своё значение до ‘стирать’, поскольку способ каузации исчезновения должен быть конкретизирован. От глагола *tamasa* образуются два масдара — *tams* по переходной модели и *tumu:s* по непереходной – тем самым, если считать масдар частью парадигмы глагола, данная лексема частично лабильна.

В то же время среди этих глаголов нет стативов – все они обозначают изменение состояния пациенса, хотя и обычно обратимое – как в случае *'amara* ‘населять’, *za:da* ‘увеличивать(ся)’, либо изменение ситуации, как при *mada:* ‘продолжать’. Заметим, что, вообще говоря, состояния могут кодироваться переходными глаголами – ниже мы рассмотрим их вариативность – но при такой немногочисленной лабильности в первой породе естественно, что она не затрагивает акциональный класс, для которого лабильность нехарактерна. С другой стороны, строгого разграничения процессных и моментальных предикатов по лабильности арабская система не проводит.

Все глаголы данной группы, кроме *'amara*, декаузативно-лабильны, *'amara* же, как уже говорилось, принадлежит к типу стативно-пассивных глаголов, некоторые из которых также лабильны в библейском иврите. Валентная структура лексем и их типы вариативности различаются: ср. *bada'a* ‘начинать(ся)’, образующий переходную и непереходную модели, а также модель с сентенциальным актантом и с предложным дополнением, *mada:*, не выступающий в переходной конструкции, и остальные канонически лабильные глаголы. Это также свидетельствует о том, что лабильность не является существенной системной характеристикой – даже в случае болгарского языка, например, типы вариативности более единообразны. Глагол *'amara* в обоих употреблениях имеет по два актанта, а *za:da* трёхвалентен в переходном и двухвалентен в

- (312) 'akkad-a wuqu:f-a-hu ila: ja:nib-i-him
 утверждать.PAST-3SG.M стояние-ACC-3SG.M в сторона-GEN-
 3PL.M
 'Он заявил, что находится на их стороне' (букв. 'свое стояние на их стороне').

При этом в квазипереходных конструкциях с аккузативом внутреннего объекта ('занимать позицию') используется вариант *wuqu:f*, таким образом, распределение масдаров может служить тестом для различения переходного и непереходного глаголов:

- (313) hamala aš-ša'b-a ila: wuqu:f-i mawqif-i an-
 na:qid-i
 призывать.PAST-3SG.M DEF-народ-ACC в занятие-GEN позиция-GEN DEF-
 критик-GEN
 'Он призвал народ занять критическую позицию' ('стать в критическую позицию').

Хотя значения масдара (и, соответственно, глагола) несколько различаются (в первом случае он значит 'остановить', во втором — 'стать'), судя по всему, масдары восходят к одному глаголу и различаются в соответствии с переходностью. У глагола *da'a* в части словарей *day* не считается масдаром, с другой стороны, судя по употреблению, это слово является именем действия.

В то же время обратные случаи несоответствия вряд ли свидетельствуют об исходной лабильности глагола: так, масдар от переходного каузативного глагол *namta*: 'развивать' – *tanmiyatun* 'развитие' – может использоваться как «непереходный»:

- (314) dakhla-at al-mudun-u fitrat-a at-tanmiyat-i
 войти.PAST-3SG.F DEF-город.PL-ABS период-ACC DEF-развитие-GEN
 'Города вступили в период развития',

где имеется в виду скорее самостоятельное развитие городов. По-видимому, поскольку агентс при отглагольных именах является в большей мере периферийным актантом, чем при финитных формах, он может опускаться – а отглагольное имя получает «декаузативное» значение. Усмотреть у глаголов типа *waqafa* добавление агенса при масдаре сложнее: прототипически отглагольное имя не имеет больше актантов, чем соответствующий глагол.

Хотя арабские диалекты очень сильно отличаются от литературного языка, вариативность в первой породе очень редка и там: так, в сирийском арабском можно упомянуть глаголы *ba'ada* 'отдалять(ся)', *barama* 'крутить(ся)', *jalada* 'содрать, быть содраным', *xatama* 'зарубцеваться, запечатывать' (см. словарь [Эль-Массарани, Сегаль 1978]) – следовательно, лабильность всё же более развита, чем в классическом арабском, но тоже не затрагивает прототипически переходные глаголы.

Поскольку арабский принадлежит к reference-prominent languages, по [Haspelmath 2001], он допускает варьирование агентивного и неагентивного субъекта:

- (315) a. mala'a al-finja:n-a bi al-ma:'-i
 наполнить.PAST-3SG.M DEF-кружка-ACC с DEF-вода-GEN
 'Он наполнил чашку водой';

- b. qad mala'a al-ma'-u jami:'-a al-fajaw-a:t-i
уже заполнять.PAST-3SG.M DEF-вода-NOM весь-ACC DEF-промежуток-PL-GEN
'Вода заполнила все пустые места (на земле)';
- (316) a. an-nuSu:Su ad-diniyyatu al-islamiyyatu 'a'ni: al-qur'a:na
тексты религиозные исламские 1SG-означать Коран
'Религиозные исламские тексты, я имею в виду Коран...';
- b. fa ma:da: ya-'ni: ha:da:
и что 3М-означать это
'И что это означает?'

5.3. Лабильность глаголов симметричного действия в третьей породе

Лабильность в третьей породе определяется и свойствами глаголов, и семантикой и синтаксическими свойствами породы. Отметим, что её значение, в отличие, например, от каузативных или декаузативных форм, плохо формализуемо. В работе [Гранде 1998] значением третьей породы считается «направленность на объект», что скорее характеризует синтаксические свойства: глаголы в этой форме практически всегда переходны (хотя существуют и исключения типа *ha:faZa* 'защищать', управляющего предложом 'ala:) и, кроме того, могут добавлять объект к исходному глаголу – впрочем, при том же глаголе *ha:faZa* исходный глагол первой породы также двухвалентен и, более того, переходен.

В то же время в работе [Гранде 1998] не отражён тот факт, что глаголы третьей породы часто имеют в значении компонент симметричного действия: субъект и объект обладают одинаковыми или почти одинаковыми свойствами: различие заключается в тематичности, важности для говорящих и других коммуникативных характеристик:

- (317) si'r-u ad-du:la:r-i y-aka:d-u y-usa:wi: si'r-a al-yi:wru:
цена-NOM DEF-доллар-GEN 3М-приближаться-SG 3М-уравнивать.SG цена-ACC DEF-евро.GEN
'Цена доллара почти равняется цене евро'.

Сочетание симметричности актантов и переходности глагола создаёт непрототипическую модель управления: наиболее строго отражала бы семантику модель управления с симметричными актантами ('Цены доллара и евро равны'). Выше говорилось об аналогичном случае – реципрокальной лабильности типа 'встречать', при которой переходная модель по значению реципрокальна. Аналогичные по значению предикаты с прототипической моделью управления принадлежат к шестой породе:

- (318) y-ata:la:h-u al-balad-u ma'a ta:ri:h-i-hi
3М-мириться-SG DEF-страна-NOM с история-GEN-3SG.M
'Страна мирится со своей историей'.

Соотношение глаголов третьей породы с исходными по семантике и актантной структуре может быть различным.

Понятно, что переходность глаголов третьей породы делает каноническую лабильность маловероятной – в действительности их модели управления сильно разнятся.

Реализоваться могут следующие четыре варианта:

1. Некаузативный переходный глагол.
2. Некаузативный непереходный глагол.
3. Каузативный переходный глагол.
4. Каузативный непереходный глагол с предлогом *bauna*.

Данные варианты не отражают вариантов **значения** третьей породы (как происходит, например, во второй породе, где глагол может быть непереходным, только если не выражает каузативного значения). Рассматриваемая форма не дифференцирована по каузативности – этот компонент зависит от значения исходного глагола и характеристик основы.

5.3.1. Переходные каузативное и некаузативное употребления

Сочетание двух переходных диатез в одном глаголе третьей породы встречается очень редко. Возможно, такую лабильность проявляет глагол *wa:jaha*, который может употребляться в смысле ‘столкнуться’ (в этом случае он чаще всего управляет прямым объектом) или ‘столкнуть’ (тогда он управляет прямым объектом и предложной группой с предлогом *bi*):

- (319) a. *sa* *y-uwa:jih-u* *ba'Da* *aS-Su'u:ba:t-i*
 FUT 3М-сталкиваться-SG немного DEF-трудности-GEN
 ‘Он столкнётся с некоторыми трудностями’.
- b. *ihsa:s-un* *bi* *al-khajal-i* *wa:jah-a-na:* *bi-hi* *mihai:l-u*
 чувство-NOM с DEF-стыд-GEN сталкиваться.PAST-3SG.M-1PL с-3SG.M Михаил-NOM
 ‘Чувство стыда, с которым нас столкнул Михаил’.

В действительности структура в (319) допускает несколько вариантов анализа. С одной стороны, можно считать, что глагол в таких примерах действительно означает ‘столкнуть’ – в этом случае мы имеем дело с лабильностью типа ‘учить’, затрагивающей прямой объект: исходный объект (симметричный субъекту объект-пациенс) перемещается в позицию косвенного дополнения, а субъект становится прямым объектом. Этот анализ имеет право на существование – предлог *bi* ‘в, с’ действительно может оформлять один из симметричных актантов (*ta'a* ‘с’ для этой цели не используется):

- (320) *iltaqa-t* *bi-hi* *min* *'ajl-i* *hiwa:r-in* *li-l-jari:dat-i*
 встретиться.PAST-3SG.F с-3SG.M из цель-GEN диалог-GEN для-DEF-газета-GEN
 ‘Она встретила с ним, чтобы взять интервью для газеты’.

С другой стороны, мы могли бы считать, что *bi* здесь выступает в каузативном значении, отмеченном выше. Тогда предложение буквально означает ‘чувство стыда, которое Михаил заставил с нами столкнуться’ – место субъекта некаузативного употребления занимает каузатор, но каузативность маркируется предлогом *bi*, относящимся не к объекту, а к субъекту, и глагол не лабилен.

Теоретически возможна и третья трактовка: предлог относится к субъекту, но имеет скорее инструментальное значение ('Михаил встретил нас чувством стыда'), но семантически она маловероятна.

В пользу семантической лабильности глагола говорит тот факт, что именно при такой трактовке мы рассматриваем как исходную, некаузативную структуру с одушевлённым субъектом ('Мы столкнулись с неприятностями', а не 'Неприятности столкнулись с нами'). Именно в таких контекстах данный глагол выступает чаще всего, хотя возможны оба варианта:

- (321) a. wa:jah-at-hu muškilat-un da:khiliyy-at-un
 сталкиваться.PAST-3SG.F-3SG.M проблема-NOM внутренний-F-NOM
 'Он столкнулся со внутренней проблемой (внутри страны)';
- b. wa:jah-a muškilat-an kabi:r-at-an
 сталкиваться.PAST-3SG.M проблема-ACC большой-F-ACC
 'Он столкнулся с большой проблемой'.

В употреблении типа (321) актанты данного глагола не вполне симметричны: один из них одушевлён, а другой неодушевлён и является ситуацией, - он не может выступать в характерной для некоторых других лексем конструкции с предлогом *bayna* 'между':

- (322) *wa:jah-a bayna-na: wa al-maša:kil-i
 столкнуть.PAST-3SG.M между-1PL и DEF-проблема.PL-GEN
 Предполагаемое значение: 'Он заставил столкнуться/столкнул нас с проблемами'.

Тем не менее, если оба актанта предметные, такая конструкция возможна:

- (323) aS-Sira'-u y-uwa:jih-u bayna al-muslim-i:na wa al-kuffa:r-i
 DEF-борьба-NOM 3М-столкнуть-SG между DEF-мусульманин-PL.GEN и DEF-язычник.PL-GEN
 'Эта борьба сталкивает мусульман и язычников'.

Свойства конструкции с *bayna* мы обсудим в следующих параграфах. Пока отметим, что возможность этой конструкции делает лабильность глагола *wa:jaha* ещё более вероятной.

С другой стороны, каузативная переходная диатеза возможна также для некоторых глаголов, способных употребляться с предлогом *bayna*, в частности для глагола *Sa:laha*:

- (324) al-kala:m-u al-khaliS-u y-uSa:lih-u-na: ma'a 'anfus-i-na
 DEF-речь-NOM DEF-искренний-NOM 3М-мирить.PRS-SG-1PL с душа.PL-GEN-1PL
 'Искренняя речь примиряет нас с самими собою'.

В этом случае неоднозначности не возникает, поскольку предлог *ma'a* не имеет каузативного или инструментального значений. Точное распределение этой модели и модели с *bayna* не выяснено, но, судя по всему, оно связано с симметричностью объектов: ясно, что в (324) речь не идёт о реальном примирении двух участников, скорее подразумевается, что пациент вынужден принять нечто или начать к нему лучше относиться (в данном случае – к себе самому), а значит, только один из участников (занимающий позицию прямого объекта) активно участвует в ситуации примирения.

Перейдём к рассмотрению других соотношений, которые встречаются в третьей

породе гораздо чаще.

5.3.2. Непереходные каузативное и некаузативное употребления

Парадоксальным образом, несмотря на тенденцию третьей породы к переходности, встречаются случаи, когда глагол имеет два непереходных употребления: ср. *qa:raba* ‘приближать(ся)’:

- (325) a. 'auya:m-u-hu fi: al-hukm-I qa:raba-t min an-niha:yat-i
 день.PL-NOM-3SG в DEF-власть-GEN приближаться-F от DEF-конец-GEN
 ‘Его дни у власти приблизились к концу’.
- b. y-uqa:rib-u bayna mustawa: huqu:q-i al-insa:n-i
 3М-приближать-SG между уровень право.PL-GEN DEF-человек-GEN
 wa mustawa: al-haya:t-i
 и уровень DEF-жизнь-GEN
 ‘Он сближает уровень (развития) прав человека и уровень жизни’.

Как говорилось выше, в целом варьирование двух непереходных диатез находится несколько дальше от канонической лабильности, чем случай *учить*, поскольку варьирование не затрагивает прямой объект. В данном случае, однако, дело обстоит по-другому. Оба употребления глагола имеют по несколько актантов, причём оформление объекта некаузативного употребления и каждого из объектов каузативного различается.

Следовательно, нужно считать, что преобразование затрагивает и субъект, и объект некаузативного употребления. При этом каузативная модель очень необычна: как правило, трёхвалентные глаголы либо переходны, либо их объекты явно различаются по статусу (ср. примеры типа *Пожертвовать собой ради родины*, где объект в творительном падеже имеет больше свойств ядерного актанта). Симметричные объекты также, как правило, являются прямыми (ср. *ссорить кого-л.*, *мирить*, *сближать* и т.д.). Скорее оформление при *qa:raba* похоже на маркирование периферийных актантов при существительных типа *мир*, *конфликт* и т.д., что заставляет поставить вопрос о статусе объектов. Можно считать, что конструкция подразумевает каузацию некоторой ситуации между участниками (‘каузировать сближение между А и В’), без воздействия на какой-либо из актантов – или, точнее, симметричность актантов оказывается существеннее их пациентивности и маркируется специальным способом. Аналогичный механизм существует в болгарском языке:

- (326) *Мога да сравнявам между България и Германия* ‘Я могу сравнить Болгарию и Германию’.

При этом, в отличие от глаголов типа *учить*, где исходный субъект при каузативном употреблении занимает позицию прямого объекта, а исходный объект вытесняется, оформление обоих объектов при каузативном употреблении и субъекта и объекта при некаузативном никак не связаны: при первом употреблении *bayna* просто обозначает

симметричность актантов (расстояние между одним и другим уменьшается). Напротив, *min* при втором используется в силу семантики глагола движения к конечной точке – при всех глаголах приближения он всегда присоединяет название конечной точки. Такая асимметрия связана с тем, что в арабском регулярно маркируется только субъектная взаимность (глагол ‘приближаться друг к другу’ принадлежит к другой, шестой породе), а объектный реципрок не выражается – симметричность объектов не требует изменения формы. С другой стороны, *qa:raba* имеет и переходную некаузативную диатезу, речь о которой пойдёт ниже.

Иногда то же соотношение между двумя непереходными моделями использует глагол *sa:wa:* ‘равняться, уравнивать’:

- (327) a. *y-aS'ub-u* 'alay-hi 'an *y-usa:wi:*
 3М-быть_трудным.PRS-SG на-3SG.M чтобы 3М-равняться.PRS.SG
ma'a al-'a:khar-i:na fi: *al-mas'u:liyyat-i*
 с DEF-другой-GEN.PL в DEF-ответственность-GEN
 ‘Ему трудно быть равным другим по ответственности’.
- b. *majlis-u* 'u:ruha *y-usa:wi:* bayna *ar-ru:s-i* wa *aš-ši:ša:n-i*
 совет-NOM Европа 3М-уравнивать.PRES между DEF-русские-GEN и DEF-чеченцы-GEN
 ‘Совет Европы уравнивает русских с чеченцами’.

С другой стороны, в таких странах, как Сирия и Египет, также выработалась непереходная конструкция с предложным дополнением, однако употребляется предлог ‘*ala:* ‘на’:

- (328) *qa:raba* *ad-dars-u* ‘*ala:* *an-niha:yat-i*
 приближаться DEF-урок-NOM на DEF-конец-GEN
 ‘Урок приблизился к концу’.

То, что при *sa:wa:* используется предлог *ma'a*, означает, что роли участников при этом глаголе более симметричны, чем ориентир и траектор при глаголе движения. Однако стратегия маркирования при каузативном употреблении уравнивает роли участников.

Заметим, что оба глагола имеют статальные некаузативные употребления – для *sa:wa:* оно является первичным, а для *qa:raba* производным. Маркирование, характерное для глагола движения, при этом сохраняется:

- (329) 'istiqba:l-u ma *y-uqa:rib-u* min 32 *baht-an 'ilmiyy-an*
 принятие-NOM что 3М-приближаться от 32 исследование-ACC
 научный-ACC
 ‘Принятие количества научных работ, приближающегося к тридцати двум’.

Непереходные конструкции встречаются и у других, не лабильных, глаголов движения третьей породы — в частности, как и у *qa:raba*, для обозначения цели движения:

- (330) *sa:far-a* 'ahmad-u *ila:* *al-qa:hirat-i*
 уезжать.PAST-3SG.M Ахмад-NOM в DEF-Каир-GEN

‘Ахмад уехал в Каир’.

Предлог *bayna*, единственный арабский предлог, способный управлять двумя дополнениями, может дублироваться, употребляясь перед каждым из них:

(331) *huna:ka farq-un kabi:r-un bayna-hu wa bayna-ka*
там разница-NOM большой-NOM между-3SG.M и между-2SG.M
‘Между ним и тобой — большая разница’.

(332) *u-uqa:rib-u bayna ’azmat-i-hi ar-ru:hiyy-at-i wa bayna*
3M-сближать.PRS-SG между кризис-GEN-3SG.M DEF-духовный-F-GEN и между
‘adad-i mufakkir-i:na takhal-u: ‘an di:n-i-him
число-GEN мыслитель-GEN.PL отказываться.PAST-3PL.M от религия-GEN-3PL.M
‘Он устанавливает связь между духовными кризисами и числом мыслителей, отказавшихся от своей религии’.

Наличие моделей типа арабской отличает лабильность от каузатива: как правило, морфологические каузативы второй и четвёртой породы соотносятся по синтаксическим характеристикам с исходными глаголами и перемещают исходный субъект в наивысшую свободную позицию прямого объекта (по правилу, сформулированному в [Comrie 1976]), а прямой объект — в позицию «второго объекта»⁴²:

(333) a. *ta‘ama lahm-an*
пробовать мясо-ACC
‘Он попробовал мяса’;
b. *‘at‘ama-hu lahm-an// *at‘ama-hu bi lahm-in*
пробовать.CAUS-3SG мясо-ACC// пробовать.CAUS-3SG с мясо-GEN
‘Он накормил его мясом’.⁴³

Но для лабильности, как уже было показано выше, очень значимы семантические характеристики ситуации и её актантов — они могут быть существеннее требований синтаксической деривации. Изменение количества актантов глагола не приводит к изменению синтаксической модели: непрототипические модели, характерные для каузативов — в частности, с двумя аккузативными объектами — у лабильных глаголов третьей породы не встречаются: в арабской системе для создания такой конструкции требуется специальный показатель повышающей деривации, который отсутствует в третьей породе. Это ещё раз доказывает, что лабильность отличается по своим свойствам от актантных дериваций: она не может создавать специфически каузативных структур, хотя по семантике не отличается от каузатива — более того, каузативное значение в данном случае, вполне возможно, является производным. Однако при образовании конструкции со значением каузации приходится выбирать некаузативные средства.

Проблему для рассмотрения лабильности как актантной деривации представляет

⁴² Впрочем, два аккузативных объекта не вполне тождественны по своим свойствам. См. об аналогичных каузативных конструкциях с двумя аккузативными объектами работу [Kozinsky, Polinsky 1993].

⁴³ В современных арабских диалектах маркирование актантов отличается от литературного, см. [Benmamoun 1993].

ещё и несводимость моделей друг к другу. Как правило, считается, что если происходит актантная деривация (например, повышение количества актантов), создаваемая ей структура отчасти выводима из исходной некоторыми правилами: например, при каузативе исходный субъект – каузируемый – часто занимает позицию в зависимости от переходности глагола. В данном же случае мы получаем две структуры, никак не связанных друг с другом – пожалуй, из каузативных конструкций арабские каузативные употребления скорее похожи на описанные в работе [Cole 1983] конструкции с семантически мотивированным оформлением каузируемого:

Венгерский:

- (334) a. köhögtettem a gyerekkal
cough.CAUS.1SG boy-INS
'I had the boy cough' (by asking him to do so);
b. köhögtettem a gyereket
cough.CAUS.1SG boy-ACC
'I induced the boy to cough' (by my actions).

Поскольку у рассмотренных глаголов есть и переходная некаузативная диатеза, можно считать, что при непереходном употреблении, по крайней мере, у глагола *sa:wa:*, создаётся не новый тип лабильности, а только новое некаузативное употребление — каузативная конструкция не меняет своих свойств.

5.3.3. Переходное некаузативное и непереходное каузативное употребления

Наиболее распространена в третьей породе конструкция с переходным некаузативным и непереходным каузативным употреблением. Такие конструкции могут образовывать уже упомянутые глаголы *qa:raba* и *sa:wa:*, а также *ma:sala* 'быть похожим', *sa:laha* 'мириться', *wa:zana* 'быть равным', *na:zara* 'быть похожим' (он редко употребляется как каузатив) и, возможно, некоторые другие:

- (335) si'r-u ad-du:la:r-i y-aka:d-u y-usa:wi: si'r-a al-
yi:wu:
цена-NOM DEF-доллар-GEN 3М-приблизиться-3S 3М-уравнивать.PRS цена-ACC DEF-
евро.GEN
'Цена доллара почти равняется цене евро' (переходное некаузативное употребление).
- (336) y-uqa:rib-u 'umr-u-hu 'išri:na sanat-an
3М-приблизиться-3SG возраст-NOM-3SG двадцать.ACC год-ACC
'Его возраст приближается к двадцати годам' (переходное некаузативное употребление).
- (337) a. la'ib-tu dawr-a Sadiq-i 'ali: alladi: la: y-ufa:riq-u-hu
играть.PAST-1SG роль-ACC друг-GEN Али.GEN который.M не 3М-покидать.PRS-
SG-3SG.M
'Я сыграл роль друга Али, который его (никогда) не покидает' (переходное некаузативное употребление);
b. al-isti'ma:r-u y-ufa:riq-u bayna al-muslimi:na wa
ghayri-him
DEF-колонизация-NOM 3М-расставаться.PRS-SG между DEF-мусульмане.GEN и
не-3PL
'Французская колонизация разъединяет мусульман и остальных' (непереходное каузативное употребление).

- (338) a. t-aqu:m-u bi haza ad-dawr-i aw bi ma: y-uma:šil-u-hu
 стоять.PRS-SG с этот.М DEF-роль-GEN или с что 3М-походить.PRS-SG-3SG.М
 ‘Она исполняет эту роль или что-то похожее на неё’ (переходное некаузативное
 употребление);
- b. yu-ma:til-u bayna muha:Dara:t-in fi: ja:mi‘at-in:
 3SG.М-быть_похожим-3 между лекция.PL-GEN в университет-GEN
 [Он расширил программы, чтобы] ‘сделать похожими лекции в университете’
 (непереходное каузативное употребление);
- (339) a. y-uwa:zin-u-hu istikhda:m-u lawn-in ba:rid-in
 3М-уравновешивать(ся).PRS-SG-3SG.М использование-NOM цвет-GEN холодный-GEN
 ‘Его (использование тёплых цветов) компенсирует использование холодных цветов’
 (переходное некаузативное употребление);
- b. y-uwa:zin-u bayna aš-ši‘r-i wa an-naṭr-i
 3М-уравновешивать(ся).PRS-SG между DEF-поэзия-GEN и DEF-проза-GEN
 ‘Он уравновешивает (ставит на одну ступень) поэзию и прозу’ (непереходное каузативное
 употребление).

Если считать лабильность деривацией, нужно говорить, что изменение переходности происходит в обратном направлении по сравнению с прототипическим: увеличивая количество актантов, глагол становится непереходным. Однако, учитывая наличие непереходных некаузативных моделей (хотя они и встречаются реже, чем переходные), ситуацию стоит описывать по-другому: при каузативе фокусируется симметричность актантов друг относительно друга – то есть деривация затрагивает не синтаксическую структуру, а семантику исходной конструкции, вне зависимости от того, как были оформлены её актанты.

Нужно сказать, что переходный и непереходный варианты декаузативной конструкции могут встретиться даже в одном и том же тексте:

- (340) a. tada:wul-a:t-un as-su:q-i qa:raba-t min 63%
 циркуляция-PL-NOM DEF-рынок-GEN приближаться-F от 63%
 ‘Оборот рынка приблизился к 63%’.
- b. qa:raba-t tada:wul-at-u-hu 20 milyu:n-a dirham-i
 приближаться-F циркуляция-PL-NOM-3SGM 20 миллион-ACC дирхем-GEN
 ‘Его циркуляция приблизилась к 20 миллионам дирхемов’.

По всей видимости, строгого распределения не существует: возможно, переходная конструкция как более распространённая просто может выступать в более широком классе контекстов.

Как уже говорилось, переходность некаузативных употреблений в третьей породе слабо семантически мотивирована: большинство из них обозначают изменение положение или свойств одного объекта по отношению к другому, причём второй объект не затрагивается этими изменениями напрямую и, следовательно, не является прототипическим пациенсом. Поэтому при каузативации как бы восстанавливается семантически мотивированное оформление, а при некаузативном употреблении этого не происходит: не случайно некаузативные непереходные употребления менее частотны,

чем переходные, немотивированные семантически.

В языках мира встречаются аналогичные ситуации, когда в той или иной форме дефолтная модель (например, переходная) уступает семантически мотивированной в производной форме: например, так происходит с каузативами в некоторых тюркских языках:

- (341) vas'a ja:na-zy-na ajylčy-lar-ny bu kyzyl:araky-la ič-ir-t-ken
Вася бабушка-3SG-DAN гость-PL-ACC этот вино-INS пить-CAUS-
CAUS-PAST
'Вася заставил бабушку напоить этим вином гостей'.

Каузатив 'заставить напоить' образован от глагола 'напоить', который, в свою очередь, образуется от 'пить'. В большинстве случаев в алтайском языке исходный прямой объект ('вино') не меняет своего маркирования, а значит, должен оформляться каузативом, но в сложных конструкциях он получает инструментальное маркирование, что соответствует его семантической роли (вино выступает как средство угостить гостей). В данном случае инструментальная модель – средство уменьшить количество ядерных актантов глагола.

Практически не встречается в третьей породе прототипической лабильности с переходным каузативным и непереходным некаузативным употреблением. Исключением является глагол *sa:wa*, имеющий и переходное каузативное, и непереходное некаузативное употребление, в которых он управляет предлогом *ma'a*:

- (342) al-fawz-u y-usa:wi-hi ma'a al-wuqrat-i
DEF-победа-NOM 3М-уравнивать.PRS.SG-3SG.M с DEF-Вукрой-GEN
'Победа уравнивает его с Вукрой (спортивной командой)'.

5.3.4. Семантические и аспектуальные свойства глаголов третьей породы

О семантике глаголов третьей породы говорилось выше: это глаголы с симметричными актантами. Если говорить точнее, это не собственно реципроки типа 'драться', 'обниматься' и т.д., а ситуации, где не выделяются действия каждого из актантов, а подразумевается симметричность их соотношения между собой. Нужно отметить, что семантическая переходность глаголов третьей породы очень низка. Следовательно, ядерной группой лабильных глаголов в арабском языке является именно группа глаголов с низкой семантической переходностью. Лабильность глаголов третьей породы не вполне вписывается в анализ, предложенный в работах [Лютикова 2002a] и [Haspelmath 1993]: в них ключевым параметром считается именно прототипическая переходность глагола – так называемая «зона семантической лабильности» состоит как раз из прототипически переходных глаголов.

Симметричность ситуации проявляется в разной мере при разных глаголах. В случаях 'равняться' или 'быть похожим' симметричность полная, хотя различается роль

объектов в ситуации: выраженный периферийной ролью актант выступает в роли эталона сравнения, а выраженной ядерной – собственно сравниваемого объекта. В случаях ‘приблизиться’ или ‘столкнуться’ своё состояние меняет только один актант – но результатом является симметричное положения объектов относительно друг друга.

В частности, данные различия связаны с разными аспектуальными свойствами употреблений глаголов: многие из них могут употребляться и как стативы, и как процессные глаголы: ср., например, (328), где *qa:raba* ‘приближаться’ обозначает процесс, и стативное употребление (336), где речь может просто о близости возраста к двадцати или аналогичное (338a) для глагола *ma:tala*. Конечно, каузативные употребления обычно не бывают стативны. В отличие от ингерентных стативов типа ‘висеть’, плохо допускающих пациентивные динамические прочтения, для данных ситуаций акциональные свойства зависят от видовременной формы – пациентивны могут быть и статальные, и динамические употребления.

Как уже говорилось выше, глаголы состояний не слишком часто приобретают лабильность, но в данном случае это облегчается, во-первых, наличием у глаголов третьей породы второго актанта (состояние мыслится как «направленное» на объект), а во-вторых, возможностью процессного прочтения.

При этом некоторые глаголы третьей породы (например, *fa:raqa* ‘разлучаться/разлучать’) даже в настоящем времени не имеют статального прочтения, а подразумевают изменение состояния:

- (343) *la'ib-tu dawr-a Sadi:q-i 'ali: allazi: la: y-ufa:riq-u-hu*
 играть.PAST-1SG роль-ACC друг-GEN Али.GEN который.М не 3М-покидать.PRS-SG-
 3SG.М
 ‘Я сыграл роль друга Али, который его (никогда) не покидает’;

Для большинства рассматриваемых глаголов третьей породы нехарактерно обозначение агентивного действия (исключениями являются только глаголы *fa:raqa* и *sa:laha* ‘мириться’, но при *sa:laha* одушевлённый субъект занимает промежуточную позицию между агенсом и экспериенцером: ср. ‘примириться с самим собой’). Глагол *qa:raba*, могущий употребляться с агентивным субъектом в смысле ‘приближаться, иметь половое сношение’, часто используется для обозначения приблизительного равенства величин (‘примерно равняться’). Таким образом, хотя данная группа глаголов и бывает переходной, это не взаимное воздействие агенса и пациенса, а именно симметричное отношение. Выше говорилось, что лабильность характерна в большей степени для глаголов с неодушевлёнными пациентивными актантами, а среди глаголов с одушевлённым пациенсом затрагивает, в основном, глаголы движения. С другой стороны, и каузатор переходного употребления также бывает неагентивным – к некоторому

соотношению между объектами могут приводить их внутренние свойства и происходящие с ними процессы, а не внешний агенс.

Не препятствует лабильности способ каузации – он не дифференцирован, но, во всяком случае, это не всегда контактная каузация. Отдельного акта каузации в ситуации нет – меняются определённые характеристики объекта, в результате чего он начинает определённым образом соотноситься с другими объектами. В частности, в примере (344) поэзия вызывает любовь к себе людей, в результате чего они становятся похожи:

- (344) aš-ši'r-u y-uSa:lih-u bayna niSf-ay al-kurat-i
 DEF-поэзия-NOM 3М-мирить.PRS-SG между половина-GEN.DU DEF-шар-GEN
 'Поэзия объединяет две половины (земного) шара'.

При глаголах 'уравнивать', 'сближать' и т.д. в значении 'считать близким' (см (339b)) выступает **путативная** каузация: агенс не каузирует вступление объектов в новое состояние, а считает, что они находятся в некотором отношении. Схожие примеры описаны в [Недялков, Сильницкий 1969]: каузатив от 'дурак' может означать не 'делать дураком', а 'объявлять дураком', 'считать дураком' и т.д.

Помимо этого, лабильность облегчает производность глагола: как говорилось выше, третья порода вносит в значение глагола компонент симметричности – он является выделенным, поскольку маркируется грамматической формой, и сближает переходные и непереходные употребления. Заметим, что и лабильность глаголов на *ze-* в адыгейском языке также связана со значением симметричности. При этом не так уж важно, как соотносится производный глагол с исходным – как показано в таблице, это соотношение может быть различным:

Табл. 9. Лабильные глаголы третьей породы и исходные глаголы.

Глагол	Исходная лексема	Значение
fa:raqa	faraqa	'Разделять', 'разлучать'
qa:raba	qaraba	'быть близким', 'приближаться'
wa:jaha	wajaha	'быть знатным'; 'быть значительным', 'бить по лицу'
Sa:laha	Salaha	'быть хорошим', 'улучшаться'
sa:wa:	sawa:	'равняться', 'быть равноценным'
ma:ṭala	maṭala	'быть схожим', 'ваять'
wa:zana	wazana, wazina	'взвешивать', 'много весить'

Как мы видим, четыре из семи глаголов образованы от лексем, не обозначающих симметричные действия (глагол *wa:jaha*, видимо, образован непосредственно от существительного 'лицо') — значение симметричного действия появляется в третьей породе. С другой стороны, оказывается, что глаголы, образованные от предикатов, уже

обозначающих симметричное действие не в меньшей степени проявляют лабильность: в частности, оба употребления частотны для *qa:raba*.

При этом важно, что глаголы третьей породы могут образовываться как от непереходных глаголов (*sawa:*, *qaraba*), так и от переходных (*faraqa*) и лабильных (*maṭala*). Таким образом, третья порода не производит определённой актантной деривации над исходным глаголом, а строит глаголы по некоторому единому образцу.

Тем самым, для третьей породы значение, вносимое деривативной моделью, и пациентивность второго актанта являются более значимыми, чем другой параметр, обычно препятствующий лабильности – статальность одного из употреблений. Кроме того, в лабильность вносит свой вклад отмеченная выше неопределённая характеристика формы по транзитивности – собственно, противопоставления между употреблениями нельзя считать каноническим случаем лабильности. Не случайно пары разнятся по переходности обоих употреблений, а некоторые глаголы имеют по несколько употреблений: лабильность в данном случае явно подразумевает, прежде всего, мену каузативности и обусловлена семантически. Синтаксические особенности связаны с семантикой ситуации и свойствами актантов и максимально свободны: третья порода допускает очень широкий диапазон моделей управления. Ограничение состоит только в том, что глаголы в этой форме не бывают одновалентными: и в этом смысле лабильность отличается от прототипического случая с варьированием одно- и двухвалентной диатез. В частности, субъект двухвалентного некаузативного употребления нельзя считать прототипическим пациенсом, так как речь не идёт только об изменении его состояния.

При глаголах третьей породы нельзя определённо говорить о направлении деривации. Отчасти оно проясняется из синтаксических свойств исходного глагола (как говорилось выше, его переходность – один из критериев направления деривации: первичным стоит считать ту модель, которая имеется и у исходного глагола). Однако сложность состоит в том, что производные глаголы часто имеют по несколько диатез – ср., например, глагол *sa:wa:*, допускающий все четыре варианта. Следовательно, изменение **переходности** нужно постулировать и для каузативного, и для некаузативного употребления – а значит, возможно два альтернативных варианта развития:

- a. (первая порода) некаузативный непереходный глагол → некаузативный переходный глагол → каузативный переходный глагол, каузативный непереходный глагол, некаузативный непереходный глагол.
- b. (первая порода) некаузативный непереходный глагол → каузативный переходный глагол → некаузативный переходный глагол.

Тем не менее, второй вариант развития маловероятен: он требует предположить каузативацию глагола в третьей породе, а этого значения данная форма не имеет.

Употребительность каузативного и некаузативного употреблений различна для разных глаголов. Так, для глагола *wa:zana* употребление с предлогом *bauna*: очень частотно, видимо, его надо считать основным: в корпусе присутствует 720 примеров на это употребление (при глаголе в настоящем времени, в третьем лице и единственном числе), при том, что всего эта форма засвидетельствована около 1200 раз. Для формы прошедшего времени этот процент несколько ниже, но тоже составляет около половины употреблений. С другой стороны, глагол *sa:laha* употребляется с предлогом *bauna* значительно реже и, зная, что другой вариант каузативной конструкции с этим глаголом тоже редок, можно заключить, что чаще он используется не в каузативном значении. Заметим, что отчасти это зависит от свойств исходного глагола: *salaha* является одновалентным непереходным глаголом, а *wazana* – двухвалентным переходным – что лишний раз доказывает предпочтительность первой схемы деривации.

Лабильность в третьей породе свидетельствует о неприемлемости рассмотрения лабильности как немаркированной деривации. Для данного класса арабских глаголов существенны все возникающие у них типы варьирования: как вариативность маркирования объекта, так и немаркированная каузативация. И то, и другое связано с **непрототипической моделью управления**. Мы уже говорили о роли этого фактора в реципрокальной лабильности и лабильности глаголов движения типа ‘приблизиться’. Оказывается, что лабильность определяется сочетанием семантических факторов (глаголы симметричной ситуации отношения) с актантной структурой (наличие двух актантов) и особенностями данной породы (переходная модель управления), противоречащими друг другу. В подобных случаях лучше говорить о том, что для группы характерна смешанная лабильность — варьирование «каузатив/декаузатив» и варьирование «прямой/непрямой объект».

5.4. Лабильность глаголов пятой породы

Пятая порода, как и восьмая, имеет широкий спектр значений понижающих актантных дериваций и преобразований, делающих действие замкнутым на субъекта (например, рефлексива и медия). Образуется она от второй, каузативной породы.

В пятой породе лабильны глаголы *taqassama* ‘делиться на части/делить между собой’, *tahaddada* ‘быть под угрозой/угрожать’, *tabayyana* ‘выяснять/выясняться’:

- (345) а. *y-atabayyan-u* *'anna huna:ka* *haqiqat-un* *mugha:yar-at-un*
 3М-выяснять-SG что там истина-NOM другой-F-NOM
 ‘Выясняется, что есть другая истина’;

- b. lam y-atabayyan-hu al-muslim-u:na al-'awa:'il-u
 не 3М-выяснять-3SGM DEF-мусульманин-NOM.PL DEF-первый.PL-NOM
 'Первые мусульмане этого не выяснили'.
- (346)a. at-tama:suk-u al-wataniyy-u y-atahaddad-u min ru:h-i al-
 'in'iza:l-i
 DEF-сплоченность-NOM DEF-родной-NOM 3М-угрожать-SG от дух-GEN DEF-
 изоляция-GEN
 'Сплочённости родины угрожает дух разобщения'.
- b. ad-dawlat-u al-'arabiyy-at-u ila: sala:m-in t-atahadd-u-hu
 DEF-государство-NOM DEF-арабский-F-NOM к мир-GEN 3F-угрожать-SG-3SGM
 'Арабское государство, с его стремлением к миру, угрожает ему'.
- (347)a. sawfa t-ataqassam-u 'aswa:t-a-hum 'ala: al-'ahza:b-i
 FUT 3F-делить(ся)-SG голос.PL-ACC-3PL.M на DEF-партия.PL-GEN
 'Их голоса разделятся между партиями';
- b. n-ataqassam-u ad-dira:sat-a ila: 'adad-in min al-maha:wir-i
 1PL-делить(ся)-SG DEF-учёба-ACC в число-GEN из DEF-стержень-GEN
 'Мы делим учёбу на несколько ключевых блоков'.

Все эти глаголы проявляют прототипическую лабильность, но её типы различаются. Глагол *atabayyana* 'выяснять/выясняться' близок к декаузативной лабильности, однако отличается тем, что имеет второй семантический актанта в непереходном употреблении: 'выясниться' — 'стать ясным для X-а'. При этом второй актанта очень часто не выражается: в частности, данный глагол используется при изложении теории, когда читатель должен вместе с автором следить за выяснением сути дела.

Как уже говорилось, словарь классического арабского [Lane 1893/1968] свидетельствует о вариативности и у других глаголов от данного корня, но в современном языке она сохранилась только в пятой породе.

Данный глагол не имеет прототипических агенса и пациенса, но его лабильность близка к декаузативной — несмотря на наличие второго актанта непереходного употребления. При переходном употреблении субъект является агенсом — изменение ситуации связано с его усилиями.

Напротив, соотношение диатез при глаголе *tahaddada*, как упоминалось выше, лучше относить к конверсивному типу. Ситуацию угрозы сложно представить себе как возникающую самопроизвольно: она требует определённого действия агенса или состояния дел. С другой стороны, при некаузативном употреблении агенс присоединяется с помощью предлога *min* 'от', а не присоединяющей агенса при пассиве конструкции *min qibali* 'со стороны' (такая возможность допускается информантом но не встречается в корпусе) — как уже говорилось, лабильные глаголы практически никогда не образуют таких же конструкций, как глаголы в пассивных формах — пассивная лабильность характерна только для африканских языков.

Фактически эта разница в типах лабильности прямо вытекает из полисемичности

деривационной модели: при разных глаголах она даёт пассив или декаузатив ('угрожать' – ситуация, содержащая, по [Haspelmath 1993], агентивно-ориентированные компоненты – несмотря на то, что её субъект не обязательно агентивен – скорее важно, что она предполагает некоторое отношение между объектами, ни один из которых не может быть элиминирован)

Как кажется, данный случай заставляет считать, что закономерности, сформулированные в [Тестелец 2001] для декаузатива: «Декаузативы часто образуются от переходных глаголов со значением действия, каузирующего процесс, который... может происходить и самопроизвольно» — не всегда применимы к лабильности, поскольку лабильность может захватывать конверсивную и пассивную зоны, и декаузативный и конверсивный типы не всегда чётко различимы. Для возникновения лабильности существенно только, чтобы второй актант был **не полностью агентивен**, либо несуществен для ситуации и, следовательно, допускал понижение до периферийного актанта.

В отличие от двух предыдущих, у глагола *taqassama* 'делить(ся)' при непереходном употреблении воздействие агенса не так заметно: положение вещей, при котором предмет делится на части, как бы возникает самопроизвольно.

Выбор формы пятой породы для непереходных диатез понятен — она несёт значение понижения переходности и количества актантов. С другой стороны, для выражения каузативных значений существует вторая порода: например, *qassama* 'делить', *bauyana* 'выяснять, объяснять', *haddada* 'угрожать'. В случае *haddada* и *bauyana* можно сказать, что пятая порода в данном случае выражает меньшую переходность или замкнутость действия на субъекта. Например, *tabauyana* означает 'выяснить' ('сделать ясным для себя'), но не 'объяснить', в отличие от глагола второй породы. *tahaddada* часто употребляется в контекстах угрозы, исходящей от положения дел, но не от одушевлённых субъектов. Впрочем, исходный каузативный глагол второй породы *haddada* также может использоваться в таких контекстах, ср., например:

- (348)а. y-uhaddid-u-hu ḥaṭar-u fuqda:n-i al-laqaḥ-i
 3М-угрожать.2.PAST-SG-3SG.М опасность-NOM потеря-GEN DEF-титул-GEN
 'Ему угрожает опасность потерять титул';
- б. y-atahaddad-u-hu khaṭar-u at-talawwuṭ-i bi al-mi:kru:b-i
 3М-угрожать.5-SG-3SG.М опасность-NOM DEF-загрязнение-GEN с DEF-микробы-GEN
 'Ему угрожает опасность загрязнения микробами'.

Однако частотность формы пятой породы в таких контекстах гораздо выше.

С другой стороны, не совсем понятно, чем объясняется употребление в значении 'делить' формы *taqassama*. В словарях [Баранов 1996] и [Аль-Гарун 1961] она толкуется

как ‘делить между собой’, в отличие от *qassama* ‘делить, распределять’, из чего можно заключить, что и для этой формы релевантна медиальная семантика. Действительно, употребления такого рода встречаются, например, *taqassama* может означать ‘иметь общие черты’:

- (349) *lakinna-na:* *n-ataqassam-u* *shay'-an* *wahi:d-an*
 однако-1PL 1PL-делить.PRS-SG вещь-ACC единственный-ACC
 ‘Но одна вещь у нас общая’.

Однако во многих употреблениях медиальная семантика не заметна. Правда, *taqassama* не может означать ‘делить между X-ом и Y-ом’, но в большинстве употреблений они с *qassama* пересекаются.

Taqassama — один из немногих арабских лабильных глаголов, которые в переходном употреблении могут обозначать сильное воздействие на пациенс: ‘разделить на части’:

- (350) *n-ataqassam-u* *al-'aji:nat-a* *ila:* *qism-ayni*
 1PL-делить.PRS-SG DEF-тесто-ACC в часть-GEN.DU
 ‘Мы делим тесто на две части’.

Впрочем, в корпусе имеется очень мало употреблений, в которых в качестве объекта выступает физический предмет. Чаще это действие совершается над отрезками времени.

В непереходном употреблении субъект не пациентивен, а глагол обозначает постоянное положение дел. При этом действие не осознаётся как каузируемое каким-то агенсом — агенс не может реализоваться в предложении (хотя, например, разделение голосов является следствием того, что их таким образом разделили люди). В некоторых случаях степень участия агенса не вполне ясна, ср.:

- (351) *al-'amra:d-u* *an-nafsiyy-at-u* *t-ataqassam-u* *ila:* *qism-ayni*
 DEF-болезнь.PL-NOM DEF-психический-F-NOM 3F-делить(ся).PRS-SG к часть-GEN.DU
 ‘Психические болезни делятся на два вида’.

Возможно, следует считать два употребления данного глагола результатом полисемии аффикса. Непереходное употребление возникает при декаузативном употреблении пятой породы; напротив, при переходном употреблении пятая порода употребляется в значении множественности участников (ср. взаимные употребления пятой и шестой пород, также предполагающие множественность участников). Возникающие употребления составляют практически точную каузативную пару.

Итак, арабская пятая порода показывает, что фактором, облегчающим лабильность, может являться сниженная семантическая переходность транзитивного употребления, сближающая его с интранзитивным. Поскольку лабильность периферийна, она требует сближения двух употреблений глагола – в данном случае неполной агентивности переходного употребления. Значение медиального типа в разной степени проявляется в употреблениях лабильных глаголов: при переходном – в слабой (субъект неагентивен, но и не является пациенсом), а при непереходном – в сильной (субъект становится

пациентивным).

5.5. Лабильность глаголов четвёртой породы

Обратный случай представляют лабильные глаголы четвёртой породы – данная форма является как раз показателем повышающей деривации (точнее, при некоторых глаголах увеличивает количество актантов, а при некоторых не меняет его, но почти никогда не уменьшает).

В арабском языке в четвёртой породе каноническую лабильность проявляют *'aflasa* ‘обанкротить(ся)’, а неканоническую — *'amkana* ‘быть возможным/позволять’ и *'afa:da* ‘быть полезным/извлекать пользу’:

- (352)a. hal y-umkin-u-ni: ad-dukhul-u// 'an a-dkhul-a
Q 3М-быть_возможным-SG-1SG DEF-вход-NOM// чтобы 1SG-войти-SG
‘Можно мне войти?’;
- b. al-kha:rijiyyat-u 'amkana-t-hu min tatwi:r-i a:lat-i
DEF-внешняя-NOM позволять.PAST-3SG.F-3SGM от развитие-GEN механизм-GEN
DEF-поиск
‘Министерство иностранных дел позволило ему развивать механизм поиска’.
- (353)a. huwa 'afa:da min al-hawas-i bi nuju:m-I al-ghina'-i
он извлекать пользу.PAST от DEF-безумие-GEN с DEF-звезда.PL-GEN DEF-пение-GEN
‘Он извлёк пользу из безумного увлечения певцами’;
- b. hasaba ma 'afa:d-a baya:n-un Suhufiyy-un
согласно что сообщать.PAST-3SG.M информация-NOM газетный-NOM
‘По сообщениям газет...’ (букв. ‘согласно тому, что сообщила пресса’).

Таблица показывает соотношение исходных и производных глаголов

Табл. 10. Лабильные глаголы четвёртой породы и исходные глаголы.

Исходный глагол	Производный глагол	Деривация
<i>makana</i> ‘быть сильным’	<i>amkana</i>	каузативация (при перех.)
нет	<i>aflasa</i>	отыменной
<i>fa:da</i> ‘быть полезным’	<i>afa:da</i>	каузативация (при перех.)

Как видно, ни один из глаголов не образован от переходного глагола второй породы – что вполне отвечает функции четвёртой породы. Один из глаголов образован от существительного *fals* ‘деньги’.

Возможно также, что лабилен лагол *'awwama* ‘всплывать/спускать на воду’, образованный от *'a:ma* ‘плыть’, однако в корпусе не встретилось его непереходных употреблений.

Лабильность глагола *'aflasa* принадлежит к собственно инхоативному типу. Как говорилось выше, отыменные глаголы вообще склонны к лабильности (правда, чаще она характеризует отадъективные лексемы).

Интересна лабильность глагола *'amkana* ‘быть возможным, позволять’. Как видно из

(354) hal y-umkin-u li hasan-a 'an y-adhul-a
Q 3М-быть_возможным.PRS-SG для Хасан-GEN чтобы 3М-войти-SG.SUBJ
'Можно Хасану войти?'

В работе [Chvany 1996] вводится понятие «slightly-transitive verbs» и анализируются случаи, когда глагол занимает позицию между переходным и непереходным. Например, одним из таких глаголов является русский глагол *мочь*, способный управлять как прямым объектом только местоимением:

- Ситуация, когда при одном и том же глаголе местоимение становится прямым объектом, а существительное получает другую синтаксическую роль, вполне объяснима: во-первых, в арабском языке местоимения являются клитиками, то есть в каком-то смысле «неполноценными» объектами. Во-вторых, местоимения всегда тематичны, что может облегчать их продвижение в более высокую позицию. В тюркских языках при каузативизации каузируемый тем чаще маркируется прямым объектом, чем более он тематичен.

(356)a. darras-tu-ha al-lughat-a al-‘arabiyy-at-a
учить.PAST-1SG-3SG.F DEF-язык-ACC DEF-арабский-F-ACC
‘Я учил её арабскому языку’;

- Решение о том, что является субъектом конструкции с глаголом *'amkana*, также проблематично: вполне возможно, что субъект безличен, а дополнений у глагола два — конструкция выглядит как 'Это позволяет мне войти'. В этом случае мы имели бы дело не с лабильностью, а с противопоставлением личного и безличного субъектов без изменения ролей дополнений.

314

актанта занимает сентенциальное дополнение, вводимое союзом *'an*, по которому нельзя определить его синтаксическую роль: если даже оно является субъектом предложения, согласование будет идти по мужскому роду единственного числа — как и в безличных конструкциях. Именные актанты типа ‘вход’ встречаются гораздо реже, кроме того, как правило и в устной речи, и в текстах слова выступают без конечных огласовок. Один из способов узнать, какой актант занимает позицию субъекта, — согласование глагола: если субъектом является масдар, то глагол должен согласовываться с ним по роду (хотя в большинстве случаев масдары имеют мужской род, есть довольно много исключений).

В результате оказывается, что согласование по роду возможно. Однако оно не только факультативно (в современном арабском языке правила согласования могут нарушаться), но вариант без согласования встречается намного чаще:

- (357)a. al-ja:nib-u al-'a:khar-u alladi: y-umkin-u al-'iša:rat-u
 ilay-hi
 сторона-NOM DEF-другой-NOM который.М 3М-возможно.PRS-SG DEF-указание-NOM
 в-3SG.М
 ‘Другая сторона (дела), на которую можно указать...’ (согласования нет);
- b. wa huwa ma t-umkin-u al-'iša:rat-u ilay-hi
 и он.М что 3F-возможно.PRS-SG DEF-указание-NOM в-3SG.М
 ‘Это — то, на что можно указать’ (согласование есть).

С другой стороны, при каузативном употреблении (‘позволять’) этот глагол всегда является переходным — прямым объектом остаётся субъект вложенной ситуации (‘он’ в примере (352b)), а с помощью предлога *min* ‘от’ присоединяется название самой этой ситуации (‘развитие механизма поиска’). Следовательно, глагол имеет неканоническую лабильность безмены переходности, не затрагивающую прямой объект.

Глагол *'afa:da* может означать ‘получать пользу, использовать’ и ‘приносить пользу’, но в большинстве случаев реализуется именно первая возможность, а в переходном употреблении глагол сужает своё значение и означает ‘информировать, сообщать’. Активное причастие *tufi:duḥ* в данном случае расходится с глаголом, означая ‘полезный’ (а не ‘сообщающий’ и не ‘получающий пользу’), то есть образуется от малораспространённого в современном арабском значения ‘приносить пользу’. Возможно, это связано с тем, что причастия часто выражают свойство предмета, а именно полезность достаточно естественно трактовать как свойство.

Данный глагол не принадлежит к чистому декаузативному типу: оба употребления имеют по два актанта (бенефицианта и предмет, приносящий пользу). То, что одно из них переходно, а второе нет, связано с семантическими ролями участников: бенефициант затрагивается ситуацией, а предмет служит только источником пользы, но сам по себе не затрагивается. Как мы видим, этот случай аналогичен арабским глаголам третьей породы

или конверсивно-лабильным глаголам: семантически глагол допускает два прочтения, а синтаксическая лабильность в каком-то смысле вторична и связана именно с ролями участников (теоретически вполне можно было бы предположить наличие у такого глагола двух непереходных моделей).

Во второй породе лабильных глаголов, судя по всему, нет.

5.6. Взаимная лабильность

Как мы выяснили, взаимная и возвратная лабильность значительно менее распространены, чем декаузативная. Кроме того, они значительно менее предсказуемы исходя из свойств системы языка, ареала или строя (как мы выяснили, рефлексивно-лабильные глаголы встречаются и в эргативных, и в аккузативных языках). В арабском языке рефлексивной лабильности нет, а реципрокально лабильны глаголы *iltaqa:* и *tala:qa:* ‘встречать(ся)’ – мы рассмотрим их вместе, несмотря на то, что первый принадлежит восьмой породе, а второй – шестой.

Каждый из этих глаголов может употребляться как переходный (358b, 359c), управлять предложом (359b) или использоваться как одновалентный глагол (358a, 359a):

- (358)a. *y-altaqi* *qa:dat-u* *al-‘amal-i* *as-siya:siyy-i* *bi* ‘*adan*
3М-встречаться.SG лидеры-NOM DEF-работа-GEN DEF-политический-GEN в Аден
‘Лица, возглавляющие политическую деятельность, встречаются в Адене’;
- b. *ka:na* *muba:rak* *iltaqa:* *ar-ra’is-a* *al-ami:rkiyy-a*
быть Мубарак встречаться DEF-президент-ACC DEF-американский-ACC
‘Мубарак встречался с американским президентом’;
- (359)a. *lam* *y-akun-Ø* *ghari:b-an* ‘*an* *y-atala:q-a:* *al-hisb-a:ni*
NEG 3М-быть.PRS-JUSS.SG странный-ACC чтобы 3М-встречаться-S DEF-партия-NOM.DU
‘Не было бы странно, если бы партии встретились’;
- b. *haza* *al-waraqat-i* *y-atalaqa:* *ma’a* *al-waraqat-i* *al-’ukhra:*
этот.M DEF-бумага-GEN 3М-встречаться.SG с DEF-бумага-GEN DEF-
другой.F-GEN
‘Содержание этой бумаги пересекается с содержанием другой’ (непереходная модель);
- c. *at-tarbiyat-u* *allati:* *y-atala:qa:-ha:* *al-’abna:’-u*
DEF-воспитание-NOM DEF-который.F DEF-встречаться.PRS.3SG.M DEF-сын.PL-NOM
‘Воспитание, которое получают дети’ (переходная модель).

Впрочем, для глагола шестой породы *tala:qa:* переходная модель достаточно редка.

Оба эти глагола образованы от корня *l-q-y* ‘встречать(ся)’ – их лабильность во многом обусловлена свойствами корня. Заметим, что переходные употребления глаголов означают не ‘встречать’, а ‘встречаться’, то есть также несут значение взаимности (например, их нельзя употребить в значении ‘встретить на улице’ или ‘встретить в тексте ошибку’, где взаимность ослаблена или отсутствует).

Заметим, что возможность управлять прямым объектом — вообще достаточно редкая черта для шестой породы. Эта форма образуется от третьей с помощью аффикса *ta-*, того же, который образует декаузативную пятую породу, однако не обозначает

декаузатив, а меняет тип реципрока, по сравнению с третьей породой, например, *sa:laha* ‘мириться с X-ом’ (переходное или предложное управление) — *tasa:laha* ‘мириться’ (безобъектная конструкция или предложное управление), *sa:wa:* ‘равняться X-у’ — *tasa:wa:* ‘быть равным’. Как видно, у двух пород есть общая модель управления — непереходная с предлогом *ta'a*, хотя в третьей породе она используется редко (с одной стороны, два актанта не оформляются как абсолютно равные, с другой стороны, они не противопоставлены как субъект и прямой объект). В данном случае, вероятно, эти различия не столь важны, поскольку сам корень ‘встречать’ является ингерентно взаимным.

(360) bli:r y-altaqi: ma'a qiya:dat-i al-quww-a:t-i
Блэр 3М-встречаться.PRS.3SG.M с руководство-GEN DEF-сила-PL-GEN
'Блэр встречается с руководством вооружённых сил'.

5.7. Лабильность глаголов шестой породы

(361) a. al-‘umala:t-u allati: tada:wal-at fi al-kuwayt-i
 DEF-валюта-NOM который.F иметь_хождение.PAST-3SG.F в DEF-кувейт-GEN
 ‘Валюта, имевшая хождение в Кувейте’;

b. al-‘ira:qiyy-u:na y-atada:wal-u:na awraq-a la‘b-in jadi:d-at-an
 DEF-иракец-NOM.PL 3М-использовать-PL бумажка.PL-ACC игра-GEN новый-F-ACC
 ‘Иракцы вводят в обращение новые бумажки’;

— ‘циркулировать’. Впрочем, в переходном употреблении этот глагол может также иметь значение ‘обсуждать’. Исходная форма *da:la* означает ‘меняться, изменяться’, а форма третьей породы — ‘менять, чередовать’. Таким образом, шестая порода добавляет значение наличия у действия большого количества агентов: при переходном употреблении глагола они занимают позицию субъекта, а при непереходном их коммуникативный ранг понижается, и обычно они не реализуются. Тем не менее, семантика непереходного употребления предполагает наличие некоторого агенса. И каузативное, и декаузативное употребление являются в данном случае процессами, имеющими место в течение длительного времени, каузация не предшествует каузируемому событию.

Глагол *taja:zaba* имеет необычный тип лабильности, похожий на тип хакасского ‘чесаться/чесать (свою часть тела)’:

- (362) a. *t-ataja:zab-u* *az-zur-a:t-u*
 3F-притягиваться -SG DEF-атом-PL-NOM
 ‘Атомы притягиваются’;
- b *su:q-un* *iqtisa:diyu-un* *t-ataja:zab-u-ha* *al-qiwa:*
 рынок-NOM экономический-NOM 3F-тянуть-SG-3SG.M DEF-сила.PL.NOM
 ‘А что касается экономического рынка, то его тянут к себе разные силы’.

Непереходное употребление обозначает собственно взаимность (‘тянуть друг друга’). В переходном шестая порода обозначает скорее множественность актантов, не выражая взаимности — по сути, это употребление синонимично глаголу ‘тянуть’. Кроме того, данные актанты взаимодействуют между собой, что роднит пример (362b) с конструкциями со взаимным значением. В этом смысле можно считать, что первый пример выражает прямообъектный реципрок (‘тянуть друг друга’), а второй — косвеннообъектный (‘тянуть друг к другу’), правда, вместо собственно реципрокального значения выступает значение множественности актантов (ср. аналогичную полисемию прямо- и косвеннообъектного реципрока в тюркских языках, где значения вида ‘бить друг друга’ и ‘дарить друг другу подарки’ выражаются одинаковыми формами глагола). Близость значений реципрока и множественного участника неоднократно отмечалась исследователями: в частности, в [Недялков в печати] упоминаются случаи возникновения показателя множественного числа из взаимного показателя. С другой стороны, этот тип лабильности практически тождествен собственно взаимному (‘тянуть’/‘тянуть друг друга’), если не считать взаимного компонента значения в непереходном употреблении. Отметим, что данная семантическая пара вряд ли могла бы кодироваться непроизводным лабильным глаголом — значение ‘тянуть друг друга’ не настолько прототипично, чтобы выражаться немаркированным реципроком.

Можно заметить, что во всех случаях лабильность в шестой породе возникает

благодаря значению множественности и взаимности. В отличие от третьей породы, не имеющей ярко выраженной функции, шестая порода её имеет – и именно она объединяет два употребления лабильных глаголов.

Заметим, что для шестой породы нехарактерна декаузативная лабильность – её проявляет только глагол *tada:wala*. В частности, не возникают пары, аналогичные парам ‘равняться/уравнивать’ или ‘приближать(ся)’ в третьей породе. Это может быть связано с системными отношениями между третьей и шестой породами: вторая при глаголах симметричных ситуаций выступает в качестве непереходного коррелята к первой – и если для третьей породы варьирование возможно, то для шестой, выполняющей интранзитивирующую функцию, невозможно. Интересно, что лабильность, таким образом, связана со взаимоотношениями форм в системе – хотя глаголы третьей породы могут быть и переходными, и непереходными, это нерелевантно для шестой породы: основная её функция в рассмотренном классе случаев – понижение переходности, и она блокирует лабильность. Вообще говоря, рассмотренные глаголы шестой породы слабо семантически лабильны в том смысле, что переходное и непереходное употребление различаются по значению слабее, чем, например, в третьей породе, где дополнительного значения типа множественности актантов у переходных употреблений не возникает.

Возможно, суть состоит в том, что глаголы шестой породы не могут слишком существенно варьировать агентивность ситуации. Так, при варьировании переходного и непереходного реципроков типа *tala:qa*: меняется переходность глагола, но свойства участников сохраняются. Напротив, при каузативной лабильности в ситуацию вводится новый агент. В данном случае мы видим связь между синтаксической переходностью (глаголы шестой породы чаще всего непереходны) и семантическими свойствами участников ситуации — эта связь была замечена в работе [Hopper, Thompson 1980]. Возможность/невозможность того или иного типа лабильности также тесно связана с тем, как при варьировании меняются семантические свойства участников. Зависимость лабильности от формальных особенностей лексемы выражается не только в лабильности производных глаголов, но и наоборот, в неспособности определённых классов глаголов быть лабильными: ср., например, невозможность лабильности для славянских глаголов класса спряжения на *-еть* (*плесневеть*).

5.8. Заключение

Подведём итоги. В табл. 11 приведены характеристики арабских лабильных глаголов.

Табл. 11. Семантические и синтаксические типы лабильных глаголов в арабском языке.

Глагол	Порода	Число актантов		Переходность
Декаузативная лабильность				
<i>sa:laha</i> ‘мирить’		3	2/3	–? +/–, +
<i>wa:jaha</i> ‘сталкивать’		3	2/3	+/+
<i>wa:zana</i> ‘уравновешивать’ ⁴⁴		3	2/3	+/–, +
<i>tamasa</i> ‘уничтожать’		1	1 / 2	–/+
<i>‘amara</i> ‘населять’		1	2/2	–/+
<i>bada’a</i> ‘начинать’		1	1 / 2	–/+, –, CA
<i>mada:</i> ‘продолжать’		1	1 / 2	–/–, CA
<i>za:da</i> ‘увеличивать’		1	1, 2/2, 3	–/–/+
<i>ibtada’a</i> ‘начинать’		8	1 / 2	–/+, –
<i>istamarra</i> ‘продолжать’		10	1 / 2	–/–, CA
<i>intaha:</i> ‘заканчивать’		8	1 / 2	–/–
<i>‘amkana</i> ‘позволять’		4	2 / 3	+, –/+
<i>‘aflasa</i> ‘обанкротить’		4	1 / 2	–/+
<i>tabayyana</i> ‘выяснять’		5	1, 2/2	–/+
<i>taqassama</i> ‘делить’		5	1 / 2	–/+
<i>tada:wala</i> ‘использовать/иметь хождение’		6	1?/2	–/+
<i>waqafa/waqfun</i> ‘стоять/останавливать’ (каузативное значение у масдара)		1	1/2	–/+
Взаимная лабильность				
<i>iltaqa:</i> ‘встречаться’	8	1,2/2		–/+
<i>tala:qa:</i> ‘встречаться’	6	1, 2/2		–/+
<i>tada:wala</i> ‘использовать/иметь хождение’	6	1?/2		–/+
<i>taja:zaba</i> ‘тянуть к себе/притягиваться’	6	1 / 2		–/+
Конверсивная лабильность				
<i>‘afa:da</i> ‘получать/приносить пользу, сообщать’	4	2/2, 3 (в значении ‘сообщать’)		–/+
<i>tahaddada</i> ‘угрожать/быть под угрозой’	5	2/2		–/+

⁴⁴ В таблице не приводятся остальные глаголы третьей породы, обозначающие симметричные ситуации.

Как выясняется, тип лабильности в значительной мере зависит от породы. Правда, преобладает в любом случае декаузативный тип, наиболее распространённый и типологически. Тем не менее, глаголы шестой породы имеют другие типы лабильности. Глаголы третьей породы декаузативно-лабильны, но отклоняются от синтаксического прототипа — как было показано выше, это обусловлено синтаксическими свойствами модели в целом. Также глагол с двумя переходными употреблениями есть в четвёртой породе, тогда как глаголы первой и пятой породы проявляют прототипическую декаузативную лабильность — в отличие от третьей и четвёртой пород, для них не характерны ни каузативные компоненты значения, ни переходность. Следовательно, свойства породы обуславливают и синтаксические особенности лабильного глагола.

Как уже говорилось, среди декаузативно-лабильных глаголов практически нет таких, которые бы подразумевали сильное воздействие агенса на пациенс. Единственный глагол, могущий обозначать такое действие, — *taqassama*, но и он используется так достаточно редко. Как говорилось выше, часто, если в языке немного лабильных глаголов, лабильность затрагивает случаи, когда каузативное и некаузативное употребления сближаются по семантике. Более того, отсутствуют даже глаголы с агенсом-инициатором типа ‘варить’, которые тоже обозначают сильное воздействие на пациенс. Тем самым, характеристики пациенса для арабского языка важнее, чем характеристики агенса: субъектом арабских лабильных глаголов может быть и агентивный, и неагентивный участник, причём воздействовать на ситуацию он может и непосредственно на всём её протяжении (ср. ‘сближать’). Однако важно, что изменения, происходящие в пациенсе, не слишком значительны. С другой стороны, пациенс не может быть одушевлён и близок по свойствам к агенсу. По-видимому, арабская система уникальна тем, что центром группы лабильных глаголов являются глаголы с очень низкой семантической переходностью — глаголы симметричных состояний в третьей породе.

Среди семантических групп глаголов, проявляющих декаузативную лабильность — фазовые глаголы (среди которых прототипически лабилен только *bada’a*), глаголы симметричных отношений (третья порода), глаголы движения и положения в пространстве, глаголы изменения состояния. Важно, что глаголы состояния типа *kabura* ‘быть большим’ не становятся лабильными. Даже глагол ‘*amara* ‘населять; быть населённым’ в настоящее время редко употребляется как непереходный. Глаголы состояний в языках мира довольно часто выделяются в отдельный класс с особым спряжением: ср., например, классы динамических и статических глаголов в абхазо-адыгских языках.

Таким образом, лабильность не проявляют, во-первых, глаголы, чьи участники резко противопоставлены как агенс и пациенс, во-вторых, статальные глаголы (напомню, что глаголы третьей породы могут обозначать не только состояние). И то, и другое связано с тем, что два употребления лабильного глагола, как правило, имеют общие семантические компоненты — а именно, общие свойства субъекта и аспектуальные характеристики. В то же время глаголы, обозначающие агентивные действия, также не слишком склонны к лабильности, хотя встречаются исключения.

Арабская система подтверждает замеченную связь между лабильностью и аспектуальными характеристиками лексем: как было сказано выше, лабильность в аккузативных языках, по сравнению с эргативными, смещается в сторону процессных глаголов типа ‘варить’. Несмотря на отсутствие глаголов с агенсом-инициатором, это подтверждает и арабский материал: почти все глаголы в непереходных употреблениях не являются событиями, а принадлежат к классу процессов (‘притягиваться’, ‘приближаться’) или состояний (‘равняться’).

На примере арабских глаголов мы видим, что если в системе нет жёстких ограничений по переходности, само значение производных форм не мешает глаголам в этих формах быть лабильными — при этом арабская система демонстрирует несколько типов зависимости лабильности от производности — в частности, лабильность проявляют и явно повышающие и понижающие вторая и восьмая породы, и нейтральные в этом отношении третья и шестая породы. Существенны не только черты конкретной модели, но и общая закономерность: в производных породах акцентируются семантические компоненты, вносимые при деривации (симметричность действия в третьей породе, медиальность в восьмой, агентивность субъекта во второй). С другой стороны, разделение этих случаев в некоторых случаях условно: в частности, мы могли бы рассматривать шестую породу как нейтральную, обозначающую только множественность актантов. Однако в то же время нужно учесть, что по отношению к третьей породе она выступает как интранзитивирующая — и это обуславливает отсутствие лабильности в случаях типа *tasa:wa:* ‘быть равными’ — в третьей породе соответствующие лексемы лабильны.

Арабская система доказывает, что соотношение между семантической лабильностью (наличием у глагола двух вариантов актантной структуры), и синтаксическим варьированием переходности может быть самым различным: в этом смысле «центр тяжести» варьирования часто лежит на семантической вариативности. В арабской третьей породе непрототипическое соотношение возникает потому, что исходно существует вариативность актантной структуры (трёхвалентная каузативная —

двухвалентная некаузативная). Конкретные реализации выбираются в зависимости от семантических свойств актантов.

Взаимная лабильность в арабском вытекает из свойств ситуации ‘встречать(ся)’ – это различие не в семантике, а в концептуализации ситуации. В этом смысле она противоположна лабильности в третьей породе: существенных изменений актантной структуры не происходит – значима именно мена переходности.

Важно, что в языке, где лабильных глаголов не так уж много, возникает конверсивная лабильность — не слишком распространённый тип вариативности. В четвёртой породе один из актантов является бенефициантом, в пятой — экспериенцером, испытывающим отрицательные эмоции. Как уже говорилось, это связано с декаузативной спецификой пятой породы и каузативной — четвёртой. Это подтверждает особые свойства конверсивной лабильности: она может встретиться только у ограниченной группы глаголов и плохо предсказуема из свойств системы языка. Сосуществование в арабском языке конверсивной и декаузативной лабильности заставляет пересмотреть представления, высказанные в [Haspelmath 1993] и [Лютикова 2002a], о зоне семантической лабильности. Лабильность, как уже говорилось выше, возникает не при **самопроизвольности** ситуации в одном из вариантов, а в случаях, когда воздействием агенса **можно пренебречь**. Ранее мы это видели на примере глаголов типа немецкого *treiben* ‘гнать/дрейфовать’.

Закключение

Итак, подведём итоги. Во-первых, в ходе работы были выявлены следующие факторы, благоприятствующие лабильности различных диатетических типов:

I. Семантические.

I.1. Фокусирование пациенса.

I.1.a. Прототипический пациенс, «притягивающий» к себе фокус внимания.

I.1.б. Исключение из ситуации агенса.

I.1.б.1. В силу особенностей агенса: неполной агентивности: глаголы с агенсом-инициатором, конверсивно-лабильные глаголы эмоций.

I.1.б.2. В силу выделения статального компонента ситуации.

I.2. Сближение пациенса и агенса.

I.2.1. Пониженная семантическая переходность переходного употребления (арабские глаголы третьей породы).

I.2.2. Агентивность непереходного употребления (русские глаголы движения).

I.2.3. Ассоциативный тип каузации (русские и французские глаголы движения).

I.2.4. Посессивные отношения между агенсом и пациенсом (английская окказиональная лабильность типа *bloom*, болг. *мръдва* 'двигать(ся)').

II. Синтаксические: синтаксическое сближение употреблений

II.1. Переходное некаузативное употребление.

II.2. Непереходное каузативное употребление.

II.3. Возникновение из опущения или понижения ранга пациенса (глаголы типа *вести*, *гонять*, итал. *chiudere* 'закрывать / закрываться (о магазине)').

III. Морфологические: различные типы производности:

III.1. Выдвижение на первый план компонентов, вводимых при словообразовании (арабские глаголы со значением симметричной ситуации).

III.2. Заимствованная модель (*варьировать*).

Тем самым, лабильность является феноменом, зависящим очень от многих факторов различной природы. Реально, конечно, основными являются семантические, причём в

эргативных языках с продуктивной лабильностью это I.1.a, в аккумулятивных с продуктивной лабильностью – фактор из той же группы I.1.b.2. В языках с непродуктивной лабильностью на первый план выходят синтаксические факторы (лабильность происходит из более простых явлений) и факторы сближения участников. Группа I.1 находится ближе к грамматически маркированной деривации, чем I.2: в I.1 прототипическая переходность сохраняется – меняется упорядочивание коммуникативных рангов участников. В I.2 меняется по сравнению с прототипической семантика ситуации, в частности, свойства её актантов. Однако для обоих факторов важной является близость обозначаемых глаголом ситуаций – при выделении пациенса ситуации также сближаются. Именно это позволяет говорить об отличии лабильности от грамматических показателей, для которых важна не максимальная близость, а максимальная противопоставленность ситуаций. В этом лабильность сближается с описанной в [Апресян 1967/1995], [Падучева 2004a] и других работах семантической деривацией: семантические переходы происходят не случайно, а в силу общих компонентов в значении ситуаций (например, метонимической связи между ними, как при переходах типа *школа* ‘здание’ – *школа* ‘учащиеся’). Заметим, что метонимия, возможно, имеет значение и для лабильности – ср. варьирование типа немецкого *fahren*.

Рассмотренные нами примеры показали, что лабильность сравнительно редко в прямом смысле конкурирует с показателями дериваций, запрещая их сочетания с лабильной лексемой. Теперь мы можем объяснить, чем это вызвано. Лабильность – явление другого плана, нежели показатели – она **сближает** две ситуации, а не противопоставляет их, как показатели деривации. Кроме того, лабильность часто характеризует узкие классы ситуаций. Поэтому нет причин считать, что она должна вытеснять грамматические показатели – продуктивные и обобщённые механизмы образования одной ситуации от другой (малопонятной как раз была бы ситуация, как она представлена в [Haspelmath 1993], при которой грамматическое и лексическое явление строго исключали бы друг друга).

Среди данных факторов не упомянуты характеристики системы языка, которые делают более или менее вероятной лабильность как таковую или лабильность большого класса глаголов – но сам этот класс может делиться на подклассы. Ещё одним фактором – так сказать, нулевым, обуславливающим саму возможность лабильности у данного глагола, – является автономность, о которой говорилось выше – она не тождественна самопроизвольности ситуации, а скорее означает возможность концептуализовать две ситуации отдельно друг от друга.

Различные группы факторов связаны с разными классами лабильных глаголов: конверсивная лабильность возникает именно в силу близости субъекта и объекта (и возможности понижения коммуникативного ранга любого из участников), стативная – в силу выдвижения пациенса на первый план. В этой связи рассмотрение лабильности как единого феномена действительно имеет смысл: классы лабильных глаголов выделяются во многом в зависимости от семантического класса ситуации.

Естественно, описать каждый лабильный глагол в отдельности через один фактор невозможно. Однако если подняться на уровень систем лабильных глаголов, выделить основные факторы становится возможно. К примеру, если говорить только о лабильных лексемах, вполне можно считать, что к лабильности склонен класс глаголов движения и изменения как целое – и глаголы движения, и глаголы изменения лабильны во многих языках. Но проанализировав свойства систем, мы видим, что процент совпадающих языков не слишком велик – следовательно, глаголы движения и глаголы изменения, при которых пациенс сильно выделен, составляют две отдельные группы – и их лабильность регулируется разными факторами.

Особенно важны синтаксические факторы лабильности. Как правило, считалось, что лабильность связывает именно переходную и непереходную диатезы. Однако это отчасти было результатом сравнительного подхода: лабильность сопоставлялась с показателями деривации на примере прототипически переходных глаголов и инхоативных пар к ним. В действительности и лабильность, и показатели зачастую связывают структуры, не различающиеся по переходности – но если для показателей это скорее нетипично (так, каузативные показатели, сочетающиеся с переходными глаголами, – это обычно очень продуктивные показатели, заведомо присоединяемые и к непереходным), то для лабильности – весьма характерно. Глаголы часто имеют фиксированную характеристику по переходности, но не фиксированы по каузативности и семантической переходности, либо не фиксированы ни по одному параметру.

В этом смысле лабильность полезно выделять на трёх уровнях – морфосинтаксическом, уровне актантной структуры и собственно семантическом. Как мы видели на примере арабской третьей породы, зачастую первично именно варьирование на втором, более глубоком уровне – свойства первого уровня обусловлены другими параметрами. Варьирование на третьем уровне присуще только определённым глаголам, как правило, в языках с продуктивной лабильностью:

Семантика:	агентивные —————	пациентивные
Актантная структура:	двухвалентные —————	одновалентные
Морфосинтаксис:	переходные —————	непереходные

Заметим, что на уровне актантной структуры соотношение двух употреблений может быть очень сложным. В частности, на примере глаголов типа русского *учить* было показано, что при некаузативном употреблении глагол может иметь прямой объект, вытесняемый при каузативном употреблении на периферийную позицию. Казалось бы, соотношения такого типа должны быть редки – они сложны по актантной структуре. Но немаркированную деривацию облегчает их морфосинтаксическая простота – глагол не меняет своей характеристики по переходности. Впрочем, при опущении одного из актантов может возникать и морфосинтаксическое варьирование, как в некоторых случаях в арабском.

Как мы выяснили, аналогичные лабильности противопоставления не обязательно требуют варьирования синтаксической переходности глагола. Как правило, это варьирование возникает – прежде всего, в силу семантики употреблений лабильных глаголов: в одном из них субъект ситуации агентивен, а сама ситуация имеет два партиципанта (а значит, вероятна переходная модель), а в другом субъект пациентивен, а ситуация включает одного участника. Тем самым, немаркированная деривация и варьирование переходности не жёстко связаны

Мы также показали, что лабильность в большей мере, нежели показатели актантной деривации, связана с конкретными семантическими классами глаголов – вовсе не обязательно прототипически переходными. Тем самым, класс глаголов, послуживших материалом для работ [Haspelmath 1993] и [Лютикова 2002a], не позволяет полностью анализировать класс лабильных глаголов в любом языке – следовательно, в поле зрения не попадают системы типа русской или различия между немецкой и французской системой. Исследование, сосредоточенное только на лабильности, позволило выявить несколько склонных к лабильности классов – прототипически переходные глаголы, фазовые глаголы и глаголы движения.

В разных языках лабильность в разной степени зависит от лексической семантики глагола и от соотношения между употреблениями. Если релевантен, прежде всего, первый фактор, класс лабильных глаголов невелик и смещается к периферии переходных глаголов – и следовательно, можно считать лабильность лексически обусловленной семантической деривацией. При преобладании второго фактора лабильность затрагивает ядро класса семантически переходных глаголов и похожа по свойствам на показатель деривации. В подобных языках лабильные глаголы хуже сочетаются с показателями деривации, что естественно, поскольку это близкие по свойствам механизмы. Тем самым, лабильность не описывается односторонними импликациями: невозможно невозможно выделить класс глаголов, лабильный в любом языке, где есть лабильные глаголы

(например, в адыгейском и русском классы лабильных глаголов не пересекаются).

При этом мы показали, что сам состав и размер класса лабильных глаголов связан со свойствами грамматической системы: составом и степенью грамматикализации деривационных показателей, строем языка, устройством словоформы. Гипотеза [Климов, Алексеев 1980] о лабильности как компенсирующем механизме неточна, но учёт степени грамматикализации показателей позволяет получить более точные результаты. Параметры не позволяют полностью предсказать состав и свойства этого класса, но объясняют некоторые различия как внутри семей (например, индоевропейской), так и между семьями. Так, оказалось, что необходимо скорректировать гипотезу о большей распространённости лабильности в эргативных языках. Скорее нужно считать, что лабильность там затрагивает глаголы с прототипическим пациенсом, а в аккумулятивных языках это не всегда так. Это коррелирует с устройством противопоставления по переходности в языках средневропейского и среднекавказского стандарта: в эргативных языках и лабильность, и переходность в целом коррелируют с высокой семантической переходностью, в аккумулятивных языках они мало связаны с семантической переходностью. Лабильность по сочетаемости с группой глаголов может быть тождественна либо каузативному, либо декаузативному показателю. Как выяснилось, существенно рассмотрение систем с небольшим количеством лабильных глаголов: в них легче выявить основной параметр, разрешающий или запрещающий варьирование – при распространении лабильности на широкие группы глаголов эти параметры затемняются – ср., в частности, системы типа лезгинской в эргативных языках и болгарской или русской в аккумулятивных.

Ареальные черты лабильных глаголов прослеживаются хуже, но и здесь можно выделить особый африканский тип систем, склонную к лабильности центральноевропейскую зону и Кавказ. Центральная и Северная Азия, а также Северная Америка к лабильности не склонны, слабой склонностью характеризуются Океания, Южная Америка, Северная и Восточная Европа.

В то же время было показано, что лабильность по определённым правилам разграничивает сферы употребления с показателями деривации – в частности, можно выделить **аспектуальный** и **деривационный** типы разграничений. Значение лабильного глагола не независимо от системы: существенно, с какими показателями конкурирует лабильность. Если в системе имеется продуктивный декаузатив, часто лабильность в меньшей мере, чем декаузативные дериваты, фокусирует внимание на состоянии пациенса, а при наличии каузатива – напротив, лабильность фокусирует состояние

пациенса.

Важной задачей было объяснить распределение лабильных глаголов по подклассам – и в этой части мы выявили некоторые тенденции, например, почти полный запрет **пассивной** лабильности (за исключением языков Африки и некоторых других языков – ср. французский антильский креол, [Kittilä 2002]). Считая лабильность немаркированной деривацией, объяснить это сложно, поскольку пассивные показатели нередки в языках мира. Ограничения объясняются природой лабильностью как полисемии: полисемия связывает **близкие, но противопоставленные между собой ситуации**. Нам отчасти удалось объяснить различие в частотности декаузативной лабильности и всех остальных видов – во-первых, декаузативная лабильность может возникать из более «простых» преобразований, во-вторых, естественно сочетается с широким классом глаголов.

В сфере декаузативной лабильности мы проверили несколько факторов, влияющих на наличие инхоативно-каузативных пар: выяснилось, что понятие агентивных компонентов, сформулированное в [Haspelmath 1993], полезно, но не объясняет **асимметрии** между глаголами, одни из которых становятся лабильными очень часто ('гореть/жечь', 'начинать(ся)'), а другие редко ('наполнять(ся)'). Как выяснилось, требуются другие параметры – **положение глагола на шкале**, прототипичность пациенса и свойства агенса. Как было показано выше, они связаны с механизмами сближения ситуаций между собой. Более того, понятие самопроизвольной ситуации не охватывает некоторые ситуации, обозначаемые лабильными глаголами (см. [Летучий 2004] о глаголах с агенсом-инициатором, [Daniel и др. в печати] о парах типа 'умереть/убить'). В этом смысле важно наличие глаголов конверсивного типа, для которых ни понятие агенса, ни понятие самопроизвольности неприменимы. Основанием для лабильности является возможность двух различных концептуализаций ситуации – как состояния экспериенцера или как воздействия на него стимула – при этом нельзя считать, что одна из них самопроизвольна, а другая происходит под внешним воздействием (для обоих ситуаций семантически обязательны два участника, ср. болг. *харесвам* 'нравиться/любить').

Параметры распределены в зависимости от объёма класса лабильных глаголов: в небольших системах часто значимы конкретные свойства **участников** – агенса и пациенса. При увеличении класса на первое место выходят свойства **ситуации** – степень её самопроизвольности и аспектуальная характеристика.

С этой же точки зрения существенна лабильность глаголов движения, требующих агентивного участника в обоих употреблениях: бессмысленно говорить о

самопроизвольности ситуации типа *двигать* или *спускаться*. В данном случае семантически глаголы скорее относятся к А-лабильным (поскольку субъектом обоих употреблений является агенс), а с точки зрения актантной структуры – к Р-лабильным. Это отражает многофакторную природу лабильности: близость субъектов употреблений может облегчать Р-лабильность, не противопоставляя жёстко пациентивное и агентивное употребления.

Диахронически лабильность возникает из более простых явлений, не связанных с немаркированным изменением числа семантических актантов глагола: опущения актантов, - а также в силу совпадения форм глагола. В этой связи нельзя говорить о том, что лабильность является полным аналогом показателей деривации, поскольку она не связывает употребления глагола непосредственно. Тем самым, диахроническое развитие лабильности также существенно отличается от развития показателей актантной деривации.

В главе 1 были рассмотрены явления, близкие к лабильности. Как оказалось, в большом количестве случаев глагол в переходном и непереходном употреблении различается по форме, но говорить собственно о маркировании актантной деривации нельзя. Многие языки избегают собственно лабильности, не маркируя соотношения между глаголами. Как оказалось, лабильность отличается от грамматических противопоставлений тем, что всегда оказывается «слабее» их: переходные и непереходные употребления лабильных глаголов ведут себя по-разному при процессах, чувствительных к переходности. Тем самым, обычно мы не можем выделить в языке класс лабильных глаголов в том же смысле, в котором выделяем, например, классы инверсивных или переходных глаголов в грузинском языке: несмотря на формальное совпадение употреблений лабильного глагола, при чувствительных к переходности процессах они ведут себя, соответственно, как стандартный переходный и стандартный непереходный глагол.

Наконец, косвенным образом мы показали, что употребления лабильного глагола очень часто несимметричны. В главе 4 было показано, что одно из употреблений часто обозначает более широкий класс ситуаций, чем другое, имеет синонимичный маркированный (например, каузативный или декаузативный) дериват и т.д. Лабильность, тем самым, является градуальной характеристикой. А значит, полностью оправдан подход к лабильности как феномену, имеющему ядро (каноническая лабильность) и периферию.

Приложения

Приложение 1. Используемые языки

Индоевропейские:

Романские: латинский, румынский, французский, итальянский, испанский.

Германские: английский, немецкий, шведский, исландский

Славянские: русский, болгарский, македонский, сербский, польский, чешский.

Древне- и новогреческий.

Балтийские: литовский.

Семитские: арабский, иврит.

Берберские: кабилский.

Нило-сахарские (?): сонгай (точная принадлежность не определена)

Нигер-конго, вольтийский: зулусский

Манде: бамана, бен

Банту: суахили

Чадские: хауса

Юто-ацтекский: кора

Паноанский: матсес

Аравакский: ашенинка

(?) хуп, олутек (точная принадлежность внутри америндской семьи языков не определена)

Алтайские: монгольский, калмыцкий, турецкий, хакасский

Уральские: финский, эстонский, марийский, венгерский, коми, удмуртский, мордовский

Иранские: персидский, таджикский, язгулямский

Сино-тибетский: китайский

Вьет-мыонгские: Вьетнамский

Нахско-дагестанские: рутульский, цахурский, даргинский, агульский, аварский, лезгинский, багвалинский, чеченский, ингушский, арчинский

Абхазо-адыгские: абхазский, адыгейский.

Языки Австралии различной принадлежности: бума фиджи, паниджима, бунуба, ндйеббана

Чукотско-камчатские: алюторский, чукотский

Картвельские: грузинский, сванский

Австронезийские: ниа, ниуэ, хуа, тука-беси, индонезийский, харачуу

Баскский

Атабаскский: верхне-кускоквимский

Эскимосско-алеутские: алеутский

Тибето-бирманские: лимбу, бирманский

Енисейский: кетский

Приложение 2. Классификация лабильных глаголов

По деривационным основаниям

1. Декаузативные
 - а. декаузативные
 - б. каузативные
 - в. трёхвалентные с вытеснением объекта ('учить')
2. Рефлексивные
3. Конверсивные
4. Пассивного типа
 - а. стативные
 - б. несамостоятельные действия
5. Пассивная
 - а. без выражения агенса
 - б. с выражением агенса

По семантическому классу

1. глаголы с прототипическим пациенсом
 - а. глаголы разрушения
 - б. глаголы изменения состояния
 - в. глаголы конечного состояния (отадъективные глаголы с фокусом на состоянии)
2. глаголы движения
 - а. с неодушевлённым объектом
 - б. с одушевлённым объектом
3. глаголы без вещественного объекта
 - а. фазовые глаголы
 - б. глаголы звука

По синтаксическим свойствам

1. с двумя противопоставленными употреблениями
2. с несколькими употреблениями
 - а. каузативное непереходное

б. некаузативное переходное

в. с варьированием переходности у каузативного и у некаузативного употреблений

3. с двумя употреблениями без варьирования переходности

Сокращения

ABS - абсолютив
ACC – аккумулятив
ADV – показатель наречия
AOR – аорист
APPL – аппликатив
ASP – аспектальный показатель
BEN – бенефактив
CAUS - каузатив
DAT – датив
DEF – определённый артикль
DU – двойственное число
DYN – показатель динамичности
ERG - эргатив
F – женский род
FUT – будущее время
GEN – генитив
IMV – императив
INV – инверсив
INF – инфинитив

INS – инструменталис
IPF – имперфектив
IRREAL – показатель ирреалиса
ITR – непереходный глагол
JUSS – юссив
LOC – локатив
M – мужской род
NEG – отрицание
NOM – номинатив
PASS – пассив
PL – множественное число
POSS – посессивный показатель
PP – послелог
PRON – местоимение
PRS – настоящее время
REFL – рефлексив
SG – единственное число
TR – переходный глагол
VOC - вокатив

Источники арабских примеров

Корпуса материалов арабских газет:

Газета «Al-Bayan» в Интернете (www.al-bayan.co.ae);

Газета «Al-Watan» в Интернете (www.al-watan.com);

Библиография

Абди Ас-Салям Гарун (сост.). Al-mu‘jam al-wasit (средний словарь). Египет, Академия Арабского языка. 1961-1972.

Апресян Ю. Д. Синтаксическая обусловленность значений // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1969.

Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке. Материалы к докладу на рабочем совещании по отглагольной деривации. М., 2005.

Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. Дисс. ... канд. филол. н. М., 2005.

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Восточная литература, 1996.

Баскаков Н.А. Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Беляева А.В. Материалы к типологии языков с опущением безударных местоимений. Дипломная работа. М., 2006.

Беляева А.В., Короткова Н.А. Биабсолютивная и антипассивная конструкции в нахско-дагестанских языках // Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. 88-91.

Берсиров Б.М. Структура и история глагольных основ в адыгских языках. Майкоп: «Адыгея», 2000.

Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.-Л.: Наука, 1949.

Бонч-Осмоловская А.А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дисс. ... канд. филол. н. Рукопись. М., 2003.

Вайнрайх У. О семантической структуре языка. // Новое в лингвистике, №5. 1970.

Вейсман А.Д. Древнегреческий словарь. СПб., 1889.

Гаврилова В.И. Взаимодействие категорий переходности и залога в русском языке (Производящие и иницирующие переходные глаголы и их возвратные корреляты // Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. (ред.), Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». Материалы докладов. М., 2005. 132-145.

Гаврилова В.И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос. М, 2003. 256-285.

Гаврилова В.И. Пассивные и квазипассивные конструкции русского языка. Рукопись. 2000.

Гак В.Г., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа. М., 1994.

Галямина Ю.Е. Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Плунгян В.А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. 178-197.

Галямина, Ю.Е. Транзитивность, залог и лексическая семантика глагола. Дисс... канд. филол. н. М., РГГУ. 2006.

Гецадзе И.А., Небялков В.П., Холодович А.А. Морфологический каузатив в грузинском языке // Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 131-152

Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка. М.: Наука, 1989.

Гишев Н.Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. М.: Наука, 1968.

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998.

Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. АКД. М.: РГГУ, 2005.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998 (1880).

Даниэль М., Майсак Т., Мерданова С. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке // Второй международный симпозиум по языкам Европы, Северной и Центральной Азии. Тезисы докладов. Казань, 2004. 153-156.

Долинина И.Б. Синтаксически-значимые категории английского глагола. М., 1989.

Дьяконов И.М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения // Жирмунский

В.М. (отв. ред.). Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. 95-115.

Иванов М. Каузативизация и предельность. Материалы к докладу на рабочем совещании по отглагольной деривации. М., 2005.

Имнайшвили Д.С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.

Инэнликэй П.И., Недялков В.П. Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке // Жирмунский В.М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. 246-268.

Иосад П.В., Пазельская А.Г., Цюрупа М.А. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. 171-177.

Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. 1. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 2005.

Кибрик А.Е. (ред.-сост.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 2002.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алыторцев. М., 2000.

Кибрик, А.А. Типология пропозициональной деривации и атабаскские языки. Материалы к докладу на рабочем совещании по отглагольной деривации. М., 2005.

Кибрик, А.Е., Леонтьев, А.П., Л. Брыкина, М.М. Русские конструкции со внешним посессором // Диалог'2004. Материалы к докладам. М., 2004.

Кинэн Э. К универсальному определению подлежащего Кибрик А.Е. (ред.) Новое в зарубежной лингвистике. №11. М., 1982. 236-274. (Keenan E. Towards a universal definition of "subject" // Li Ch. (ed.). Subject and Topic. 1976.).

Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Кибрик (ред.) Новое в зарубежной лингвистике. №11. М., 1982. (Keenan E.L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8. P. 63-99).

Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.

Кулакова И.А. Типология рефлексивного бенефактива. Дипломная работа. М., 2005.

Куликов Л.И. Синтаксическая классификация глаголов и «залоговая ориентированность». К

- проблеме определителей корня в санскрите // Тезисы первой конференции по теоретической лингвистике. РГГУ, 1993.
- Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.-Нальчик, 1964.
- Кумахов М.А. Об основах вариантного управления в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 17. 1990. Тбилиси, Мецниереба. 42-47.
- Летучий А.Б. Лабильные глаголы в аккузативных языках. Дипломная работа. М., 2004.
- Летучий А.Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы. Вопросы языкознания, №4. 2005.
- Летучий А.Б. Средства маркирования противопоставления «инхоатив/каузатив» в адыгейском языке. В печати.
- Лютикова Е.А. (Лютикова 2002a). Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.
- Лютикова Е.А. (Лютикова 2002б) Каузативы, декаузативы и лабильные глаголы в дагестанских языках: опыт типологии в пределах языковой группы. Материалы к докладу на XI коллоквиуме Европейского общества кавказоведов. М., 2002.
- Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса). М.: РАН, Ин-т языкознания. 2006.
- Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Муравенко Е.В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей // Семиотика и информатика, вып. 36. 1998.
- Недялков В.П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И.Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 106-114.
- Недялков В.П., Князев Ю.П. Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985.
- Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л., 1969. С. 20-60.
- Недялков, В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 180-195.
- Николаева Л.Н. Результатив в адыгейском языке. Экспедиционный отчёт. Рукопись. 2003.
- Падучева Е.В. (Падучева 2004a) Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004.
- Падучева Е.В. (Падучева 2004б). Диатеза как метонимический сдвиг // Храковский В.С., Мальчуков А.Л., Дмитренко С.Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. СПб.: Знак, 2004. 424-445.

- Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика, вып. 36. М., 1998.
- Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Изв. РАН, СЛЯ, 60.4, 29-39. 2001.
- Пазельская А.Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. н. М., 2006.
- Паперно Д.А. Синтаксис языка бен. Дипломная работа. М., 2006.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М.: Парадигма, 2005.
- Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. АКД. М., 1986.
- Попов А.В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.
- Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар - Майкоп, 1966.
- Рожанский Ф. И. О транзитивности и интранзитивности в языке сонгай // Африка: Культура, этничность, язык. М., 1991. С.179-187.
- Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005.
- Сай С.С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам. М., 2004.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тестелец Я.Г. Ещё раз о категории «подлежащее» в русском языке. Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Тани Ждановой: статьи и воспоминания. М., 2002. 422-452.
- Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. (ТКК 1969).
- Холодович А.А. (ред.). Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 1974. (ТПК 1974).
- Храковский В.С. Лексический и морфологический каузативы в арабском языке // Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. М., 1969.
- Храковский В.С. Операторные каузативные глаголы // Храковский В.С. Очерки по общему и арабскому языкознанию М., 1973.
- Храковский, В.С. 1987. Семантика фазовости и средства ее выражения // Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 153-180.
- Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции // Известия ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке).

- Шейхов Е.М. Лабильные глаголы и лабильная конструкция предложения в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 14. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 282-286.
- Щека Ю.В. Интенсивный курс турецкого языка. М.: Издательство МГУ, 1999.
- Эль-Массарани М., Сегаль В.С. Арабско-русский словарь сирийского диалекта. М.: Рус.яз., 1978.
- Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. М., 1985.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л.: Наука, 1948.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского языка. М.: Наука, 1941.
- Янакиев М., Котова Н. В. Грамматика болгарского языка (для владеющих русским языком). М., 2001.
- Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: АН СССР, 1962.
- Abraham W. Kausativierung und Dekausativierung: zu Fragen der verbparadigmatischen Markierung in der Germania // Birkmann, Th. et al. (eds.) Vergleichende germanische Philologie und Skandinavistik. Festschrift für Otmar Werner. 1997. 13-28.
- Achard M. Breaking Verbs in French: Two Intransitive Constructions. // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Achard M. Causation, constructions and language ecology: An example from French // Shibatani M. (ed.). A grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 2002.
- Ackerman F., Moore J. Proto-properties and grammatical encoding. Stanford, 2001.
- Aikhenvald A. Grammars in contact. Ms. 2005.
- Aikhenvald A. Transitivity in Tariana // Dixon R.M.W. (ed.). Changing valency: case studies in transitivity. 2000. 85-115.
- Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam: Benjamins, 2001.
- Al-Kadari A. Transitivity in Bible Hebrew (на иврите). 1995.
- Andrews A.D. Non-canonical A/S marking in Icelandic // Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam: Benjamins, 2001. 87-111.
- Baker M.C. The polysynthesis parameter. Oxford University Press, 1986.
- Barðdal J., Eythórsson Th. Control infinitives and case in Germanic: 'Performance error' or marginally acceptable constructions? In press. 2006.
- Benmamoun E. Causatives in Moroccan Arabic // Comrie B., Eid M. (eds.). Perspectives on Arabic linguistics. Papers from the third symposium on Arabic linguistics. Salt Lake City, 1993. 173-196.
- Bonch-Osmolovskaya A., Ljutikova E. A very active passive: Functional similarities between

passive and causative in Balkar. In press. 2006.

Braun L. A Grammar of Nias Selatan. PhD. Sydney, 2001.

Burzio L. Italian Syntax: Studies in Natural Language and Linguistic Theory. Dordrecht: Reidel. 1986.

Bybee, Joan L, Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. In: Studies in Language 13: 51-103. 1989.

Căluianu D. Emotion Verbs in Romanian // Kikusawa R., Sasaki K. (ed.). Modern Approaches to Transitivity. Tokyo, 2000. 143-194.

Cetnarowska B. Unaccusativity mismatches and unaccusativity diagnostics from derivational morphology // Boucher P. (ed.). Many morphologies. Sommerville: Cascadilla Press. 2002. 48-70.

Chaker S. Un parler berbère d'Algérie (kabylie). Paris, 1983.

Chvany C.V. A Continuum of Lexical Transitivity: Slightly-Transitive Verbs // Selected Essays of Catherine V. Chvany. Columbus, 1996. C. 161-171.

Comrie B. "The Syntax of Causative Constructions: Cross-Language Similarities and Divergences" // M. Shibatani (ed.). Syntax and Semantics. V. 6, The Grammar of Causative Constructions, M. Shibatani (ed.), 261-312. 1976.

Comrie B., Polinsky M. (eds.). Causatives and Transitivity (SLCS 23). Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 1993.

Cornips L., Hulk A. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French // Studia Linguistica 50, 1. 1996. 1-21.

Daniel M.A., Majsak T.A., Merdanova S.R. Causatives in Agul. В печати.

Davidse K., Geykens S. 'Have you walked the dog yet'? Ergative causativization of intransitives. Word 49.2. 1998.

Dench, A. Panyjima // Dixon R.M.W., Blake B.J. (eds.). The Handbook of Australian languages, volume 4. Oxford, 1992. 125-243.

Dixon R.M.W. A Grammar of Boumaa Fijian. University of Chicago Press. 1988.

Dixon R.M.W. Ergativity // Language, №55. 1979.

Dixon R.M.W., Blake B.J. (eds.) (Dixon, Blake 2000). The Handbook of Australian languages, volume 5. Oxford University Press, 2000.

Dixon R.M.W., Blake B.J. (eds.). ([Dixon, Blake 2005a]) The Handbook of Australian languages, volume 4. Oxford University Press, 1992.

Donohue M. A Grammar of Tukang Besi. Berlin: Mouton, 1999,

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language, v. 67, №3. 1991. 547-619.

Driem G. von. A Grammar of Limbu. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton, 1987.

Drossard W. Labile Konstruktionen // Kulikov V., Vater H. (eds.). Typology of verbal categories.

Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.

Epps P. A Grammar of Hup. PhD Dissertation. 2005.

Fillmore Charles J. *Coming and Going* // Fillmore Charles J. *Lectures on Deixis*. CSLI publications. Stanford: CSLI, 1997.

Galiamina Yu. Transitivity and lability in Songhay // Kulikov L.I., Malchukov A.L., de Swart P. (eds.). *Case, valency and transitivity. Studies in Language Companion Series, 77*. Amsterdam: Benjamins, 2006.

Geniušienė E. *The Typology of Reflexives*. Berlin – New York – Amsterdam, 1987.

Givón, T. (Hrsg.), *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam u.a.: Benjamins, 1983.

Goldberg A.E. *Constructions*. Chicago, 1995.

Grimshaw J. *Argument structure*. 1990. Cambridge: MIT Press.

Guerssel M., Hale K., Laughren M., Levin B., White Eagle J. A cross-linguistic study of transitivity alternations // *CLS 21*, part 2. Chicago, 1985. 48-64.

Hale K., Keyser S.J. *Prolegomenon to a Theory of Argument Structure*. Kluwer AP. 2002.

Harris, A.C. *Georgian syntax: A study in relational grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Haspelmath M. *A Grammar of Lezgian*. 1993.

Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages // Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. *Non-canonical marking of subjects and objects*. Amsterdam: Benjamins, 2001. 53-83.

Haspelmath M. On the Question of Deep Ergativity: The Evidence from Lezgian // *Papier zur Linguistik. №44/45*. 1991. 5-27.

Haspelmath M. Passive participles across languages // Fox B., Hopper P. (eds.). *Voice: form and function*. Amsterdam: Benjamins, 1994. 151-180.

Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // Comrie B. and M. Polinsky (ed.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993. 87-120.

Heath J. *Dictionnaire songhay-anglais-français*. T. 1: Koyra Chiini. T. 2: Djenné Chiini. T. 3: Koroboro Senni. Montreal: L'Harmattan, 1998.

Hermodsson L. *Reflexive und intransitive Verba im älteren Westgermanischen*. Uppsala: Almqvist and Wiksells, 1952.

Hermon G. Non-canonically marked A/S in Imbabura Quechua // Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. *Non-canonical marking of subjects and objects*. Amsterdam, 2001. 149-176.

Hetzron R. *The Semitic languages*. Routledge, 1997.

Hopper P. and S. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. Vol. 56.2. 251-299.

Jespersen O. *The philosophy of grammar*. London: Allen & Unwin, 1924.

- Kazenin K.I. On the Lexical Distribution of Agent-preserving and Object-preserving Transitivity Alternations // *Nordic Journal of Linguistics*. №17. 1994. 141-154.
- Kemmer S. *The Middle voice*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 1993.
- Keyser, S.J. and Roeper, Th. On the middle and ergative constructions in English // *Linguistic Inquiry* 15.3, 1984. 381-416.
- Kibrik A.A. Transitivity in Godoberi // Kibrik A.E. *Studies in Godoberi*. München: Lincom Europa, 1996.
- Kibrik A.A. Transitivity increase in Athabaskan languages // Comrie B. and M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993.
- Kitazume S. Middles in English // *Word*, 47. 1996.
- Kittilä, S. *Transitivity: toward a comprehensive typology*. Åbo: Åbo Akademiska Tryckeri. 2002.
- Kozinsky I.Š. and M.S. Polinsky. Causee and patient in the causative of transitive: coding conflict or doubling of grammatical relations? // Comrie B. and M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1993. 177-240.
- Kulikov L.I. (Kulikov 1999a). Split causativity: remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense // *Tense-aspect, transitivity and causativity*. Amsterdam-Philadelphie: Benjamins, 1999. 21-42.
- Kulikov L.I. (Kulikov 1999b) May he prosper in offspring and wealth // Тестелец Я.Г., Рахилина Е.В. (ред.). *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М.: «Языки русской культуры», 1999. 224-244.
- Kulikov L.I. Causatives // Haspelmath M., König E., Raible W. (eds.). *Language typology and language universals*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. 886-898.
- Kulikov L.I. Passive, anticausative and classification of verbs. The case of Vedic // Kulikov V., Vater H. (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Kulikov L.I. The Labile Syntactic Type in a Diachronic Perspective: the Case of Vedic // *SKY Journal of Linguistics*, 16. 2003. 93-112.
- Labelle M. Unaccusatives and pseudo-unaccusatives in French // Nels 20, 1990. C. 303-317, Labelle, M. Briser and Casser. Ms., UQAM. 1998.
- Labelle, M. Change of State and Valency. *Journal of Linguistics* 28, 375-414. 1992.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: what Categories reveal about the Mind*. University of Chicago Press. 1987.
- Lane E.W. *Arabic-English Lexicon*. 1893/1968.
- Larjavaara M. *Middles in French*. 2000.
- Lazard G. *Études de linguistique générale*. Paris, 2001.
- Lehmann K. *Thoughts on grammaticalization*. München: Lincom Europa. 1995.

- Levin B. English verb classes and alternations. Chicago & London, 1993.
- Levin B., Rappaport Hovav M. A preliminary analysis of causative Verbs in English // *Lingua* 92, 1994. 35-77.
- Levin B., Rappaport Hovav M. Unaccusativity. At the Syntax — Lexical Semantics Interface. (Linguistic Inquiry Monographs, 26). Cambridge (MA), London: The MIT Press, 1995.
- Lidz J. Causation and Reflexivity in Kannada. Ms. Philadelphia, 2000.
- Malchukov A.L. Case pattern splits, verb types, and construction competition // ALT VI Conference. Материалы к докладу. 2005.
- Maldonado Ricardo and E.Fernando Nava L. Tarascan causatives and event complexity // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 157-196.
- Marrantz A., Halle M. Distributed morphology and the pieces of inflection // Hale K., Keyser S.J. (eds.). *The view from building, 20*. 111-176. 1993.
- Masica, C. *Defining Linguistic Area: South Asia*. Chicago: The University of Chicago Press. 1976.
- Maslova E. Reciprocals and set construal. In: Frajzyngier Z., Curl T.S. *Reciprocals: forms and functions*. Amsterdam: Benjamins, 1999.
- McGregor W.B. Reflexive and reciprocal constructions in Nyulnyulan languages In: Frajzyngier Z., Curl T.S. *Reciprocals: forms and functions*. Amsterdam: Benjamins, 1999.
- McMillion A. *Verbs in English. Their Meaning, Behaviour and Structure*. Stockholm, 2006.
- McShane M. *A Theory of Ellipsis*. Oxford University Press, 2005.
- Mel'čuk I.A. *Dependency Syntax: Theory and Practice*. New York, 1988.
- Mithun M. Active/agentive case marking and its motivations // *Language*, v. 67, №3. 1991. 510-546.
- Moyse-Faurie C. *Le xârâcùù, langue de Thio-Canala (Nouvelle-Calédonie). Éléments de syntaxe*. Peeters, LCP 10. 1995.
- Moyse-Faurie C. Reflexives and middle in some Polynesian and New Caledonian languages. Ms. 2004.
- Nakamura W. Psych Verbs and a Typology of Event Structures // Kikusawa R., Sasaki K. (ed.). *Modern Approaches to Transitivity*. Tokyo, 2000. 195-123.
- Nedjalkov V.P. Karachay-Balkar reciprocals // *Turkic Languages*, 6.1, 2002. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag. 19-80.
- Nedjalkov V.P. Questionnaire on reciprocals. In press.
- Nedjalkov I. V. Recessive-Accessive Polysemy of Verbal Suffixes // *Languages of the World*. Vol. 1. 1991. P. 4-31.
- Nichols J., Peterson D.A., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages. In: *Linguistic Typology*, 8, 2004. 149-211.

- Pardeshi P. 2000. Transitivity and the Causative in Marathi // Kikusawa R., Sasaki K. (ed.). *Modern Approaches to Transitivity*. Tokyo, 2000. 115-139.
- Partee B. Subject and Object in Modern English. PhD. 1965.
- Perlmutter R. Impersonal passives and unaccusativity hypothesis // *Proceedings of the 4th Annual meeting of the Berkeley linguistic society*. 1978. 157-189.
- Prost, A. *La langue sonray et ses dialectes*. Dakar, 1956.
- Pylkkänen, L. *Introducing Arguments*. MIT. 2002.
- Ramchand, G. *The First Phase Syntax*. Ms, University of Oxford. 2003
- Rapoport T.R. The English Middle and Agentivity // *Linguistic Inquiry*. 1999, V. 30, №1. 147-155.
- Rizzi L. Null objects in Italian and the theory of *pro*, *Linguistic Inquiry* 17, 501-557. 1986.
- Rosen C. The Interface between Semantic Roles and Initial Grammatical Relations // *Studies in Relational Grammar 2*. Ed. D. Perlmutter and C. Rosen. Chicago, 1984. 38-77.
- Rumsey A. Bunuba // Dixon R.M.W., Blake B.J. *The Handbook of Australian languages*, volume 5. Oxford, 2000. 35-152.
- Saltarelli M. *Basque*. New York, 1988.
- Schachter P. Reference-related and role-related properties of subjects. // *Syntax and semantics*. Eds. P. Cole, J.M. Sadock. New York, 1977. Vol. 8. (пер. с английского Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащих // *Новое в зарубежной лингвистике*. М: Прогресс, 1982. Вып. XI. 317-355).
- Schäfer F. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. 2003.
- Shibatani M. and P. Pardeshi. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 85-127.
- Shibatani, M. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 1-22.
- Stefanowitsch A. Causative constructions in Akawaio // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2002. 341-372.
- Stroik Th. Middles and Reflexivity // *Linguistic Inquiry*. 1999, V. 30, №1. 119-131.
- Sumbatova N.R., Mutalov R.O. *A grammar of Icarí Dargwa*. Munchen: Lincom Europa, 2003.
- Testelec Ya. On two parameters of transitivity // Kulikov V., Vater H. (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Tsunoda, T. Remarks on Transitivity // *Journal of Linguistics*. Vol. 21. 1985. 385-396.
- Vajda E. Active Alignment and Morphological Transitivity. Paper given on the conference "Typology of active/stative languages". Leipzig, 2005.
- Vazquez Soto V. 2002. Some constraints on Cora causative constructions // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 197-244.
- Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. New York: Ithaca, 1967.

Visser F.Th. An historical syntax of the English language. Part I. Syntactical units with one verb. Leiden: Brill, 1970.

Vydrine V.F. Verbes réfléchis bambara. Mandenkan, №28. 1994.

Wierzbicka A. The Meaning of a Case: A Study of the Polish Dative // Brecht R., Levine J. Case in Slavic. 386-427. Columbus: Slavica. 1986.

Wright S.K. Internally Caused and Externally Caused Change of State Verbs. PhD dissertation. Evanston, 2001.

Wright S.K. Transitivity and Change of State verbs // Berkeley Linguistic Society, 28. 2002.

Zavala R. 2002. Olutec causatives and applicatives // Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 245-301.